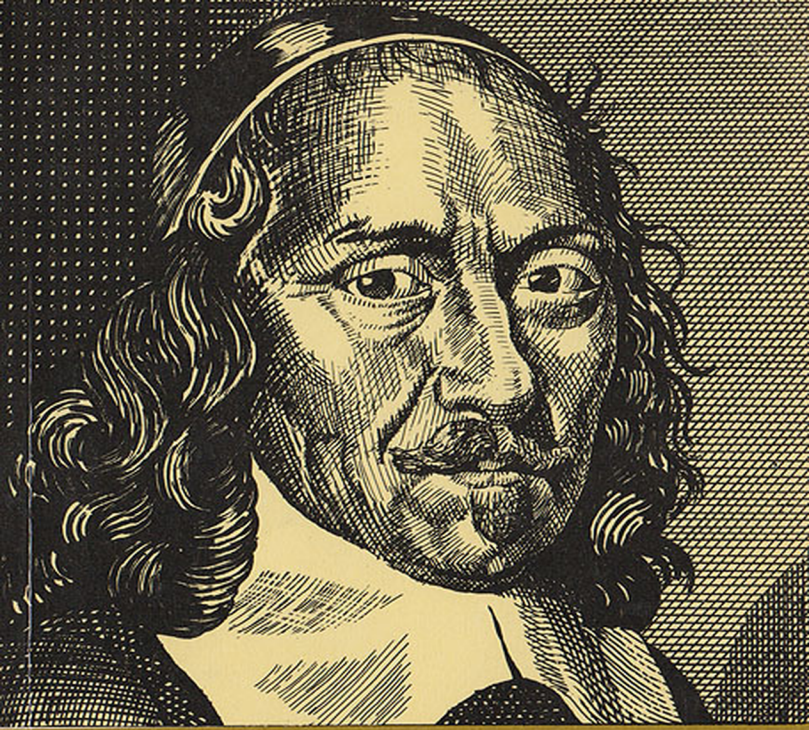

Пьер Корнель

ПЬЕСЫ

Пьесы

Пьер Корнель

Аннотация
Пьер Корнель. Пьесы
Иллюзия
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
Сид
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
Гораций
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
Цинна
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕЕТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
Никомед

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ
Рассуждения о полезности и частях драматического произведения
Рассуждения о трагедии и о способах трактовки ее согласно законам правдоподобия или необходимости
Н.П.Козлова. Классицизм Пьера Корнеля

Аннотация

В сборник Пьера Корнеля, создателя французского национального классического театра, вошли его избранные трагедии: "Сид", "Гораций", "Цинна", "Никомед", "Иллюзия".

Пьер Корнель
Пьесы

Иллюзия{1}

Комедия

Перевод *М. Кудинова*

{1} Комментарии: 2.1

До 1660 г. пьеса носила название "Комическая иллюзия". Она была поставлена в театральном сезоне 1635/36 г. театром "Марэ", с которым Корнель поддерживал близкие связи со времени своего дебюта — постановки "Мелиты". Пьесу поставили затем и в театре "Бургундский отель", который пользовался особым покровительством короля. Она имела успех, что и подчеркивал автор как в предисловии к первому ее изданию (1639), так и в "Рассмотрении" к ней, впервые опубликованном в 1660 г. Когда по приказу Людовика XIV от 1680 г. из нескольких столичных театров была сформирована "Комеди Франсез", "Иллюзия" была включена в ее репертуар. После длительного перерыва в сильно измененном виде ее сыграли на сцене "Комеди Франсез" в 1861 году, отметив таким образом 255-летие со дня рождения автора. Событием театральной жизни стала постановка "Иллюзии" в 1936 г. знаменитым режиссером Луи Жуве. В 1984 г. в ознаменование 300-летия со дня кончины Корнеля принято решение показать "Иллюзию" в "Театре Европы" (сценическую площадку предоставляет парижский театр "Одеон").

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Алькандр, волшебник.

Придаман, отец Клиндора.

Дорант, друг Придамана.

Матамор, офицер-гасконец, влюбленный в Изабеллу.

Клиндор, слуга Матамора и возлюбленный Изабеллы.

Адраст, дворянин, влюбленный в Изабеллу.

Жеронт, отец Изабеллы,

Изабелла, дочь Жеронта.

Лиза, служанка Изабеллы.

Тюремщик из Бордо.

Паж Матамора.

Клиндор, представляющий Теажена, английского аристократа.

Изабелла, представляющая Ипполиту, жену Теажена.

Лиза, представляющая Кларину, служанку Ипполиты.

Эраст, оруженосец Флорилама.

Слуги Адраста.

Слуги Флорилама.

Действие происходит в Турени,[1] в местности неподалеку от грота волшебника.

[1] Примечания: 1.1

Турень — старинная провинция Франции. Уточнение места действия было сделано в издании 1644 г.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Придаман, Дорант

Дорант

Придаман

Дорант

Придаман

Дорант

Придаман

Дорант

Придаман

Дорант

Волшебник, чьим словам подвластен

мир огромный,[2]

Предпочитает жить в пещере этой темной.

Здесь мгла всегда царит. Лишь бледные лучи

Светил мерцающих, что кружатся в ночи,

Сюда пытаются проникнуть на мгновенье,

И обитают здесь таинственные тени.

Но сила волшебства, храня чудесный грот,

Карает каждого, кто близко подойдет.

Стена незримая возносится в ущелье;

Она из воздуха, но если б захотели

Вы сквозь нее пройти, смерть вас настигла б вмиг.

Преграду потому волшебник здесь воз-

---

[2] Примечания: 1.2

Волшебник, чьим словам подвластен мир огромный... — Волшебник был одним из постоянных образов пасторали. Корнель, однако, трансформирует традицию, так как его персонаж согласно данной ему чуть ниже характеристике не распоряжается силами природы, а обладает способностью читать мысли людей, предвидеть их судьбу, проникать в тайны вселенной. Некоторые французские исследователи высказывают предположение, что в образе Алькандра Корнель воплотил свои представления о миссии поэта.

двиг,

Что дорожит своим покоем он и может

Жестоко покарать тех, кто его тревожит.

Вы нетерпением охвачены, но вам

Придется подождать, пока не выйдет сам

Он на вечернюю прогулку. Все приметы

Мне говорят о том, что близко время это.

Хоть не надеюсь я, что он мою беду

Сумеет одолеть, я этой встречи жду.

Любимый сын мой дал мне повод для мученья:

Покинул он меня, дурного обращенья

Не выдержал, и вот я .целых десять лет

Ищу его везде — и не напал на след.

Решив, что он забрал свободы слишком много,

Стал обращаться с ним я чересчур уж строго,

Наказывал его, корил и обижал,

Пока от строгости моей он не сбежал.

И как я был не прав, тогда я понял только,

Когда, его побег оплакивая горько,

Остался я один. Страдая день и ночь,

Я горю своему ничем не мог помочь.

Я сына стал искать и, странствуя по свету,

Увидел Рейн и Тибр, не раз менял карету

И был единственной заботой поглощен —

Найти убежище его; однако он

Исчез с лица земли, В отчаянье и. горе,

Поняв, что от людей мне не услышать вскоре

Совета мудрого, я, выбившись из сил,

У духа адского совета попросил.

Со знаменитыми встречаясь колдунами,

Что были, как Алькандр, превозносимый вами,

Могущества полны, я все-таки не смог
Ответа получить, никто мне не помог,
Никто не указал, куда идти мне надо, —
Чтоб сына отыскать... Молчали силы ада.

Алькандра сравнивать вам с ними ни к чему:
Все тайны волшебства известны лишь ему.
Не стану говорить, что по его веленью
И будет гром греметь, и быть землетрясенью;
Что вихрей тысячи он может вдруг поднять
И на своих врагов их бросить, словно рать;
Что только силой слов, таинственно могучей,
Сдвигает горы он, рассеивает тучи,
Умеет зажигать светила в небесах, —
Вы не нуждаетесь в подобных чудесах.

Достаточно для вас, что мысли он читает,

Что знает прошлое и будущее знает,

Что во вселенной нет секретов для него:

Все судьбы видит он, не скрыто ничего.

Я так же, как и вы, не мог поверить в это,

Но встретились мы с ним — и что когда-то где-то

Я в жизни испытал, он все мне рассказал —

В кого я был влюблен, что думал, что скрывал.

Узнал не мало я.

А сказано не много.

Но после ваших слов в душе моей тревога

Не уменьшается, и думать я готов,

Что все мои труды не принесут плодов.

С тех пор как, навсегда уехав из Бре-

тани,

Я поселился здесь, где сельские дворяне

Жизнь мирную ведут и где вступил я в брак, —

Так вот, с тех самых пор волшебник наш и маг

Не обманул ничьих надежд и ожиданий:

Кто б ни пришел к нему, согбенный от страданий,

Уходит от него с утешенной душой.

И было бы весьма ошибкою большой

Вам с ним не встретиться. Моих рекомендаций

Вполне достаточно: он будет рад стараться.

Увы, не верю я в счастливый поворот.

Надейтесь... Вот и он! Смотрите, к нам идет.

И сколько важности в чертах его застыло,

Как проницательны глаза, какая сила

В его движениях, хотя теченье лет

Оставило на нем свой беспощадный след.

Столетний старец он, почти лишенный плоти,

Но так легко идет! Вглядитесь — и поймете,

Что тайной силою сей старец наделен.

Он чудеса творит, и сам стал чудом он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Алькандр, Придаман, Дорант

Дорант

Алькандр (Доранту)

(Придаману.)

Придаман

Алькандр

(Он взмахивает своей волшебной палочкой, и поднимается занавес, за которым развешаны самые красивые одежды актеров.)

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр (Доранту)

Придаман

Дорант

Алькандр

О дух познания, чья сила и уменье

Нам дали созерцать чудесные явленья!

Любой поступок наш и помысел любой

Ты знаешь: тайны все открыты пред тобой.

Но если власть твоя с ее волшебной силой

Ко мне благоволит, ее бы попросил я

Отцу несчастному страданья облегчить.

Я дружбой связан с ним и потому просить

Решился за него; мы жили по сосед-

ству,

Он пестовал меня, мое лелеял детство,

И сын его родной — ровесник мой, и с ним

Был неразлучен я, так мной он был любим.

Не надо продолжать, я знаю, в чем причина

Прихода вашего.

Старик, ты ищешь сына.

Не потому ли ты утратил свой покой,

Что твой любимый сын поссорился с тобой?

Что обращался с ним ты без причины строго,

Чем оттолкнул его от своего порога?

И что, раскаиваясь в строгости своей,

В напрасных поисках провел ты много дней?

Оракул наших дней, перед тобой напрасно

Мне боль мою тащить: ты знаешь все прекрасно

И видишь, как я был несправедливо строг.

Причину бед моих легко открыть ты мог.

Да, был мой грех велик, но велико мученье,

Которым я плачу за это прегрешенье;

Так положи предел беде моей! Верни

Опору старости, чьи быстротечны дни.

От взора моего куда его укрыли?

Где он приют обрел? Мне придала бы крылья

Надежда, что его я встречу наконец.

Будь он за сто морей, найдет его отец.

Утешьтесь! Волшебства чудесное зерцало

Вам не откажет в том, в чем небо отказало;

Вы в нем увидите, что сын ваш полон сил

И полон мужества; Дорант за вас просил,

И, ради дружбы с ним, я покажу вам вскоре,

Что тот, кто дорог вам, живет, не зная горя.

В искусстве новички,[3] *чей вид весьма суров,*

С их заклинаньями из непонятных слов,

С их фимиамами, что притупляют чувства,

Лишь могут принижать высокое искусство.

Вся их фальшивая таинственность в речах

Нужна им для того, чтобы внушить вам страх.

С волшебной палочкой мы так шутить не станем.

---

[3] Примечания: 1.3

В искусстве новички... — Если Алькандр воплощает идеал поэта, овладевшего тайнами наук и знанием человеческого сердца, то в лице "новичков" подвергнуто критике усложненное, псевдозначительное искусство, не способное раскрыть суть жизни и повергающее аудиторию в смятение и ужас. Подобные тенденции, как известно, присущи многим барочным пьесам времен Корнеля.

Вы можете судить по этим одеяньям,
Чего ваш сын достиг: по-царски он одет.
Поднялся высоко, сомненья в этом нет.

Утешили меня... Но он по положенью
Наряды пышные и эти украшенья
Носить не должен бы. Хоть за него я рад,
Все ж не по чину он нашел себе наряд.[4]

Как видите, судьба ему явила милость:
У сына вашего все в жизни изменилось;
И вряд ли кто-нибудь начнет теперь роптать,
Когда в наряде том захочет он блистать.

Вы возвращаете мне радость и надежду,
Но я заметил там и женскую одежду.

---

[4] Примечания: 1.4

Все ж не по чину он нашел себе наряд. — В XVII в. каждое сословие носило соответствующую своему положению одежду. Корнель дает понять, что Придаману показаны одежды вельмож. Драматург не отступал от реальности: высокопоставленные господа часто покровительствовали актерам и дарили им нарядную одежду со своего плеча.

Быть может, он женат?

Вам о любви его

И приключениях расскажет волшебство; ~

И если смелы вы, то в иллюзорном виде

Я покажу вам то, что слышал он и видел,

Что в жизни испытал. И перед вами тут

Воскреснет прошлое и существа пройдут,

Не отличимые от созданных из плоти.

Мне в сердце заглянув, вы без труда поймете,

Что эти образы меня не устрашат:

Того, кого ищу, я видеть буду рад.

Вам, к сожалению, придется удалиться:

То, что произойдет, пусть в тайне сохранится.

Тайн от Доранта нет, мы старые друзья.

Его решение оспаривать нельзя.

Я жду вас у себя.

Поговорить свободно

Вы дома сможете, коль будет вам угодно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Алькандр, Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Не сразу сын ваш стал тем, кто теперь он есть,

Не все его дела вам оказали б честь.

Но было б тяжело вам видеть в ваши годы,

Какие перенес он беды и невзгоды.

Взяв деньги перед тем, как из дому уй-

ти,

Он в первые же дни истратил их в пути,

Пришлось ему тогда, довольствуясь немногим,

Молитвы продавать калекам и убогим,

Быть предсказателем, и так с большим трудом

Парижа он достиг. Там жил, как все, — умом.

Публичным был писцом, потом поднялся выше,

Став у нотариуса клерком, но не вышел

Служака из него: он от бумаг устал;

Тут с обезьяною ученою он стал

Бродить по ярмаркам. Потом слагал куплеты

Для уличных певцов, которые за это

Ему платили мзду. И он, трудясь, как мул,

И выработав стиль, на большее рискнул —

Писать романы стал, не выходя из дома,

И песни для Готье, и байки для Гийома.[5]

А после снадобьем от яда торговал.

И столько раз потом профессию менял,

Что никогда Бускон, Гусман и Ласарильо[6]

С ним не сравняются, что б там ни говорили...

Зато Доранту есть о чем поговорить.

Как за его уход мне вас благодарить!

Я вам не показал еще мое искусство,

---

[5] Примечания: 1.5

И песни для Готье, и байки для Гийома. — Готье-Гаргиль (псевдоним Гюга Герю, 1573-1634), известный фарсовый актер, исполнявший роли влюбленных стариков, по ходу пьесы пел песенки, которые позже издал в виде сборника. Гро-Гийом (псевдоним Робера Герена, 1554-1634), исполнял в театре "Бургундский Отель" роль неповоротливого слуги-гасконца. Близко придерживался традиций старофранцузского фарса, выступал в белом балахоне, с лицом, густо обсыпанным мукой.

[6] Примечания: 1.6

Бускон, Гусман и Ласарильо — герои трех испанских плутовских романов. Бускон — главное действующее лицо романа Франсиско де Кеведо (1580-1645 "История жизни пройдохи по имени дон Паблос" (1603-1604; переведен на французский язык в 1633 г.); от имени Гусмана ведется повествование в романе "Гусман де Альфараче" (1597-1604; переведен на французский язык в начале XVII в.), его автор Алеман-и-де-Энеро

(1547-1614). Ласарильо — герой анонимной повести "Ласарильо с Тормеса" (1554, полностью переведена на французский язык в 1620 г.).

И краток мой рассказ: щажу я ваши чувства.

Так вот, потом ваш сын, утратив прежний пыл,

Судьбой капризною в Бордо заброшен был

И находился там в неважном положенье,

Покуда не попал однажды в услуженье

К вояке местному, который был влюблен.

И так его дела повел удачно он,

Что деньги храбреца влюбленного попали

В карман его слуги; к тому же вскоре стали

Они соперниками: очень уж мила,

Как догадались вы, красавица была.

Все, что он пережил, вы знать должны по праву.

Потом я покажу вам блеск его и славу

И покажу, каким предался он трудам.

За утешение я благодарен вам.

По свету странствуя, сообразил он скоро,

Что можно не всегда под именем Клиндора

Являться на люди, и начал называть

Себя он Ла Монтань. Вам это надо знать.

А также помните: хоть медлю я с показом

Теней, которые имеют речь и разум,

Сомненье ни к чему, гоните прочь его:

Тут заурядное бессильно волшебство;

И, в этот грот войдя, вы убедитесь лично,

Что волшебство мое от всех других отлично.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алькандр, Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Любое зрелище вас не должно пугать.

А главное, мой грот нельзя вам покидать,

Иначе мертвым вас близ грота обнаружат.

Смотрите: вот ваш сын и тот, кому он служит.

Летит к нему душа, забыв про волшебство.

Велите ей молчать и слушайте его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Матамор,[7] Клиндор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

---

[7] Примечания: 1.7

Матамор — образ Матамора ведет свое начало от знаменитой комедии "Хвастливый воин" (ок. 204 г. до н. э.) римского комедиографа Тита Макция по прозвищу Плавт (конец III — начало II в. до н. э.). Хвастливый воин — один из комических персонажей испанских, итальянских, английских, французских комедий XVI в.; был также фарсовой маской народного театра. Ему давали чаще всего имя Матамора, но также и Родамонта, Тайебраса, Фракасса и др. Его атрибуты — непомерно большая шпага, длиннейшие усы, огромный нос. Соединяет воинственность на словах с трусостью на деле. В период 1629-1835 гг. этот персонаж был выведен в нескольких комедиях, среди которых самой выдающейся была, несомненно, "Иллюзия".

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

О чем задумались вы, сударь? Разве

можно,

Такие подвиги свершив, мечте тревожной

Дать овладеть собой? Не утомили вас

Победы, почести и славы, трубный глас?

Ты прав, задумчив я: все не могу решиться,

Кого еще должна сразить моя десница, —

Великий есть Могол,[8] *и есть персидский шах...*

О сударь, пусть живут. Повергнув их во прах,

Чего достигли б вы? Нет вашей славы выше!

И армии у вас нет тоже, как я слышал.

Нет армии? О трус! Зачем же мне она?

Иль недостаточно рука моя сильна?

---

[8] Примечания: 1.8

Великий есть Могол... — Великие Моголы — династия правителей Индии (1526-1858), основанная ферганским феодалом Бабуром, которого европейцы считали монголом, почему и назвали государство, управляемое этой династией, Империей Великого Могола. Империя Великого Могола занимала большую часть Индии.

Или при имени моем не рухнут стены?

Не побегут полки, как было неизменно?

Так знай же, негодяй: я храбростью своей,

Как только появлюсь, смирю любых царей;

Три Парки[9] *прилетят по моему приказу,*

И царство целое они разрушат сразу;

Гром — артиллерия моя, а взмах руки

Сметает крепости, редуты и полки;

А стоит дунуть мне — взлетит все остальное.

И ты об армии смел толковать со мною?

Нет! Недостоин ты с героем рядом быть!

Да мог бы взглядом я одним тебя убить!

Но думаю сейчас я об одной девице

И не убью тебя: я перестал сердиться.

Божок со стрелами, смирявший всех

---

[9] Примечания: 1.9
Три Парки (в греч. мифол. — Мойры) — богини судьбы.

богов,

Смиряет и меня, он смерть изгнать готов

Из страшных глаз моих, что все вокруг сжигают,

Разносят, режут, бьют, крушат, уничтожают.

Но прилетел божок, что сводит всех с ума,

И я сама любовь и красота сама.

Переменились вмиг! О да, вам все подвластно:

Ужасны были вы и стали вдруг прекрасны,

И бьюсь я об заклад — нет женщины такой,

Что устояла бы пред вашей красотой.

Я говорил тебе и повторяю снова:

Все будет, как хочу, скажи я только слово;

Могу очаровать и устрашить могу,

Дать счастье женщине и страх внушить врагу.

В те дни, когда мой вид все время был прекрасен,

От женской пылкости я просто стал несчастен:

Едва мне стоило переступить порог,

Их сотни замертво валились тут же с ног.

Принцессы у меня под окнами бродили,

И жены королей любви моей молили,

А эфиопская царица при луне

Стенала горестно, мечтая обо мне.

Одна султанша вдруг рассудок потеряла,

Другая из дворца султана убежала,

Султан турецкий был ужасно раздражен.

Не жалко мне его, имел он много жен.

Вредило это все моим военным планам

И мир завоевать мешало постоянно,

К тому же под конец я от любви устал;

И я гонца судьбы к Юпитеру послал,

Велев ему сказать чтоб страсти, слезы, драмы

Он от меня отвел: мне надоели дамы;

В противном случае поднимется мой гнев,

Захватит небеса и, громом завладев,

Сместит Юпитера и Марсу[10] *во владенье*

Гром этот передаст. Великое смятенье

Объяло небеса, и я с минуты той,

Когда угодно мне, блистаю красотой.

Иначе сколько бы записок вам носил я!

Их в руки не бери: избавился насилу!

Но если... Понял ты? Что говорит она?

Что вы храбрее всех и что поражена

Тем, как прекрасны вы и как во гневе грозны,

И если впрямь у вас намеренья серьезны,

---

[10] Примечания: 1.10

Сместит Юпитера и Марсу... — Оружием Юпитера (в греч. мифол. — Зевс), главы сонма богов Олимпа, являются молния и гром. Марс (в греч. мифол. — Арес) — бог войны.

То участь ждет ее богини.

В те года,

О коих говорил я раньше, мне всегда

С богинями везло. Довольно странный случай

Припомнил я сейчас: весь мир был взбаламучен,

Сошла природа вдруг с извечного пути,

И все лишь потому, что не смогло взойти

Дарующее день небесное светило.

Оно не двигалось, оно не находило

Аврору... Что же с ней? В лесах Цефала — нет,

Искали во дворце Мемнона,[11] *но одет*

Во мрак его дворец, и продолжалось это

До середины дня... Весь мир сидел без света.

---

[11] Примечания: 1.11

Аврора (в греч. мифол. — Эос) — богиня утренней зари и света; Цефал — сын Меркурия (в греч. мифол. — Гермес), охотник, любовью которого пыталась овладеть Аврора; Мемнон — сын Авроры, погибший во время осады Трои. Юпитер из сочувствия к горю Авроры принял Мемнона в стан бессмертных.

И где ж она была, владычица зари?

Где? В комнате моей! Но что ни говори,

Зря время провела и плакала напрасно:

Я был неумолим к речам и клятвам страстным.

Она любви моей просила, но в ответ

Я отдал ей приказ вернуть природе свет.

Мне, сударь, помнится, что дело было летом.

Я в Мексике служил, когда узнал об этом.

И также слышал я, что Персия на вас

За божество свое сердилась.

Я в тот раз

Не наказал ее за дерзость: вел сраженья

Я в Трансильвании,[12] *куда просить про-*

---

[12] Примечания: 1.12

...в Трансильвании... — В первой половине XVII в. на территории Трансильвании велись многочисленные войны. В начале века на оккупированной австрийцами территории княжества шла война Габсбургов с турками. С началом Тридцатилетней войны (1618-1648) Трансильвания вступила в борьбу с Габсбургами.

щенья

Послы персидские пришли, мой зная нрав.

И что же? Я простил, дары у них приняв.

Как снисходительность пленительна в герое!

Ты мне в лицо взгляни — оно прекрасней втрое

От добродетелей, что в нем отражены.

Да! Полчища врагов мной были сражены,

И земли их пусты, и в доме ветер бродит.

Но что виной тому? Что их в могилу сводит?

Их гордость! Кто со мной почтителен, и мил,

Того не трону я, пускай живет, как жил.

В Европе короли воспитаны, как надо,

И я им говорю: пасите мирно стадо,

Не ждите от меня ущерба и беды.

Но в Африке цари тщеславны и горды,

И я их покарал за дерзость и гордыню,

Разрушил царства их, все превратил в пустыню;

Раскинулись пески, конца и края нет,

Все вымерло: мой гнев там свой оставил след.

Смотрите, кто идет. Вперед, к иным победам!

О черт! Соперник мой идет за нею следом.

Куда же вы?

Уйду. Он к битвам не привык,

К тому ж изрядный фат и дерзок на язык,

И в ослеплении своем он, может статься,

Забудет, кто пред ним, и будет задираться.

Тем самым путь найдет он к гибели своей.

Когда красивый я, то становлюсь слабей.

Оставьте красоту и будьте вновь ужасны.

Не представляешь ты, как это все опасно:
Наполовину стать я страшным не могу,
Обоим смерть грозит — и даме и врагу.
Дождусь, когда они окажутся не вместе.

Благоразумны вы, скажу без всякой лести.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Адраст, Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Адраст

Изабелла

Увы, с моей бедой не справлюсь я никак:

Вздыхаю, мучаюсь, а с места — ни на шаг;

И клятвы пылкие произношу напрасно —

Вы мне не верите, что я люблю вас страстно.

Упрек несправедлив, хоть речь полна

огня:

Я, сударь, верю вам, что любите меня.

Взгляд нежный, томный вздох — да разве это мало

Но если б, видя их, я вам не доверяла,

То положилась бы на вашу честь вполне

И верила б тому, что вы сказали мне.

Так отплатите мне доверьем за доверье.

Глазам не верите — словам, по крайней мере,

Поверьте: от души об этом вас молю.

Ну сколько повторять, что вас я не люблю!

А справедливость где? За верность и усердье

Так может отплатить одно жестокосердье!

Но что плохого я сказал вам, чтобы вновь

Презреньем отвечать мне на мою любовь?

Мы с вами пользуемся разными словами:

Что розой звали вы, я назову шипами.

По-вашему — любовь и верность, а по мне —

Навязчивость и казнь на медленном огне.

Вы полагаете, что знаками вниманья

Мне оказали честь, а я как наказанье

Воспринимаю их. От вас я не таю

Мое презрение и ненависть мою.

Платить презрением за чувство столь святое!

Но пламя зажжено не вашей красотою,

А волею небес; и это их приказ,

Чтоб с первых дней моих я видел только вас:

Я с вашим образом на белый свет родился,

Еще не зная вас, к вам всей душой стремился,

И, встретив наконец, покорно отдаю

То, что принадлежит одной вам, —

жизнь мою.

Нет! Повеления небес я не нарушу.

Не тот вам идеал они вложили в душу.

Но никому нельзя нарушить их приказ:

Вы любите меня — я ненавижу вас.

Да! Ненависти вам отмерено немало.

Или за тайный грех вас небо покарало?

Ведь хуже муки нет, чем страстно полюбить

Того, кто ненавистью будет вам платить.

И, о страданиях моих великих зная,

Вы не сочувствуете им?

Нет, я не злая,

И мне вас, право, жаль, хотя и не пойму,

Зачем страдать вам так жестоко? Ни к чему

Не может привести такое постоянство.

Сомнительная честь тут проявлять упрямство.

Отец ваш за меня, и он применит власть,

Чтоб защитить мою отвергнутую страсть.

Вступив на этот путь, вы убедитесь скоро,

Что вам не избежать презренья и позора.

Надеюсь, день еще не подойдет к концу,

Как покоритесь вы безропотно отцу.

Могу надеяться я более, чем прежде,

Что удалитесь вы, сказав "прощай" надежде.

Для снисхождения наступит ли черед?

Чего вы медлите? Ведь вас отец мой ждет.

В душе вы каетесь, что так со мной суровы,

И эту холодность вы были бы готовы

Оставить наконец, но ждете, чтобы вас

К тому принудили. Ну что же! Пробил

час.

Я все испробую.

Негодны ваши средства.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Изабелла, Клиндор

Матамор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор (показывая на Клиндора)

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Как увидал меня, так обратился в бегство.

Моим присутствием он явно был смущен.

Бежали короли от вас, не только он.

Об этом слышать мне нередко приходилось,

И вашим подвигам я, как и все, дивилась.

Вы правду слышали, и, чтобы доказать,

Насколько я могуч, прошу вас указать

Любое царство мне, империю любую:

Я их для вас, мадам, немедля завоюю.

Вы можете легко мне царство подарить,

Но я у вас в душе хотела бы царить,

Чтоб ваши помыслы, желания и страсти

Моими подданными стали.

Это, к счастью,

Уже произошло, и вы царите там.

А в доказательство секрет открою

вам:

Я не пойду в поход, мне надоели войны,

И могут короли отныне спать спокойно.

Я только двум иль трем приказ мой передам, —

Служить мне и носить мои записки к вам.

Но блеск подобных слуг привлек бы к нам вниманье

И зависть вызвал бы, разбив очарованье

Взаимных наших чувств, привыкших к тишине.

Поэтому Клиндор подходит нам вполне.

Характер ваш с моим во многом совпадает:

Вас так же, как меня, величье утомляет.

Со скипетром любым, захваченным в бою,

Я тут же расстаюсь: обратно отдаю.

А если бы к моим ногам принцессы па-

ли,

То тверже камня я и холоднее стали.

Вот в этом не могу не усомниться я:

Отвергнуть всех принцесс и предпочесть меня?

Как ни приятно мне, поверить я не смею.

Пожалуй, Ла Монтань все объяснит скорее.

Когда, прибыв в Китай, сошел я с корабля,

Ты помнишь, Ла Монтань, две дочки короля

Меня увидели и страстью воспылали?

Об этом при дворе немало толковали.

Но вы отвергли их, и умерли они.

Об этом я узнал в Египте, где в те дни

Стоял великий стон, и залит был слезами

Каир, что трепетал от страха перед вами.

Семь великанов злых убили вы тогда,

Сожгли пятьсот домов, врываясь в города,

Все крепости смогли вдруг превратить в руины

И, на Дамаск напав, сумели в миг единый

Разбить там армию в сто тысяч человек.

Ты помнишь все места и каждый мой набег.

А я их позабыл.

Я просто в изумленье:

Какие подвиги вы предали забвенью!

Но стольких королей разбил я в пух и прах,

Что помнить не могу о всяких пустяках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матамор, Изабелла, Клиндор, паж

Паж

Матамор

Паж

Матамор

Паж

Матамор

Клиндор (Изабелле)

Изабелла

Клиндор

Матамор

Изабелла

К вам, сударь, прибыл...

Кто?

Гонец со свитой целой.

А кем он послан к нам?

Исландской королевой.

Нигде покоя нет. О небо, видишь ты,
К чему меня привел избыток красоты?
Избавь от королев, и буду я спокоен.

Все это из-за вас: влюблен великий во-

ин.

Он убедил меня.

О, это перст судьбы!

Напрасно вздумалось ей расточать мольбы:
Пусть не надеется и пусть себя не мучит,
Свой смертный приговор в письме она получит.
Пойду ей напишу. Вернусь к вам через час.
С моим наперсником я оставляю вас;
Поговорите с ним и убедитесь сами,
Над кем одержана была победа вами.

Но чем скорее вы вернетесь, тем верней
Докажете любовь возлюбленной своей.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Клиндор, Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Судите же теперь, каков наш храбрый воин:

Весь разговор с пажом нарочно был подстроен,

Паж должен объявлять чуть ли не каждый час,

Что прибыл к нам гонец, что ждет посланник нас.

Безумец наш в игре не соблюдает пра-

вил,

Но он ушел и нас наедине оставил.

Подобные слова внушают смелость мне:

О многом вам сказать хочу наедине.

И что вы скажете?

Скажу, что Изабелла

Моими мыслями и сердцем завладела,

Что жизнь мою отдать...

Все это знаю я

И верю вам. К чему вам повторяться зря?

Не я ли только что от царства отказалась,

Гоню поклонников и вам в любви призналась?

Когда любовь слаба и страсть не родилась,

То завереньями хотят упрочить связь;

У нас совсем не то, нам пылких клятв не надо,

И потому слова мы ценим меньше

взгляда!

О, кто поверил бы, что мой несчастный рок,

Преследуя меня, любви моей помог!

Я изгнан из дому, с отцом суровым в ссоре,

Без денег, без друзей, один в нужде и горе,

Обязан потакать капризам чудака,

И, несмотря на то, что жизнь моя горька,

Ничто в моей судьбе, с которой нет мне сладу,

Не отвратило вас, не вызвало досаду;

И хоть соперник мой и знатен и богат,[13]

С презреньем на него бросаете вы взгляд.

Так выбор нам велит. Когда любовь не ложна,

---

[13] Примечания: 1.13

И хоть соперник мой и знатен и богат... — Для положительных героинь ранних комедий Корнеля характерно отдавать предпочтение личным достоинствам возлюбленного перед его имущественным и сословным положением.

Того, кто ей не мил, любить нам невозможно,

Все домогательства тогда обречены.

А те, кому нужны богатство и чины,

Не любят никого и потому не вправе

Любовью называть корысть или тщеславье.

Я знаю, думает иначе мой отец,

И будет он мешать союзу двух сердец.

Но велика любовь, что мною овладела,

И принуждению иметь с ней трудно дело.

Есть у отца права, есть чувства у меня,

Свой выбор сделал он, но сделала и я.

Как мало заслужил я слушать эти речи!

Сюда идет Адраст, я не хочу с ним встречи.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Адраст, Клиндор

Адраст

Клиндор

Адраст

Клиндор

Адраст

Клиндор

Адраст

Клиндор

Адраст

Клиндор

Адраст

Клиндор

Везет вам! А во мне от горя все дрожит:

Моя возлюбленная от меня бежит;

Как ни приятно ей общенье с вами было,

Увидела меня и скрыться поспешила.

Не видела она, как приближались вы.
Покорный ваш слуга наскучил ей, увы!

Вы ей наскучили? О, это очень мило!
При вашем-то уме чтоб скуку наводила
Беседа с вами? Чушь! О чем же рассказать
Вы ей изволили?

Не трудно угадать:
О том, как войны вел, выигрывал сраженья
И покорял сердца в своем воображенье
Хозяин мой.

Смешно тут было б ревновать.
Но если прихоти безумца выполнять
Придется вам еще, то я прошу по чести:
О выходках его в другом толкуйте месте.

Чем может повредить такой соперник вам?
Убийством и войной пленить пытаясь

дам,

Он душит, режет, бьет недрогнувшей рукою.

Не так уж вы просты, чтоб быть его слугою,

И не без умысла пошли служить к нему,

А почему пошли, никак я не пойму.

Но с той поры, как здесь вы стали появляться,

Меня день ото дня все больше сторонятся

И видеть не хотят. Мне кажется подчас,

Что планы дерзкие таите вы от нас:

Какой-то ловкий ход задуман, видно, вами.

Но пусть ваш фанфарон другой расскажет даме

О подвигах своих. Или, еще верней,

Пусть посылает он слугу другого к ней:

Нет! С волею отца она должна считаться!

А он избрал меня, и тут уж колебаться

Мне не приходится — все средства хороши.

Коль не хотите вы сгубить своей души,

Уехать надобно вам поскорей отсюда.

Послушайтесь меня, иначе будет худо.

Вы думаете, я могу вам повредить?

Все! Кончен разговор. О чем нам говорить?

Должны убраться вы!

Но в вашем положенье

Вас не роняет ли такое раздраженье?

Хотя не знатен я, но в этом сердце есть,

По милости небес и мужество и честь:

Коль должен я кому, поверьте, рассчитаюсь...

Вы угрожаете?

Нет-нет! Я удаляюсь.

Не много чести вам вступать со мною в спор.

Да и не место здесь вести нам разговор.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Адраст, Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

Лиза

Адраст

(Дает ей бриллиант.)

Лиза

Адраст

О, этот дерзкий хлыщ еще и недоволен.

Вы просто вне себя, у вас рассудок болен.

Что?

Ревность — как болезнь, которой нет конца.

Чем виноват слуга, что служит у глупца?

Кто я — известно мне, я знаю Изабеллу;

Слуга не повредит задуманному делу;

То прихоть и каприз — вести беседы с

ним,

Но в данном случае каприз недопустим.

Вот и признались в том, что отрицать хотели.

Пусть подозрения мои и в самом деле

Нелепы и смешны, но, свой покой храня,

Его прогнал я прочь: так лучше для меня.

Кому он нужен здесь?

Когда бы я посмела,

То так сказала б вам: вздыхает Изабелла

О нем и день и ночь.

О чем толкуешь ты?

О том, что лишь к нему летят ее мечты,

О том, что влюблены они друг в друга страстно.

Но можно ли взирать на это безучастно?

Неблагодарная! Посмела предпочесть

Меня бездомному бродяге! Где же честь?

Бродяга говорит, что знатного он рода

И будто бы богат...

Свою он душу продал.

Отцовской строгости не выдержав, свой дом

Покинул тайно он, скитался, а потом,

Как видно, будучи в тяжелом положенье,

Пошел к безумному вояке в услуженье;

Он стал поверенным его сердечных дел

И так приемами соблазна овладел,

Так очарована была им Изабелла,

Что, вашу страсть презрев, она к вам охладела.

К ее отцу пойти вам надо поскорей,

Чтоб, власть употребив, вернул он разум ей.

Иду к нему сейчас. Я жду вознагражденья!

За долгое мое и верное служенье,

Которому пора уже плоды нам дать.
Ты не могла бы мне услугу оказать?

Любую. Для меня нет, сударь, выше чести...

Устрой тогда, чтоб я сумел застать их вместе.

Сегодня вечером удобно вам?

Вполне.
Но только не забудь, что обещала мне.

А вот тебе аванс за верность и усердье.

Когда с ним встретитесь, отбросьте милосердье.

Спокойна можешь быть: получит он сполна
Не менее того, что выдержит спина.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лиза

Лиза

Гордец мной пренебрег и должен быть наказан.

Он думал, цель близка, но путь ему заказан.

Девицей знатною он хочет быть любим.

Я для него плоха, мне, дескать, рядом с ним

И делать нечего: я недостойна ласки.

Но только пусть другим рассказывает сказки.

Служанка я. А он? Слуга. Хорош собой?

Хорош, но разве я обижена судьбой?

Богат и знатен он? Как тут не рассмеяться:

Здесь неизвестен он и может называться,

Кем только вздумает. Но интересно знать,

Как будет этот принц под палками плясать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алькандр, Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Разволновались вы.

Она его погубит.

Нет, Лиза все-таки Клиндора очень любит.

Но он отверг ее, и к мести повод есть.

Все сделает любовь, чтоб отступила месть.[14]

---

[14] Примечания: 1.14

Все сделает любовь, чтоб отступила месть. — Уверенность, что лучшее, доброе начало должно побеждать в человеческом сердце, — одна из глобальных гуманистических идей Корнеля.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жеронт, Изабелла

Жеронт

Изабелла

Жеронт

Изабелла

Жеронт

Изабелла

Жеронт

Изабелла

Жеронт

Не надо слезы лить, кляня девичью долю:
И слезы и слова мою не сломят волю.
Хотя любой беде я сострадать готов,
Рассудка доводы сильнее ваших слов.
Я знаю лучше вас, как поступать вам

надо,

Адраст мне нравится, не потому ль преграды

Вы ставите ему? Не потому ли в нем

Достоинств не нашли? Но в мнении моем

Стоит он высоко: умен, богат и знатен.

Иль внешний вид его вам чем-то неприятен?

Или характер плох?

Достоинств и не счесть.

Я знаю хорошо: он оказал мне честь.

Но если б вы могли мне оказать вниманье

И выслушать меня, то я бы в оправданье

Одно сказала б вам: все беды оттого,

Что я его ценю, но не люблю его.

Нередко небеса внушают нам такое,

Что все бунтует в нас, лишает нас покоя,

Не позволяя нам с покорностью при-

нять

То, что навязано. Но можно ли пенять

На небеса за то, когда по их веленью

Две связаны души, когда ни на мгновенье

Они уж не смогли б друг друга позабыть?

Коль этой связи нет, любви не может быть.

Кто вздумал отвергать законы Провиденья,

Напрасно будет ждать от неба снисхожденья:

Несчастья на него обрушатся, и он

От них уже ничем не будет защищен.

О дерзкая! Вы так решили оправдаться?

Мне с философией прикажете считаться?

Ни ваши знания, ни к рассужденьям страсть

Не могут отменить родительскую власть.

Вам ненависть внушил мой выбор; но кому же

Вы сердце отдали? Хотите в роли мужа

Увидеть нашего вояку? В добрый час.

Весь мир он покорил, а заодно и вас.

Пусть этот фанфарон со мною породнится.

Нельзя так с дочерью жестоко обходиться!

Что заставляет вас не слушаться меня?

За будущее страх и молодость моя.

А то, что вы могли назвать счастливым браком,

Мне адом кажется, погибелью и мраком.

Насколько лучше вас Адраст: он будет рад

Все сделать, чтоб попасть в такой чудесный ад.

Меня вы поняли? Иль снова спорить станем?

Моей покорности другое испытанье
Могли б устроить вы.

Испытывать вас? Вздор!
Я вам приказываю. Кончен разговор.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеронт

Жеронт

Вот молодежь пошла! С упрямым постоянством
Веленья разума зовет она тиранством;
И даже самые священные права
Бессильны перед ней: все это, мол, слова.
А дочки каковы? Отцам противореча,
Им не хотят ни в чем идти они навстречу
И, следуя в любви лишь прихотям своим,
Отвергнут всякого, кого укажут им.

Но ты, о дочь моя, не думай, что покорно

Я уступлю тебе, упрямой, глупой, вздорной.

Я усмирю твой бунт... Смотрите, снова он!

Однако надоел мне этот фанфарон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жеронт, Матамор, Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Жеронт

Матамор

Жеронт

Матамор

Жеронт

Матамор

Жеронт

Матамор

Жеронт

Матамор

Жеронт

Матамор (Клиндору)

Жеронт

Ну разве жалости я недостоин все же?

Великий визирь вновь нас просьбами тревожит,

Татарский государь на помощь нас зовет,

А Индия послов к нам ежедневно шлет.

Выходит, должен я на части разорваться?

Без вашей помощи придется им сражаться:

Едва окажете услугу одному,

Другие ревностью начнут пылать к нему.

Ты прав, они меня интересуют мало.

А ревность возбуждать одной любви

пристало...

Ах, сударь, я прошу прощения у вас

За то, что ваш приход заметил лишь сейчас.

Но на лице у вас лежат заботы тени.

Скажите, кто ваш враг, — убью в одно мгновенье.

По божьей милости нет у меня врагов.

По милости моей их всех зарыли в ров.

Я до сих пор не знал про эту вашу милость.

Едва симпатия моя к вам проявилась,

Как обуял их страх и померли они.

Я вот что вам скажу: приятно в наши дни

Увидеть эту длань столь мирной и спокойной.

А между тем вокруг не утихают войны.

Как? Чтобы звание героя заслужить,

Баклуши надо бить и беззаботно жить?

Здесь стали говорить, что будто не по праву
Себе военную вы приписали славу.

Жить в мире, черт возьми? Я сам себя кляну.
Но как уехать мне, коль я теперь в плену?
Меня прекрасная пленила Изабелла,
Обезоружила и сердцем завладела.

Ну, если это так, плен не опасен ваш.
Спокойно можете садиться в экипаж:
Ее вам не видать... Так уезжайте смело.

Ну что вы! Я хочу, чтобы она надела
Корону на себя...

Довольно! Только раз
Способен рассмешить нелепый ваш рассказ,
Но он невыносим стократно повторенный.
Другим раздаривайте царства и короны.

А здесь появитесь, то встрече быть иной...

Да он сошел с ума! Так говорить со мной!

Несчастный! Сам султан с отрядами своими

Трепещет и бежит, мое услышав имя.

Да раздавить тебя могу я в миг один!

Есть слуги у меня, и я их господин.

Они ни воевать, ни хвастать не умеют,

Но верно служат мне и кулаки имеют.

Скажи ему, кто я! Что совершил, скажи!

Могли бы обойтись без хвастовства и лжи.

Прощайте, Мне пора. Хоть, не враги мы с вами,

Нрав у меня горяч, а слуги с кулаками.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

О, уважение к возлюбленной моей!

Тобою скован я, и ты меня сильней.

Будь сто соперников, а не родитель девы,

Они бы не ушли от праведного гнева.

Пособник дьявола, сын ада, злобный дух,

Старик чудовищный, чья речь терзает слух!

Кого ты гнал сейчас? Кому грозил расправой?

Подумать страшно: мне, увенчанному славой!

Покуда нет его, легко проникнуть в дом.

Зачем?

Увидев дочь, отца мы проведем.

Какой-нибудь слуга там надерзить мне может.

Любого наглеца ваш грозный меч уложит.

Но искры сыплются, когда разит мой меч,

Они в один момент способны дом поджечь,

А пламя все пожрет: и балки, и распорки,

Пороги, плинтусы, полы, дверные створки,

А с ними заодно засовы и замки,

Проемы, выступы, стропила, потолки,

Обои, сундуки, столешницы, гардины,

Цемент, подсвечники, стекло, горшки, картины,

Подвалы, лестницы, прихожие, ковры,

Матрасы, комнаты, чуланы и дворы...

Сам посуди: разгром! И в доме Изабеллы!

Боюсь, чтобы она ко мне не охладела.

Поговори с ней ты: я, видишь, не могу.

А надерзит слуга — сам покарай слугу.

Но это риск...

Прощай. Дверь открывает кто-то.

Внушать лакеям страх теперь твоя забота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клиндор, Лиза

Клиндор (один)

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Лиза

Клиндор

Чтоб испугать его, достаточно листка,

Былинки хрустнувшей, дыханья ветерка;

Всегда настороже, всегда готов дать

тягу:

Страх перед взбучкою бросает в дрожь беднягу.

А... Лиза, вот и ты! Открыла дверь — и вдруг

Смельчак скрывается: объял его испуг.

Смотри-ка: убежал великий наш воитель,

Гроза всех королей, всех женщин покоритель.

Должно быть, этот страх ему внушил мой вид;

Есть лица, что влекут, мое лицо — страшит.

Страшит одних глупцов, а умных привлекает.

Как мало лиц таких в людской толпе мелькает! —

Как много есть причин, чтобы тебя любить!

С тобою никого я не могу сравнить.

Умна, насмешлива, покладистого нрава,

Прелестно сложена, и я не знаю, право,
Чьи губы так свежи, чей взгляд волнует так.
Кто тут не влюбится? Слепец или дурак!

Так вы находите, что я похорошела?
Взгляните: Лиза я, отнюдь не Изабелла.

Что делать, если два предмета у любви:
Ее приданое и прелести твои?

Придется выбирать — иначе не бывает.
Ее приданое вас больше привлекает.

Хотя преследую я эту цель, но ты
С не меньшей силою влечешь мои мечты.
У брака и любви различные стремленья:
Брак ищет выгоды, любовь — расположенья.
Так что же делать нам? Я беден, ты

бедна.

Две бедности сложить? Две больше, чем одна.

И сколько б радости любовь ни обещала,

Она двум беднякам ее отмерит мало.

Вот и приходится богатство мне искать.

Но грустью тайною охвачен я опять,

С тобою встретившись, и снова вздох невольный

Не в силах подавить: обидно мне и больно,

Что страсть моя должна рассудку уступить.

О как бы я любил, когда бы мог любить

Того, кого хочу, кто мил мне в самом деле.

Как были б вы умны, когда б молчать умели!

Благоразумие с любовью пополам

Могли б вы приберечь для благородных

дам.

Вот счастье выпало! Поклонник мой боится,

Что будет худо мне, и потому стремится

В брак выгодный вступить, и говорит мне вслед:

"Зачем тебе нести груз наших общих бед?"

Вовек мне не забыть участливость такую.

Но вам пора идти, зря с вами я толкую.

Насколько же с тобой счастливей был бы я!

Вас в комнате своей хозяйка ждет моя.

Меня ты гонишь?

Нет! Но вас влечет дорога,

Где будет радости отмерено вам много.

Ты и отталкивая можешь покорять.

Минуты дороги, не стоит их терять.
Идите же!

Но знай, что если я с другою...

То это потому, что вы моей судьбою
Обеспокоены. Я верно поняла?

Ты издеваешься, и все же так мила,
Что, говоря с тобой, влюбляюсь я сильнее.
Поэтому уйти мне надо поскорее.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лиза

Лиза

Меня красивою теперь находит он
И притворяется, что по уши влюблен,
А сам играет мной, нужна ему другая;
И, чувством искренним моим пренебрегая,
Клянется мне в любви и тут же говорит:

Нельзя нам вместе быть, рассудок не велит.

Ну что же! Поступай со мной неблагородно,

И в жены выбирай себе кого угодно,

И пусть рассудок твой убьет в тебе любовь, —

Знай: ни одну из нас не проведешь ты вновь.

В подобный брак вступить не может Изабелла,

И я с таким, как ты, иметь не буду дела,

Но прежде над тобой поиздеваюсь всласть.

А чтобы удалось вернее в цель попасть,

Обиду утаю, ее не обнаружат;

Кто свой скрывает гнев, тот лучше мести служит;

Я буду ласковой: надежен и хорош

Такой прием, и ты... в ловушку попадешь.

Но можно ли считать тебя столь виноватым

За то, что хочешь ты стать наконец богатым

И что, любя меня, пошел на этот шаг?

О господи, в наш век все поступают так!

Не лучше ли забыть свое негодованье?

Зачем вредить тому, кто, вопреки желанью,

Решил со мной порвать? И так наказан он,

И все же дорог мне, и должен быть прощен...

Мутится разум мой. Как? Даровать пощаду

Тому, кто жизнь мою вдруг уподобил аду?

О справедливый гнев, ни на единый миг

Не потухай во мне, будь страшен и велик!

Пусть полюбил меня — он мной пренебрегает,

Пусть я его люблю — меня он оскорбляет;

Молчи, любовь, молчи! Пришла пора

карать,

И ты мне не должна, не смеешь мне мешать:

Надеждой призрачной мои ты множишь муки.

О ненависть, приди и развяжи мне руки,

И в сердце поселись, и мщение готовь;

Любовь обманутая — больше не любовь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матамор

Матамор

Спасайся! Вот они! Нет ни души. В чем дело?

Смелей вперед! Постой, дрожь сотрясает тело,

Я слышу их. Беги! То ветер прошумел.

О сумрак, спрячь меня, и я останусь цел.

Мою владычицу здесь подожду я все же.

Лакеи чертовы, вот что меня тревожит.

Ну, как тут не дрожать? Риск очень уж велик:

Появятся они — и мертв я в тот же миг.

Нет, лучше умереть, чем слугам дать сраженье.

Марать о них свой меч? Какое унижение!

Во имя доблести не буду рисковать.

Но в крайнем случае меня им не догнать.

Дойдет до этого — самим же будет хуже:

Ведь мне не только меч — и ноги верно служат.

О боже, вот они! Что делать? Мне конец!

Я не могу бежать: в ногах моих свинец.

Пропал... Нет, не пропал... Как тут не удивиться?

Да это ж мой слуга и с ним моя царица!

Теперь послушаем, как он толкует с ней

О доблести моей и о любви моей.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клиндор, Изабелла, Матамор ***(спрятавшись, подслушивает их разговор)***

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Клиндор

Отец неумолим. Как быть? Да видит небо,

Он никогда еще таким суровым не был:

Вам с вашим воином пощады он не даст.

А в довершение, стал ревновать Адраст.

Нетрудно в комнате моей застать нас было,

И потому сюда я выйти вас просила;

Здесь безопаснее: коль преградят вам путь,

В другую сторону вы сможете свернуть.

Не слишком много ли уделено вниманья

Тому, чтобы продлить мое существованье?

Не много! Если бы оно прервалось вдруг,

Все потеряло б смысл, была бы тьма вокруг.

Оно дороже мне всего, что есть на свете,

Благодаря ему мне в небе солнце светит.

И пусть родитель мой с Адрастом заодно,

Владеть моей душой вам одному дано.

Меня преследуют? Сулят мне муки ада?

Коль это из-за вас — и этому я рада,

Мои страдания благословляю я,

Так велика любовь и преданность моя.

Я счастлив и смущен, ликую и страдаю:

Ведь только жизнь мою взамен я предлагаю;

Нет больше ничего у вашего раба.

Но если все-таки позволит мне судьба

Увидеть край родной, увидеть дом мой отчий,

Тогда и сами вы увидите воочью,

Что не был выбор ваш таким уже плохим

И что сравнение с соперником моим

Не так уж мне вредит... Одно меня тревожит:

Он с помощью отца добиться цели может.

Не бойтесь ничего: что б ни предпринял он

И как бы ни был мой родитель убежден
В своем всесилии — я приняла решенье,
И нет в моей душе ни страха, ни сомненья.
Их планы призрачны, беспомощна игра...

Как это вытерпеть? Вмешаться мне пора.

Подслушивают нас!

Но кто? Храбрейший в мире!
Не бойтесь, я сейчас его утихомирю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Матамор, Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор (тянет его в угол сцены)

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Матамор

Клиндор

Предатель!

Тише вы! Лакеи...

Что?

Как раз,
Ваш голос услыхав, набросятся на нас.

Иди сюда. Так вот, преступник и повеса,

Как ты отстаиваешь наши интересы?

Старался я как мог, чтобы счастливым стать.

Какую смерть тебе за это загадать?

Убить ли кулаком? (Страшнее нет удара.)

Или загнать живым вовнутрь земного шара?

Иль разрубить мечом на тысячу кусков?

Иль в облака швырнуть? Нет, выше облаков!

Итак, на выбор смерть. Что скажешь мне на это?

И не задерживай меня, я жду ответа.

Есть выбор и у вас.

А что мне выбирать?

Хотите битым быть или стремглав удрать?

Угрозы? Черт возьми! Какая дерзость все же!

Пал на колени он? Взмолился? Не по-

хоже.

А поднял шум какой! Я это не люблю.

Знай: утопить тебя я морю повелю.

Так много жидкости не надо человеку.

Нет, море далеко, и я вас брошу в реку.

Потише говори, услышат...

Шутки прочь.

Десятерых сразить пришлось мне в эту ночь.

Рассердите меня — число я увеличу.

О дьявол! Хочет плут принять мое обличье.

Да! Глядя на меня, героем можно стать.

Будь он почтителен, его б я мог признать.

Послушай: я не злой, и было бы обидно

Мир храбреца лишить. Но как тебе не стыдно?

Проси прощения! Лишь я достоин той,

Чей вид тебя смутил своею красотой.

Знай: доброты во мне не меньше, чем

отваги.

Тогда не лучше ли скрестить немедля шпаги?

Посмотрим, кто из нас сильней в нее влюблен.

Твоим характером я просто восхищен.

Бери ее скорей, со мной хитрить не надо;

За службу верную вот лучшая награда.

Нет щедрости моей предела!

Этот дар

Мой ослепляет взор, как молнии удар.

О королей гроза, о бескорыстный воин!

Великой милости я ныне удостоен!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Изабелла, Матамор, Клиндор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Клиндор

Матамор

Изабелла

Клиндор

Без боя обошлось! Вам ссориться нельзя.
Приятно видеть мне, что вы теперь друзья.

Мадам, придется вам лишится этой чести —
Моей женою стать: полученные вести
Мое решение переменили вдруг.
Но не расстраивайтесь: вы из этих рук
Получите того, кто воевал прекрасно.

Раз вам угодно так, конечно, я согласна.

Об этом никому не надо говорить.

Я обещаю вам молчание хранить
И покровительство вам обещаю тоже,
Куда б вы ни пришли, оно везде поможет:

При имени моем дрожат в любом краю.

Тому, кто дорог вам, я сердце отдаю.

И нечто большее пусть будет в результате...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жеронт, Адраст, Матамор, Клиндор, Изабелла, Лиза, слуги

Адраст

Матамор

(Вслед за Изабеллой и Лизой он скрывается в доме Изабеллы.)

Клиндор

Жеронт

Клиндор

Жеронт

За речи дерзкие умрешь ты! О, проклятье,

Пощады нет тебе!

Захвачен я врасплох.

Скорее в эту дверь. Какой переполох!

А... с этой шайкою почувствовал ты силу!

Постой. Не скроешься. Готовь себе могилу.

О боже! Ранен он. Врача сюда скорей!

А вы преступника хватайте. О злодей!

Мне не хватает сил. Их много. Плохо дело.

Я в бездну падаю. Прощайте, Изабелла.

Адраста в дом теперь внесите, а ему

Пощады никакой: свяжите — и в тюрьму.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Алькандр, Придаман

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Увы! Погиб мой сын.

Как сильно вы дрожите!

Волшебник, в помощи ему не откажите.

Терпение, мой друг, и до счастливых дней
Сумеет он дожить без помощи моей.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Изабелла

Изабелла

Час приближается. Как время торопливо!

Свершится завтра казнь. О суд несправедливый!

Неумолимая восторжествует власть,

И месть, презрев закон, свою разверзнет пасть.

Так, над возлюбленным моим чиня расправу,

Хотят неправедно страны возвысить славу,

Честь мертвому воздать, умерить гнев отца

И причинить мне боль, которой нет конца.

Увы! Кругом враги. Чудовищная сила

На невиновного обрушилась; сразила

Того, кто беден был, но полон был огня

И чья вина лишь в том, что он любил меня.

Клиндор, твоя любовь не ведала сомненья,

Ты совершенством был, а это преступленье;

Но тщетно думают смирить мой гордый нрав:

Расстанусь с жизнью я, Клиндора потеряв.

Я гибели твоей причина и готова

С тобою разделить твой приговор суровый.

Когда ж обоих нас земной поглотит прах,

Две любящих души сольются в небесах.

Тогда увидишь ты, жестокий мой родитель,

Что небеса для нас — счастливая обитель;

И если смерть моя внушит тебе печаль,

Мне, дочери твоей, тебя не будет

жаль.

И над раскаяньем твоим и над слезами

Смеяться буду я... А если слезы сами

Не потекут из глаз, то будет призрак мой,

Являясь по ночам, твой нарушать покой.

Во мраке за тобой всегда следить он будет,

На муки совести твой скорбный дух осудит,

Рассудок погрузит в смятение и страх,

И будет смерть моя стоять в твоих глазах.

Так, дни свои влача в отчаянье и горе,

Начнешь покойнице завидовать ты вскоре.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, Лиза

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Что здесь вы делаете в этот поздний час?

Клянусь, что ваш отец тревожится за вас.

Когда надежды нет, то нечего боять-ся.

Здесь горю моему хочу я предаваться:

Клиндора видела я здесь в последний раз,

Во тьме мерещится мне блеск влюб-ленных глаз

И голос слышится, что был мне всех дороже;

Он говорит со мной, мои страданья множа.

Зачем же горести свои усугублять?

А что, по-твоему, должна я предпринять?

Из двух возлюбленных, что верно вам служили,
Один вот-вот умрет, другой уже в могиле.
Не тратьте время зря, оплакивая их,
Найдите третьего, что стоит их двоих.

Как смеешь, дерзкая, мне говорить такое!

Что толку слезы лить, страдать, не знать покоя?
Так можно подурнеть. И этот скорбный вид
Смерть от возлюбленного разве отвратит?
Победой новою себя прославьте снова.
Есть некто, чья душа для рабства уж готова.
Прекрасный человек...

Исчезни с глаз моих.

Поверьте, он один заменит вам двоих.

Для горя моего тебя недоставало!

А разве хорошо, чтоб радость я скрывала?

Откуда же она в столь неурочный час?

Есть повод у меня. Узнаете сейчас.

Нет! Лучше помолчи.

А если это дело
И вас касается?

Молчи, раз я велела.

Не много пользы здесь от ваших горьких слез,
А мой веселый нрав спасение принес
Клиндору вашему.

Спасенье?

Не иначе.
Вот как я вас люблю, хоть с вами и не плачу.

Он выйдет из тюрьмы? О, правды торжество!

Я дело начала, вам довершить его.

Ах, Лиза!

С ним бежать вы были бы согласны?

Бежать? С тем, без кого была бы жизнь ужасна?

Да если б от оков его ты не спасла,

Я в преисподнюю тогда б за ним пошла!

Не спрашивай меня, согласна ль я на бегство.

Чтоб выйти из тюрьмы, другого нету средства.

И кое-что смогла я сделать, но сейчас

Его спасение зависит лишь от вас.

В тюрьме привратник есть, и он имеет брата.

А брат в меня влюблен. Я разве виновата,

Что, на меня взглянув, теряют свой покой?

Короче говоря, бедняга сам не свой.

И не сказала мне?

Стыдилась я немало

Знакомства этого и потому молчала.

Клиндор четыре дня, как заключен в тюрьму,

И я к поклоннику смешному моему

Уже не отношусь все эти дни, как прежде,

И повод расцвести даю его надежде.

Кто в первый раз влюблен и верит, что любим,

Готов на многое, все можно делать с ним.

Мой кавалер в таком сегодня положенье,

Что выполнит любой приказ без возраженья.

Однако я ему потачки не даю:

Коль хочешь быть со мной, работу брось свою.

Хоть он из-за меня на все пойти согласен,

Но тут колеблется, ведь этот шаг

опасен:

Владеет с братом он единственным добром —

Ключами от тюрьмы. А как им жить потом?

Я говорю ему: решись, себя не мучай,

Теперь представился тебе счастливый случай;

Разбогатеешь ты, не будешь горя знать

И сможешь наконец меня своей назвать.

Бретонский дворянин в твоей тюрьме томится,

Под именем чужим он должен был таиться;

Спаси его и мы в краю его родном,

Отправившись за ним, на славу заживем.

Мой кавалер смущен, но я не отступаю,

Он о любви твердит — я слушать не желаю,

Прощенья просит он, предчувствуя

беду, —

Неумолима я и в гневе прочь иду.

Что ж дальше?

Я назад вернулась. Он в печали.

Я наседаю — он... колеблется вначале.

Тогда я говорю: "Нельзя нам больше ждать,

Твой брат в отсутствии, о чем тут толковать?"

Он отвечает мне: "Путь длинный до Бретани,

Без денег пропадем, а их у Ла Монтаня

В помине даже нет".

И ты ему тотчас

Не предложила все, что только есть у нас?

Одежду, жемчуга, кольцо...

Не только это

Ему сказала я... Открыла по секрету,

Что любит вас Клиндор, что вами он любим

И что хотите вы последовать за ним.

Расцвел поклонник мой, и тут-то я узнала,

Что тайной ревностью душа его пылала;

И колебался он так сильно до сих пор,

Что думал, будто мой возлюбленный — Клиндор.

Но, уяснив теперь, в каком вы положенье,

Переменился он, отпали возраженья,

Все сделать обещал и вам велел шепнуть,

Чтоб в полночь были вы готовы.

Значит, в путь?

Ты жизнь вернула мне и счастье.

И к тому же

Я нежеланного приобретаю мужа;

Я в жертву принесла себя.

Я отплачу...

Нет, благодарности я вашей не хочу.

Идите складывать багаж и прихватите

С ним деньги вашего отца. Вот посмотрите,

Что у меня в руке: ключи его. Я вмиг

Сумела их стащить, едва заснул старик.

Пойдем, поможешь мне.

На этот раз придется

Все сделать вам самой.

Что? В страхе сердце бьется?

Нет! Можем разбудить мы вашего отца.

Постой: как разбудить?

Болтая без конца.

Опять смеешься ты!

Чтоб нам достигнуть цели,

Должна я встретить здесь того, кто главный в деле.

Покуда не дождусь — отсюда ни на шаг:

Сейчас быть узнанным ему нельзя никак.

Тут не до смеха мне.

Тогда до скорой встречи,
И стань хозяйкою сама на этот вечер.

Ну что ж...

Будь начеку.

Добычи вам большой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лиза

Лиза

Клиндор, твоей судьбой, и жизнью, и душой
Распоряжаюсь я: мной ввергнут ты в оковы
И будешь мной спасен от участи суровой.
Хотела помешать я счастью твоему,
Свободу отняла, но жизнь не отниму.
И вот, в твоей судьбе опять приняв участье,

Я жизнь тебе дарю, а вместе с ней и счастье.

Любовь потухшая вновь в сердце ожила,

Внушая мне, что месть чрезмерною была.

Обиды прежние я позабыть готова

И на признательность твою надеюсь снова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Матамор, Изабелла, Лиза

Изабелла

Матамор

Изабелла

Лиза

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор

Лиза

Матамор

Лиза

Матамор

Лиза

Матамор

Изабелла

Матамор

Лиза

Матамор

Лиза

Матамор

Изабелла

Матамор

Лиза

Матамор

Лиза

Матамор

Изабелла

Матамор

Изабелла

Матамор

Как! Сударь, это вы? В чем дело?

В прошлый раз...

Что в доме делали вы в этот поздний час?

Вот наваждение! Откуда же он взялся?

Я шла по лестнице, а он по ней спускался.

Хотя я в прошлый раз к вам чувства изменил,
Но покровительство свое не отменил.

Что дальше?

И когда вдруг вспыхнула здесь ссора,

Вы в дом вошли, а я, с вас не спуская взора,

За вами поспешил, чтоб в случае чего...

Такой порыв души милее мне всего!

Но дальше было что?

Как часовой на страже,

Стоял я наверху.

А мы не знали даже!

Все время были там?

Все время был.

Итак,

Теперь все ясно: страх загнал вас на чердак.

Страх?

Вы дрожите так, что мне неловко стало.

Дрожу не я, а он: резвее Буцефала[15]

Был страх, и потому он стал моим

---

[15] Примечания: 1.15

...резвее Буцефала... — Буцефалом именовали коня знаменитого полководца древности Александра Македонского (356-323 до н. э.).

конем;

Его бросает в дрожь, когда скачу на нем.

Ваш выбор скакуна мне показался странным.

Он к новым подвигам и непокорным странам

Домчит меня скорей.

Но как четыре дня

Прожить на чердаке смогли вы?

У меня

Есть выдержка.

А чем питались вы?

Нектаром

С амброзией.

И как?

Не нужно их и даром.

И потому сюда держать решили путь...

Чтоб вам возлюбленного вашего вер-

нуть,

Разбить его тюрьму, порвать его оковы

И дать возможность вам его увидеть снова.

Согнал вас голод вниз. Осталось лишь признать,

Что вы хотите есть, а не тюрьму ломать.

То и другое я хочу. О силы ада,

Душа моя совсем амброзии не рада:

Я болен от нее. Хотя на вкус она

Весьма изысканна, однако лишена

Того, что придает нам сытость: только боги

Способны ею жить, а я чуть было ноги

Не протянул...

А как спаслись вы?

По ночам

Спускался с чердака, на кухню шел и там

Остатками еды питался, словно ни-

щий:

Я их чередовал с божественною пищей.

Вы нас обкрадывали!

Упрекать меня

За то, что я страдал, вас от невзгод храня?

Да в гневе я могу испепелить на месте...

Ну, Лиза, слуг зови!

Уйдем-ка честь по чести.

Я не дурак их ждать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Изабелла, Лиза

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Смотрите: убежал!

Страх — быстроног, седок сам это утверждал.

Однако сделать вы успели очень мало.

Да, эта встреча с ним все планы поломала.

Так повернулись бы тотчас к нему спиной!

Но он узнал меня, заговорил со мной.

Одна и в темноте, боялась я, что будет

Он приставать ко мне и в доме всех разбудит,

И чтобы от него отделаться верней,

Спустилась с ним сюда и с помощью твоей

Мне быстро удалось уладить это дело.

Как видишь, перед ним совсем я не робела.

Все верно, но пришлось нам время потерять.

Ну что же, я его сумею наверстать.

Смотрите, кто идет! Немного задержитесь:
И в ловкости его вы сами убедитесь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Изабелла, Лиза, тюремщик

Изабелла

Тюремщик

Изабелла

Тюремщик

Изабелла

Лиза

Тюремщик

Изабелла

Тюремщик

Изабелла

Так, значит, пробил час поспорить нам с судьбой?

Ответь же: смерть иль жизнь принес ты мне с собой?

Мой друг, в твоих руках моей надежды нити!

Все хорошо идет, и страх свой прочь гоните.

Готовы лошади, и вы готовтесь в путь.

Да! Скоро сможете свободно вы вздохнуть.

Я, как Всевышнему, тебе внимать готова.

Чем отплатить тебе? Скажи мне только слово...

Могу награду взять я лишь из этих рук.

Ах, Лиза, сделай все, чтоб счастлив был наш друг!

Отвергнуть нелегко достоинства такие.

Но как откроем мы ворота городские?

Карета есть у нас, за городом она,
И знаю место я, где рухнула стена:
Нетрудно перелезть через руины эти.

Как на иголках я. Скорее бы в карете
Отсюда укатить!

Идем, пока темно.

Поднимемся наверх: там дело есть одно.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Клиндор ***(в тюрьме)***

Клиндор

О, как прекрасны вы, мои воспоминанья!
Пусть вскоре сменят вас предсмертные страданья,
Покуда не пробьет последний страшный час,
Всем существом моим я буду слушать

вас.

Так будьте мне верны, меня не покидайте

И в горестной судьбе мне утешенье дайте.

Когда же смерть свои знамена развернет

И взвалит на меня весь груз моих невзгод,

Напомните душе, смятением объятой,

Как незаслуженно я счастлив был когда-то,

И мне теперь нельзя роптать на свой удел:

Был слишком дерзок я и многого хотел.

Но то, чего хотел, мне было недоступно,

И потому была мечта моя преступна.

Ведь преступление и впрямь я совершил:

Я полюбил — и смерть за это заслужил.

Но пусть моя душа покинет вскоре

тело,

Я счастлив: из-за вас умру я, Изабелла.

Кто б ни нанес удар, прекрасна смерть моя:

Во имя ваших глаз погибнуть должен я.

Увы! Напрасно я пытаюсь без боязни

Вообразить позор неотвратимой казни.

Как горько сознавать, что не смогу я вновь

Смотреть в глаза, чей взор зажег во мне любовь!

Перед врагом моим лежу я распростертый,

Он побежден живой, но побеждает мертвый;

Что силою не смог, то званием достиг:

Он пал — и сто убийц ко мне явились вмиг;

Из крови пролитой его они восстали,

В их сердце страха нет, рука их тверже стали,

Их месть присвоила закона грозный вид

И безнаказанно убийство совершит.

Я завтра заплачу за храбрость головою,

Преступником в цепях предстану пред толпою;

Всем так не терпится честь края поддержать,

Что приговор нельзя сомненью подвергать,

И гибель верная грозит мне отовсюду.

Я, смерти избежал — убит за это буду,

Жизнь защитил свою — и жизнью заплачу,

Из рук врага попал я в руки палачу.

И содрогаюсь я: страшны мне эти руки,

Отдохновенья час исполнен горькой муки,

Сон от меня бежит, и в тишине ночной

Орудье казни вдруг встает передо мной.

Я вижу палача, я слышу, как читают

Ужасный приговор... Вот двери открывают...

Выводят из тюрьмы... Оковами звеня,

С трудом иду... Толпа глазеет на меня...

Иду туда, где смерть ждет жертвоприношенья...

Мутится разум мой, и нету мне спасенья.

На помощь кто придет? Никто!.. Всему конец...

Страх смерти так велик, что я уже мертвец.

Лишь, Изабелла, ты мне возвращаешь силы:

Когда передо мной встает твой образ милый,

Все эти ужасы, смятение и страх

Теряют остроту и тают на глазах.

Так помни обо мне! Судьба была сурова,

Но в памяти твоей жизнь обрету я снова.

Как? Открывают дверь? Так поздно в первый раз.

Друг, что ты делаешь здесь в неурочный час?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клиндор, тюремщик

Тюремщик (в то время, как Изабелла и Лиза появляются в другой части сцены)

Клиндор

Тюремщик

Клиндор

Тюремщик

Клиндор

Тюремщик

Клиндор

Тюремщик

Из состраданья к вам суд изменил решенье

И под конец решил явить вам снисхож-

денье.

О боже, правда ли?

Умрете ночью вы.

Не все ль равно, когда лишусь я головы?

Вы милости суда отвергли слишком скоро:
Вас от публичного избавили позора.

Господ моей судьбы как мне благодарить?
Казнят — и доброту желают проявить.

Пред милостью такой смирили б вы свой норов.

Друг, выполняй приказ без лишних разговоров.

Вас у ворот тюрьмы ждет стражников отряд:
Посмотрите на них — и прояснится взгляд.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клиндор, Изабелла, Лиза, тюремщик

Изабелла (обращается к Лизе в то время, как тюремщик выводит Клиндора из тюрьмы)

Лиза

Изабелла

Тюремщик (Клиндору)

Клиндор

(Тюремщику.)

Изабелла

Тюремщик

Клиндор

Изабелла

Тюремщик

Изабелла

Клиндор

Тюремщик

Изабелла

Тюремщик

Сейчас мы встретимся.

Глаза у вас сияют.

Вернулась к жизни я, все страхи исчезают.

С Клиндором связана навек судьба моя.

И если б умер он, погибла бы и я.

Удастся ли уйти вам от подобной стражи?

Так это вы, мадам? Не верится мне даже!

Обманщик добрый мой, слова твои не вздор:

Я в эту ночь умру... от счастья.

О Клиндор!

Оставим нежности, нам надо торопиться.

С возлюбленными мы успеем объясниться.

Как? Значит, с Лизою любовь его свела?

И знайте: их любовь свободу вам дала.

Как много времени теряем мы напрасно!

Нас могут захватить. Поверьте, здесь опасно.

Тогда скорей бежим. Но оба вы должны

Нам с Лизой обещать, что будете скромны,

Покуда с нами в брак не вступите.

Ну что же!

Я в этом вам клянусь.

Могу поклясться тоже.

Теперь и жизнью мне не страшно рисковать.

Должны немедленно отсюда мы бежать.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Алькандр, Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

В погоню бросились за ними — не догнали.

Все позади теперь: опасности, печали.

Свободно я вздохнул.

И не прошло двух лет —

Добились почестей высоких... Нужды нет

Мне вам рассказывать о всяких испытаньях,

Судьбой им посланных, о встречах и скитаньях,

О том, каким путем высоко вознеслись;

Вы главное смогли увидеть: как спаслись

Они от гибели, кто принял в них участье.

Теперь я покажу их на вершине счастья.

И так как о иных делах пойдет рассказ,

Я новым призракам явиться дам при-

каз:

Те, что прошли сейчас пред нашими глазами

И чью историю вы наблюдали сами,

Не предназначены для столь высоких дел;

Любить они могли — блистать не их удел.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Алькандр, Придаман

Придаман

Алькандр

Придаман

Величественна как! Да это ж Изабелла![16]

И Лиза рядом с ней: она не захотела
Покинуть госпожу... Но заклинаю вас:
Отсюда ни на шаг, иначе вы тотчас
Погибните. Итак, мое предупрежденье,
Надеюсь, ясно вам?

Без всякого сомненья.

---

[16] Примечания: 1.16

Величественна как! Да это ж Изабелла! — Предупредив в последних стихах четвертого акта, что выведенные ранее "призраки не годятся для сюжета, который он намерен показать далее, драматург сразу в первом стихе пятого акта оговаривает, что героиня нового "видения" "величественна" — то есть соответствует стилистической норме, установленной для трагедии.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, представляющая Ипполиту; Лиза, представляющая Кларину.

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Изабелла

Лиза

Когда же наконец домой вас уведу?
Или хотите ночь вы провести в саду?

Что привело сюда, утаивать не стану:
Мое молчание лишь бередит мне рану.

Знай: герцог Флорилам.

Но ведь его здесь нет.

И в этом-то как раз причина наших бед.

Мы с ним соседствуем, он к нам любовь питает

И в свой огромный сад охотно нас пускает.

Но с герцогинею Розиной мой супруг

В его отсутствие, как я узнала вдруг,

Здесь стали назначать свидания друг другу.

Пришла пора сказать коварному супругу,

Что я не потерплю предательства его.

Не лучше ль сделать вид, что ровно ничего

Не ведаете вы об этом? Разве можно

Исправить ревностью мужчину? Осторожно

Тут надо действовать: мужской изменчив нрав.

Раз мы зависимы, всегда мужчина прав.

Скрывать, что знают все? Таить, что негодую?

Мол, называй женой, а сам люби другую?

Но можно ль честным быть и верности обет

Бесчестно нарушать? Что скажешь ты в ответ?

Так было в старину, теперь другое время;

Мужчин не тяготит супружеское бремя:

Особые права даны им в наши дни,

И где теряем мы, там с прибылью они.

Брак не в обузу им, а совесть не преграда.

Коль хочешь быть в чести, иметь любовниц надо.

И слышать не хочу я про такую честь!

Так, значит, им почет, когда измен не счесть?

А если человек измену ненавидит?

О, пусть тогда вокруг он лишь презренье видит,

Пусть всеми осужден, мне дорог он и мил,

Когда такой ценой бесчестье заслужил.

Пусть за любовь к жене отвергнут он толпою,

Его отверженность считаю я святою.

Должно быть, это он, открылась тихо дверь.

Уйдем.

Увидел нас. Нам не уйти теперь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клиндор, представляющий Теажена; Изабелла, представляющая Ипполиту; Лиза, представляющая Кларину.

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Изабелла

Клиндор

Лиза

Вы убегаете? Постойте, герцогиня!

Или раздумала уже моя богиня

Позволить мне излить любовь мою в словах?

Приблизьтесь, час настал. И пусть исчезнет страх:

Уехал Флорилам, моя жена в постели.

А если нет?

Судьба! Казалось, был у цели.

Изменник, я не сплю, и даже мрак ночной

Не помешает мне позор увидеть твой.

Пришла уверенность на смену подозренью:

Все слышала сама, и места нет сомненью.

На речи нежные твой ум настроен был,

И вот, придя сюда, ты тайну мне открыл;

Так ловко действовал, как ни один влюбленный:

Во всем признался сам жене своей законной.

Но кто поклялся мне любить меня всегда?

И где твоя любовь? Так вспомни, что, когда

Я с благосклонностью словам твоим внимала,

Не равны были мы, нас пропасть раз-

деляла,

Но я отвергла всех соперников твоих,

И ты, простой солдат; был выделен средь них.

Отец меня любил, и дом был полной чашей —

Я нищету твою назвать решила нашей,

И в дерзком замысле я помогла тебе,

Соединясь с тобой наперекор судьбе.

Но сколько всяких бед досталось мне в наследство!

Какие тяготы таило наше бегство!

Что выстрадала я, покуда не был ты

Судьбой исторгнут вдруг из мрака нищеты!

Но если счастье так тебя переменило,

Верни меня к отцу: здесь сердцу все немило.

Любя тебя, я шла тернистою тропой

Не из тщеславия, а чтобы ты был мой.

Меня не упрекай за то, что ты со мною

Бежала из дому: любовь тому виною,

Она заставила тебя за мной идти,

Искала счастья ты и только так найти

Могла его тогда... И пусть я значил мало,

Но бегство из дому тебя со мной сравняло.

Да, был богатства блеск! Но мне какой в нем прок?

Он за тобой никак последовать не мог.

Был только меч моим единственным владеньем,

Одна твоя любовь служила утешеньем, —

Она возвысила меня в чужих краях.

Он риску подвергал в бесчисленных боях.

Теперь на дом отца взирай печальным взглядом,

Скорби, что герцоги стоят с тобою рядом;

Вернись в свой край родной — тебя богатство ждет,

Хотя не встретишь там такой, как

здесь, почет.

На что ты жаловаться можешь, в самом деле?

В чем был тебе отказ? Когда-нибудь посмели

Глаза мои смотреть с презреньем на тебя?

Нет, право, женский ум постичь не в силах я.

Пусть муж боготворит, пусть из любви к супруге

Готов он оказать любые ей услуги

Пусть окружит ее вниманьем, пусть всегда

На просьбу всякую он отвечает: "Да", —

Но если в верности дал повод для сомненья,

Все позабыто вмиг, нет хуже преступленья:

Да это ж воровство, предательство, подлог!

Отца зарезал он и дом его поджег!

И казнью страшною, постигшей Энке-

лада,[17]

Без промедления казнить злодея надо.

Уже сказала я: не славою твоей

Ты смог меня прельстить. Что знала я о ней,

Когда отцовский дом с тобою покидала?

Но если для тебя теперь я значу мало,

Ты помни хоть о том, кому обязан всем;

Один лишь Флорилам, когда ты был ничем,

Помог тебе в нужде: солдат, бродяга-воин

Благодаря ему был чином удостоен.

Так счастье начало сопутствовать тебе;

И вскоре сам король решил в твоей судьбе

---

[17] Примечания: 1.17

И казнью страшною, постигшей Энкелада... — Энкелад — один из гигантов, порожденных богиней земли Геей. Чудовищные великаны, со змеями вместо ног, косматые, обладавшие огромной силой, они хотели отнять власть у Зевса. Были побеждены Гераклом, которому помогла дочь Зевса Афина-Паллада. Она навалила на обратившегося в бегство Энкелада весь остров Сицилию.

Принять участие по слову Флорилама,

Чья дружба о тебе заботилась упрямо.

Теперь могуществом ты большим наделен,

Чем покровитель твой, хоть рангом выше он.

Как благодарностью тут не платить!
И что же?

Ты вздумал осквернить супружеское "ложе

Того, с чьей помощью сбылись твои мечты!

Свое предательство как оправдаешь ты?

Он одарил тебя — ты кражу совершаешь,

Тебя возвысил он — его ты унижаешь,

К высоким почестям тебе открыл он путь —

Его доверие ты смеешь обмануть.

Душа моя (так звать тебя всегда я буду,

Покуда не умру и все слова забуду),

Поверь, что и судьба, и перед смертью страх

Не так сильны, как ты с упреком на устах.

Зови меня лжецом, кори меня изменой,

Но не кляни любовь и пламень наш священный:

Они еще хранят присущую им власть,

И если бы могла моя слепая страсть

Исчезнуть навсегда при самом зарожденье,

Была бы их вина в ее исчезновенье.

Но тщетно долг велит сопротивляться ей:

Сама познала ты, что нет ее сильней,

Когда отцовский дом и край свой покидала,

Чтоб с бедностью моей в пути искать привала.

Сегодня тот же бог, бог страсти правит мной;

И, обделив тебя, я отдаю другой

Вздох тайный, нежный взгляд, я весь в

огне...

И все же

Из сердца вытеснить тебя никто не сможет.

Любовь, с которою соседствует порок,

Сама разрушится, ее недолог срок;

А та любовь, что нас навек соединила,

Возвышенна, чиста, и никакая сила

Ее не победит: покуда мы живем,

Становится она лишь крепче с каждым днем.

Прости же мне мой грех, прости мне речи эти:

Бог страсти — злой тиран, и он за все в ответе.

Но не пройдет и дня — погаснет жар в крови,

Ничем не повредив супружеской любви.

О, как желание любви непобедимо!

Дать обмануть себя, поверить, что любима,

Хочу я всей душой: ведь дорог мне и мил

Тот, кто неверен был и боль мне при-

чинил.

Прости, о мой супруг, что сдержанности мало

В минуты первые в речах я проявляла:

Когда пришла беда, нельзя спокойной быть,

И сдержан только тот, кто перестал любить.

Прошли года, и я теперь не так красива,

Ко мне ты охладел, и это справедливо;

И все же верю я, что твой минутный пыл

Для наших брачных уз не столь опасен был.

Подумай о другом: великое несчастье

Тебе сулит предмет твоей минутной страсти.

Скрывай желания, таи мечты свои:

У сильных мира нет секретов в их любви,

За власть имущими, как тень, шагает свита,

У свиты сотни глаз, от них ничто не скрыто,

А люди таковы, что каждый только ждет,

Чтоб сплетней заслужить внимание господ.

И вот окольными путями или прямо

Слух о твоих делах дойдет до Флорилама.

Кто знает (эта мысль страшит всего сильней),

Как далеко зайдет он в ярости своей?

О, если жаждешь ты любовных похождений,

Ищи их, бог с тобой! Но ради наслаждений

Хоть жизнью не рискуй, чтоб холодно могла

Смотреть я на твои поступки и дела.

Я говорил тебе и снова повторяю:

Так страсть моя сильна, что жизнь я презираю,

А сердце ранено настолько глубоко,

Что страх в нем возбудить, поверь мне, нелегко.

Я страстью ослеплен и, чтоб достигнуть цели,

Готов на риск любой... Коль страсти одолели,

Дано им бушевать, пока не минет срок.

Но в скором времени иссякнет их поток.

Что ж! Если смерти миг таит очарованье,

Не дорожи собой, забудь мои страданья;

Но разве Флорилам свою насытит месть,

Карая лишь тебя за попранную честь?

И кто тогда служить защитою мне станет?

В могиле будешь ты, и мой черед настанет

Гнев герцога навлечь: он отомстит вдвойне,

Пришельца покарав и мстя его жене.

Но я не буду ждать коварного удара,

Когда, вслед за тобой, меня постигнет кара

Или когда решат, мольбы мои презрев,

Честь у меня отнять, чтоб свой насытить гнев.

На гибель и позор меня ты обрекаешь,

Я умереть хочу, коль жить ты не желаешь.

То тело, что сама тебе я отдала,

Не станет жертвою насилия и зла.

Нет! Муж любовницы не насладится местью,

Не будет радоваться моему бесчестью.

Прощай навек. Умру, пока ты не убит,

И смерть моя от клятв тебя освободит.

О нет, не умирай! Твоих достоинств сила

Чудесным образом меня преобразила.

Узнать, что сделал я, — и продолжать любить!

Желать загробной тьмы — но честь свою хранить!

Величье мужества, любви твоей величье

Предстали предо мной в их истинном обличье,

И пред тобой готов я на колени пасть.

Я снова чист душой, где низменная страсть

Не может властвовать: цепь разорвав на части,

Освобождается душа моя от страсти,

Был беззащитен я, когда пришла беда.

Не вспоминай о ней.

Не вспомню никогда.

Пусть все красавицы, чей блеск поэты славят,

Составят заговор и мне войну объявят, —

Бессильны чары их и стрелы взоров их.

Ты — божество мое, ты — свет очей моих.

Мадам, сюда идут.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Клиндор, представляющий Теажена; Изабелла, представляющая Ипполиту; Лиза, представляющая Кларину; Эраст; слуги Флорилама.

Эраст (нанося Клиндору удар кинжалом)

Придаман (Алькандру)

Эраст

Изабелла

Эраст

Изабелла

Лиза

Вот плата за измену!

Любовнице своей теперь ты знаешь цену.

Спасите же его, о мудрый человек!

Пусть все предатели кончают так свой век!

Что сделал ты, палач!

То, что примером будет

В веках служить всем тем, кто, как и он, забудет

О благодарности, кто вздумает опять

На честь высокую коварно посягать.

Да! Герцог отомщен и герцогиня тоже.

Отомщены и вы. Однако не похоже,

Чтоб вас утешило деянье наших рук,

Хоть трижды виноват неверный ваш супруг.

Лишили жизни мы того, кто был бесчестен,

И потому, мадам, ваш ропот неуместен.

Прощайте.

Вами он убит не до конца:

Нет, он во мне живет. Добейте ж мертвеца!

Меня прикончите и завершите дело.

О бедный мой супруг, я слушать не хотела

То, что предчувствие подсказывало мне:

Кинжал тебя пронзил и по моей вине.

Я отстранить его могла, но так случилось,

Что зримым стало зло, когда оно свершилось.

А надо было... Нет! К чему теперь слова.

Дышать мне нечем... Мрак... Кружится голова...

Убита горем я. Мой друг, до скорой встречи

На небесах...

Она лишилась дара речи.

Мадам... О господи, ее-то в чем вина?

Врача, скорей врача, ведь при смерти она!

Занавес опускается, и сад с трупами Клиндора и Изабеллы исчезает; волшебник и отец Клиндора выходят из грота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Алькандр, Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Вот так со смертными судьба порой играет:
То вознесет их вверх, то в пропасть низвергает.
И так устроен мир, что в счастье иногда
Уже заключена великая беда.

Слова подобные приносят утешенье,
Когда ничтожные нам выпали лишенья.
Но, с ужасом узрев смерть сына моего,
Надежду потеряв, не зная, для чего
Теперь на свете жить, я был бы проклят вами,
Когда б утешился подобными словами.
В скитаньях, в нищете, погибнуть он не мог, —

Погублен счастьем был. О, беспощадный рок!

Какие горькие мне выпали мученья!

Но, жалуясь на боль, мы ищем облегченья,

А мне зачем оно? Хочу я умереть,

Чтоб сына моего на небесах узреть.

Вполне оправданно отчаянье такое.

Вас отговаривать — занятие пустое,

Коль вы задумали уйти за сыном вслед.

Но как? Убить себя? Позвольте дать совет —

Пусть горе вас убьет, что и случится вскоре:

Вид похорон его удвоит ваше горе.

Занавес поднимается, и все актеры вместе с привратником выходят на сцену.

Отсчитав деньги за столом, каждый из них берет свою часть.

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Алькандр

Придаман

Что вижу я? Расчет идет у мертвецов!

Причем никто из них не тратит лишних слов.

Никак не ожидал подобного сюрприза!

Клиндор, его жена, его убийца, Лиза —

Все здесь присутствуют, и споров нет у них.

Но что свело их вновь — и мертвых и живых?

Свело их только то, что все они актеры.

Прочитан монолог — и кончились раздоры.

Убийцей был один и жертвою другой,

Но правит вымысел смертельной их враждой;

Стихи ведут на бой, слова кричат о боли,

Когда же сыграны разученные роли,

Враги перестают хитрить и убивать

И делят выручку, друзьями став опять.

Ваш сын и те, кто с ним участье принял в деле,

Погоню сбить с пути с большим трудом сумели;

Однако от нужды еще трудней уйти —

Театр им помог прибежище найти.

Увы, мой сын — актер!

В искусстве трудном сцены

Четыре беглеца узрели клад бесценный.

Что после бегства их произошло по-

том?

Любовь к чужой жене, душевный перелом,

Смерть неожиданная — это все играли

Они для публики в битком набитом зале.

Конец печален был... Зато не первый год

В Париже восхищен игрою их народ.

Они не бедствуют, и роскошь одеянья

(Что не оставили вы сразу без вниманья),

Клиндору вашему сопутствует... Но он

На сцене только был в ту роскошь облечен.

Хотя притворною смерть сына оказалась,

Для радости моей все ж места не осталось.

Так вот те почести и славы торжество,

Которыми судьба венчает путь его!

Вы не должны роптать. Театр в наше время

Достиг таких высот, что обожаем всеми.

С презреньем на него смотрели в ваши дни,

Теперь же слышатся лишь похвалы одни.

Париж им покорен, в глуши о нем мечтают,

Все образованные люди почитают,

Народу в радость он, утеха для господ,

Всем удовольствие и ото всех почет.

А те, чей дух высок, чья мудрость постоянна

И кто заботится о благе всех так рьяно,

Находят в зрелище, достойном мудрецов,

Отдохновение от тягостных трудов.

И даже сам Король, великий наш властитель,

Гроза враждебных царств, сражений повелитель,

Порой одаривал вниманием своим

Театр французский — он и королями чтим.

Парнас там в наши дни сверкает чудесами,

И лучшие умы туда приносят сами

Трудов своих плоды, в которых отражен

Их созревания виновник: Аполлон.[18]

Но если деньгами удачу надо мерить —

Театр их дает; и можете поверить,

Что сын ваш не бедняк: имеет он сейчас

Гораздо больше благ, чем мог иметь у вас.

Пора вам общее отвергнуть заблужденье:

Клиндор находится в завидном положенье.

Теперь понятно мне, не должен я роптать:

---

[18] Примечания: 1.18

Аполлон — в греч. мифол. сын Зевса, один из главных богов Олимпа, культ которого связывали с различными явлениями и сферами деятельности человека. Но прежде всего он — покровитель поэтов и музыкантов, а шире — покровитель искусств.

Его занятие с моим нельзя равнять.

Меня расстроило, что сын попал на сцену:

Театр я судил, ему не зная цену,

И осуждал его, не ведая о том,

Как много блеска в нем, какая польза в нем.

Однако ваша речь своей достигла цели,

Мое неведенье рассеять вы сумели.

Сын верный путь избрал.

Легко проверить вам.

Поэтому себе я отдыха не дам

И завтра же — в Париж. Но как, скажите сами,

Мне вас благодарить? Не выразить словами

Мою признательность.

Я должен вам сказать,

Что радость для меня — услугу оказать.

Счастливым вижу вас, и в том моя награда.

Вам, о великий маг, других наград не надо.

Но знайте, что всегда, во всякий день и час,

За вашу доброту я буду помнить вас.

Сид{2}

Трагедия

Перевод *М. Лозинского*

{2} Комментарии: 2.2

Сид — герой испанской реконкисты, семивековой освободительной борьбы коренного населения Пиренейского полуострова с мавританскими завоевателями (VIII — XV вв.) Настоящее имя — Родриго Диас де Бивар (XI в.) Подвиги Сида воспеты в поэмах "Песнь о моем Сиде" (XII в.), "Родриго" (XIV в.) и в романсах, собранных в "Романсеро о Сиде" (1612).

Пьеса Корнеля была завершена в конце 1636 года и поставлена в парижском театре "Марэ" не позже первой декады января 1637 г. Первоначально "Сид" назывался трагикомедией, поскольку пьеса не кончалась гибелью героев, а основой ее сюжета был семейный и любовный конфликт. Однако уже в "споре о "Сиде" шедевру Корнеля предъявили требования, сформулированные Аристотелем для трагедии. Сам писатель в издании 1648 г. назвал пьесу трагедией, а позже нередко приводил ее в качестве примера "совершенной" трагедии. Пьер Корнель до конца дней защищал свой шедевр от обвинений противников "Сида". Важным его аргументом в этом споре были не только поэтическая интерпретация судьбы героя реконкисты, но и факты истории. В частности, в предисловии к изданию 1648 года цитируется следующий фрагмент из книги "Общая история Испании" (1616) испанского историка П. Марианы (1537-1624): "За несколько дней до того он сразился с доном Гомесом, графом де Гормас. Одолел его и предал смерти. И воспоследовало из этого события то, что он женился на донье Химене, дочери и наследнице сказанного графа. Она испросила у короля решить это дело так: либо пусть Родриго женится на (уж очень она была влюблена в великие его достоинства), либо пусть его покарают согласно законам за убийство отца. Женитьба состоялась, и всем она пришла по душе. Благодаря браку большое приданое невесты прибавилось к тому, что он сам унаследовал от отца, и таким образом могущество и богатство Родриго только упрочилось" (перевод Н. Томашевского). Простое сопоставление текста корнелевской трагедии с изложенными историком фактами показывает, сколь несправедливы

были обвинения в "безнравственности", предъявленные пьесе его критиками, не желавшими заметить, что драматург, будучи прекрасно знаком средневековой интерпретацией изображенного им конфликта, осмыслил его как трагедийный и психологически чрезвычайно сложный. Помимо Сида среди персонажей трагедии много исторических лиц. Дон Фернандо — Фердинанд I (правил с 1035 по 1065 г.), — первый король Кастилии — королевства в центральной части Пиренейского полуострова, ставшего центром реконкисты. Активное наступление на мусульманские владения началось в период царствования Фердинанда I. Мариана упоминает донью Урраку (дочь Фердинанда I), дона Дьего, дона Ариаса (Гонсалеса). Эльвира и дон Санчо тоже названы в "Истории Испании", но там они — дочь и сын дона Фернандо.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фернандо, первый король кастильский.
Донья Уррака, инфанта кастильская.
Дон Дьего, отец дона Родриго.
Дон Гомес, граф Гормас, отец Химены.
Дон Родриго, возлюбленный Химены.
Дон Санчо, влюбленный в Химену.
Дон Ариас, Дон Алонсо } Кастильские дворяне.
Химена, дочь дона Гомеса.
Леонор, воспитательница инфанты.
Эльвира, воспитательница Химены.
Паж.
Инфанты.

Действие происходит в Севилье.[19]

---

[19] Примечания: 1.19

Севилья — главный город Андалузии, старинной области на юге Пиренейского полуострова, которая, будучи во владении арабов, делилась на четыре эмирата. При Фердинанде I эмиры Андалузии объявили себя его вассалами: и платили ему дань. У Гильена де Кастро действие происходит не в Севилье, а в Бургосе (город в Старой Кастилии).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира, твой рассказ звучит нелицемерно?

Все, что сказал отец, ты изложила верно?

Мой слух восторженно внимал его словам:

Родриго мил ему не менее, чем вам,

И, если чтенье дум доступно нашей власти,

Клянусь, он вам велит ответить этой страсти.

Так повтори еще, как бы себе самой,

В чем видно, что отцу приятен выбор мой?

Поведай вновь о том, что мне судьба готовит:

Столь сладостную речь душа так жадно ловит,

И так заманчива пыланью двух сердец

Свобода милая открыться наконец!

Что он тебе сказал про ласковое иго,

Которого хотят и Санчо и Родриго?

Ты не дала понять, к которому из двух

С таким неравенством склоняется мой дух?

Я речь вела о том, что и теперь, как прежде,

Вы первенства ничьей не дарите надежде

И ждете, не судя пристрастно их заслуг,

Чтоб волею отца вам избран был су-

пруг.

Он принял эту весть с восторгом, о котором

Свидетельствовал въявь и голосом и взором,

И так как я должна вновь повести рассказ,

То вот, что он про них отметил и про вас:

"Она блюдет свой долг, ее достойны оба,

В обоих кровь чиста, смелы, верны до гроба,

И юношеский взгляд легко дает прочесть

Отважных пращуров блистательную честь.

Особенно в чертах Родриго молодого

Дух высшей доблести запечатлен сурово,

И древний дом его так много знал побед,

Что в нем под лаврами рождаются на свет!

Отец его являл, в расцвете сил телесных, —

Примеры подвигов поистине чудесных.

Изрыты славою бразды его чела,

Вещая нашим дням минувшие дела.

Сын подает отцу залог достойной смены,

И я одобрил бы любовь к нему Химены".

Он поспешал в совет и должен был пресечь,

Теснимый временем, чуть начатую речь.

Но после этих слов едва ли есть сомненье,

Которому из двух он дарит предпочтенье.

Сегодня должен быть наставник принцу дан;

Лишь вашему отцу пристал подобный сан;

Он столь бесспорными заслугами украшен,

Что из соперников ему никто не страшен.

Не зная равного на поле славных дел,
По праву он возьмет ожиданный удел,
И, так как с ним самим дон Дьего хочет ныне,
Чуть кончится совет, поговорить о сыне,
Вы можете судить об отклике отца
И долго ли вам ждать счастливого конца.

Я смущена душой, Эльвира, я не смею
Отдаться радости и угнетаюсь ею:
Обличия судьбы изменчивы всегда,
И в самом счастии меня страшит беда.

Поверьте, этот страх обманчивого рода.

Что б ни было, идем и будем ждать исхода.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта, Леонор, паж

Инфанта

(Паж уходит.)

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Паж

Инфанта (к Леонор)

Леонор

Инфанта

Паж, вы должны снести Химене мой

укор

В том, что ленивицы не видно до сих пор;

Для дружбы горестно такое невниманье.

Вседневно, госпожа, у вас одно желанье,

И вы в беседе с ней вседневно, вновь и вновь

Осведомляетесь, как зреет их любовь.

Тому причина есть. Мои трудились руки,

Чтоб душу ей пронзить стрелами нежной муки.

Родриго дорог ей: он ей подарен мной;

Он торжеством своим обязан мне одной.

Я этих любящих сама сковала страстью

И потому должна сочувствовать их счастью.

Однако, госпожа, вы каждый их успех

Встречаете с тоской, заметною для всех.

Ужели зрелище любви, для них счастливой,

Терзает душу вам печалью молчаливой

И вы, сочувственно склоняясь к их судьбе,

Вручили радость им и взяли скорбь себе?

Но я зашла за грань и становлюсь нескромной.

Скорбь тяжела вдвойне под кровом тайны темной.

Узнай, узнай, о том, как долго билась я,

Узнай, как борется доныне честь моя.

Любовь — жестокий царь, ее всесильно иго:

Я мной даримого, я этого Родриго

Люблю.

Вы любите его!

Тронь сердце мне,

При этом имени — в каком оно огне,

В каком смятении!

Пусть я мой долг нарушу, —

Я порицаю пыл, объявший вашу душу.

Принцесса может ли, забыв свой сан и кровь,

К простому рыцарю восчувствовать любовь?

А мненье короля? А всей Кастильи мненье?

Вы помните иль нет свое происхожденье?

Я помню — и скорей всю кровь пролью из ран,

Чем соглашусь забыть и запятнать мой сан.

Конечно, есть ответ, что дух, ревнивый к славе,

Одним достоинством воспламеняться вправе,

И я бы страсть мою оправдывать могла

Примерами в былом, которым нет числа;

Но я не внемлю им, когда задета гордость;

В волненье чувств моих я сохраняю твердость,

И если мне сужден супруг и господин,

То это может быть лишь королевский сын.

Поняв, что мой покой сберечь я не сумела,

Я уступила, то, чем овладеть не смела;

Ему взамен Химену я даю,

И я зажгла их страсть, чтоб угасить мою.

Не удивляйся же, что сердцем леденея,

Я с нетерпением хочу их гименея;

С ним связан, для меня покой грядущих дней;

Живет надеждой страсть и гибнет вместе с ней;

То пламень, гаснущий, когда нет пищи новой;

И если для меня настанет день суровый

И, я супругами увижу этих двух,

Мои мечты умрут, но исцелится дух.
И все же я терплю неслыханную муку:
Родриго дорог мне, пока не отдал руку.
Я силюсь с ним порвать — и неохотно рву,
И в тайной горести поэтому живу.
Я чувствую, что я, в моей печальной доле,
По мной отвергнутом вздыхаю поневоле;
Я вижу, что душа раздвоена во мне:
Высоко мужество, но сердце все в огне.
Мне страшен этот брак: немилый и желанный,
Он сердцу не сулит отрады долгожданной;
Так властны надо мной и страсть моя, и честь,
Что, будет он иль нет, мне этого не снесть.

Какими, госпожа, отвечу я словами?
Скажу единственно, что стражду вместе с вами.

Я возражала вам, теперь жалею вас.

Но если сквозь недуг, проникший в вас сейчас,

Вы стойко боретесь с его волшебной силой,

Противясь натиску, враждуя с властью милой, —

Вы в этой стойкости окажетесь сильней.

Надейтесь на нее, на помощь быстрых дней,

На правоту небес: они всему свидетель

И от напрасных мук избавят добродетель.

Мне слаще всех надежд — знать, что надежды нет.

Химена вам несет почтительный привет.

Вы около нее побудьте в галерее.

Вам одинокая задумчивость милее?

Нет, только я хочу, как сердце ни болит,

Наедине с собой принять спокойный вид.

Я к вам сейчас приду.

О боже всемогущий,

Не дай торжествовать тоске, меня гнетущей,

И огради мой мир, честь огради мою!

Чтоб стать счастливою, я сердце отдаю.

Спокойствие троих лежит в их гименее.

Скорей сверши свой суд иль дай мне быть сильнее.

В нерасторгаемом союзе их сердец —

И вольность для меня, и мук моих конец.

Но мне пора идти; мой разговор с Хименой

В моих терзаниях мне будет переменой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Граф, дон Дьего.

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

Дон Дьего

Граф

(Дает ему пощечину.)

Дон Дьего (обнажая меч)

Граф

Дон Дьего

Граф

Итак, вы взяли верх, и с нынешнего дня
Вас облекает сан, который ждал меня:
Вам как наставнику король вверяет сына.

Почтившее мой дом вниманье властелина
Показывает всем, что он сумел и тут
По справедливости воздать за прошлый труд.

Как ни возвышен трон, но люди все подобны:

Судить ошибочно и короли способны;

И этим выбором доказано вполне,

Что настоящий труд у них в плохой цене.

Не будемте вступать в досадный спор друг с другом:

Я мог быть случаю обязан, не заслугам,

Но есть священный долг, — и я его блюду, —

Веленья короля не подвергать суду.

Он оказал мне честь, вы окажите тоже,

Сомкнемся узами, которых нет дороже:

Сын у меня один, и дочь у вас одна;

Их брак на вечные сдружит нас времена;

Явите милость нам и будьте сыну тестем.

Столь низменным родством его мы

обесчестим,

И пышность должности, пожалованной вам,

Должна его манить к совсем иным мечтам.

Вступайте в новый сан и сейте мудрость в принце:

Как обеспечивать спокойствие провинций,

Воспитывать в сердцах законную боязнь,

Внушать злодею страх и доброму приязнь;

Прибавьте к этому науку воеводы:

Как приучать себя переносить невзгоды,

—

В искусстве Марсовом быть первым на земле,

Не знать усталости, и день и ночь в седле;

Спать, не снимая лат, брать стены голой шпагой,

Исход сражения решать своей отвагой;

И, чтоб уроками он лучше овладел,

Являйте юноше пример наглядных дел.

Он почерпнет пример, завидный всей отчизне,

Читая летопись моей высокой жизни.

Там, в свитке славных дел, урок наглядный дан,

Как сокрушать отпор чужеплеменных стран,

Вторгаться в крепости, войска беречь для боя

И блеском подвигов стяжать венец героя.

Живой пример верней, и только он велик;

Уменье властвовать не черплется из книг.

И чем, в конце концов, ваш долгий век столь славен?

Любой из дней моих ему с избытком равен.

Вы были доблестны, я и теперь таков;

Перед моим мечом, ужасным для врагов,

Гранада в трепете и Арагон в бессилье;[20]

Я именем моим оплот для всей Кастильи;

Не будь меня, чужой теснил бы вас закон,

Здесь ваши недруги воздвигли бы свой трон.

Вседневная молва летя за мною следом,

За лавром новый лавр плетет моим победам.

Принц, на моих глазах учась водить полки,

Возрос бы мужеством в тени моей руки,

Искусство побеждать усвоив на примере,

И, чтобы оправдать воочью в полной

---

[20] Примечания: 1.20

Гранада в трепете и Арагон в бессилье... — Гранадский эмират, (в XI в. территориальное владение арабов на юге Пиренейского полуострова). Оставался мусульманским до конца реконкисты. Взятие Гранады в 1492 г. означало окончательное завершение освободительной войны коренного населения Испании. Арагон — королевство (образовалось в 1035 г.), расположенное к востоку от Кастилии. Арагон то вступал в союз с Кастилией для борьбы с маврами, то враждовал с ней.

мере
Свой сан...

Я знаю, да, вы королю слуга:
Вы у меня не раз ходили на врага.
Когда преклонный век оледенил мне жилы,
На смену мне пришли ваш дух и ваши силы;
Скажу без лишних слов и мыслей не тая:
Теперь вы стали тем, чем был когда-то я.
Но в этом случае, как видите вы сами,
Монарх различие проводит между нами.

Мой жребий у меня вы вырвали из рук.

Свой жребий каждому по степени заслуг.

Заслуживает тот, кто лучше знает дело.

Что этим случаем подтверждено всецело.

Вы взяли приском, придворный сердцевед!

Моим ходатаем был блеск моих побед.

Допустим, что король честь оказал сединам.

Он мыслил, как всегда, о мужестве едином.

И должен был меня законно предпочесть.

Непредпочтенному не подобала честь.

Не подобала честь! Мне?

Вам.

Бесстыдник старый.

Твоя заносчивость заслуживает кары.

Кончай — и жизнь возьми, когда таким стыдом

Впервые обагрен мой знаменитый дом!

Что противу меня ты можешь, старец хилый?

О боже, в час нужды мне изменяют

силы!

Твой меч достался мне; но честь невелика,

И я презренного не подыму клинка.

Прощай; пусть юный принц, ища пример в отчизне,

Читает летопись твоей высокой жизни;

Вот этой платою за дерзость болтуна

В немалой степени украсится она.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Дьего

Дон Дьего

О, гнев! О, бешенство! О, старость, враг лукавый!

Ужель я столько жил, чтоб умереть без славы,

И на полях войны трудился до седин,

Чтоб лавры доблести поблекли в день один?

Рука, некрытая победоносной пылью,

Рука, так много раз спасавшая Кастилью,

Престолу королей защита и оплот,

В час столкновения меня же предает?

О, пламенная скорбь о славе посрамленной!

Труд неисчетных дней, в единый день сметенный!

Почет, возданный мне, чтоб гибель мне принесть!

Утес, с которого моя низверглась честь!

Ужели дерзкого мое украсит горе

И я, не отомстив, окончу дни в позоре?

Будь принцу моему руководитель, граф:

Мое бесчестие меня лишает прав;

В кичливой ревности ты можешь быть спокоен:

Избранник короля, я больше недостоин.

А ты, орудие моих былых побед,

Но бесполезная игрушка хладных лет,

Когда-то грозный меч, который, призван к бою,

Был не защитой мне, а жалкой мишурою,

Покинь носящего позор в своей груди

И в руку к лучшему для мщенья перейди.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего, дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Родриго, храбр ли ты?[21]

Я бы не ждал с ответом,

Не будь вы мой отец.

Есть прелесть в гневе этом!

Я в гордом отклике отраду сердцем пью!

В его горячности я слышу кровь мою:

Мне этот пыл знаком, он — доброе предвестье.

Приди, мой сын, приди, загладь мое бесчестье...

Будь мой отмститель.

В чем!

В тягчайшей из обид;

Она бесславием обоих нас разит:

В пощечине. Наглец понес бы наказанье.

Но возраст обманул священное желанье;

И меч, который мне уже тяжел в борь-

---

[21] Примечания: 1.21

Родриго, храбр ли ты? — У Гильена де Кастро дон Дьего испытывает мужество своих трех сыновей и признает способным постоять за честь семьи только одного — Родриго.

бе,

На кару и на месть я отдаю тебе.

Иди — и мужеством ответь на дерзновенье:

Лишь кровью можно смыть такое оскорбленье.

Умири — или убей. Но знай, я не таю:

Тебе я грозного противника даю.

Я видел, весь в крови, покрытый ратным прахом,

Он разметал войска, охваченные страхом;

Я видел, не один ломал он эскадрон.

Но мало этого: не только рыцарь он,

Не только смелый вождь, громящий рвы и стены,

Он...

Умоляю вас, кто он?

Отец Химены.

Отец...

Не отвечай. Я знаю все, что есть.

Но мы не вправе жить, когда погибла

честь.

Чем лучший оскорбил, тем глубже оскорбленье.

Ты знаешь мой позор, в твоей руке отмщенье.

Я все тебе сказал: наш мститель — ты один.

Яви себя врагу как мой достойный сын,

А я предам мой дух скорбям, меня сломившим.

Иди, беги, лети — и возвратись отмстившим.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Родриго

Дон Родриго

До глуби сердца поражен[22]

Смертельною стрелой, нежданной и лукавой,

На горестную месть поставлен в битве правой,

Неправой участью тесним со всех сторон,

Я медлю, недвижим, и смутен дух, невластный

Снести удар ужасный.

Я к счастью был так близок наконец, —

О, злых судеб измены! —

И в этот миг мой оскорблен отец,

И оскорбившим был отец Химены.

Я предан внутренней войне;

Любовь моя и честь в борьбе непримиримой:

---

[22] Примечания: 1.22

До глуби сердца поражен... — знаменитый монолог Родриго, завершающий первое действие, написан стансами, чем подчеркивалось, что герой говорит как поэт — стихами (в то время как двенадцатисложный стих считался эквивалентным прозе). Известный поэт и критик Ф. д'Обиньяк (1604-1676) в своей книге "Практика театра" (1657), признавая красоту стансов Родриго, подчеркивал, что они неуместны, так как неправдоподобны, ибо, по его мнению, невозможно себе представить, что Родриго способен на импровизацию стихов.

Вступиться: за отца, отречься от любимой!

Тот к мужеству зовет, та держит руку мне.

Но что б я ни избрал — сменить любовь на горе

Иль прозябать в позоре, —

И там и здесь терзаньям нет конца.

О, злых судеб измены!

Забыть ли мне о казни наглеца?

Казнить ли мне отца моей Химены?

Отец, невеста, честь, любовь,

Возвышенная власть, любезная держава!

Умрут все радости или погибнет слава.

Здесь — я не вправе жить, там — я несчастен вновь.

Надежда грозная души благороженной,

Но также и влюбленной,

Меч, мне к блаженству преградивший путь;

Суровый враг измены,

Ты призван ли мне честь мою вернуть?

Ты призван ли меня лишить Химены?

Пусть лучше я не буду жив.

Не меньше, чем отцу, обязан я любимой:

Отмстив, я гнев ее стяжаю негасимый;

Ее презрение стяжаю, не отмстив.

Надежду милую отвергнуть ради мести?

Навек лишиться чести?

Напрасно мне спасенья вожделеть:

Везде судьбы измены.

Смелей, душа! Раз надо умереть,

То примем смерть, не оскорбив Химены.

Но умереть с таким стыдом!

Чтобы открылась мне бесславная могила

И чтоб Испания за гробом осудила

Не защитившего свой оскорбленный дом!

Покорствовать любви, которую, я знаю,
Я все равно теряю!
Ужели же я мог бы предпочесть
Постыдный путь измены?
Смелей, рука! Спасем хотя бы честь,
Раз все равно нам не вернуть Химены.

Я был в рассудке помрачен:
Отцу обязан я первее, чем любимой;
Умру ли я в бою, умру ль тоской томимый,
Я с кровью чистою умру, как был рожден.
Мое и без того чрезмерно небреженье.
Бежим исполнить мщенье;
И, колебаньям положив конец,
Не совершим измены:
Не все ль равно, раз оскорблен отец,
Что оскорбившим был отец Химены!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Ариас, граф

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

Дон Ариас

Граф

(Один.)

Меж нами сознаюсь, меня увлек мой пыл,

И я в горячности слегка перехватил;

Но дело сделано, и нет к нему возврата.

Желанье короля для вас да, будет свято:

Он очень раздражен и может сей же час

Со всею властию обрушиться на вас. —

Поступку вашему не приискать смягченья;

Сан оскорбленного и тяжесть оскорб-

ленья
Потребуют шагов с виновной стороны
Важнейших, чем одно признание вины.

Извольте, жизнь моя всегда в монаршей власти.

Вслед за ошибкою вы отдаетесь страсти.
Король к вам милостив, пусть даже и грозя;
Раз он сказал: "Хочу", — ослушаться нельзя.

Свое достоинство над долгом возвышая,
Чуть-чуть ослушаться — вина не столь большая;
Во всяком случае, подобная вина
Числом моих заслуг с лихвой поглощена.

Как много подданный усердья ни приложит,
Король ему ничем обязан быть не может.

Вы обольщаетесь: наш долг всегда гласил
Служить властителю по мере наших сил:
Вы губите себя, живя в такой надежде.

Узнав на опыте, поверю, но не прежде.

Подумайте: грозна карающая власть.

Я не из тех людей, кто сразу может пасть.
Пусть будет надо мной учинена расправа:
Когда погибну я, погибнет вся держава.

Как! Если скипетр свой король поднимет вдруг...

Свой скипетр без меня он выронит из рук.
Ему невыгодно ломать опору трона:
С моею головой падет его корона.

Нельзя волнением рассудок заглушать.
Решайте, не сердясь.

Мне нечего решать.

Но что же мне сказать? С какой явиться вестью?

Что я не соглашусь подвергнуться бесчестью.

Опасно королям оказывать отпор.

Мой выбор совершен; покончим этот спор.

Прощайте ж, если вам покорность незнакома;
Но и под лаврами остерегайтесь грома.

Спокойно жду его.

Дождетесь, верьте мне.

Ну что ж, обиженный утешится вполне.

Кто смертью не смущен, угрозой не смутится.
Страшнейшей из опал мой дух не убоится.
Я всякую беду согласен перенесть,
Но я не соглашусь, чтоб пострадала

честь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Граф, Дон Родриго

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Дон Родриго

Граф

Два слова, граф.

Изволь.

Поговорим негласно.
Ты знаешь, кто такой дон Дьего?

Да.

Прекрасно.
Ты знаешь ли, что в нем все доблести слиты,
Вся честь и мужество былого? Знаешь ты?

Быть может.

Что огонь, мой взор зажегший светом,
—

Что это кровь его? Ты знаешь?

Что мне в этом?

Поймешь, пройдя со мной отсюда пять шагов.

Кичливец молодой!

Не надо громких слов.

Я молод, это так; но если сердце смело,

Оно не станет ждать, чтоб время подоспело.

Ты? Меряться со мной? Скажи, какой задор!

Ведь ты еще ни с кем не бился до сих пор.

Так что ж? Таким, как я, не надо и показа:

Мы бьем уверенно и с первого же раза.

Да знаешь ты, кто я?

Я знаю; и в любом

Душа смутилась бы при имени твоем.

На куще пальмовой, чело твое покрыв-

шей,

Как бы начертан рок, погибель мне судивший.

Я вышел биться с тем, кто побеждал всегда;

Но сила сыщется, когда душа тверда.

Отмстители отцов самой судьбой водимы.

Непобежденные не все непобедимы.

Бесстрашие, в твоих сквозящее речах,

Я издавна привык читать в твоих очах;

И, чувствуя в тебе оплот родного края,

Гордился, дочь мою тебе предназначая.

Я знаю страсть твою и убедиться рад,

Что твой высокий долг не встретил в ней преград;

Что доблестный порыв не остановлен ею;

Что твой отважный дух я чтить, как прежде, смею;

И что, в лице твоем в зятья себе избрав

Прямого рыцаря, я оказался прав;

И все же я готов жалеть тебя невольно:

Отваге я дивлюсь, но мне за юность больно.

Не обрекай себя на искус роковой;

Не понуждай меня вступать в неравный бой;

С тобой я мыслил бы бесчестным спор кровавый:

Где нет опасности, не может быть и славы.

Сочтут, что без труда я одолел в борьбе,

И мне останется лишь плакать по тебе.

Ты оскорбил меня, теперь меня жалеешь?

Ты отнял честь мою, а жизнь отнять не смеешь?

Ступай отсюда прочь.

За мной, без лишних слов.

Тебе постыла жизнь?

Ты к смерти не готов?

Идем; остаться жить сын не имеет права,
Когда омрачена отеческая слава.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Химена, Леонор

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Смири, смири в себе, Химена, эту боль
И сердце к твердости в несчастье приневоль.
Сменится тишиной случайное ненастье;
Лишь беглым облаком твое затмилось счастье,
И не на долгий срок оно отдалено.

Мне в этой горести надежды не дано.
Внезапная гроза, смутившая погоду,
Крушенье верное пророчит мореходу;
Я в самой гавани поглощена волной.
Уже нас сватали его отец и мой,
И счастия приход, пленительный и скорый,
Я возвещала, вам в миг злополучной ссоры,
Когда их развела нежданная вражда,
Надежду милую разрушив навсегда.
Тщеславье гнусное, гордыни дух тле-

творный,

Чьей власти пагубной и лучшие покорны!

Честь, беспощадная ко всем моим мечтам,

Как много вздохов я и слез тебе воздам?

Поверь, твоих надежд их ссора не разрушит:

Миг породил ее, и миг ее потушит.

Чрезмерность отклика положит ей конец:

Их примирения желает мой отец;

А я, чтоб радостной тебя увидеть снова,

На невозможное отважиться готова.

Здесь примирение бесцельно, все равно:

Ничто не может смыть столь страшное пятно,

Нет пользы применять совет иль принужденье:

Они лишь мнимое приносят исцеленье.

Глухая ненависть, в сердцах затаена.

Горит невидимо, но тем знойней она.

Союз, связующий Родриго и Химену,

Рассеет ненависть, ей мир придет на смену;

Взаимная любовь окажется сильней,

И распрю заглушит счастливый Гименей.

Я праздною мечтой себя не обольщаю:

Дон Дьего слишком горд, а нрав отца я знаю,

Поток невольных слез я сдерживать должна;

Мне тяжко прошлое и будущность страшна.

Что страшно? Старца гнев? Бессильный крови холод?

Родриго мужествен.

Родриго слишком молод.

Кто смел, тот смельчаком рождается на свет.

И все-таки причин для беспокойства

нет;

Свою любимую он огорчить не может;

Два слова уст твоих — и злобу он отложит.

Коль он не внемлет мне, какой предел невзгод!

А если может внять, то кем он прослывет?

Благорожденному — не смыть обиды кровной?

Уступит он иль нет огню тоски любовной,

Мне только стыд сулят иль скорбь, из часа в час,

Такая преданность или такой отказ.

Химена и в беде горда и бескорыстна;

Ей низменная мысль была бы ненавистна;

Но если вплоть до дня, как мы их помирим,

Родриго пленником я объявлю моим

И мужество его в бездействии пребудет,

Меня твоя любовь за это не осудит?

Тогда я никаких не ведаю забот.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Инфанта, Химена, Леонор, паж

Инфанта

Паж

Химена

Инфанта

Паж

Химена

Паж

Химена

Паж, позовите мне Родриго; пусть придет.

Граф де Гормас и он...

Вам что-нибудь известно?

Что с ними?

Из дворца они ушли совместно.

Одни?

Одни, и был у них о чем-то спор.

Они сражаются, оставим разговор.

К моей поспешности явите снисхожденье.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Инфанта, Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Какое странное меня томит волненье!
О ней душа скорбит, а им восхищена;
Сердечный мир исчез, а страсть воскрешена.
Я, этих любящих предчувствуя разлуку,
Живу надеждой вновь — и вновь лелею муку;
И, хоть, печален мне грядущий их разлад,
Мой дух отрадою таинственной объят.

У вашей доблести ужель так мало власти,
Чтоб тотчас уступить постыдной этой страсти?

Не называй ее постыдной; надо мной
Ей суждено царить и властвовать одной;
Будь к ней почтительна, она мне всех дороже.
Я стойко с ней борюсь, но я надеюсь все же;

И сердце, покорясь надежде дорогой,
Летит за счастием, утраченным другой.

Итак, высокий дух уже обезоружен
И голос разума докучен и ненужен?

Не внемлют разуму и с ним не говорят,
Когда в душе разлит такой прелестный яд.
И если страждущим любезны их страданья,
Они насильного не терпят врачеванья.

Вы прельщены мечтой, в ней все полно прикрас;
Но вы же знаете: Родриго ниже вас.

Я это знаю: да; пусть мало я боролась,
Но слушай, как любви искусен льстивый голос.
Когда одержит верх в единоборстве он
И грозный враг его окажется сражен,
Я вправе чтить его, могу любить свободно.

Тот, кем повержен граф, свершит все что угодно

Мне хочется мечтать, что в счастливой борьбе

Он царства целые поработит себе;

И льстящая любовь, сметая все преграды,

Являет мне его занявшим трон Гранады,

Он маврам трепетным дарует свой закон,

Завоевателя встречает Арагон,

Смят португальский стяг, и громкие походы

Несут его судьбу через морские воды,

Чтоб кровью Африки кропить его венцы;

Всего, чем памятны славнейшие бойцы,

Я от Родриго жду вослед за этим боем

И буду лишь горда, любимая героем.

Как смело вы его играете судьбой!

Да состоится ли еще и первый бой?

Родриго оскорблен; он с графом должен

драться:

Они ушли вдвоем, — здесь трудно сомневаться.

Они сразятся, пусть; но на пути побед

Способен ли поспеть Родриго вам вослед?

Ах, я безумствую, мой ум отрава точит!

Ты видишь, сколько мук мне эта страсть пророчит!

Пойдем; утешь мой дух и сердце успокой;

Не оставляй меня наедине с тоской.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фернандо, Дон Ариас, дон Санчо

Дон Фернандо

Дон Ариас

Дон Фернандо

Дон Санчо

Дон Фернандо

Дон Санчо

Дон Фернандо

Дон Санчо

Дон Фернандо

Дон Ариас

Дон Фернандо

Дон Ариас

Дон Фернандо

Граф начал действовать весьма неосторожно.
Ужель он думает, его простить возможно?

Я с ним беседовал как посланный от вас;
Я сделал все, что мог, и получил отказ.

О небо! Подданный настоль самоуверен,
Что с волею моей считаться не намерен!
Дон Дьего можно бить, гнушаться ко-

ролем,

Противиться ему пред всем его двором!

Пусть смелый воин он, пусть полководец славный, —

Я справлюсь без труда с гордыней своенравной;

Будь он сама гроза, будь он сам бог войны,

Ослушник понесет последствия вины.

Хоть он себе тогда позволил слишком много,

Сперва я не хотел с ним обходиться строго;

Но, так как пользы нет, сегодня ж будет он,

Пусть хоть насильственно, под стражу заключен.

Быть может, государь, он сам смирится вскоре.

Он весь еще кипел, разгоряченный в ссоре;

Пока не миновал первоначальный пыл,

Нельзя, чтобы гордец так сразу уступил.

Он знает, что не прав, но сердце в нем надменно,

И тягостно ему сознаться откровенно.

Извольте замолчать, дон Санчо; я велю

Считать согласье с ним изменой королю.

Я повинуюсь вам; но если б вы мне дали

Вступиться за него...

То что бы вы сказали?

Что дух, приученный быть доблестным всегда,

Принесть повинную не может без стыда:

В нем чувство гордости, естественно, задето,

И графа на отпор подвигло только это.

Полученный приказ немного слишком строг;

Он подчинился бы, когда бы с честью мог.

Велите, чтобы он, привыкший жить солдатом,

Обиду искупил воинственным булатом;

А если надобно, то я и сам могу

Дать острием меча ответ его врагу.

Вы забываетесь; но я прощаю смелость

И юношеских лет горячую незрелость.

Король, чьи помыслы полны иных забот,

Кровь подданных своих иначе бережет:

Я охраняю их, пекусь об их уделе,

Подобно голове, пекущейся о теле.

К единомыслию мы с вами не придем:

В вас, говорит боец: мой долг, — быть королем;

И, думая, как он, поверьте, вы не правы:

Граф повинуясь мне, не потеряет славы.

К тому ж задет и я: он оскорбил того,

Кому наследника я вверил моего;

Оспорить выбор мой, хотя б в порыве страсти,

Есть вызов лично мне и королевской власти.

Довольно. Весть пришла, что наш старинный враг

На десяти судах надменно поднял стяг

И в устие реки дерзнул проникнуть с моря.

Вы маврам принесли уже немало горя,

И, вашей доблестью сраженные не раз,

Они отважиться не смеют против вас.

Их гордый дух угрюм и ревностью снедаем,

Что скипетр мой царит над Андалузским краем,

И невозвратная, прекрасная страна

Всегда желанною казаться им должна.

Я только для того решил в стенах Севильи,

Тому уж десять лет, поставить трон Кастильи,

Чтоб к маврам ближе быть, и не спус-

кать с них взор,

И сразу им давать решительный отпор.

Они изведали давно ценой кровавой,

Что каждый ваш поход увенчан ратной славой; —

Бояться нечего.

И нечего дремать;

Беспечность — худший враг, чем вражеская рать;

Вы сами знаете: совсем не будет дивом,

Когда они сюда поднимутся с приливом.[23]

И все ж, по одному известию гонца,

---

[23] Примечания: 1.23

Когда они сюда поднимутся с приливом. — Корнель в "Рассмотрении" (1660) пояснял, почему он выбрал Севилью в качестве резиденции дона Фернандо: "Пришлось выбрать Севилью, хотя дон Фернандо никогда не был ее властителем. Я был вынужден пойти на эту подтасовку, дабы придать хоть сколько-нибудь правдоподобия высадке мавров, войско которых никак не могло подойти с такой скоростью по суше. Только по воде. Этим я менее всего хочу доказать, будто морской прилив мог донести мавританские суда до городских стен Севильи, но поскольку путь по нашей Сене от моря до Парижа еще длиннее пути по Гвадалквивиру до севильских стен, то это рассуждение может показаться правдоподобным для тех, кто сам не бывал на месте нашего действия (перевод Н. Томашевского).

Я не хочу вселять напрасный страх в сердца,

И нам, в опасности не убедясь воочью,

Не стоит в городе тревогу сеять ночью.

На стены и к реке послать двойной дозор —

И хватит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Санчо, дон Алонсо

Дон Алонсо

Дон Фернандо

Дон Алонсо

Дон Фернандо

Государь, граф умер; свой позор

Дон Дьего искупил, отмстив рукою сына.

Я знал, что близится кровавая година:

Чтоб отвратить ее, я сделал все, что мог.

Химена, вся в слезах, спешит у ваших ног

Сложить свою печаль и требовать расплаты.

Я сердцем чувствую всю боль ее утраты;

Но граф был дерзостен, упорствовал в вине,

И наказание заслужено вполне.

И все ж, хотя ему по праву воздается,

Мне горестно терять такого полководца.

Он был моей стране надежная броня,

Он крови не жалел, сражаясь за меня,

И, как бы ни судить о буйно восстававшем,

Я без него слабей, и я скорблю о павшем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, Химена, дон Санчо, дон Ариас,

Дон Алонсо

Химена

Дон Дъего

Химена

Дон Дъего

Химена

Дон Дъего

Химена

Дон Дъего

Химена

Дон Дъего

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Дон Дьего

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Химена

Возмездье, государь!

К вам, государь, зову!

Молю у ваших ног.

Склоняю к ним главу.

Я требую суда.

И я готов к защите.

Безумца юного отвагу накажите:
Он отнял жизнь того, кто нужен был венцу;
Он дочь лишил отца.

Он честь вернул отцу.

За пролитую кровь монарх карать обязан.

Кто справедливо мстит, не может

быть наказан.

Прошу обоих встать; обсудим не спеша.

Химена, тяжело скорбит моя душа;

Ее страдание с печалью вашей сходно.

—

Вы скажете потом; пусть говорит свободно.

Скончался мой отец; я словно вижу вновь,

Как из его груди ключом клокочет кровь.

Кровь, охранявшая твердыни ваших башен,

Кровь, чьей отвагою ваш славный трон украшен,

Которая еще дымится и сейчас.

От гнева, что она пролилась не за вас,

Кровь, от которой смерть шарахалась со страхом,

Родриго возле вас смешал с песком и прахом.

Я бросилась туда, слабея на бегу.

Он не дышал уже. Простите, не могу,

Я плачу, государь, и говорить мне больно.

Быть может, этих слез и вздохов вам довольно.

Мужайся, дочь моя, будь стойкой до конца;

Ты в короле своем найдешь себе отца.

Вслед горю, государь, спешит чрезмерность чести.

Так вот, он не дышал; он был убит на месте;

Зияла грудь его; он навсегда умолк,

Но кровью на земле начертывал мой долг;

Вернее, мощь бойца, струей точась багряной,

Мне о возмездии кричала этой раной,

Чтоб тот, кто правит суд пред истиной самой,

Из скорбных уст ее услышал голос мой.

Ужели, государь, вы потерпеть согласны

Под вашей властию такой разгул ужасный,

Чтоб безнаказанно отважнейших людей

Ударом дерзостным мог поражать злодей;

Чтоб молодой смельчак во славе с ними спорил,

Купался в их крови и память их позорил!

Неотомщенная кончина храбреца

Погасит рвение вернейших слуг венца,

Да, мой отец убит; я требую отмщенья,

Скорей для пользы вам, чем мне для утешенья.

Подобного отцу вы не найдете вновь.

Воздайте смерть за смерть, пролейте кровь за кровь,

Пусть жертвою падет — не мне, но вашей славе

Но вашему венцу, и скиптру, и державе,

Пусть жертвою падет на благо всей стране

Гордыню черплющий в неслыханной вине.

Дон Дьего, ваш ответ.

Сколь зависти достоин

Тот, кто, теряя мощь, теряет жизнь, как воин,

И сколь казним судьбой отважный человек,

Который долго жил и пережил свой век!

Я, чей высокий труд по всей отчизне ведом,

Я, с юных лет моих приученный к победам,

Я дожил до того, что я был оскорблен

И, обнажив свой меч, остался побежден.

Чего не, смел ни бой, ни приступ, ни засада,

Чего ни Арагон не мог бы, ни Гранада,

Ни ярость недруга, ни зависть гордеца,

На то решился граф средь вашего дворца,

Ревнуя выбор ваш и похваляясь силой,

Торжествовавшею над старостию хилой.

И эти волосы, седевшие в боях,

Кровь, обагрявшая изрытый битвой прах,

Рука, полки врагов крушившая отпором,

Сошли бы в хладный склеп, покрытые позором,

Когда бы не был мной достойный сын рожден.

Кем могут быть горды я, родина и трон.

Он бился за меня, и граф понес отмщенье.

Честь восстановлена, и смыто оскорбленье.

Когда достойная отплата за удар,

Когда законный гнев заслуживает кар,

Гром должен встретить я, один на целом свете:

Где не права рука, там голова в ответе.

И есть ли тут вина иль ровно никакой,
Но головой был я, а сын мой был рукой.
Химена не того в убийстве обвинила:
Убийцей был бы я, когда была бы сила.
Казните голову, уж ей недолго жить;
Рука еще не раз вам может послужить.
Да будет кровь моя Химене утешеньем;
Я этот приговор не встречу возмущеньем,
Прочту без ропота жестокую скрижаль:
Раз честь моя со мной, мне умереть не жаль.

Здесь торопливого не может быть ответа,
И дело подлежит суждению совета.
Дон Санчо отведет Химену к ней домой.
Дон Дьего слово даст, что здесь он узник мой.
Прислать Родриго к нам. Король свой

суд положит.

Великий государь, убийца жить не может!

Химена, отдохни и боль преодолей.

Терзанья отдыха мне вдвое тяжелей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Эльвира

Эльвира

Дон Родриго

Эльвира

Дон Родриго

Эльвира

Дон Родриго

Эльвира

Дон Родриго

Эльвира

Родриго, что с тобой? Зачем ты здесь, несчастный?

Меня приводит путь моей судьбы ужасной.

И ты являешься, гордыней опьянен,

Туда, где поселил отчаянье и стон?

Как? Даже здесь тебе не предстает укором
Тень графа?

Жизнь его была моим позором;
Убить моей рукой приказывала честь.

И здесь ты думаешь убежище обресть?
Приют — под кровлею убитого тобою?

Я прихожу предстать перед моим судьею.
Забудь смущение и отложи боязнь:
Казнив обидчика, я сам иду на казнь.
Судья — моя любовь, судья — моя Химена.
Снискать ее вражду — ужасней, чем измена,
И я пришел снискать, как утоленье мук,
Свой суд из милых уст и смерть из милых рук.

Беги от глаз ее, беги от возмущенья;
Первоначального не искушай волненья;
Уйди и первые порывы пережди,

Которые сейчас кипят в ее груди.

Нет, нет, любимую подвигнув к неприязни,
Я без того уже заслуживаю казни;
И я бы избежал мученья ста смертей,
Удвоив гнев ее, чтоб умереть скорей.

Химена во дворце, в слезах тоски глубокой;
Ей не дадут домой вернуться одинокой.
Родриго, удались; сейчас сюда придут.
Что станут говорить, тебя увидев тут?
Вокруг ее беды начнутся злые речи,
Что дочь убитого с убийцей терпит встречи.
Она уже идет, скорей, не будь упрям;
Помилуй честь ее, Родриго, скройся там.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Санчо, Химена, Эльвира

Дон Санчо

Химена

Дон Санчо

Химена

Дон Санчо

Химена

Дон Санчо

Да, вам завещана кровавая расплата:
Ваш гнев пред всеми прав, и ваше горе свято;
И я бы не посмел в печальный этот час
Стараться вас смягчить или утешить вас.
Но, если на меня высокий долг возляжет,
Мое оружие виновного накажет,
Моя любовь отмстит за вашего отца,
Для вас я сокрушу надменного бойца.

Несчастная!

Мой меч его судьею будет.

Я оскорблю того, чья мудрость нас рассудит.

Управа королей шагает не спеша,

Ленивой поступью злодеев не страша,

И горестным слезам дает напрасно литься.

Дозвольте рыцарю за вас мечом вступиться:

Подобный путь быстрей, да и верней суда.

Когда в таком пути представится нужда

И если к той поре не стихнет ваше рвенье,

Я вам не запрещу свершить мое отмщенье.

Другого счастия не ждет моя душа;

И я покину вас, надеждою дыша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Химена, Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Мы наконец одни, и я могу свободно

Явить перед тобой, как стражду безысходно,

Могу печальный вздох не подавлять в тиши,

Могу тебе раскрыть всю скорбь моей души.

Да, мой отец убит; Родриго дерзновенный

Омыл свой первый меч в его крови священной.

Пролейтесь, токи: слез над злейшей из кончин!

Увы! Моей души одна из половин

Другою сражена, и страшен долг, велевший,

Чтоб за погибшую я мстила уцелевшей.

Вам нужно отдохнуть.

Ах, где, с моей тоской,

Могла бы хоть на миг я обрести покой?

Что может облегчить мою печаль и

муку,

Раз я виновную проклясть не в силах руку?

И что за бедствиям я обрекла себя,

Раз я должна карать, преступника любя?

Вы любите того, кто вам затмил полмира!

Ты говоришь — люблю; боготворю, Эльвира;

Страсть борется во мне с законною враждой;

Все так же дорог мне мой недруг молодой;

И хоть в моей душе есть гневное упорство,

Родриго в ней с отцом ведет единоборство;

Он ломит, он теснит, он гнется перед ним,

То яростен, то слаб, то вновь неодолим;

Но грозная борьба, и жгучая и злая,

Терзает сердце мне, души не разделяя,

И хоть моей любви могущественна власть,

Я без раздумия свою избрала часть:

Я неколеблемо спешу на голос чести.

Родриго дорог мне, я с ним душою вместе,

Я сердцем за него; но долг мне говорит:

Ты знаешь, чья ты дочь и твой отец убит.

И вы хотите мстить?

Жестокое желанье!

К отмщенью правому жестокое призванье

Кровавого суда мне страшно торжество:

В день казни я умру, и я сгублю его!

Не множьте, госпожа, не множьте мук напрасных:

Не ставьте для себя законов столь ужасных.

Как! Мой отец убит, взывает к мщенью

кровь,

И не откликнется дочерняя любовь?

Постыдно погрузясь в ласкающие грезы,

Я посвящу ему одни пустые слезы?

И вкрадчивой любви обманчивая лесть

В бесславной тишине мою задушит честь?

Поверьте, госпожа, вы угодите свету,

Умерив ненависть к любезному предмету,

Столь вас достойному; ваш долг уже свершен,

Король вас выслушал — и пусть рассудит он;

Нельзя упорствовать в ожесточенье нрава.

Мне нужно отомстить, моя задета слава;

И, как бы нам любовь ни обольщала слух,

Лукавству будет чужд благорожденный дух.

Ведь вы же любите Родриго, как любили?

Я в этом сознаюсь.

И что же вы решили?

Чтоб честь свою спасти и обрести покой,
Послать его на казнь и умереть самой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Родриго, Химена, Эльвира

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Эльвира

Химена

Разя виновного, не домогайтесь казни,

Но сами жизнь его прервите без боязни.

Эльвира, мыслимо ль? Нет сил перенести!

Родриго у меня! Родриго смел прийти!

Пролейте кровь мою; вкусите наслажденья

И гибели моей, и вашего отмщенья.

Ах!

Выслушай меня.

Нет сил!

Единый миг...

Нет, дай мне умереть!

Лишь слово, сердца крик;

Потом ответь мечом, вручаемым любовью.

Который весь еще облит священной кровью!

Химена...

Убери чудовищный клинок!

В нем страшный для меня и гибельный

упрек.

Смотри бестрепетно, чтобы с судьбой не спорить,
Чтобы разжечь свой гнев и мой конец ускорить.

Ведь эта кровь — моя.

Окрась его моей.
Ты этим истребишь последний след твоей.

Жестокий человек, отца мечом разящий
И зрелищем меча дочь давшего казнящий?
Прочь, убери его, с ним я не вижу дня;
Ты просишь выслушать — и мучаешь меня.

Я подчинюсь тебе, но мысли не покину
Принять из рук твоих желанную кончину;
Затем, что даже страсть не может мне велеть
О мной содеянном бесславно пожа-

леть.

Непоправимый миг, рожденный жарким спором,

Похитил честь отца, меня покрыл позором.

Позор пощечины нельзя перенести;

Я тотчас должен был обидчика найти;

Я разыскал его, и кровь, бесчестье смыла;

Я так бы сделал вновь, когда бы нужно было.

Но противу меня и моего отца

Мой пламень за тебя боролся до конца;

Суди, как он могуч: лишенный кровной чести,

Я мог раздумывать, свершать ли дело мести.

Колеблясь, что избрать — твой гнев или позор, —

Я думал, что мой меч, быть может, слишком скор,

Я обвинял себя в чрезмерном озлобленье;

И красота твоя взяла бы верх в боренье,

Когда б я не отверг призыва милых чар;

Сказав, что низок тот, кто может снесть удар,

Что та, кто доблестным меня привыкла видеть,

Уничиженного должна возненавидеть,

Что, уступив любви всесильному огню, —

Я малодушием твой выбор оскверню.

Я это вновь скажу; и, не тая страданья,

Я до последнего готов твердить дыханья:

Обречь тебя тоске я должен был, любя

Чтоб смыть с себя позор и заслужить тебя.

Но, заплатив сполна мой долг отцу и чести,

Я должен в свой черед стать жертвой правой мести:

Я здесь, и я тебе мою вручаю кровь.

Я выполнил свой долг и выполняю вновь.

Ты мертвого отца должна ответить кличу,

И я бы не посмел отнять твою добычу:

В крови убитого да будет распростерт

Тот, кто ее пролил и этой местью горд.

Увы, хотя вражда нас развела далеко,

Родриго, я к тебе не обращу упрека;

И, дань страдания платя моей судьбе,

Тебя я не виню, я плачу о себе,

Я знаю хорошо, что, если честь задета,

Бесстрашье требует достойного ответа;

То, что ты выполнил, был только долг прямой;

Но, выполнив его, ты мне открыл и мой.

Победа мрачная была твоя по праву:

Отмщая за отца, свою соблюл ты славу;

И я свой трудный долг исполню до кон-

ца:

Я славу соблюду, отмщая за отца.

Как я мучительно испытана судьбою!

Когда бы мой отец сражен был не тобою,

То в близости твоей я бы могла найти

Опору верную на горестном пути,

И я бы злой тоски не чувствовала жала,

Когда б твоя рука мне слезы осушала.

Но я лишась отца, лишаюсь и тебя.

Во имя гордости любимого губя;

И долга страшного убийственная сила

На гибель милого меня вооружила.

Затем, что даже страсть не может мне велеть

Пред казнию твоей бесславно оробеть.

Хоть нежность за тебя восстать еще готова,

Я быть должна, как ты, бесстрашна и сурова:

Достойному, меня долг повелел отмстить;

Достойная тебя должна тебя убить.

Тогда не медли же свершить веленье чести:

Я голову мою твоей вручаю мести;

Да будет суд ее безжалостен и скор;

Отраден твой удар, отраден приговор.

Призвать к возмездию неспешную расправу —

Замедлить казнь мою, твою замедлить славу.

Счастливой смерти миг своей рукой означь.

Я обвинитель твой, но я не твой палач.

Ты клонишь голову, но мне ль ее касаться?

Я обличать должна, ты должен защищаться;

Я казни требую, убийцу я виню,

Но я с тобой сужусь, а не сама казню.

Хоть нежность за меня восстать еще готова,

Ты быть должна, как я, бесстрашна и

сурова;

А в отомщении заемною рукой

Суровости, поверь, не будет никакой;

Моя рука одна была защитой чести,

Твоя рука одна да служит делу мести.

Жестокий! Не терзай отмщающую дочь!

Ты мстил без помощи — и хочешь мне помочь!

Я поступлю, как ты, и в этой тяжбе правой

Я не намерена с тобой делиться славой

И в помощь не зову, мстя за родную кровь,

Твое отчаянье или твою любовь.

О, непреклонный дух! Ужели все старанья

Бессильны для меня добиться состраданья?

Во имя ли отца, во имя ли любви

Отмсти иль пожалей, но жизнь мою прерви!

Пасть от твоей руки мне будет мень-

шей казнью,

Чем жить, казнимому твоею неприязнью.

Ах, нет ее во мне!

Найди!

Я не могу.

Что скажут о тебе, прощающей врагу?

На преступление ответствуя любовью,

Какие поводы ты подаешь злословью!

Заставь его молчать и, честь свою храня,

Не медли долее и умертви меня.

Еще почетнее тебя в живых оставить;

И должен злейший враг меня до звезд прославить,

О бедствиях моих сочувственно скорбя,

Узнав, что я люблю и не щажу тебя.

Уйди, моя печаль не в силах видеть доле

То, что я призвана утратить поневоле.

Но сумраком ночным укутай свой уход:

Пускай тебя никто не встретит у ворот.

Единственной из всех причиною злоречий

Могла бы послужить огласка нашей встречи.

Мое достоинство избавь от клеветы.

Убей меня!

Уйди.

Так что ж решила ты?

Хотя мой правый гнев смущаем так тревожно, —

Для мщенья за отца исполнить все, что можно;

Но я бы все-таки счастливою была, —

Когда бы ничего исполнить не могла.

О, дивная любовь!

О, страшный миг разлуки!

Как много за отцов мы примем слез и

муки!

Родриго, кто бы ждал?

Химена, кто бы мог?

Чтоб радость всех надежд пресек столь горький рок!

Чтоб возле пристани внезапное ненастье
Так неожиданно разбило наше счастье!

О, скорбь смертельная!

О, тщетная печаль!

Уйди, ужели же меня тебе не жаль!

Прощай; иду влачить плачевной жизни ношу,
Пока ее навек под топором не сброшу.

И если он падет, клянусь тебе, любя,
Ни мига не дышать на свете без тебя.
Теперь прощай; иди и скройся незаметно.

Когда нам кажется, что утешенье тщетно...

Ты докучаешь мне, уйди отсюда прочь;
Тоскующей нужны безмолвие и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего

Дон Дьего

Блаженства полного никто вкусить не может:
В счастливейшие дни нас что-нибудь тревожит;
Всегда волнение каких-нибудь забот
Довольству нашему дорогу перебьет.
Я их невидимым отравлен уязвленьем:
Я полон радости — и мучусь опасеньем.
Я видел труп врага, отмщенный мой позор,
А руку мстителя не вижу до сих пор.
С напрасным рвением, свершая труд ненужный,
Сную по городу, разбитый и недужный,
—

Остаток ветхих сил снедая до конца

В бесплодных поисках отважного бойца.

Повсюду в этой тьме, спустившейся на землю,

Стремясь его обнять, я только тень объемлю;

Любви, обманутой на всех ее путях,

Сомненья тайные внушают новый страх.

Того, чтоб он бежал, нет ни одной приметы;

Опасен графский дом и графские клевреты;

Их грозным множеством мой разум устрашен.

Родриго нет в живых, или в темнице он.

О небо правое! Ошибся я, как прежде,

Иль сбыться наконец дано моей надежде?

То он, сомненья нет; исполнилась мечта,

Боязнь рассеяна, и скорбь пережита.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Дьего, дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Дон Родриго

Дон Дьего

Родриго, наконец нам небо шлет свиданье!

Увы!

Не омрачай уныньем ликованье;

Дай мне почтить тебя высокою хвалой.

Ты доблести отца не посрамил былой,

Она живет в тебе чья пламенная сила

Отвагу пращуров сегодня воскресила.

Мой род и я горды наследником таким:

Твой первый взмах меча был равен всем моим,

И молодость твоя свершая подвиг правый,

В тяжелом искусе с моей сравнялась славой.

Опора дней моих, мне данная судьбой,

Коснись моих седин, отмщаемых тобой,

Своим лобзанием коснись моей ланиты,

Честь подобает вам: я меньшего не мог;

Ваш сын и вскормленник, я выполнил урок.

И этим счастлив я и восхищен душою,

Что угодил отцу, впервые выйдя к бою.

Но если рады вы, дозвольте, в свой черед,

И мне не преграждать свободный чув-

ствам ход;

Отчаянью души излиться дайте вольно;

Оно уже и так испытано довольно.

Я не жалею, нет, что принял этот бой;

Но возвратите мне утраченное мной.

Мой меч, отмщая вас, с моей любовью споря,

Лишил меня души в миг торжества и горя;

Не нужно больше слов. Расплата свершена.

Я отдал все. Мой долг я вам вернул сполна.

Не умаляй плодов победы величавой:

Тебе я жизнь дарил, а ты мне платишь славой;

И так как слава мне дороже бытия,

Перед тобой, мой сын, в долгу отныне я.

Но к этим слабостям да будет сердце строго;

Честь у мужчин одна, возлюбленных

так много!

Любовь забыть легко, но честь нельзя никак.

То что сказали вы...

Ты должен знать и так.

Я сам себе отмстил, отмститель оскорбленья;

А вы мне смеете внушать позор забвенья!

Бесчестье равное волочит за собой

Тот, кто предаст любовь и кто покинет бой.

Мне ль запятнать себя такой изменой темной?

Отважная душа не станет вероломной.

Священной верности ненарушим завет;

Я связан до конца, хотя надежды нет;

Не в силах ни забыть, ни возвратить любимой,

Я только смерть зову, терзаньями томимый.

Знать добровольно смерть повремени пока:

Монарху и стране нужна твоя рука.

Флот мавров движется от устья, угрожая

Захватом города и разореньем края.

Он близится сюда; быть может, через час

Морской прилив и ночь домчат его до нас.

Смятенье во дворце, в народе страх великий;

Повсюду слезы льют, повсюду слышны крики.

Но в этом бедствии я, к радости моей,

Застал, придя домой, пятьсот моих друзей,

Которые, узнав обиду нашей чести,

Явились предложить свои мечи для мести.

Ты их опередил; но лезвия мечей

Кровь африканская окрасит горячей.

На голос доблести веди их за собою:

Их мужественный круг избрал тебя главою.

Врагам отечества достойный дай ответ;

И если ищешь смерть, то краше смерти нет;

Будь счастлив случаем, он сам тебе дается;

Пусть гибелью твоей твой властелин спасется;

Но лучше возвратись с увенчанным челом.

Ты показал себя, отмстив за отчий дом;

Достигни большего — и славой полководца

Принудь судьбу просить Химену — не бороться,

Приди с победою — и ты, быть может, вновь,

И лишь таким путем, вернешь ее любовь.

Но время дорого, и нам его с тобою

Нельзя терять в речах, иди, готовься

к бою;
Сразись и победи, монарху доказав,
Что ты заменишь все, чем был убитый граф.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Химена, Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

И это не обман, не ложный слух, Эльвира?

Его все в городе возносят, как кумира,

И до небес гремит всеобщая хвала
Бойцу, свершившему бессмертные дела.
Лишь посрамление враги его стяжали:
Напав стремительно, еще быстрей бежали.
И вот в его руках, когда взошла заря,
Победа полная и пленных два царя.
Испанский вождь склонил их головы под иго.

И эти чудеса свершил один Родриго?

Неволя двух царей — венец его трудам:
Он сам их победил и полонил их сам.

Но почему тебе так точно все известно?

Молва его хвалу разносит повсеместно:
Он — общей радости виновник и предмет,
Он — ангел, всю страну избавивший от бед.

А как взглянул король на подвиг этой ночи?

Родриго не дерзнул предстать ему пред очи;

От имени его ликующий отец

Венчанных пленников приводит во дворец,

У повелителя прося соизволенья

Дать доступ и тому, кто спас его владенья.

Но он не ранен ли?

Никто не говорил.

Но вы бледнеете! Вам нужно больше сил.

Мне нужно больше сил для праведного гнева:

Тревожиться о нем, как трепетная дева?

Ему поют хвалы — и голос мой умолк,

И честь покорствует, и обессилен долг!

Молчи, моя любовь; пусть голос гнева грянет:

Он победил царей, но мой отец не встанет.

Печальный мой наряд, моих свидетель бед,

Был первым следствием Родриговых побед;

И, как бы ни был он велик в народном мненье,

Здесь все кругом твердит о страшном преступленье.

Вы, памяти моей властительный укор,

Вуали, платья, креп, торжественный убор,

В который он меня облек рукой кровавой,

Не дайте нежности возобладать над славой;

И, если снова верх возьмет моя любовь,

Вы мой печальный долг напомните мне вновь,

Служите мне щитом, нетленней адаманта.[24]

Умерьте ваш порыв, сюда идет инфанта.

---

[24] Примечания: 1.24
Адамант — старинное название алмаза.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта, Химена, Леонор, Эльвира

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Инфанта

Химена

Я не забвения несу тебе бальзам;

Я приобщить хочу мой вздох к твоим слезам.

Вы лучше к радости всеобщей приобщитесь

И вам ниспосланной отрадой насладитесь,

Сударыня; лишь мне позволено вздыхать.

Родриго отразил нахлынувшую рать,

Он нас избавил всех от вражеской угрозы;

И вправе только я ронять сегодня слезы.

Он храбро послужил монарху и стране,

И славный меч его враждебен только мне.

Но то, что он свершил, и впрямь подобно чуду.

Постылый этот слух доходит отовсюду,

И всякий говорит и повторяет вновь,

Что слава с ним дружна, как не дружна любовь.

Но чем же их слова твоим ушам постылы?

Ведь этот юный Марс был твой избранник милый,

Покорствуя тебе, владел твоей душой;

Кто чествует его, тот хвалит выбор твой.

Да, чествовать его, конечно, всякий может;

Но этот шум похвал мои терзанья множит.

Его превознося, мне душу жгут огнем:

Я вижу явственно, чего лишилась в нем.

О, тягостная скорбь моей любви несчастной!

Чем громче весть о нем, тем жарче пламень страстный,

И все-таки мой долг властительней всего

И, сердцу вопреки, не пощадит его.

Вчера ты этот долг венчала честью новой;

Твоя борьба с собой была такой суровой,

Такой возвышенной, что все вокруг тебя

Дивились доблестной, о любящей скорбя.

Но дружбы искренней ты выслушаешь мненье?

Вас не послушаться сочту за преступленье.

То был твой долг вчера; сегодня он не тот.

Родриго нам теперь единственный оплот,

Надежда и любовь простых людей и знати,[25]

Кастильи верный щит и ужас маврской рати.

Согласен сам король с народною молвой,

---

[25] Примечания: 1.25

Надежда и любовь простых людей и знати... — перевод этого стиха не точен. У Корнеля — "надежда и любовь народа, преклоняющегося перед ним".

Что в образе его воскрес родитель твой;

Короче, говоря без лести и коварства,

В его погибели — погибель государства.

И ты решилась бы, свой защищая дом,

Отдать отечество на вражеский разгром?

За что нас подвергать ужасному удару

И в чем преступны мы, чтоб несть такую кару?

Ты не обязана, конечно, взять в мужья

Того, к кому вражда оправдана твоя:

На это я сама взглянула бы с тревогой;

Лиши его любви, но жизнь его не трогай.

Так поступила бы другая, но не я;

Границ не ведает обязанность моя.

Пусть счастие мое доселе в нем едином,

Пусть он любим толпой, обласкан властелином,

Пусть чествуют его храбрейшие бойцы,

—

Надгробный кипарис затмит его венцы.

Не всякой доблести казалось бы по силам,

Отмщая за отца, забыть о сердцу милом;

Но тот велик душой и доблестен вдвойне,

Кто кровной гордостью пожертвует стране.

Поверь, достаточно лишить его приязни;

Твой холод для него тяжеле всякой казни.

Помысли обо всех и сердце приневоль.

Да и какой ответ тебе бы дал король?

Он может отказать, но я молчать не вправе.

И взвесь последствия, представь себе их въяве, —

Прощай; наедине обдумай мой совет.

Раз мой отец убит, то выбора мне нет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Родриго, дон Санчо

Дон Фернандо

Дон Родриго

Дон Фернандо

Дон Родриго

Дон Фернандо

Дон Родриго

Наследник доблестный блистательного дома,

Чья слава искони отечеству знакома,

Потомок пращуров, испытанных борьбой,

С которыми тебя сравнял твой первый бой,

За то, что ты свершил, награда невозможна;

Чтобы ее воздать, вся власть моя ни-

чтожна.

От грозного врага избавить край родной,

Своей рукой в моей упрочить скипетр мой

И мавров разгромить, когда в ночную пору

Мы только начали готовиться к отпору, —

Все это подвиги высокие настоль,

Что отплатить тебе бессилен твой король.

Но я из рук врага тебе награду выдам.

Здесь пленные цари тебя назвали Сидом;

А так как в их стране Сид значит господин,

Именоваться так достоин ты один.

Будь Сидом; этот звук да рушит все преграды,

Да будет он грозой Толедо[26] *и Гранады*

---

[26] Примечания: 1.26

Толедо — город и область в центре Пиренейского полуострова. При Фердинанде I был арабским владением, но зависел от Кастилии и платил ей дань.

И да являет всем, блюдущим мой закон,

Какою помощью тебе обязан трон.

Простите, государь, невольное смущенье.

Так мал поступок мой, о нем так лестно мненье,

Что я поистине, краснея, должен несть

Столь незаслуженно дарованную честь.

Вы можете владеть, как вашим достояньем,

И кровью жил моих, и уст моих дыханьем;

Когда я ради вас навеки их отдам,

Я лишь исполню долг того, кто служит вам.

Не все, кто честно служат мне и честно правит дело,

Свой исполняют долг так доблестно и смело;

И лишь тому, чей дух неустрашимей

всех,

Такой невиданный сопутствует успех.

Позволь же мне хвалить пришедшего с победой

И правду мне о ней подробнее поведай.

Уже вы знаете, что в этот грозный час,

Который горожан смятением потряс,

К отцу пришли друзья, они ко мне воззвали,

И я, исполненный разлада и печали...

Простите, государь, мой дерзостный порыв:

Я действовал, у вас согласья не спросив;

Опасность близилась; отряд готов был к бою;

Явиться во дворец — играешь головою;

И я тогда решил: милей во много раз

Сложить ее в бою и умереть за вас.

Вступаясь за отца, ты поспешил с расплатой;

Но мой спасенный край да будет твой ходатай;

Химене, жаждущей возмездия врагу,

Лишь состраданием ответить я могу.

Но продолжай.

Итак, я выступил с отрядом,[27]

И каждый шел вперед с неустрашимым взглядом.

Нас двинулось пятьсот; но воинство росло,

И к берегу реки три тысячи пришло, —

Настолько, видя нас шагающими смело,

Ободрились и те, чье сердце оробело.

Две трети я тотчас попрятал по судам,

Которые, придя, мы увидали там;

Все прочие, — а к ним спешили подкрепленья, —

Теснились вкруг меня, горя от нетерпенья;

Я молвил; каждый лег и, притаясь, как

---

[27] Примечания: 1.27

Итак, я выступил с отрядом... — следующий затем длинный монолог Родриго — описание боя с маврами — не имеет аналога в пьесе Гильена де Кастро.

тать,

Чудеснейшую ночь собрался коротать.

Я то же самое велел исполнить страже,

Чтоб выдумка моя сошла как можно глаже;

Причем я делал вид, что боевой приказ,

Который отдаю, я получил от вас.

И вот, при свете звезд, во мраке молчаливом,

Флот в тридцать парусов скользит с морским приливом;

Он подымается по вздувшимся волнам,

И море и враги подходят вровень к нам.

Мы пропускаем их, вид города спокоен;

Вдоль стен и в гавани — хоть бы единый воин,

И так как между нас малейший шум заглох,

То мавры, думая застигнуть нас врасплох,

Бросают якоря, своей удаче рады,

И сходят на берег посереди засады.

Тогда мы все встаем и разом, в тот же миг,

Кидаем к небесам тысячеусный крик;

Те, что на кораблях, ответным вторят криком;

Враг видит их и нас и в ужасе великом,

Не кончив высадки, бежит, своих топча;

Он ждет погибели, не обнажив меча.

Он вышел на грабеж — и повстречался с боем;

На суше, на воде мы давим грозным строем

И вражескую кровь потоками струим,

Сметая беглецов стремлением своим.

Но вскоре их вожди смутившихся сплотили;

Они опомнились, они свой страх забыли;

Стыд быть убитыми, не попытав и сил,

Вернул их к мужеству и доблесть воскресил.

Они берут мечи и бьются, сдвинув брови,

В ужасном месиве своей и нашей крови;

И берег, и река, и мавританский флот —

Поля сплошной резни, где смерть свой пир ведет.

О, сколько подвигов, о, сколько громкой славы

Безвестно поглотил той ночи мрак кровавый,

Где каждый был один своих свидетель дел,

Не в силах различить, чей жребий одолел!

Я всюду поспешал, бойцов одушевляя,

Одних кидая в бой, других обороняя,

Равнял пришедших вновь, и вел их в свой черед,

И сам, вплоть до зари, не знал, каков исход.

Но вот уже рассвет над нашим счастьем блещет.

Мавр видит свой разгром, и грозный

враг трепещет;

Он видит — к нам спешит подмога свежих сил,

И смертным ужасом остужен бранный пыл.

Они бегут к судам, они секут канаты,

Вопят неистово, смятением объяты,

И шумным скопищем спешат отплыть скорей,

Не озабочены судьбой своих царей.

К чему взывает долг, от страха им невнятно:

Сюда их нес прилив, отлив несет обратно,

Меж тем как их цари, врубясь в испанский строй,

И с ними горсть людей не прекращают бой

И с жизнью дешево расстаться не согласны.

Я сдаться их прошу; мои слова напрасны:

Они сражаются и слушать не хотят;

Но, видя, что упал последний их солдат

И что они вдвоем в пустынном поле бьются,

Зовут начальника и тут же мне сдаются.

Я отсылаю к вам обоих храбрецов,

И бой кончается, затем что нет бойцов.

Так ваших подданных воинственное рвенье...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Родриго, дон Ариас, дон Алонсо, дон Санчо

Дон Алонсо

Дон Фернандо

(Дон Родриго уходит.)

Дон Дьего

Дон Фернандо

Химена, государь, пришла узнать решенье.

Какой досадный долг ниспослан мне судьбой!

Уйди, чтобы она не встретилась с тобой.

Взамен приветствия — внезапное изгнанье;

Но дай король тебя обнимет на прощанье.

Она враждует с ним, в душе его любя.

Я слышал и хочу проверить для себя.

Примите грустный вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Санчо, дон Алонсо, Химена, Эльвира

Дон Фернандо

(К дон Дьего.)

Дон Дьего

Химена

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Дон Дьего

Дон Фернандо

Дон Дьего

Дон Санчо

(К Химене.)

Дон Фернандо

Химена

Дон Фернандо

Дон Дьего

Дон Фернандо

Дон Дьего

Дон Фернандо

(К дону Ариасу.)

Химена

Дон Фернандо

Химена, будьте рады;
Родриго избежал и кары и пощады;
И, отразив набег неверных мусульман,
Он умер здесь, меж нас, от понесенных ран;
Судилище небес само за вас вступилось.

Какою бледностью лицо ее покрылось!

Ей дурно; от ланит отхлынувшая кровь
Прямую, государь, являет вам любовь.
Тайник ее души раскрылся перед вами,
И в нежном пламени вы убедились сами.

Родриго нет в живых?

Нет-нет, он видит свет
И прежней страстию к возлюбленной согрет.
Смири живую боль сердечного участья.

Бывает обморок от боли и от счастья:

Избыток радости так нестерпим подчас,

Что, овладев душой, он изнуряет нас.

Ты нас разубедить стараешься напрасно:

Твое страдание сказалось слишком ясно.

Ну что же, если я и это снесть должна,

Скажу, что я была страданьем сражена:

Мне не хватило сил противиться удару.

От головы его смерть отвращала кару;

Ведь если б он погиб, израненный в бою,

То я бы не могла исполнить месть мою:

Мне оскорбителен конец столь величавый.

Мне смерть его нужна, но не в сиянье славы,

Не в блеске подвигов, чей неумолчен

гром,

Не смерть воителя, а смерть под топором, —

За моего отца, а не за край родимый,

Чтоб он унес с собой позор неизгладимый.

Пасть за отечество — счастливая чреда:

Умерший доблестно бессмертен навсегда.

Я первая хвалой Родриго возвеличу:

Вам он вернул покой, а мне мою добычу.

Теперь, когда никто так не могуч, как он,

Когда он лаврами победы осенен,

Я смело говорю, что столь бесстрашный воин

За моего отца как жертва пасть достоин.

Увы, я призрачной мечтой обольщена!

Я знаю, я ничем Родриго не страшна:

Что могут с ним в борьбе беспомощные

слезы?

Под вашей властию ему ничто угрозы;

Он всюду обретет защиту и покров;

Мне уготована судьба его врагов.

В их пролитой крови задохлось правосудье;

Оно в его руках — послушное орудье:

Законы презрены, и сочтено мудрей,

Чтоб я в триумфе шла меж пленных двух царей.

Дитя мое, уйми чрезмерные порывы.

Нам должно взвесить все, когда мы справедливы:

Да, твой отец убит; но ссору начал он;

И беспристрастием мой приговор смягчен.

Не укоряй меня, как гневный обвинитель,

Не спорь с твоей душой: Родриго в ней властитель,

И втайне ты сама признательна судьбе,

Что сердцу милого я сохранил тебе.

Мне! Моего врага! Кого мой гнев бичует!

Кто моего отца убил и торжествует!

Моим ходатайствам такая здесь цена,

Что я же за отказ благодарить должна!

Когда вы слез моих уважить не хотите,

Дозвольте мне призвать оружие к защите;

Родриговым мечом обида свершена,

И точно так же я мечом отмстить должна.

Всем вашим рыцарям я громкий вызов кличу:

За эту голову даю себя в добычу;

Когда мой враг падет и примет казнь свою,

Я выйду за того, кто победит в бою.

Велите, государь, чтоб вызов был объявлен.

Таким обычаем, хоть он давно уставлен,

Далеко не всегда карается вина,

И лучших воинов лишается страна;

Нередки случаи, когда исход сраженья

Порочит правоту во славу преступленья.

Того, кто нужен мне для долгих лет борьбы,

Я не могу обречь неверности судьбы;

И, в чем бы ни был он виновен перед нами,

Вина похищена бежавшими врагами.

Ужели, государь, низвергнуться должны

В угоду одному законы старины?

Что скажет ваш народ? Какой предлог злословью,

Когда он защищен монаршею любовью

И, этим пользуясь, не явится туда,

Где смерть для рыцаря заманчива всегда?

Подобной милостью он будет обесславлен;

От этого стыда он должен быть из-

бавлен.

Граф хвастал дерзостью, мой сын ее пресек;

Пусть он живет и впредь как храбрый человек.

Раз вы желаете, Родриго может биться:

Но вслед сраженному сто новых ополчится;

Награда такова, что, споря меж собой,

Все наши рыцари поднимутся на бой.

Нельзя участвовать в такой неравной доле:

Довольно, чтобы раз Родриго вышел в поле.

Химена, выбери защитника себе;

Но, выбрав, не ропщи и покорись судьбе.

Вот оправдание для тех, кто оробеет:

На этом поприще кто выступить посмеет?

Теперь, когда мой сын явил, кто он такой,

Кто не попятится перед его рукой?

Кто бросится в борьбу, откуда нет исхода?

Как имя смельчака, вернее — сумасброда?

Откройте поприще: такой найдется враг;

Я — этот сумасброд, или, верней, смельчак.

Лишь как о милости я вас прошу об этом:

Вы помните, каким вы связаны обетом.

Химена, вот боец. Решенье за тобой.

Я соблюду обет.

Готовьтесь. Завтра бой.

К чему откладывать? Отсрочка — только бремя.

Кто сердцем мужествен, готов в любое время.

Едва отбить врага — и драться в тот же час!

Родриго отдохнул, осведомляя вас.

Пусть все же час-другой он проведет в покое,

Но, чтоб не видели примера в этом бое

И дабы показать, что мне кровавый спор

Немил и тягостен, ни сам я, ни мой двор

Своим присутствием его не удостоим.

Вы будете один судьею им обоим,

Следя, чтобы устав был соблюден вполне,

И победителя доставите ко мне.

Кто б ни был он, заклад не подлежит отмене:

Счастливого бойца я подведу к Химене,

И клятвой верности он будет награжден.

Вы слишком тягостный мне ставите закон!

Ты ропщешь; но любовь охотно примет иго,

Когда с победою воротится Родриго.
Я этот приговор произношу как друг:
И, кто б ни победил, он будет твой супруг.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Родриго, Химена

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Химена

Дон Родриго

Родриго! Белым днем! Жестокая причуда!

Ты губишь честь мою; уйди, уйди отсюда.

Я должен умереть, и я решил прийти

Пред смертью вам сказать последнее прости.

Я связан верностью любви неколебимой

И, принимая смерть, дарю ее любимой!

Ты должен умереть?

Настал счастливый час,

Когда я жизнь мою могу отдать за вас.

Ты должен умереть? Дон Санчо так ужасен,

Что и отпор ему бесцелен и напрасен?

Давно ли ты так слаб, давно ль так грозен он?

Родриго, идя в бой, заране обречен?

Тот, кем повержены и граф и мусульмане,

С дон Санчо идя в бой, отчаялся заране?

Так, значит, и в тебя вселяется боязнь?

Я не на бой иду, я принимаю казнь.

Я вами осужден, но вам я сердцем верен,

И я за жизнь мою бороться не намерен.

Я, как и прежде, храбр, но опускаю меч

И вам немилое не соглашусь беречь;

Уже и эта ночь была бы мне смертельной,

Когда бы боем я решал свой спор отдельный;

Но, защищая трон и родину мою,

Я изменил бы им, не победив в бою.

Поверьте, эта жизнь не столь презренна мною,

Чтоб гибель покупать бесчестною ценою.

Сегодня за себя ответствую я сам.

Я вами осужден, и вам я жизнь отдам.

Кто б ни был избранный для этой казни воин

(Ее из ваших рук принять я недостоин),

Я ограждать себя не стану в смертный час:

Я буду чтить того, кто борется за вас;

И, счастлив мыслию, что это вы разите,

Затем, что к вашей он вооружен защите,

Я встречу радостно удар его клинка,

Который милая направила рука.

Когда печальный долг, чья горестная сила

Стать недругом твоим меня одушевила,

Велит твоей любви быть верной до конца —

И меч не подымать на моего бойца,

То, в слепоте своей, подумай в час кровавый,

Что, жизнью жертвуя, ты жертвуешь и славой,

И, как ни светел блеск, каким ты окружен,

Узнав, что ты убит, сочтут, что ты сражен.

Ты честью дорожишь ревнивей, чем любовью,

Раз моего отца ты обагрился кровью

И навсегда отверг, свою же страсть казня,

Надежду милую приобрести меня.

И вдруг былая честь в таком пренебреженье,

Что ты, вступая в бой, идешь на пораженье?

Как быстро отлетел твой мужественный пыл!

Куда девался он и почему он был?

Чтоб оскорбить меня, твоей отваги стало;

А пред лицом других ее, как видно, мало?

И моему отцу не новый ли урон,

Что, победив его, ты будешь побежден?

Нет, смерти не ища, — дай мне простор для мести

И раз не хочешь жить, сражайся ради чести.

Убитый ваш отец и мавров смятый флот —

Для гордости моей достаточный оплот.

Не ей заботиться о чьей-либо защите:

Я смелостью своей всех смелых знаменитей,

Я это доказал, и знает целый свет,

Что блага для меня превыше чести нет.

О да, поверьте мне: явясь на суд кровавый,

Родриго может пасть, не умаляя славы,

Такой же доблестный, каким он был всегда,

Никем не превзойден и не приняв стыда.

И скажут лишь одно; "Он обожал Химену;

Он думал, что живя он совершит измену;

Он вольно поспешил к уделу своему,

Который милая готовила ему:

Он, не противясь, пал, ее казнимый мщеньем;

Ей в этом отказать он счел бы преступленьем.

Отмщая честь свою, он погубил любовь,

Отмщая милую, свою он отдал кровь,

Затем что он ценил, как лучшие в отчизне,

Превыше страсти честь и страсть превыше жизни".

Поэтому и смерть в сегодняшнем бою

Еще блистательней возвысит честь мою;

И скажут, мой конец почтив неотвратимый,

Что так еще никто не послужил любимой.

О, если над тобой так властен смерти зов,

Что жизнь свою и честь ты позабыть готов,

То вспомни нашу страсть, мой дорогой Родриго,

Сразись, чтоб на меня не пало это иго,

Борись, чтобы меня не отдали тому,

Кто отвратителен и сердцу и уму.

Сказать тебе еще? Как воин выйди в поле,

Чтоб я, безмолвствуя своей смирилась доле,

И, если ты любви не угасил огня,

Будь победителем и завоюй меня.

Прощай: мне совестно моей невольной речи.

С каким теперь врагом я не осилю встречи?

Сюда, наваррец, мавр, Кастилья, Арагон,

Все, кто в Испании бестрепетным рожден;

Спешите тучами, грозой объединенной.

На бой с десницею, так дивно вдохновленной,

С моей надеждою сразитесь все зараз;

Чтобы сломить ее, все будет мало вас.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Инфанта

Инфанта

Тебе ль покорствовать, блеск моего рожденья,
Жестокий к сердцу моему?
Тебе ль внимать, любовь, чьи нежные веленья
Противоборствуют надменному уму?
Принцесса бедная, кому
Подвергнуть дань повиновенья?
Родриго, дум моих достоин ты один;
Ты доблестнее всех, но ты не царский сын.

Бездушная судьба, чье роковое слово
С мечтаньем разлучает честь!
Мое избрание ты судишь так сурово,
Что в страсти только скорбь мне суждено обресть.
О небо! сколько перенесть

Должна я сердцем быть готова,

Когда ему нельзя терзаясь вновь и вновь

Ни встретить милого, ни погасить любовь!

Нет, праздной робостью мой ум обеспокоен,

И мыслить я должна смелей:

Пусть от рождения мне царский сан присвоен,

Родриго, я могу под властью жить твоей.

Ты, победивший двух царей,

Венца державного достоин,

И новый титул твой, непобедимый Сид,

О царственном твоем призванье говорит.

Меня достоин он, но он у ног Химены,

И в дар он мною принесен!

В их страсть и смерть отца не вносит перемены,

И мщенье нехотя свершает свой закон.

Пусть перед ней преступен он, —
Меж нами будут те же стены,
И заповедь судьбы к несчастной так строга,
Что любят пламенно друг друга два врага.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Инфанта, Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Леонор

Инфанта

Куда ты, Леонор?

Пред взоры королевны,

Так счастливо опять обретшей мир душе!

Как обрету я мир среди таких скорбей?

Живет надеждой страсть, но гибнет вместе с ней.

Родриго вас пленять уже не может боле.

Вы знаете, что он Хименой вызван в поле:

Падет ли он в бою, ее ль получит он, —

Надежда умерла, и дух ваш исцелен.

Увы, далеко нет!

Не все ль мечтанья тщетны?

Напротив, ни одни, как прежде, не запретны!

Когда у них в бою стоит такой заклад,

Я воспрепятствовать могу на всякий лад.

Любовь, виновница моих живых мучений.

Внушает, любящим сто тысяч ухищрений.

На что надеяться, когда и смерть отца

Воспламенить враждой не может их сердца?

Ведь поведение Химены доказало,

Что ненависть над ней не властвует нимало.

Ей дозволяют бой, и тут же как бойца

Она согласна взять случайного юнца,

Чуждаясь помощи мечей неустрашимых,

Давно прославленных и всенародно чтимых;

Дон Санчо для нее удобен потому,

Что драться в первый раз приходится ему.

Ей нравится такой неискушенный воин;

Он славой небогат, и дух ее спокоен;

Легко понять, что ей устроив этот бой,

Добиться хочется насилья над собой,

Украсить милого победой, предрешенной

И право получить казаться примиренной.

Я это чувствую, но в сердце не вольна

И юным рыцарем сама покорена.

На что решиться мне, любовнице несчастной?

Блюсти с достоинством ваш сан высоковластный.

Кому сужден король, той рыцарь не чета.

Уже не к рыцарю летит моя мечта.

То не Родриго, нет, не наших слуг потомок;

Для сердца моего он по-иному громок:

То славный паладин, всех выше и храбрей,

Неустрашимый Сид, властитель двух царей.

Все ж я себя сломлю: не в страхе осужденья,

Но чтобы не смущать столь верного служенья;

Хотя б, в угоду мне, вручили скиптр ему,

Я отданного мной обратно не возьму.

И так как в час суда он победит бесспорно,

Химене тот же дар я принесу повторно.

А ты, свидетель мой в мучительной борьбе,

Смотри, могу ль я быть верна сама себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Химена, Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Эльвира

Химена

Как я измучена Эльвира, как несчастна!

Не знаю, что желать, и над собой не властна:

В душевных помыслах — смятенье и разлад,

Я все мои мольбы сама зову назад.

Я двух соперников вооружила к бою,

Который только скорбь мне принесет с собою,

И, тот или другой сужден ему конец, —

Или мой друг убит, иль не отмщен отец.

В обоих случаях вам будет облегченье:

Или Родриго — ваш, иль вы свершили мщенье;

И, на весах судьбы куда не ляжет груз,

Вас осеняет честь и брачный ждет

союз.

Мучительный ярем иль горестное иго!
Союз с убийцею отца или Родриго!
Так или иначе, мне будет дан супруг,
Кровь, мне священную, еще не смывший с рук.
Так или иначе, страшна моя невзгода;
Я рада умереть, чтобы не знать исхода.
Вы, мщение, любовь, владеющие мной,
Мне вас не сладостно добыть такой ценой;
И ты, на жизнь мою наславший эти беды,
Окончи этот бой без чьей-либо победы,
Чтоб из соперников никто не одолел!

Вы просите себе безрадостный удел.
Не значит ли свой дух подвергнуть пытке новой —
Быть вновь обязанной будить закон суровый,
Возвышенной вражде вручая торжество,

И смерти требовать для друга своего?

Не лучше ли, чтоб он, своей могучей дланью

Завоевав венец, принудил вас к молчанью,

Пусть боевой закон осилит вашу боль

И быть счастливою вам повелит король.

Ужели я склонюсь перед победой Сида?

Мой долг не так убог, не так мала обида;

Меня не устрашат, смириться мне веля,

Ни боевой закон, ни воля короля.

Дон Санчо победить он, без сомненья, может,

Но гордости моей вовеки не низложит;

И, что бы властелин ни обещал ему,

Я тысячу врагов навстречу подыму.

Смотрите, небеса, в возмездье непреклонной,

Ей наконец и впрямь дозволят быть отмщенной!

Как? Вы откажетесь от счастья и тогда,

Когда вы можете умолкнуть без стыда?

Чего вы ищете, какой судьбы хотите?

Вы смертью милого отца не воскресите.

Иль новой горести потребна череда?

Нужна за скорбью скорбь и за бедой беда?

Нет, если разум ваш так прихотлив и мрачен,

То вы не стоите того, кто вам назначен;

И правый гнев небес сразит его в борьбе,

Чтобы надменную дон Санчо взял себе.

Эльвира, я и так удручена страданьем;

Не умножай его зловещим предсказаньем.

Я никому из них достаться не хочу;

Но жажду счастия Родригову мечу.

Не то чтоб стойкой быть мне не хва-

тало силы;

Но, если он падет, меня возьмет немилый.

Повелевает страх желанью моему.

Что вижу? Горе мне! Увы, конец всему.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Санчо, Химена, Эльвира

Дон Санчо

Химена

Дон Санчо

Химена

Дон Санчо

Химена

Мое оружие у ваших ног слагая...

Чтоб кровь передо мной дымилась дорогая?

И ты еще прийти осмелился сюда,

Ты, счастие мое отнявший навсегда?

Рыдай, моя любовь, забудь свой плен

суровый:

Отец мой отомщен, ты можешь снять оковы.

Отныне честь моя навек вознесена,

Душа растерзана, и страсть моя вольна.

Когда спокойнее...

Молчи, злодей ужасный.

Чьей гнусною рукой убит герой прекрасный!

Ты взял предательством; не мог боец, как он

Таким противником открыто быть сражен.

Уйди; ты видишь сам своей услуге цену:

Пытаясь защитить, ты умертвил Химену.

Вы мне не внемлете, но все же я прерву...

Ты хочешь, чтобы я внимала хвастовству,

А ты расписывал неспешно, речью важ-

ной

Его беду, мой грех и подвиг твой отважный?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Санчо, дон Алонсо, Химена, Эльвира

Химена

Дон Дьего

Дон Фернандо

Дон Санчо

Дон Фернандо

Позвольте, государь, открыться вам вполне

Во всем, что утаить так трудно было мне.

Вы знали — я люблю; но ради кровной чести

Главу любимого я обрекала мести.

Вы сами, государь, свидетелем тому,

Служила ль я любви иль долгу моему.

Но вот Родриго пал, и недруг, полный гнева,

Теперь не более, чем горестная дева.

Я почерпала месть в отеческой крови,

А слезы отдаю тоскующей любви.

Дон Санчо, мститель мой, убил мою отраду,

И палачу души я отдана в награду!

О, если королю понятен скорбный стон,

Разрушьте, государь, жестокий ваш закон;

За этот страшный бой пусть он получит в долю

Мое имущество и пусть вернет мне волю,

Чтоб я в святых стенах, до скорбного конца,

Могла оплакивать Родриго и отца.

Короче, государь, правдивыми словами

Она свою любовь признала перед вами.

Утешься, дочь моя: твой верный друг живет.

Дон Санчо побежден и ложный дал отчет.

Ее ввело в обман чрезмерное волненье.

Я к ней пришел сказать, чем кончилось сраженье.

Ее возлюбленный, мой благородный враг,

Меч выбив у меня, сказал: "Пусть будет так;

Победного венца я лучше не надену,

Но не коснусь того, кто бьется за Химену.

Мой долг меня зовет явиться во дворец.

А перед нею ты предстань как мой гонец,

Сложи к ее ногам твой меч, даримый Сидом".

Я к ней пришел; она, обманутая видом

Меча в моих руках, на нем узрела кровь,

И тут внезапный гнев явил ее любовь

С таким неистовством, с таким негодованьем,

Что я не в силах был владеть ее вниманьем.

Но я, хоть побежден, скажу, что я счастлив,

И, сердце страстное забвеньем исцелив,

Я даже буду рад моей утрате вечной,

Дарящей торжество любви столь безупречной.

Химена, не стыдись прекрасного огня

И не ищи путей разубедить меня.

Краснеть ни перед кем ты не имеешь права;

Твой долг исчерпан весь, твоя блистает слава;

И ты достаточно отмстила за отца,

В своей суровости не дрогнув до конца.

Ты видишь, небеса не так судили строго.

Помысли после них и о себе немного

И будь послушлива монарху и судьбе,

Супруга милого вручающим тебе.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фернандо, дон Дьего, дон Ариас, дон Родриго, дон Алонсо, дон Санчо, Инфанта, Химена, Леонор, Эльвира

Инфанта

Дон Родриго

Химена

Дон Фернандо

Дон Родриго

Дон Фернандо

Забудь, Химена, скорбь и, как залог покоя,
Прими из рук моих счастливого героя.

Да будет, государь, благоугодно вам,
Чтоб в преданной любви я пал к ее ногам.
Я прихожу сюда не за добычей бранной:
Я жизнь мою принес, как дар для вас желанный,

Наперекор любви защитой не избрав

Ни волю, короля, ни боевой устав.

Когда свершенного для отчей тени мало,

Скажите, что свершить, чтоб мщенье замолчало:

Сразиться с тысячью и тысячью врагов,

Провесть по всей земле бразды мои трудов,

Рассеять армию, взять лагерь голой шпагой,

Героев сказочных затмить своей отвагой?

И если этим смыть позволено вину,

То я готов на все, и я на все дерзну;

Но если и теперь неумолимой чести

Лишь смерть виновного достаточна для мести,

То более ничьих не требуйте услуг:

Я здесь, и гибели я жду от ваших рук;

Лишь вами должен быть сражен непобедимый;

Утешьтесь местию, для всех недостижимой.

Но этим правый гнев да будет утолен:

Меня забвением да не карает он;

И, так как смерть моя послужит вашей славе,

Жить в вашей памяти, мне кажется, я вправе,

Чтоб вы могли сказать, печальный взор склоня:

"Он умер потому, что он любил меня".

Родриго, встань. Мой долг — пред королем сознаться,

Что от моих речей мне поздно отрекаться. —

За многие черты Родриго я люблю;

Никто противиться не смеет королю;

И все ж хоть мой удел предустановлен вами,

Ужели этот брак потерпите вы са-

ми?[28]

И, если от меня подобной жертвы ждут,

Допустит ли ее ваш справедливый суд?

За все, чем заслужен Родриго пред страною,

Ужели следует расплачиваться мною

И обрекать меня терзаньям без конца,

Что на твоих руках кровь моего отца?

Теченье времени не раз узаконяло

То, в чем преступное нам виделось начало.

Родриго победил, ты быть должна его.

И все ж, хоть он стяжал сегодня торжество,

Я не уважил бы твою, Химена, славу,

Вручив ему сейчас то, что его по праву.

---

[28] Примечания: 1.28

Ужели этот брак потерпите вы сами? — этим стихом начинается отказ Химены подчиниться условию дона Фернандо и немедленно сочетаться браком с Родриго. В более раннем варианте Химена высказывалась столь же решительно, однако ее возражение начиналось с того, что объединить в один день свадьбу и похороны отца, — значит запятнать ее честь и обречь ее на вечные угрызения совести. В варианте 1660 г., являющемся окончательным, психологическая сторона конфликта усилена, а исполнение воли короля отодвинуто в неопределенное (хотя санкционированное историческими фактами) будущее.

Отложенный союз, однако, нерушим,

И, рано или нет, тебя он свяжет с ним.

Жди, если хочешь, год, чтоб осушились слезы

Родриго, а тебя вновь призывают грозы.

Осилив мусульман на наших берегах,

Разбив их замыслы, повергнув их во прах,

Ворвись в пределы их, боец всегда счастливый,

Ведя мои полки, опустошая нивы;

Враги не устоят при имени твоем

И Сида своего провозгласят царем.

Но верность не забудь для славы легкокрылой:

Вернись, коль можно быть, еще достойней милой;

Ты должен жребий свой так высоко вознесть,

Чтоб стать твоей женой она сочла за честь.

Для славы короля, для власти над лю-

бимой

Чего я не свершу рукой неодолимой?

Вдали от милых глаз приговорен страдать,

Я счастлив, что могу надеяться и ждать.

Надейся на себя, на царственное слово;

Химена сердце вновь отдать тебе готова,

А успокоить в ней неотжитую боль

Помогут смена дней, твой меч и твой король!

Гораций[{3}]

Трагедия

Перевод *Н. Рыковой*

{3} Комментарии: 2.3

Трагедия "Гораций" была завершена к концу 1639 г. и поставлена, как предполагают французские исследователи творчества Корнеля, в театре "Марэ" в мае 1640 г. В январе 1641 г. трагедия была напечатана. Вокруг этого нового шедевра возникли споры, хотя не вылившиеся в "скандал", подобный тому, который возник в связи с "Сидом". Еще в 1639 г. Корнель прочел "Горация" в доме своего земляка поэта Буаробера (1592-1662) перед собравшимися там литераторами, среди которых были такие известные уже в ту пору критики, как Шаплен (1595-1674) и д'Обиньяк (1604-1676). Все они осудили финал пьесы, а д'Обиньяк предложил изменить обстоятельства смерти Камиллы и выдвинул версию, которую впоследствии изложил в трактате "Практика театра" (написан в 1647 г., опубликован в 1657 г.): "...история и благопристойность не пострадали бы, "если б дева, в отчаянии, бросилась бы сама на меч брата, она умерла бы от руки Горация, но он, несчастный и невиновный, был бы достоин сочувствия". Корнель, как писал Шаплен 17 ноября 1640 г., уступая нажиму, сказал, что хотел бы внести изменения в пьесу, но не сделал этого, "боясь разрушить то, что сделано им хорошо". Стремясь обосновать сюжет трагедии и косвенно дать ответ своим критикам, Корнель, как и в случае с "Сидом", обратился к истории-. В изданиях 1648-1656 гг. драматург сопровождает текст "Горация" фрагментом из "Римской истории" (книга I, главы XXIII-XXVI) Тита Ливия (59-17 гг. до н. э.), показывая тем самым, что близко следует легендарной "эпохе царей", и в частности тем ее главам, где описана была война за первенство между Римом и латинским городом Альба Лонга, решенная в конечном итоге поединком между тремя братьями, выставленными Римом, и тремя "равными им по возрасту и по силе" братьями — представителями Альбы Лонги. Взяты у Тита Ливия и прочие факты — убийство Горацием сестры, суд над ним за совершенное им преступление. Хотя, надо оговорить, динамичная, психологически насыщенная пьеса Корнеля никак не может быть

названа иллюстрацией к эпическому повествованию Тита Ливия.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тулл, римский царь.

Старый Гораций, благородный римлянин.

Гораций, его сын.

Куриаций, альбанский дворянин,[29] возлюбленный Камиллы.

Валерий, благородный римлянин, влюбленный в Камиллу.

Сабина, жена Горация и сестра Куриация.

Камилла, возлюбленная Куриация и сестра Горация.

Юлия, благородная римлянка, наперсница Сабины и Камиллы.

Флавиан, альбанский воин.

Прокул, римский воин.

Действие происходит в Риме, в одном из покоев дома Горация.

---

[29] Примечания: 1.29

Альбанский дворянин — Корнелю свойственно переводить некоторые понятия на язык француза VII в. В частности, он заменяет слово "патриций", — уместное для характеристики сословного положения Куриация, словом дворянин.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина, Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Увы! Слабеет дух, и скорби я полна:
Оправдана в таком несчастии она.
Ведь нету мужества, которое без жалоб
Под веяньем грозы подобной устояло б,
И самый сильный дух, как бы он ни был

строг,

Непоколебленным остаться бы не смог.

Измученной души не скроешь потрясенья;

Но не хочу в слезах излить ее смятенье.

Да, сердцу не унять глухой тоски своей,

Но стойкость властвует: глаза покорны ей.

Над женской слабостью поднявшись хоть немного,

Мы жалобам предел наметим волей строгой.

Довольно мужества обрел наш слабый пол,

Когда мы слез не льем, сколь жребий ни тяжел.

Довольно — для людей обыденных, быть может:

В любой опасности их смертный страх тревожит.

Но благородные не устают сердца —

И сомневаясь — ждать успешного кон-

ца.

Противники сошлись у городской твердыни,

Но поражения не ведал Рим доныне.

О нет, мы за него страшиться не должны —

К победе он готов, готовый для войны.

Ты ныне римлянка, отбрось же страх напрасный,

На доблесть римскую живя надеждой страстной.

Гораций — римлянин. Увы, обычай прав.

Я стала римлянкой, его женою став.

Но мне б супружество жестоким рабством было,

Когда бы в Риме я о родине забыла.

О Альба,[30] *где очам блеснул впервые свет!*

Как нежно я ее любила с детских лет!

Теперь мы с ней в войне, и тяжки наши беды;

Но для меня разгром не тяжелей победы.

Пусть на тебя, о Рим, восстанет вражий меч,

Который ненависть во мне бы смог зажечь!

Но рать альбанская с твоей сразится ратью,

В одной из них мой муж, в другой родные братья, —

Посмею ли богам бессмертным докучать,

---

[30] Примечания: 1.30

О Альба... — Альба, или Альба Лонга, город, основанный за триста лет до Рима на склоне горы и на берегу озера Альбано. Тит Ливий начинает "Римскую историю" с рассказа о прибытии туда легендарного героя Энея, участника Троянской войны. Затем он повествует об основании сыном Энея Асканием Альбы Лонги, быстро превратившейся в могущественнейший город Италии. Изложив историю Альбы Лонги, Тит Ливий переходит к истории Рима, основание которому было положено близнецами Ромулом и Ремом, сыновьями бога войны Марса. Действие трагедии "Гораций" относится к периоду царствования Тулла Гостилия (672-640 гг. до н. э.), который стал инициатором войны против Альбы.

Преступно их моля тебе победу дать?

Я знаю: молода еще твоя держава,

И укрепит ее воинственная слава,

И ей высокий рок переступить велел

Латинской вотчины[31] *завещанный предел.*

Судили боги нам: господство над вселенной[32]

Ты утвердишь войной и доблестью военной,

И не скорбя, что твой богам послушный пыл

Тебя на гордый путь отныне устремил,

Хотела б видеться, что вот непобедима

За Пиренеями и власть и сила Рима.

Пускай до Азии дойдут твои полки,

Пускай увидит Рейн их славные значки,

---

[31] Примечания: 1.31

Латинской вотчины... — так называлась в древности (по имени легендарного царя Латина) центральная часть Италии.

[32] Примечания: 1.32

Сулили боги нам: господство над вселенной... — реминисценция первой и шестой книг "Энеиды" знаменитого римского поэта Вергилия (70-19 гг. до н. э.).

И скал Геракловых[33] *поставь предел походам —*

Но город пощади, откуда Ромул родом.[34]

Ты семени его царей обязан, Рим,

И мощью стен своих, и именем своим.

Рожденный Альбою, ужель не понимаешь,

Что в сердце матери ты острый меч вонзаешь?

Иди в чужой земле разить и побеждать,

И счастью сыновей возрадуется мать;

И если ты ее не оскорбишь враждою,

Она тебя поймет родительской душою.

Мне странной кажется такая речь: с тех пор

---

[33] Примечания: 1.33

И скал Геракловых... — так называли в древности Гибралтарский пролив, на берегах которого возвышались скалы, согласно мифу поставленные там героем Древней Греции Гераклом.

[34] Примечания: 1.34

Но город пощади, откуда Ромул родом... — По Титу Ливию, мать Ромула и Рема, Рея Сильвия, происходила из рода царей Альбы.

Как с Альбою возник у Рима грозный спор,

О прежней родине ты вовсе не страдала,

Как будто римлянам родной по крови стала.

Ты ради милого в суровый этот час

От близких и родных как будто отреклась,

И я несу тебе такие утешенья,

Как если б только Рим сейчас имел значенье.

Покуда слишком мал в сраженьях был урон,

Чтоб гибелью грозить одной из двух сторон,

Пока еще на мир надежда оставалась,

Я только римлянкой всегда себе казалась.

Досаду легкую, что счастлив Рим в борьбе,

Тотчас же подавить умела я в себе;

И если иногда в игре судеб случайной

Успехи родичей приветствовала тайно,

То, разум обретя, печалилась потом,

Что слава нас бежит и входит в отчий дом.

Теперь же близок час, назначенный судьбою:

Не Рим падет во прах, так Альбе стать рабою.

И нету за чертой сражений и побед

Преграды для одних, другим — надежды нет.

В безжалостной вражде была бы я с родными,

Когда бы в эти дни томилась лишь о Риме,

Моля богов его прославить на войне

Ценою крови той, что драгоценна мне.

К чему стремится муж — меня тревожит мало:

Я не была за Рим, за Альбу не стояла,

Равно о них скорблю в борьбе последних дней:

Но буду лишь за тех отныне, кто сла-

бей.

Когда же победят другие в ратном споре,

От славы отвернусь и буду там, где горе.

Среди жестоких бед, о сердце, уготовь

Победе — ненависть, поверженным — любовь.

Поистине, всегда среди такой напасти

Несхожие кипят в несходных душах страсти!

Подобный твоему Камилле чужд разлад.

Твой брат — ее жених, а твой супруг — ей брат;

С той ратью — связь сердец, а с этой — связь по дому,

Задачу же она решила по-иному.

Ты душу римлянки возвысила в себе,

Ее ж — в сомнениях и внутренней борьбе

Страшили каждый бой и стычка небольшая;

Победы никому и славы не желая,
Она печалилась о тех, кто потерпел,
И вечная тоска была ее удел.
Но вот, когда она услышала, что скоро
Сраженье закипит, исход решая спора,
Нечаянный восторг блеснул в ее очах...

Столь резкий поворот во мне рождает страх!
С Валерием она приветлива чрезмерно
И брату моему теперь не будет верной;
Всем, что поблизости, легко увлечена,
О разлученном с ней не думает она.
Но родственной любви простительны волненья
Заботясь лишь о нем, страшусь ее решенья,
Хоть истинных причин для опасений нет:
Любовью ли играть в часы жестоких бед,
Покорствовать мечтам изменчивым и праздным

И душу отдавать неведомым соблазнам?

Но быть, подобно ей, мы также не должны

И слишком веселы и чересчур нежны.

Мне тоже и темно и непонятно это,

И на загадку я не нахожу ответа.

Довольно стойкости — предвидеть близкий гром

И ждать, чтоб он сразил, и не скорбеть о том.

Но радость проявлять — кому тогда под силу?

Взгляни — к нам добрый дух привел сюда Камиллу!

Вы в дружбе: от тебя ей нечего таить, —

Ты убедишь ее свободно говорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Камилла, Сабина, Юлия

Сабина

Останься с Юлией, Камилла. Не должна я
Смущать вас, мрачностью унылой докучая.
А душу, что больна от тысячи невзгод,
К уединению печальному влечет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла, Юлия

Камилла

Юлия

Камилла

Юлия

Камилла

Юлия

Камилла

Юлия

Камилла

Юлия

Камилла

Юлия

Камилла

Меня зовут сюда для дружеской беседы!

Да разве мне грозят не те же злые беды?

Да разве ныне я, чей жребий так суров,

Роняю меньше слез и меньше скорбных слов?

Такой же страх несет моей душе мученье;

Обоих лагерей мне горько пораженье,

За честь своей страны мой друг падет в бою,

А если победит, то победит мою!

Одно лишь от меня жених получит милый:

Не злую ненависть, так слезы над могилой.

Увы! Сабине мы всю жалость отдадим;
Возлюбленных — найдешь, супруг — незаменим.
Прими Валерия, как милого встречая, —
И с Альбой связь твоя порвется роковая,
Ты нашей целиком останешься тогда,
И горем для тебя не станет их беда.

Как за такой совет не брошу я укора?
Сочувствуй горестям, не требуя позора.
Хоть нету сил нести мне бремя мук моих,
Я предпочту терпеть, чем стать достойной их.

Как! Называешь ты разумное постыдным?

А ты предательство считаешь безобидным?

Когда пред нами враг — что может обязать?

Мы клятвой связаны — ее не развязать.

Скрывать пытаешься, — но стоит ли усилий?

Ведь вы с Валерием еще вчера дружили

И разговор такой друг с другом повели,

Что в сердце у него надежды расцвели.

Я с ним была нежна, как с самым лучшим другом,

Не из любви к нему, не по его заслугам.

Веселья моего причиной был другой.

Послушай, Юлия, рассказ подробный мой.

Мне Куриаций друг, жених пред целым светом, —

Я не хочу прослыть изменницей обетам.

Когда сестру его Горацию вручил

Счастливый Гименей, он тоже полюбил,

И мой отец, к его влеченью благосклонный,

Пообещал отдать ему Камиллу в жены.

Тот день — не помню дня отрадней и мрачней, —

Два дома сочетав, поссорил двух царей.

Зажег пожар войны и факел Гименея,[35]

Надежду пробудил и вмиг покончил с нею,

Блаженство посулил и отнял в тот же час

И, наш скрепив союз, врагами сделал нас.

О, как же сердце нам терзали сожаленья!

Какие небесам он посылал хуленья!

И не было конца рыданиям моим:

Ты видела сама, как я прощалась с ним.

И с этих пор в душе, смятению подвластной,

Надеждою на мир любовь пылала страстно,

А слезы горькие струились из очей

---

[35] Примечания: 1.35

Факел Гименея — бог брака Гименей изображался римлянами в образе юноши с факелом в руке.

О женихе моем, о родине моей.

И вот решила я под гнетом ожиданья

Оракулов узнать святые предсказанья.

Скажи мне, услыхав полученный ответ,

—

Должна ли я еще терзаться или нет?

Тот грек, вещающий на склонах Авентина,[36]

Какие жребии готовит нам судьбина,

—

Его ль не одарил правдивой речью бог?

—

Стихами этими блаженство не предрек:

"Пускай назавтра Рим и Альба ждут иного:

Врагам даруя мир, пробьет желанный час.

Ты с Куриацием соединишься снова,

Чтоб горькая судьба не разлучала вас".

В душе рассеялась малейшая тревога,

---

[36] Примечания: 1.36

Тот грек, вещающий на склонах Авентина... — На склонах Авентина, одного из семи холмов, на которых расположен Рим, было расположено несколькохрамов, где оракулы предсказывали будущее.

А прорицание сулило мне так много,

Что большей радости, без меры, без конца,

Счастливые, в любви не ведали сердца.

С Валерием всегда мне тяжки были встречи;

Но тут я слушала взволнованные речи,

Докучные в устах того, кто нам не мил,

Совсем не думая, кто их произносил.

Валерий не ушел, презрением гонимый:

Во всем вокруг меня мне чудился любимый,

Все, что ни скажут мне, — любимый говорит,

Что ни скажу сама — к любимому летит.

Сегодня — грозный день последнего сраженья,

Вчера я эту весть узнала без волненья,

Затем что разум мой, как в самый сладкий сон,

Был в мысли о любви и мире погружен.

Но сладостный обман развеян этой ночью:

Мне ужасы во сне предстали как воочью;

Виденья — груды тел поверженных и кровь —

Веселье отняли и в страх повергли вновь.

И кровь и мертвецы... Внезапно исчезая,

Мелькали призраки — рассеянная стая,

И лики без конца сменявшихся теней

От этой смутности казались мне страшней.

Но сны толкуются всегда в обратном смысле.

Покой могу найти я только в этой мысли,

И все же новый день, прогнавший злые сны, —

Не мирный день торжеств, а грозный день войны.

Положит ей конец последнее сраженье.

Болезни тягостней такое излеченье!

Пусть Альба сражена, пускай повержен Рим —

Любимому, увы, уже не стать моим.

Супругом никогда не будет у Камиллы

Ни победитель наш, ни пленник римской силы.

Но кто сюда идет, но кто явился к нам?

Ты, Куриаций, ты? Не верю я глазам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Куриаций, Камилла, Юлия

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Юлия

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Юлия

Не бойся: предстаю пред взорами Камиллы
Ни победителем, ни жертвой римской силы.
Не бойся: рук моих не сделали красней
Ни гордых римлян кровь, ни тяжесть их цепей.
Ведь были бы тебе равно невыносимы
И победитель ваш, и жалкий пленник Рима.
И вот, страшась теперь малейших перемен,
Что принесли бы мне победу или плен...

Довольно, милый друг. Теперь мне все понятно:
От битвы ты бежал, как от судьбы превратной,

И сердце, до конца предавшееся мне,

Руке твоей не даст служить родной стране.

Другие стали бы тебя хулить, наверно,

Твою любовь сочтя безумной и чрезмерной,

Но я, влюбленного не смея осудить,

За этот знак любви сильней должна любить.

Чем неоплатней долг перед страной родимой,

Чем больше жертвуешь, тем ты верней любимой.

Скажи, ты виделся уже с моим отцом?

Скажи, он разрешил тебе войти в наш дом?

Ведь он сильней семьи державу Рима любит

И, Риму жертвуя, детей своих погубит!

Боюсь, упрочено ли счастье наше? Как

Ты принят был отцом — как зять иль смертный враг?

Во мне приветствовал он будущего зятя,

Как родичу открыв отцовские объятья.

Но не изменником предстал я перед ним,

Чтоб осквернить ваш дом бесчестием своим.

Как должно, до конца родному верен краю,

Камиллу я люблю, но чести не мараю.

Покуда шла война, я был среди своих

И добрый гражданин, и любящий жених,

Отчизну и любовь я сочетать стремился,

Я о тебе мечтал, когда за Альбу бился.

И я готов еще, покорствуя судьбе,

Сражаться за нее, томиться по тебе.

Да, сколь ни сладостно желаний страстных пламя, —

Не прекратись война, я был бы там, с войсками;

Но, к счастью, это мир меня привел

сюда,

Чтоб нас соединить, Камилла, навсегда.

О, как поверю я, что есть конец страданью?

Камилла, ты должна поверить предсказанью.

Но как же было нам даровано судьбой,

Что мир принес тот час, который звал на бой?

Да, кто подумал бы? Уже, готовы к бою,

Двух станов воины, равно горя враждою,

Грозя очами, шли и ждали, что взметнет

Их боевой призыв и устремит вперед, —

Когда альбанский вождь,[37] *не начиная дела,*

У вашего царя вниманья просит смело

---

[37] Примечания: 1.37

Когда альбанский вождь... — Согласно Титу Ливию, во время осады Рима царь Альбы Лонги Клуилий внезапно умер. Предводителем войска был избран Меттий Фуффетий.

И, выйдя, говорит пред войском: "Что творим?

И для чего должны с тобой мы биться, Рим?

Пусть разум озарит наш дух, враждой смущенный,

Соседи! Дочерей мы вам давали в жены,

И мало ли теперь — союза нет тесней —

У вас племянников средь наших сыновей?

Народ один двумя владеет городами, —

Зачем усобицы возникли между нами?

Недолго ликовать тому, кто победит:

Разгром соперника бедой ему грозит.

Ведь наши недруги уже спешат по следу[38] —

У победителя отнять его победу.

Он им достанется, лишенный прежних сил

И помощи от тех, кого он сокрушил.

---

[38] Примечания: 1.38

Ведь наши недруги уже спешат по следу... — У Тита Ливия недруги — этруски.

Пусть распри наши их не радуют. Пора нам

Подняться против них, идя единым станом.

Пускай утихнет спор, что превратить готов

В преступных родичей столь доблестных бойцов.

И если в эти дни слепая жажда власти

Внушила вам и нам убийственные страсти,

Пусть, кровью малых жертв легко утолена,

Уже не разведет, а сблизит нас она.

Назначить надо нам на поединок славный

Борцов за честь страны и блеск ее державный.

Их смертная борьба решит судьбу сторон,

И подчинятся те, кто будет побежден;

Но войску доблестных пускай в исходе боя

Не рабство предстоит, а подданство

простое:[39]

Без унижения они идти должны

За победителем в суровый час войны.

Да будут общими — держава, рать и знамя!

Он смолк — и вот конец раздора между нами.

И каждый рад узнать: то не, враги стоят

В рядах сомкнувшихся, — то шурин, друг и брат.

И странно каждому — его ли это руки

Друзьям и родичам сулили смерть и муки?

И всех о битве мысль ужасная гнетет,

И мирный все уже приветствуют исход.

Желанным каждому явилось предложенье,

И принято теперь согласное решенье:

По трое с двух сторон сразятся за сво-

---

[39] Примечания: 1.39

Не рабство предстоит, а подданство простое... — О таком условии у Тита Ливия речи нет. Это идея Корнеля.

их,

Вожди верховные должны назначить их.

Ваш царь пошел в сенат, наш вождь к себе в палатку.

О, как речам таким душа внимает сладко!

Теперь должно пройти не боле двух часов —

Решит судьбу племен судьба шести бойцов.

Пока же — полная свобода допустима.

Рим — в нашем лагере, а наши — в сердце Рима;

И все, стремясь забыть о распрях поскорей,

Спешат увидеть вновь родных или друзей.

Меня ж моя любовь сюда влечет, Камилла,

В твой дом она вошла и сразу победила:

Отец твой обещал недавнему врагу,

Что завтра я тебя женой назвать смо-

гу.

Тебе не тягостно отцовское желанье?

Для дочери закон извечный — послушанье.

Иди же выслушать родительский приказ,
Чтоб стал еще светлей счастливый этот час.

Да, я иду с тобой: пускай родные братья
Мне тоже подтвердят, что снято с нас проклятье.

Ступайте же к отцу, а я пойду во храм
Смиренную хвалу воздать за вас богам.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гораций, Куриаций

Куриаций

Гораций

Куриаций

Гораций

Куриаций

Конечно, гордый Рим в ином не сыщет месте

Сынов, которые такой достойны чести.

Три брата избраны, что доблестней других, —

И ныне в вас обрел он трех бойцов своих.

Дерзает славный Рим, своей судьбой влекомый,

Один лишь дом его встает на наши домы.

Вся доблесть римская досталась вам сейчас,

И Альбе кажется — нет римлян, кроме вас.

Могли бы три семьи гордиться величаво,

Увенчаны в веках непреходящей славой,

Но лишь одной семье — торжественная честь,

Что ныне трем могла бессмертие принесть.

А если мне дано и страстью и судьбою,

К вам в дом введя сестру, от вас уйти с женою, —

Все, что связало нас и что должно связать,

За родичей меня заставит ликовать,

Но радости порыв неполон и непрочен;

Иными судьбами я горько озабочен:

Вы так прославлены все трое на войне,

Что в этот грозный час за Альбу страшно мне,

Раз вы идете в бой, победы ей не будет.

Вас отмечает рок и счастье вам присудит,

И вот, предчувствуя, сколь приговор суров,

Я данником себя уже считать готов.

За Альбу не страшась, жалеть о Риме надо:

Из римлян лучшие обойдены наградой.

Так много доблестных мечтали об одном,

Но худо выбрал Рим в пристрастье роковом.

Есть тысячи средь нас достойнейших, которых

Верней он мог избрать защитой в ратных спорах,

Но, пусть мне даже смерть назначена в бою,

Я, полный гордости, хвалю судьбу свою.

Уверенность во мне отныне тверже стала,

И доблесть малая дерзнет свершить немало.

И что бы ни судил неотвратимый рок,

Я б данником себя сейчас признать не мог.

Я должен, выбором отмеченный нежданным,

Победу одержать иль пасть на поле бранном.

А чтоб верней достичь победного венца,

Не думай ни о чем и бейся до конца.

Нет, не увидит Рим хозяев над собою,

Покуда я не пал поверженный судьбою!

Увы! Меня ль тогда не следует жалеть?

Что нужно родине, то дружбе не стерпеть.

Вы одолеете — позор моей отчизне;

Она прославится — ценою ваших жизней.

Ведь всех ее надежд свершеньем стать бы мог

Лишь горький ваш конец, последний тяжкий вздох!

О, как мне избежать смертельного разлада,
Когда и тут и там скорбеть и плакать надо,
Когда и тут и там стремленья не вольны!

Что? Сожалеть о том, кто пал за честь страны?
Удел высоких душ — такой кончины слава,
И горевать о них мы не имеем права.
И я бы смерть в бою, приняв, благословлял,
Когда бы меньше Рим от этого терял.

Но близких и друзей пойми же опасенья,
Сейчас они одни достойны сожаленья:
Вам — слава навсегда, им — горестные дни,
Вас обессмертит то, о чем скорбят они.
А от потерь таких не заживает рана.
Но вижу я, ко мне прислали Флавиана.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гораций, Куриаций, Флавиан

Куриаций

Флавиан

Куриаций

Флавиан

Куриаций

Флавиан

Куриаций

Флавиан

Куриаций

Флавиан

Куриаций

Что ж, Альба выбрала защитников своих?

Несу об этом весть.

Так назови же их.

Ты с братьями.

Кто?

Три навеки славных брата!

Но взгляд твой сумрачен и губы крепко сжаты...

Ты недоволен?

Нет; меня смутила весть.

С моей ничтожностью несоразмерна честь.

Так что ж, диктатору я принесу известье

О том, что мало ты польщен высокой честью!

Я мрачности твоей холодной не пойму.

Ни дружба, ни любовь — ты передашь ему —

Трем Куриациям не помешают боле

На трех Горациев с мечами выйти в поле.

На них? Сказал мне все ответ короткий твой.

Вождю его неси и нас не беспокой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гораций, Куриаций

Куриаций

Гораций

Куриаций

Гораций

Куриаций

Гораций

Пускай же небеса, земля и силы ада
На нас обрушатся отныне без пощады,
Пусть люди, божества, и рок, и самый ад
Неотвратимым нас ударом поразят.
Пускай мы в эти дни добычей легкой будем
И року, и богам, и демонам, и людям,
Пускай же счета нет и бедам и скорбям —

Всего страшнее честь, оказанная нам.

Судьбою нам дано высокое заданье,

И твердость наших душ взята на испытанье.

А беды эти рок поставил на пути,

Чтоб меру доблести могли мы превзойти.

В нас необычные провидя мощь и волю,

Нам необычную он предназначил долю.

Сражаться за своих и выходить на бой,

Когда твой смертный враг тебе совсем чужой, —

Конечно, мужество, но мужество простое;

Нетрудно для него у нас найти героя:

Ведь за отечество так сладко умереть,

Что все конец такой согласны претерпеть.

Но смерть нести врагу за честь родного края,

В сопернике своем себя же узнавая,

Когда защитником противной стороны

—

Жених родной сестры, любимый брат жены,

И в бой идти скорбя, но восставая все же

На кровь, которая была своей дороже,

—

Такая доблесть нам недаром суждена:

Немногих обретет завистников она.

И мало есть людей, которые по праву

Столь совершенную искать могли бы славу.

Да, нашим именам вовек не отблистать,

И этот дар судьбы не должно отвергать.

Геройства редкого мы возжигаем светы,

Но в твердости твоей есть варварства приметы.

Кто б, самый доблестный, возликовал о том,

Что к славе он идет столь роковым

путем?

Бессмертье сладостно в дыму ее чудесном,

Но я бы предпочел остаться неизвестным.

Во мне, ты видеть мог, сомнений также нет:

Не колебался я, когда давал ответ.

Ни дружба, ни родство, ни даже голос страсти

Ни в чем меня своей не подчинили власти.

Мне выбор показал, что Альбою ценим

Не меньше я, чем вас надменный ценит Рим.

Я буду ей служить, как ты — своей отчизне;

Я тверд, но не могу забыть любви и жизни.

Твой долг, я знаю, в том, чтоб жизнь мою пресечь,

А мой вонзить в тебя неумолимый меч.

Готов жених сестры убить, как дол-

жен, брата

Во имя родины, но сердце скорбью сжато.

Исполнить страшный долг во мне достанет сил,

Но сердцу тягостно, и свет ему не мил.

Жалею сам себя, и думать мне завидно

О тех, что смерть в бою приняли непостыдно,

Но если бы дано мне было выбирать,

Я, скорбной честью горд, не стал бы отступать,

Мне дружбы нашей жаль, хоть радует награда.

А если большего величья Риму надо,

То я не римлянин, и потому во мне

Все человечное угасло не вполне.

Хоть ты не римлянин, но будь достойным Рима:

Пускай увидят все, что в стойкости равны мы.

Суровым мужеством я неизменно горд,

И требует оно, чтоб сердцем был я

тверд.

Нельзя готовому для подвига герою,

Вступив на славный путь, назад глядеть с тоскою.

Постигла нас теперь горчайшая из бед, —

Все это вижу я, но страха в сердце нет.

Кого бы ни сразить за град родной и землю,

Я с радостью слепой такую честь приемлю,

И, если дан тебе почетнейший приказ,

Все чувства прочие да сгинут в тот же час;

А тот, кто об ином раздумывает долго,

Не слишком ревностно идет путями долга.

Ничто в священный час не может нас связать;

Вот Рим избрал меня, — о чем же размышлять?

Я, муж твоей сестры, теперь иду на брата,

Но гордой радостью душа моя объята.

Закончим разговор бесцельный и пустой:

Избранник Альбы, ты — отныне мне чужой.

А мне ты все же свой, — тем горше я страдаю,

Но мрачной доблести твоей не принимаю.

Как в наших бедствиях, достигнут в ней предел,

Я чту ее, но все ж она — не мой удел.

Да, мужества искать не стоит против воли.

Когда отраднее тебе стенать от боли,

Что ж, облегчать ее ты можешь без стыда.

Вот и сестра моя рыдать идет сюда.

К Сабине мне пора — внушить супруге милой,

Чтоб запаслась она и твердостью и силой,

Чтоб не кляла тебя, коль я паду в борь-

бе,
И чувства римские хранила бы в себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла, Гораций, Куриаций

Гораций

Камилла

Гораций

(Куриацию.)

Сестра, ты знаешь ли? Высокое заданье
Жених твой получил.

О, новые терзанья!

Достойной воина яви себя сестрой,
И, если я умру, сражен его рукой,
Ты жениха встречай не как убийцу брата, —
Как мужа честного, что долг исполнил свято,
Что, родину свою столь доблестно любя,

Для всех героем стал и заслужил тебя.
И счастья вашего я, мертвый, не разрушу.
Но если из него мой меч исторгнет душу,
Победному венцу ты должное воздай,
За гибель милого меня не упрекай.
Ты плачешь, грудь твою тоска сжимает властно;
Поддайся слабости, кляни в тревоге страстной
Богов, людей и рок, но, овладев собой,
О павшем не тужи, когда решится бой.
Останься с ней на миг, чтобы со мною вместе
Идти затем на зов неумолимой чести.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Куриаций, Камилла

Камилла

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Куриаций

Камилла

Любимый, эта честь ужель тебе нужна

И счастья нашего ужель ценней она?

Чем бой ни кончится, но я умру, сраженный

Рукой Горация иль горем сокрушенный.

Как будто бы на казнь, иду на подвиг я,

И ненавистна мне — увы! — судьба моя.

Я то в себе кляну, что родина почтила.

До преступления доходит страсти сила:

Богов она винит, вступая в спор с судьбой.

Тебя мне жаль, себя, — но я иду на бой.

Нет, удержать тебя должны мои рыданья!

А власть моя — ужель тебе не оправданье?

И прежней доблести достаточно твоей:

Ведь Альбе отдал ты все то, что должен ей.

Кто был в опасный час ей лучшею подмогой?

Никто у нас бойцов не истребил так много.

Славнее стать нельзя. Могуч, непобедим,

Доволен будь и дай прославиться другим.

Чтоб в этот день другой победоносный

воин

Венчался лаврами, которых я достоин?

Чтоб я услышать мог от родины моей,

Что вот, не выйдя в бой, победы не дал ей?

И чтоб, не одолев любовную истому,

Свершитель гордых дел пришел к стыду такому?

Нет, Альба, связана со мной судьба твоя:

Падешь иль победишь — виновник буду я.

Меня почтила ты — тебе воздам я скоро:

Вернусь — так без стыда, погибну — без позора.

Ужель не видишь ты, что изменяешь мне?

Пусть верен я любви — еще верней стране.

На брата своего ты поднимаешь руку;

Он муж твоей сестры!

Мы примем нашу муку.

Вся нежность отнята — о, жребий наш суров! —

У слов: сестра и брат, когда-то нежных слов.

Жестокий! Думаешь, Камиллы сердце радо

За голову его тебе служить наградой?

Отныне должен я об этом позабыть.

Надежду отметя, я обречен любить.

Ты плачешь?

Ах, слезам противиться нет сил!

Ведь гибели моей бездушно хочет милый,

И брачный факел наш, едва он был зажжен,

Меня ввергая в ночь, жестоко тушит он;

В упорной слепоте свою невесту губит

И в грудь вонзает нож, еще твердя, что любит.

Слезам возлюбленной легко осилить

нас;

Неотразим сквозь них огонь прекрасных глаз!

Над сердцем в этот миг так властны сожаленья,

И твердость восстает без воодушевленья.

Не сокрушай, молю, страданием своим

Мой дух. Пускай оно умолкнет перед ним.

Слабеет мужество, и я его теряю,

Любимой верен я, себе же изменяю.

Ужели, с дружбою борьбой утомлено,

Любви и жалости не победит оно?

Но выход есть: тебя, любимая, обидеть, —

Чтоб легче ты меня смогла возненавидеть, —

Тогда в борьбе с собой избегну лишних мук.

Знай, ты отвергнута, и я тебе не друг.

Отмсти обидчику за оскорбленье это.

Ужель он не найдет достойного от-

вета?

Тебе, отвергнутой, твой враг, как прежде, мил...

Скажи мне, кто тебя больнее оскорбил?

О горе: мы должны идти на преступленье,

Чтоб наше мужество не ведало сомненья!

Не совершай греха иного, и тебя

За этот я прощу, сильней еще любя.

Братоубийственной не похваляйся славой —

И дорог будешь мне, неверный и лукавый.

Зачем стране одной не служим я и ты?

Тебе готовила бы лавры и цветы,

В тебя вливала бы уверенность и силу,

С тобою говоря, как с братом говорила.

О, как такой слепой я нынче быть могла?

Моля ему побед, тебе желала зла!

Он возвращается. Ужель его супруга
Бессильна перед ним, как я пред волей друга?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гораций, Сабина, Куриаций, Камилла

Куриаций

Сабина

Гораций

Куриаций

Камилла

Сабина

Гораций

Сабина

О боги, для чего Сабина с ним? Увы!
Невесте помогать сестру прислали вы,
Чтоб жалобы ее мой дух поколебали
И победить она могла в своей печали?

Нет, брат мой, у тебя не стану на пути
—

Хочу тебя обнять, сказав тебе "прости".

Ты — крови доблестной, и верь в нее спокойно;

Ты не свершишь того, что храбрых недостойно.

Когда бы дрогнуть мог теперь один из вас, —

Я от супруга бы, от брата отреклась.

Но мужа славного, но брата дорогого

Лишь об одном просить и умолять готова:

Хочу я, чтоб не стал преступным этот бой,

Чтоб эта честь была и чистой и святой,

Чтобы ее пятнать не смело преступленье,

И вы врагами стать могли без сожаленья.

Лишь я виновница священных ваших уз.

Когда исчезну я, исчезнет ваш союз.

Как повелела честь, прервется связь меж вами.

И, чтобы ненависть вас сделала врагами,

Пусть горький мой конец сегодня все решит:

Того желает Рим, и Альба так велит.

Один меня убьет, другой, возжаждав мести,

Во гневе праведном придет на подвиг чести,

И меч поднимет он, оправданный вполне

Иль местью за сестру, иль скорбью о жене.

Но что я говорю! И так вы слишком правы: —

Не должно замутнять высокой вашей славы.

Всю душу отдали вы родине своей.

Чем крепче ваша связь, тем с нею вы щедрей.

На алтаре страны заклать вам должно брата,

Не медлите, завет осуществляйте свято:

Сперва в его сестру вонзите острый меч,

Сперва его жену заставьте мертвой лечь, —

Начните же с меня, когда своей отчизне

Столь дорогие мне вы отдаете жизни.

В бою назначенном тебе противник — Рим,

Ты — Альбе смертный враг, а я обоим им!

Иль вы желаете, бездушны и суровы,

Чтоб я увидела, как тот венок лавровый,

Что принесет герой сестре или жене,

Дымится кровию, родной и близкой мне?

Как должное воздать и жертве и герою,

Быть нежною женой и любящей сестрою,

Живому радуясь, над умершим тужить?

Решенье лишь одно: нельзя Сабине

жить.

Я смерть должна принять, чтоб не изведать муки:

Сама себя убью, коль слабы ваши руки,

Жестокие сердца! Что удержало вас?

Я своего добьюсь потом, коль не сейчас.

Едва сойдетесь вы с подъятыми мечами,

Возжаждав гибели, я брошусь между вами.

Чтоб одного из вас упала голова,

Сабину поразить придется вам сперва.

Жена!

Сестра!

Смелей! Они должны смягчиться!

Как! Вы вздыхаете? Бледнеют ваши лица?

Что испугало вас? И это — храбрецы,

Враждебных городов отважные бойцы?

Что я свершил, жена? Какие оскорбленья

Заставили тебя искать такого мщенья?

Чем провинился я! Кто право дал тебе

Мой дух испытывать в мучительной борьбе?

Ты удивить его и восхитить сумела;

Но дай мне завершить мое святое дело.

Ты мужа превзошла; но, если он любим

Женою доблестной, не торжествуй над ним.

Уйди, я не хочу победы слишком спорной,

Что защищаюсь я — и то уже позорно.

Позволь мне умереть, как повелела честь.

Не бойся, у тебя теперь защитник есть.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Старый Гораций, Гораций, Куриаций, Сабина, Камилла

Старый Гораций

Сабина

Как, дети? Чувства здесь возобладали властно,

И время подле жен вы тратите напрасно?

Готовясь кровь пролить, слезами смущены?

Нет, жен рыдающих оставить вы должны.

Вас жалобы смягчат и, нежностью лукавой

Лишивши мужества, толкнут на путь неправый.

Лишь бегство победит противников таких.

Тебе они верны: не бойся же за них,

Как ни страдали здесь Камилла и Сабина,

Ты можешь чести ждать от зятя и

от сына;

И если ропот наш отважных мог смягчить,

Сумеешь, верно, ты в них доблесть укрепить.

Не будем проливать напрасных слез, Камилла,

Пред этой твердостью ничтожна наша сила —

Лишь в безнадежности покой мы обретем.

Сражайтесь, хищники! От скорби мы умрем.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Старый Гораций, Гораций, Куриаций

Гораций

Старый Гораций

Куриаций

Старый Гораций

Отец, не уступай неистовству такому

И жен, молю тебя, не выпускай из дому.

Слезами, воплями их горькая любовь

Да не смущает нас, когда польется кровь.

Так наша связь тесна, что можно без сомненья

В постыдном сговоре нам бросить обвиненье;

Но дорого бы честь избранья обошлась,

Когда бы в низости подозревали нас.

Все сделаю мой сын. Ступайте к братьям, дети,

И знайте: есть у вас один лишь долг на свете.

Как я с тобой прощусь и что могу сказать...

Не надо чувств моих отцовских пробуждать!

Мне не хватает слов тебе внушить отвагу.

Я в помыслах нетверд, и ощущаю влагу

На старческих глазах, и сам рыдать

готов.
Боец! Исполни долг и жди суда богов.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сабина

Сабина

Так чем должна я стать, убита долей злою?

Женою любящей иль преданной сестрою?

Принять решение отныне надо мне

И твердо быть на той иль этой стороне.

Что ж изберет душа, унынием объята?

Кого назвать врагом — супруга или брата?

Страсть к одному влечет, с другим — связует кровь.

К обоим властная живет во мне любовь.

Нет, с ними в доблести мне следует сравняться —

И этому женой и тем сестрой остаться,

Всегда твердить себе: их честь — ценней всего

И не пристало мне страшиться ничего.

Когда падут они, то смертью столь прекрасной,

Что ныне весть о ней не может быть ужасной.

Покорствуя судьбе, я знать одно должна:

Не кто принес им смерть, а лишь — за что она.

Приму вернувшихся, горда победной славой,

Что родичам несет их подвиг величавый,

Не думая о том, ценою крови чьей

Так высоко вознес он доблестных мужей.

С любой из двух семей торжествовать должна я, —

В одной из них жена, в другой же дочь

родная,

С любой столь прочная меня связала нить,

Что только близкий мне и может победить.

Какое б горе мне судьба ни слала злобно,

В нем радость обрести я все-таки способна

И видеть грозный бой, не устрашась его,

Смерть — без отчаянья, без гнева — торжество.

О обольщения, о сладкие обманы,

Огнем нечаянным, мерцавшим из тумана,

Надежду тщетную вы в сердце мне зажгли,

Но сразу он померк, мгновенно вы прошли!

Как молнии, во тьме внезапно пламенея,

Мелькнут, чтоб стала ночь потом еще темнее,

Мне в очи брызнули вы трепетным огнем,

Чтоб гуще и мрачней нависла тьма кругом.

Вы облегчили мне страданье и тревоги, —

Теперь пора платить: ревнивы наши боги,

И сердце скорбное удары поразят,

Которыми сражен супруг мой или брат.

О смерти их скорбя, я думаю с тоскою,

Не для чего он пал, но чьей сражен рукою.

И в мыслях о венце прославленных мужей

Страдаю об одном — ценою крови чьей?

С семьею павшего рыдать теперь должна я, —

В одной из них жена, в другой же дочь родная.

И так связует кровь, и так связал закон,

Что только близкий мне и будет побежден.

Вот вожделенный мир! Его я так желала —

И сила вышняя моленья услыхала.

Как беспощаден ты во гневе, грозный бог,

Когда, и милости даруя, столь жесток!

И как безжалостно караешь преступленье,

Когда к невинному не знаешь сожаленья!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сабина, Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Юлия

Сабина

Свершилось, Юлия? Так что же мне грозит?

Сражен ли милый брат? Любимый муж убит?

Иль, обе стороны победой удостоив,

Преступные мечи заклали всех героев,

Чтоб я в отчаянье не проклинала тех,

Кто победил в бою, а хоронила всех?

Того не знаешь ты, что всем известно стало?

Дивиться этому не следует нимало:

Ведь мне с Камиллою — забыла ты о том? —

На время битвы стал тюрьмою этот дом.

Нас держат взаперти: не то, в тоске о братьях

И о возлюбленных, мы бросимся раз-

нять их,

Поставить и любовь и скорбь на их пути,

Чтоб жалость в лагерях обоих обрести.

Ни слез для этого не нужно, ни объятий:

Один их вид смутил враждующие рати.

Едва пройти вперед успели шесть бойцов,

Как ропот пробежал вдоль сомкнутых рядов.

Увидев, что друзья, что родичи готовы

Нести друг другу смерть, храня завет суровый, —

Тот состраданием, тот ужасом объят,

А эти славят их, безумствуют, кричат,

Кто восхищается столь яростным усердьем,

Кто дерзостно зовет его жестокосердьем, —

Но все в конце концов согласны меж собой,

Когда хулят вождей за выбор роковой

И, возмущенные столь нечестивым боем,

Бросаются вперед, не дав сойтись героям...

Какую вам хвалу, бессмертные, воздать?

Не рано ли еще, Сабина, ликовать?

Надежда ожила, слабеют опасенья,

Но есть еще, увы, причины для волненья.

Как ни стараются беду предотвратить, —

Безумцев доблестных, увы, не убедить.

Им драгоценна честь высокого избранья,

Честолюбивые ласкают их мечтанья.

Мы все за них скорбим; но, гордости полны,

Подобной жалостью они оскорблены.

Смятение в войсках на них пятном ло-

жится,

С той ратью и с другой они готовы биться,

И смерть от рук друзей им легче перенесть,

Чем уступить сейчас, отвергнув эту честь.

Как? Этих душ стальных упорство безнадежно?

Да, но войска шумят и требуют мятежно

Вести на битву всех иль, вверившись богам,

Вручить судьбу опять шести другим бойцам.

Вождей своих они почти не замечают,

Речей не слушают, приказам не внимают,

В смущенье царь. Едва надеясь на успех,

"Раздор, — он говорит, — лишил рассудка всех.

Так спросим же богов. Их милости священной

Мы угодить могли б решенья переменой?

И кто осмелится восстать, когда о том

По внутренностям жертв смиренно мы прочтем?"[40]

Он смолк. Его слова простые чудотворны:

Им даже шестеро избранников покорны.

Стремленье к подвигу, что ослепляло их,

Как ни неистово, но чтит богов благих.

Почтеньем ли к царю иль страхом пред богами

Смирил его совет порывов гордых пламя,

И ратям речь его звучала как закон,

Как будто он уже владыка двух племен.

Решит же суд богов и жертвоприношенье.

---

[40] Примечания: 1.40

По внутренностям жертв смиренно мы прочтем? — У римлян среди гаданий всякого рода весьма распространенным было гадание по внутренностям приносимых в жертву богам животных.

Богам не может быть угодно преступленье.
На них надеюсь я: уже отложен бой,
И не изменит нам их промысел благой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Камилла, Сабина, Юлия

Сабина

Камилла

Сабина

Камилла

Юлия

Камилла

Сабина

Камилла

Юлия

Сабина

Камилла

Юлия

Отрадной новостью хочу я поделиться.

Ее, мне кажется, я слышала, сестрица.

Когда пришли к отцу, я находилась там.

Но что хорошего она приносит нам?

Отсрочена беда — потом сильней страданья,

Томительнее страх и муки ожиданья.

И только одного теперь мы вправе ждать:

Что позже час придет над павшими рыдать.

Но в ратях правый гнев зажжен веленьем божьим!

Богов, по-моему, напрасно мы тревожим.

Ведь выбор горестный был ими же внушен,

И не всегда народ богами вдохновлен.

Не снисходя к толпе, им подобает боле

Владык одушевлять своей священной волей:

Неоспоримые земных царей права,
Их власть разумная — лишь отблеск божества.

Чем обрекать себя на тщетные мученья,
Читай в оракулах небесные решенья.
Ведь если от судьбы ты доброго не ждешь,
Ответ того жреца — тебе обман и ложь.

Слова оракула всегда, увы, невнятны;
Чем кажутся ясней, тем менее понятны;
Когда же думаешь, что в них загадки нет, —
Еще таинственней обманчивый ответ.

Нет, верить мы должны, хотя бы лишь отчасти,
Хотя б надежды нас терзали, как напасти.
Пусть только слабый луч сошел от вышних сил,
Кто не надеется — его не заслужил.

Мы сами для богов помеха роковая,
Заране милость их неверьем отвергая.

Помимо нас, увы, решают небеса,
И наши жалкие бессильны голоса.

Вас боги ввергли в страх, но сжалятся над вами.
Прощайте, я пойду за новыми вестями.
Не лейте слез. Когда я вас увижу вновь,
Наверно, принесу и радость и любовь,
И весь остаток дня пройдет под знаком мира,
В приготовлениях для свадебного пира.

Надежду я храню.

Во мне она мертва.

Сама признаешь ты, что я была права.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сабина, Камилла

Сабина

Камилла

Сабина

Камилла

И от меня, сестра, прими упрек нестрогий:

Не слишком ли теперь ты поддалась тревоге?

А если бы твоей была судьба моя

И ты терзалась бы, как нынче мучусь я?

А если б ты ждала, над самой бездной стоя,

Таких же бед, как я, от рокового боя?

Должна бы ты сама о них судить трезвей:

Чужая боль не то, что боль души своей.

В назначенное мне по вышнему веленью

Вглядись — и твой удел предстанет легкой тенью.

Лишь участь милого должна тебя смущать:

Не можем братьев мы к супругу приравнять.

Нас вводят в новый дом законы Гименея,

И с отчим домом связь становится слабее.

По-разному теперь и думаешь о них,

А мужа полюбив, забудешь о родных,

Но если милого отца признал как зятя —

Хотя не муж, для нас не меньше он, чем брат!

И их по-прежнему мы любим, и его,

Но предпочесть — увы! — не в силах никого.

Сабина, можешь ты, и мучась и страдая,

Лить одного хотеть, о прочем забывая,

Но если вышний суд угрозы не смягчит,

Мне нечего желать и все меня страшит.

Так рассуждать нельзя. Судьба для всех сурова:

Один ведь должен пасть — и от руки другого.

Хотя по-разному мы думаем о них,

К супругу уходя, нельзя забыть родных.

Не все вольны стереть заветы Гименея,

И мужа любим мы, о близких сожалея,

Природа властвует над нами с детских лет,

И кровным родичам ни в ком замены нет.

И муж и родичи — душа твоя и тело.

Все горести равны, достигшие предела.

Но суженый, по ком ты нынче без ума, —

Он для тебя лишь то, что ты творишь сама.

Причуды ревности, дурное настроенье —

И часто он забыт, забыт в одно мгновенье.

Трудней ли разуму влеченье побороть?

Но связи вечные — родная кровь и плоть.

Того, что скреплено обдуманным со-

юзом,

Нельзя предпочитать родства священным узам,

И если вышний суд решенья не смягчит,

Мне нечего желать и все меня страшит.

А ты — тебе дано, и мучась и страдая,

Лишь одного хотеть, о прочем забывая.

Поистине, тебе не волновало кровь

Пустое для тебя и чуждое — любовь.

Сначала в силах мы сопротивляться страсти,

Пока она своей не показала власти,

Покуда наш отец, ее впустивши в дом,

Не сделал дерзкого захватчика царем.

Приходит — кроткая, царит же — как тиранка.

Но раз твоей душе понравилась приманка,

Преодолеть любовь душа уж не вольна

И хочет лишь того, что повелит она.

Мы крепко скованы, но сладкими це-

пями.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла

Старый Гораций

Сабина

Старый Гораций

Я прихожу сюда с недобрыми вестями,
О дочери мои! Но незачем скрывать
То, что вы можете от каждого узнать.
Свершился суд богов, и бьются ваши братья.

Да, не таких вестей могла бы ожидать я,
Казалось мне всегда, что правый суд богов
К нам должен быть не так безжалостно суров.
Не утешай же нас. Так тягостно несчастье,

Что жалки все слова и ни к чему участье.

С мученьями теперь покончить мы вольны,

А смерти жаждущим несчастья не страшны.

Легко могли бы мы, храня на людях гордость,

Свое отчаянье изобразить как твердость.

Но если слабыми сейчас не стыдно быть,

К чему же пред людьми храбриться и хитрить?

Мужчинам свойственно подобное искусство,

А мы — на женские мы притязаем чувства

И вовсе не хотим, чтоб с нами клял судьбу

Суровый муж, всегда готовый на борьбу.

Встречай же не дрожа губительные грозы

И слез не проливай, на наши глядя слезы.

Ну, словом, я молю — в жестокий этот час

Храни свой гордый дух, не осуждая нас.

Слезам и жалобам не нахожу упрека,

Ведь я с самим собой боролся так жестоко,

Что, может быть, теперь не смог бы устоять,

Когда бы столько же страшился потерять.

Врагами для меня твои не стали братья.

Как прежде, всем троим готов раскрыть объятья;

Но с дружбой не сравнить ни страстную любовь,

Ни ту, что вызывать должна родная кровь.

Мне не дано познать тоску, что истомила

Сабину — о родных, о женихе — Камил-

лу.

Я видеть в них могу врагов страны моей

И полностью, стоять за милых сыновей.

Хвала благим богам, они достойны Рима,

И их избрание для всех неоспоримо;

А жалость отметя, что устремлялась к ним,

Они вдвойне себя прославили и Рим.

Да, если б, духом пав, ее они искали

Иль уступили ей и отвергать не стали,

То от моей руки на них бы пала месть

За рода моего поруганную честь.

Но раз, не внемля им, других избрать хотели,

Я к той же, что и вы, тогда склонялся цели,

И если б до богов донесся голос мой,

Других бы доблестных послала Альба в бой,

Чтоб, кровью братскою не оскверняя

славу,

Стяжали торжество Горации по праву

И чтобы не в таком неправедном бою

Теперь родимый град обрел судьбу свою.

Но нет! Бессмертные судили по-иному.

Мой дух покорствует решению святому,

И жертвы он готов любые принести

И в счастье родины блаженство обрести.

Мужайтесь же, как я, — не так вам будет больно.

Вы обе римлянки — и этого довольно.

Ты — стала римлянкой, ты — остаешься ей,

И нету имени почетней и славней.

Оно по всей земле от края и до края

Пройдет, как божий гром, народы устрашая,

Чтоб утвердить везде единый свой закон

И высшей честью стать царям чужих племен.

Энею было так обещано богами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Старый Гораций, Сабина, Камилла, Юлия

Старый Гораций

Юлия

Старый Гораций

Юлия

Старый Гораций

Камилла

Старый Гораций

Юлия

Старый Гораций

Сабина

Старый Гораций

Сабина

Ты, Юлия, пришла с победными вестями?

Нет, горестен исход сраженья для

страны,

И сыновья твои — увы! — побеждены.

Из трех остался жив один супруг Сабины.

О, роковой исход, о, горькая судьбина!

Отныне Альбе град родимый подчинен,

А родине своей не отдал жизни он?

О нет, не истину узнала ты о бое,

И Рим не побежден, иль сражены все трое.

Я знаю кровь мою, она свой долг блюдет.

Глядели с наших стен и я, и весь народ.

Мы восхищались им. Когда же братья пали

И против одного сражаться трое стали,

Он бросился бежать, чтобы спастись от них.

И римляне его оставили в живых?

Предателя они прикрыли преступленье?

О, братья!

Не о всех печалиться тебе:

Двух доблестных сынов завидую судьбе.

Да будет лаврами покрыта их могила.

Меня же слава их с утратой примирила.

За верность добрую сынам дано моим —

Пока дышать могли, свободным видеть Рим,

Лишь римскому царю, как должно, подчиненным,

Но не чужим вождям и не чужим законам.

Оплакивай того, кто горестным стыдом,

Неискупаемым, покрыл наш гордый дом.

Оплакивай позор Горациева рода:

Нам не стереть его из памяти народа.

Но что же должен был он сделать?

Умереть[41]

Иль в дерзновении предсмертном — одолеть.

Он мог жестокое отсрочить пораженье,

Беду отечества, — хоть на одно мгновенье,

И смертью доблестной со славой павший сын

Не опозорил бы родительских седин.

Та кровь, что в час нужды не отдана отчизне, —

Позорное пятно на всей грядущей жизни,

И каждый лишний миг, что он еще живет,

Его и мой позор пред всеми выдает.

Суровое мое решенье непреклонно:

Старинным правом я воспользуюсь законно,

---

[41] Примечания: 1.41

Умереть... — этот монолог старого Горация принадлежит к известнейшей сентенции корнелевской трагедии, ибо в ней нашла патетическое воплощение концепция воинского долга: лучше смерть, чем бегство с поля боя.

Чтоб увидали все, как власть и гнев отца
За трусость жалкую карают беглеца.

Молю тебя, отец, во гневе благородном
Несчастье общее не делай безысходным.

Да, сердцу твоему утешиться легко.
Ведь ранено оно не слишком глубоко,
И павшего на нас избегла ты проклятья:
Судьбой пощажены и твой супруг, и братья.
Мы — подданные, да, но града твоего,
И муж твой предал нас, но братьям — торжество.
И, видя славы их высокое сиянье,
Стыду Горациев не даришь ты вниманья.
Но так любим тобой преступный твой супруг,
Что не избегнешь ты таких же слез и мук.

Не думай страстными спасти его слезами.

Еще до вечера — я в том клянусь богами —

Рука, рука моя, свершая приговор,

И кровь его прольет, и смоет наш позор.

Скорей за ним! Ведь он сейчас на все способен.

Неужто лик судьбы всегда жесток и злобен?

Зачем должны мы ждать лишь горя и тоски

И вечно трепетать родительской руки?!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций, Камилла

Старый Гораций

Камилла

Старый Гораций

В защиту подлого твои напрасны речи.

Пусть, от врага бежав, с отцом страшится встречи.

Хоть жизнь ему мила, но он ее не спас,

Когда не поспешил с отцовских скрыться глаз.

Пускай жена его заботится об этом.

Я ж небесами вновь клянусь пред целым светом...

Смягчись, отец, смягчись! Ведь так неумолим

Не будет к беглецу и побежденный Рим.

Простит великий град и в самом тяжком горе

Того, кто одолеть не смог в неравном споре.

Что мне до этого? Пусть римляне простят —

Заветы старины иное мне велят.

Я знаю путь того, кто стал по праву славным:

Непобежденный, он падет в бою неравном;

И мужеская мощь, бесстрашна и тверда,

Хоть сокрушенная, не сдастся никогда.

Молчи. Я знать хочу, зачем пришел Валерий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Старый Гораций, Валерий, Камилла

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Камилла

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Валерий

Старый Гораций

Отцу, скорбящему о тягостной потере,
Царь утешенье шлет...

Не стоит продолжать,
И незачем меня, Валерий, утешать.
Двух сыновей война скосила слишком скоро,
Но мертвые, они не ведают позора.
Когда за родину дано погибнуть им,
Я рад.

Но третий сын — кому сравниться с ним?
Ведь он — замена всем, как лучший между ними.

Зачем не сгинул он, а с ним и наше имя!

Один лишь ты грозить решаешься ему.

И покарать его мне должно одному.

За что? За мужество, достойное героя?

Какое мужество — бежать во время

боя?

За бегство ловкое — он славою покрыт.

Во мне еще сильней смущение и стыд.

Поистине, пример, достойный удивленья:

От боя уклонясь, достигнуть прославленья.

Чего стыдишься ты, скажи мне наконец?

Гордись! Ты нашего спасителя отец!

Он торжество и власть принес родному граду, —

Какую можешь ты еще желать награду?

Что слышу от тебя? Где торжество и власть?

Под руку недругов нам суждено подпасть!

Об их победе речь странна и неуместна.

Возможно ль, что тебе еще не все известно?

Я знаю — он бежал и предал край родной.

Он предал бы его, на том закончив бой;

Но бой не кончился, и вскоре все узрели,

Что бегством он сумел достичь победной цели.

Как, торжествует Рим?

Спеши теперь узнать,

Что доблестного ты не вправе осуждать,

Один вступил в борьбу с тремя. Но волей рока

Он — невредим, а те — изранены жестоко.

Слабее всех троих, но каждого сильней,

Он с честью выскользнет из роковых сетей.

И вот твой сын бежит, чтоб хитрость боевая

Врагов запутала, в погоне разделяя.

Они спешат за ним. Кто легче ранен, тот

Преследует быстрей, а слабый отстает.

Настигнуть беглеца все трое рвутся страстно,

Но, разделенные, не действуют согласно.

А он, заметивши, что хитрость удалась,

Остановился вдруг: победы близок час.

Вот подбежал твой зять. Объятый возмущеньем,

Что враг стоит и ждет с надменным дерзновеньем,

Наносит он удар, но тщетен гордый пыл:

Ему, чтоб одолеть, уже не хватит сил.

Альбанцы в трепете, беда грозит их дому.

На помощь первому велят спешить второму.

Изнемогает он в усильях роковых,

Но видит, добежав, что брата нет в живых.

Увы!

Едва дыша, он павшего сменяет,

Но вновь Горация победа осеняет.

Без силы мужество не выиграет бой:

За брата не воздав, уже сражен второй.

От воплей небеса дрожат над полем брани:

Те — в ужасе кричат, мы — в мощном ликованье.

Увидел наш герой, что близко торжество,

И гордой похвальбой приветствует его:

"Я братьям тех двоих уже заклал для тризны,

Последний же падет на алтаре отчизны, —

Свою победу Рим на этом утвердит", —

Сказал он — и уже к противнику летит.

Сомнений больше нет: твой сын у са-

мой цели.

Тот, обескровленный, тащился еле-еле,

На жертву, к алтарю влекомую, похож,

Казалось, горло сам он подставлял под нож.

И принимает смерть, почти не дав отпора.

Отныне наша власть не вызывает спора.

О милый сын! О честь и слава наших дней,

Оплот негаданный для родины своей!

Достойный гражданин, достойный отпрыск рода,

Краса своей страны и лучший сын народа!

Хочу, обняв тебя, в объятьях задушить

Ошибку, что меня успела ослепить!

О, поскорее бы счастливыми слезами

Омыть чело твое, венчанное богами!

И ласкам и слезам ты скоро волю дашь:

Сейчас его к тебе пришлет властитель наш.

Молебствие богам и жертвоприношенье

Мы завтра совершим по царскому решенью.

Сегодня же за все, что благость их дала,

Во храме им воздаст короткая хвала.

Там царь, и с ним твой сын. Меня ж сюда послали

Счастливым вестником и вестником печали.

Но мало этого для милости царя:

Он сам к тебе придет, за все благодаря.

Чтоб должное воздать прославленному роду,

Он сам придет сказать, что за свою свободу

И торжество — тебе обязана страна.

Чрезмерна эта честь — меня слепит она.

Твоими я уже вознагражден словами

За все, свершенное моими сыновьями.

Так мало римский царь не чтит больших заслуг.

Твой сын его венец из вражьих вырвал рук,

И вот — любая честь, по мненью властелина,

Бледней заслуг отца и доблестного сына.

Я ухожу. Но царь узнает от меня,

Что ты, достойные обычаи храня,

Готов ему служить и ревностно и верно.

За это я тебе признателен безмерно.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Старый Гораций, Камилла

Старый Гораций

Не время, дочь моя, чтоб лить потоки слез,

Когда такую честь нам этот день при-

нес.

Семейные тебя да не смущают беды,

Когда для всей страны они — залог победы.

Ценою наших бед восторжествует Рим —

Так что же? Горести свои благословим.

Чрезмерно горевать о суженом не надо:

Другого ты найдешь в стенах родного града.

Счастливейшим себя теперь почтет любой,

Сестру Горация своей назвав женой.

Сабину известить я должен. Волей рока

Ей нанесен удар, разящий так жестоко:

Убийцы родичей возлюбленных жена,

Имеет больше прав на жалобы она.

Но верю, что гроза промчится без возврата,

Что, разумом сильна и мужеством

богата,

Над сердцем даст она любви возобладать,

Которой к славному не может не питать.

А ты не подчинись печали недостойной

И, если он придет, прими его спокойно.

Пред всеми показать уже тебе пора,

Что подлинно ему ты кровная сестра.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Камилла

Камилла

О да, я покажу, я ныне всем открою,

Что не должна любовь склониться пред судьбою,

Пред волей тех людей неправедных и злых,

Которых почитать должны мы за родных.

Мою хулишь ты скорбь. Но чем упреки строже,

Чем больше сердишься, они мне тем дороже.

Безжалостный отец! Мой рок неумолим —

И в этом скорбь моя пускай сравнится с ним,

Чей рок когда-либо за день, за час единый

Внезапно принимал столь разные личины?

То радость исторгал, а то потоки слез,

Пока последнего удара не нанес?

И в чьей душе могли сменяться так тревожно

Печаль — веселием, а страх — надеждой ложной?

И чья была таких случайностей рабой,

Таких превратностей игрушкою пустой?

Оракул дал покой, а сон — грозит и мучит,

Война ввергает в страх, а мир надежде учит.

Готовлю брачный пир, и в этот самый

миг

На брата моего с мечом идет жених.

Я в смертном ужасе, и все полны тревоги:

Бойцы разделены, их снова сводят боги.

Альбанцев ждет успех, и только он, мой друг,

В моей крови еще не оскверняет рук.

Иль участь родины меня страшила мало

И смерть Горация легко я принимала?

И тщетно тешила надеждами себя,

Что не предам своих, противника любя?

Судьба меня за грех жестоко покарала:

Он пал — и как, увы, об этом я узнала?

Соперник милого оповещает нас, —

И вот, ведя при мне мучительный рассказ,

Открыто счастлив он, ласкаемый мечтою:

Не счастьем родины, — о нет, — моей бедою;

И, строя в грезах рай на бедствии чужом,

Победу празднует над милым женихом.

Но это все ничто, иное ждет Камиллу.

Я ликовать должна, когда гляжу в могилу,

Героя прославлять, как вся моя страна,

И руку целовать, которой сражена.

Жестокие мои законны сожаленья;

Для них же слезы — стыд, а вздохи — преступленье:

Цвети и радуйся средь самых тяжких бед —

Без варварства в тебе душевной мощи нет.

О, я не дочь отца, чье сердце слишком свято,

И мне не быть сестрой столь доблестного брата,

Моя же правда в том, что не скрываю мук,

Когда бездушие — заслуга из заслуг.

Надежды больше нет — чего ж теперь бояться?

Пусть торжествует скорбь — ей незачем скрываться,

Пусть, победителя высокомерный вид

Ее отважную решимость укрепит

В лицо ему хулить деянье роковое

И ярость распалить в прославленном герое.

Вот он идет сюда. Не дрогнув перед ним,

Мы прах любимого как следует почтим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ[42]

Гораций, Камилла, Прокул

(Прокул держит в руке три меча убитых Куриациев.)

Гораций

Камилла

Гораций

Камилла

Гораций

Камилла

Гораций

---

[42] Примечания: 1.42

Действие четвертое, явление пятое — Корнель посвящает семьдесят стихов эпизоду убийства Горацием Камиллы, которому предшествует их яростный спор. У Тита Ливия между ними объяснения не происходит. Просто триумфатор, увидев, что сестра рвет на себе волосы, царапает лицо и повторяет имя убитого жениха, пронзает ее мечом с восклицанием: "Убирайся вон с твоей возмутительной любовью. Иди вслед за твоим женихом. Ты, что забыла о своих братьях, о мертвых и о живом. Ты, что забыла свою отчизну! Да умрет всякая римлянка, оплакивающая своего врага". Как легко убедиться, Корнель усложнил образ Камиллы, изобразив ее столь же нетерпимой, как и брат ее. Их столкновение идет по нарастающей линии, достигая апогея в проклятиях, адресованных Риму и представляющихся не только Горацию, но и суеверным французским зрителям XVII в. — уже реальной угрозой благополучию города.

Камилла

Гораций

Камилла

Гораций

(хватаясь за меч и преследуя убегающую Камиллу)[45]

Камилла

(раненая, за кулисами)

Гораций

(возвращаясь на сцену)

Сестра, моя рука за братьев отомстила,

Враждебной нам судьбы теченье изменила

И, римский навязав противникам закон,

Одна решила спор и участь двух племен.

Взгляни же на мечи, что в битве слав-

---

[45] Примечания: 1.45

Хватаясь за меч и преследуя убегающую Камиллу — эта ремарка является уточнением, сделанным Корнелем в 1660 г., дабы подчеркнуть, что убийство происходит за сценой.

ной взяты,

И должное сумей воздать победе брата.

Все то, что я должна, слезами ей воздам.

Ликует Рим, сестра. Зачем же слезы нам?

А братья павшие отомщены с лихвою:

Где кровь за кровь текла, не нужно слез герою.

Когда свершилась месть, не вспоминай утрат.

Что ж, если души их иного не хотят,

Не буду я за них казаться огорченной

И о кончине их забуду отомщенной.

Но кто же отомстит за гибель жениха,

Чтоб и его забыть могла я без греха?

Несчастная, молчи!

О мой жених любимый!

О недостойная! О вызов нестерпимый!

Как! Имя недруга, что мной повержен в прах,

И в сердце у тебя, и на твоих устах?

Неистовство твое преступно мести жаждет,

Уста о ней твердят и сердце горько страждет?

Рассудку подчинись, желаньям ставь предел,

Чтоб за свою сестру я больше не краснел.

Ты заглушить должна свое слепое пламя,

Моими славными утешиться делами,

Чтоб от тебя иных не слышал я речей.

Дай, варвар, душу мне, подобную твоей.

А, правды хочешь ты? Кричу с тоской и болью:

Верни любимого иль дай терзаться вволю!

Всегда его судьба вершила и мою:

Мне дорог был живой, над мертвым слезы лью.

Навеки в грозный час простился ты с сестрою:

Лишь оскорбленная невеста пред тобою.

За гибель милого не перестану я

Свирепой фурией преследовать тебя.

О кровожадный тигр! А я — рыдать не смею?

Мне — смерть его принять и восхищаться ею,

Чтоб, гнусное твое прославив торжество,

Теперь уже сама убила я его?

Пусть будет жизнь твоя столь горькой, столь постыдной,

Что и моя тебе покажется завидной,

А славу, что тебе, жестокому, мила,

Твои же омрачат бесчестные дела!

О боги! Злоба в ней дошла до исступленья!

И должен от тебя я слушать оскорбленья,

Которыми ты наш позорить смеешь

род?

Приветствуй эту смерть, что славу нам несет,

И да затмится скорбь и память о любимом

Пред римской славою в тебе, рожденной Римом.

Рим, ненавистный враг, виновник бед моих!

Рим, Рим, которому был заклан мой жених!

Рим, за который ты так счастлив был сразиться!

Кляну его за то, что он тобой гордится.

Покуда мощь его не так еще сильна,

Пускай соседние воспрянут племена,

А если сможет он не пасть под их ударом,

Пусть Запад и Восток восстанут в гне-

ве яром,[43]

И пусть надвинутся, враждой к нему горя,

Народы всей земли чрез горы и моря!

Пусть на себя он сам свои обрушит стены,[44]

Себе же в грудь вонзит преступный меч измены,

А небо, утолив молящую меня,

Затопит этот Рим потоками огня!

О! Видеть, как его дробит небесный молот,

Как рушатся дома и твой венец расколот,

Последнего из вас последний вздох узреть

И, местью насладясь, от счастья уме-

---

[43] Примечания: 1.43

Пусть Запад и Восток восстанут... — Корнель, хорошо знавший историю Рима, вкладывает в уста отчаявшейся Камиллы предсказание будущих действительных бед империи, распадению которой в немалой степени способствовал натиск восточных и западных варварских племен.

[44] Примечания: 1.44

Пусть на себя он сам свои обрушит стены... — это тоже предсказание, основанное на знании поэтом истории Рима, крушение которого было связано в большой степени с тем, что империю разъедали внутренние противоречия.

реть!

Позор! Мой правый гнев терпенье не смирило!

Ступай же милого оплакивать в могилу!

Злодей!

Кто о враге отчизны пожалел,

Тому конец такой — единственный удел.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гораций, Прокул

Прокул

Гораций

Прокул

Гораций

О, что ты совершил!

Я поступил как надо.

А смерть — за этот грех достойная награда.

Не слишком ли жесток твой справедливый суд?

Пускай моей сестрой Камиллу не зовут;

Она не наша кровь, не дочь отцу родному:

Кто проклял родину, тот изменяет дому.

Своих же близких враг, уже не смеет он

От оскорбленных ждать столь ласковых имен;

А кровных родичей тем более законны

И гнев и скорый суд прямой и непреклонный.

И тот навеки прав, кто сразу задушил

Столь святотатственный, хоть и бессильный пыл.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Сабина, Гораций, Прокул

Сабина

Гораций

Сабина

Гораций

(Уходит.)

Сабина (одна)

Что благородный твой порыв остановило?

Вот на руках отца кончается Камилла.

Отрадным зрелищем насытиться спеши,

А если хватит сил у доблестной души,

Последнюю пролей на алтаре народа

Еще живую кровь поверженного рода

И, вражьей не щадя, как не щадил родной,

Палач своей сестры, покончи и с женой.

Одна у нас вина, одной больны тоскою:

Подобно ей, скорблю о закланных тобою.

Настолько тягостней мой грех в глазах твоих:

Ей дорог был один — я плачу о троих,
И жду бестрепетно любого наказанья.

Оставь меня сейчас иль подави стенанья.
Достойной будь женой для мужа своего
И к низкой жалости не понуждай его.

А если близостью супружеской, Сабина,
И в чувствах стали мы и в помыслах едины,
Не мне унизиться, твоих изведав стыд,
Но до моих тебе подняться надлежит.

Да, мне понятна скорбь моей супруги милой.
Терпи, вооружись моей душевной силой.
Победный мой венок спеши признать своим
И не срывай с меня, но украшайся им.

Ты честь мою клянешь и так враждуешь с нею,
Что был бы мой позор тебе сейчас милее?
Женою верной стань и меньше будь

сестрой.

А этот мой пример — тебе закон святой.

Тебе ли стану я, ничтожная, подобной?

За братьев я тебя не упрекаю злобно.

Воздать им должное мне надлежит, скорбя.

И здесь враждебный рок виновнее тебя.

Но доблесть римскую отвергну я, конечно,

Когда велит она мне стать бесчеловечной.

И победителя счастливого жена

Погибшим родичам останется верна.

С народом празднуя отечества победы,

Семейные свои в семье оплачем беды;

И радость общую мы позабыть вольны,

Во власти тех скорбей, что только нам даны.

Зачем не поступать, как нам велит природа?

Когда идешь сюда, свой лавр оставь у входа,

Со мною слезы лей... Как! Низменная речь

Не вынудит тебя поднять священный меч

И гневно покарать меня за преступленье?

Камилла счастлива! Ее постигло мщенье.

Ты одарил сестру лишь тем, что та ждала,

И милого она за гробом обрела.

Любимый муж, не ты ль меня обрек терзанью?

И если гнев остыл, внемли же состраданью!

Но гнев ли, жалость ли — молю тебя, супруг!

Не хочешь покарать? Избавь от лишних мук!

Как доброй милости, как беспощадной кары,

Я жажду от тебя последнего удара

И рада все принять. Такая смерть легка,

Когда ее несет любимая рука.

О, горе! Женщинам дарована богами
Столь пагубная власть над лучшими мужами!
И жены слабые, бессмертных теша взгляд,
Над сильными, увы, и смелыми царят!
Чтоб мужество свое спасти от пораженья,
Я в бегстве вынужден теперь искать спасенья,
Прощай. Оставь меня иль перестань рыдать.

Ни ярость, ни любовь не стали мне внимать!
Нет кары для вины, а горе — безответно.
О милости прошу, молю о казни — тщетно!
Что ж, буду требовать и плакать вновь и вновь,
А нет — сама пролью тоскующую кровь.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старый Гораций, Гораций

Старый Гораций

Гораций

Старый Гораций

Печальным зрелищем не дав смутиться взору,[46]

Мы вышнему должны дивиться приговору:

Едва победы нас высоко вознесут,

Гордыню усмирить умеет вышний суд.

То горечь к радости примешивают боги,

То слабым станет вдруг и доблестный и строгий,

Бывает редко нам даровано судьбой

---

[46] Примечания: 1.46

Печальным зрелищем не дав смутиться взору... — этот первый стих пятого действия уточняет, что гроб Камиллы стоит на сцене и останется там во время суда над Горацием.

Благое совершать с безгрешною душой.

Я скорбью не воздам преступнице Камилле:

Мы большей жалости с тобою заслужили.

Я этой дочери-изменницы отец,

А ты ее сразил, позоря свой венец.

Я знаю — эта казнь совершена по праву,

Но ты сгубил, мой сын, и честь свою и славу.

И лучше б не карать совсем вины такой,

Чем за нее воздать твоей, мой сын, рукой.

Достоин казни я — назначь же мне любую:

Я пролил кровь сестры, о родине ревнуя.

Но если решено, что это тяжкий грех,

И должен слушать я укоры ото всех,

И что на мне позор — тебе дано по праву

Изречь свой приговор и совершить расправу.

Возьми же кровь мою — ведь я содеял зло,

И на нее теперь бесчестие легло.

Я не стерпел вины, судом ответив скорым,

Мириться ли, отец, тебе с моим позором?

Когда поступками задета наша честь,

Отец такой, как ты, считает долгом месть.

Да замолчит любовь, где нету оправданья:

Мягкосердечный сам достоин наказанья,

И славе собственной цены не знает он,

Когда щадит того, кто им же осужден.

Но быть суровыми порою мы не в силах,

И для самих себя детей прощаем милых.

В преклонном возрасте еще сильней любя,

Мы не караем их, чтоб не карать себя.

Не то, что видишь ты, мой взор в тебе находит,

Я знаю... Здесь наш царь! В покои стража входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тулл, Валерий, Старый Гораций, Гораций, стража

Старый Гораций

Тулл

(Указывая на Валерия.)

Старый Гораций

Тулл

Валерий

Старый Гораций

Тулл

Валерий

Тулл

Гораций

Я честью вознесен превыше всех людей,
Мой государь — у нас, под кровлею моей!
И вот, у ног царя...

Нет, встань, отец мой, смело,
Ведь за высокое и доблестное дело
Обязан я как царь — мое служенье в том —
Высокой почестью отметить славный дом.

Он послан был к тебе тотчас же после боя,
Но сам я захотел увидеться с тобою.
Кто удивился бы, когда поведал он,
Что гибелью сынов ты не был сокрушен?
Твоей ли твердости прекрасной и суровой
Могло поддержкой быть сочувственное слово?
Но мне приносят весть — внезапно сам герой
Злодейством омрачил свой подвиг бо-

евой:

О чести родины безудержно ревнуя,

Он дочь твою сгубил, сразив сестру родную.

Для самых сильных душ удар такой жесток, —

И как тебе снести неумолимый рок?

Мне тяжко, государь, но есть в душе терпенье.

Да, опыт жизненный приносит утешенье.

Хотя мы все нередко узнаем,

Что бедственные дни идут за светлым днем,

Но мало у кого настолько хватит воли,

Чтоб мужество хранить в такой тяжелой доле.

И если бы тебе, утратившему дочь,

Сочувствие мое могло теперь помочь,

То знай, что с жалостью, такой же бесконечной,

Как скорбь твоя, мой друг, люблю тебя

сердечно.

Владыками небес дано земным царям
Вершить над нами суд, законы ставить нам,
И, родине служа, их власть, для всех святая,
За грех должна карать, за подвиг награждая.
Позволь, мой царь, слуге смиренному сказать:
Ты жалостлив к тому, что надо покарать.
Позволь мне...

Как! Умрет стране стяжавший славу?

Пусть он окончит речь. Я рассужу по праву.
Всегда, везде для всех да будет правый суд,
Ведь только за него царей без лести чтут.
Ужасное свершил твой сын, и воздаянья
Здесь можно требовать, забыв его де-

янья.

Внемли же, государь всеправедный. Пора,

Чтоб голос подняли защитники добра.

Не злобу доблестный в нас вызывает воин,

Приявший почести: он почестей достоин.

Не бойся и еще щедрее наградить —

Ведь сами римляне хотят его почтить.

Но если он палач сестры единокровной,

То, славясь как герой, пусть гибнет как виновный.

Ты — царь, отечества надежда и оплот, —

От ярости его спаси же свой народ,

Когда не хочешь ты господствовать в пустыне:

Так много близких нам война скосила ныне,

И оба племени соединял тесней

Во дни счастливые так часто Гименей,

Что мало римлян есть, не потерявших зятя

Иль родича жены в рядах альбанской рати

И не оплакавших на празднестве побед

Своей родной страны — своих семейных бед.

Но если мы, скорбя, преступны против Рима,

И может нас герой карать неумолимо, —

Кто будет варваром жестоким пощажен,

Когда родной сестре пощады не дал он?

Он не сумел простить отчаянья и гнева,

Что смерть любимого вселила в сердце девы:

Ей факел свадебный мелькал в дыму войны,

Но с милым навсегда мечты погребены.

Рим возвеличился и стал рабом нежданно:

И наша жизнь и смерть — уже в руках тирана.

И дни бесславные еще мы сможем длить,

Пока изволит он преступников щадить.

О Риме я сказал; теперь добавлю смело:

Для мужа доблести позорно это дело.

Я умолять бы мог, чтоб царь взглянул сейчас

На подвиг редкостный славнейшего из нас.

И он увидел бы, как, местью пламенея,

Из раны хлынет кровь перед лицом злодея.

Он содрогнулся бы в ужасный этот миг,

Взглянув на хладный труп, на нежный юный лик.

Но мерзостно давать такие представленья.

Назавтра выбран час для жертвоприношенья.

О царь! Подумал ты, угодно ли богам

Принять воскуренный убийцей фимиам?

Он для бессмертных — враг. За святотатство это

И у тебя они потребуют ответа.

Нет, не рука его решала бранный спор, —

Помог отечеству бессмертных приговор.

И, волею богов свое возвысив имя,

Он славу запятнал, дарованную ими;

И, самый доблестный, веленьем вышних сил

Он сразу и венец и плаху заслужил.

Мы жаждем выслушать решения благие,

Злодейство это здесь совершено впервые;

И, чтоб небесный гнев не пал теперь на нас,

Отмсти ему, богов немилости страшась.

Гораций, говори.

Мне не нужна защита!

Ведь то, что сделал я, ни от кого не скрыто.

И если для царя вопрос уже решен,

То слово царское для подданных — закон.

Невинный может стать достойным осужденья,

Когда властитель наш о нем дурного мненья.

И за себя нельзя вступаться никому

Затем, что наша кровь принадлежит ему.

А если роковым его решенье будет,

Поверить мы должны, что он по праву судит.

Достаточно тебе, о царь мой, приказать:

Иные любят жизнь, я ж рад ее отдать.

Законная нужна Валерию расплата:

Он полюбил сестру и обвиняет брата.

Мы для Горация взываем об одном:

Он смерти требует, и я прошу о том.

Одна лишь разница: хочу законной мести, —

Чтоб ничего моей не запятнало чести:

И вот стремимся мы по одному пути,

Он — чтоб ее сгубить, я — чтоб ее спасти.

Так редко может быть, чтоб сразу проявила

Все качества свои души высокой сила.

Здесь ярче вспыхнуть ей удастся, там — слабей;

И судят оттого по-разному о ней.

Народу внешние понятней впечатленья,

И внешнего ее он жаждет проявленья:

Пусть изменить она не думает лица

И подвиги свои свершает без конца.

Плененный доблестным, высоким и нежданным,

Он все обычное готов считать обманом:

Всегда, везде, герой, ты должен быть

велик,

Хотя бы подвиг был немыслим в этот миг.

Не думает народ, когда не видит чуда:

"Здесь той же доблести судьба служила худо"

Вчерашних дел твоих уже не помнит он,

Уничтожая блеск прославленных имен.

И если высшая дана тебе награда, —

Чтоб сохранить ее, почить на лаврах надо.

Хвалиться, государь, да не осмелюсь я:

Все ныне видели мой смертный бой с тремя.

Возможно ль, чтоб еще подобное случилось,

И новым подвигом свершенное затмилось,

И доблесть, гордые творившая дела,

Подобный же успех еще стяжать могла?

Чтоб доброй памяти себе желать по

праву,

Я должен умереть, свою спасая славу.

И жалко, что не пал, победу завершив.

Я осквернил ее, когда остался жив!

Тому, кто жил, себя для славы не жалея,

Перенести позор — нет ничего страшнее.

Спасенье верное мне дал бы верный меч,

Но вот — не смеет кровь из жил моих истечь.

Над нею властен ты. Я знаю: преступленье —

Без царского ее пролить соизволенья.

Но, царь мой, храбрыми великий Рим богат:

Владычество твое другие укрепят.

Меня ж от ратных дел теперь уволить можно;

И, если милости достоин я ничтожной,

Позволь мне, государь, мечом пронзить себя —

Не за сестру казнясь, а только честь любя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тулл, Валерий, Старый Гораций, Гораций, Сабина

Сабина

Старый Гораций

(Сабине.)

(Туллу.)

(Валерию.)

Валерий

Тулл

Супруга и сестра у ног твоих — Сабина.

Двойная, государь, в душе моей кручина.

И внять речам моим, о царь, молю тебя,

За милого страшась, о родичах скорбя.

Стремленья нет во мне слезой своей лукавой

Виновного спасти от казни слишком правой.

И чем бы он сейчас ни услужил стране,
—

Карай, но пусть вину он искупит во мне,

Но пусть за кровь его прольется кровь Сабины.

Свершится та же казнь — мы оба так едины,

И ты отнимешь то, — не пощадив его,
—

Что он в самом себе любил сильней всего.

Столь тесно связаны мы цепью Гименея,

Что он живет во мне и ярче и полнее,

И если дней моих сейчас прервется нить,

Его ничем иным нельзя верней казнить.

Молю и требую смертельного удара:

В нем — избавленье мне, ему же — злая кара.

Пусть ныне видит царь, как жизнь моя страшна

И на какой разлад душа обречена!

Смогу ли, скорбная сестра, теперь обнять я

Того, от чьей руки мои погибли братья?

Но и посмею ли кощунственно проклясть

Того, кто сохранил твою над Римом власть?

Убийцу родичей любить неколебимо!

Отвергнуть милого, что дал победу Риму!

Мне избавленье — смерть: любя его иль нет —

Священный все равно нарушу я завет.

Свой смертный приговор услышу торжествуя.

Сама свершить могу все то, о чем прошу я.

Но сладко было бы, разящий встретив меч,

Супруга милого от казни уберечь;

Разгневанных его суровостью чрезмерной,

Бессмертных утолить вот этой кровью верной

И жалостную тень сестры его младой,

Чтоб до конца служил отечеству герой.

С Валерием, увы, мои согласны дети,

И отповедь в моем получит он ответе.

Стараются они, безумцы, об одном:

Пусть обескровленный совсем угаснет дом!

О ты, которую неправая обида

За братьями влечет к обителям Аида![47]

Их тени славные тебе дадут совет:

Кто пал за родину — для тех обиды нет.

Богами приговор назначен их отчизне;

Но если чувства есть не только в этой

---

[47] Примечания: 1.47

...к обителям Аида... — то есть в царство мертвых. Аид — в греческой мифологии бог-олимпиец, царящий в подземном мире: Его имя часто отождествляют с адом.

жизни,

Победу римскую им легче перенесть,

Когда своя родня стяжала эту честь.

Твое жестокое они осудят горе;

И вздохи тяжкие, и скорбь во влажном взоре,

И ненависть к тому, кто славно кончил бой.

Сабина, будь же им достойною сестрой

Пускай Валерия остынет пыл напрасный:

Не преступление — порыв слепой и страстный;

И если правый гнев его одушевлял,

Не кары этот пыл достоин, а похвал.

Врагов родной страны любить до исступленья,

Отечество хулить за их уничтоженье,

Кощунственно ему сулить лихой удел —

Вот грех, которого Гораций не стерпел.

Когда бы родину любил он с меньшей силой,

Его деяния ничто б не омрачило.
А если бы вина уж так была тяжка,
Его настигла бы отцовская рука.
Я совершил бы суд. Моя душа готова
Родительскую власть использовать сурово.
Я честью, государь, безмерно дорожу:
Коль сын мой виноват, его не пощажу.
Свидетелем беру Валерия: он видел,
Как страстно я дитя свое возненавидел,
Корда уверен был, что бой пришел к концу
И бегством он нанес бесчестие отцу.
Но не чрезмерно ли Валерия вниманье
К моей семье? Зачем он просит воздаянья
За гибель дочери, когда такой конец
Заслуженным готов считать ее отец?
Он говорит — мой сын для всех угрозой станет.
Но нашей гордости чужой позор не ранит,

И, как бы низменно ни поступал другой,

Мы не должны краснеть: ведь он для нас — чужой.

Рыдай, Валерий, плачь: пусть жалобы греховны

В глазах Горация, но ты ему не кровный.

Не близких, не своих — и вопль и гневный взгляд

Его бессмертного венца не оскорбят.

О лавры славные,[48] *сомнут ли вас бесчестно?*

Вы голову его от молнии небесной

Оберегать могли. Ужель склониться ей

Под оскверняющим железом палачей?

И это, римляне, ваш дар непобедимым?

Ведь Рим, не будь его, уже бы не был Римом.

---

[48] Примечания: 1.48

О лавры славные... — Автор "Всеобщего словаря" писатель Фюретьер (1619-1688) отмечает: "Древние считали чудом, если молния поражала лавровое дерево".

Как может римлянин хулить и гнать того,

Кто всех прославил нас и дал нам торжество?

Скажи, Валерий, ты, который жаждешь мести,

Казнить Горация в каком прикажешь месте?

В стенах ли города, где пламенно жива

Тысячеустая о подвиге молва?

Иль за воротами, на славной той равнине,

Где трех альбанцев кровь земля впитала ныне,

Где их могильные насыпаны холмы,

Где победил герой и ликовали мы?

В стенах, за стенами — где б ни вершить расправу,

Защитницей его мы встретим эту славу.

Твоя неправая осуждена любовь,

Что хочет в этот день пролить такую кровь.

Ведь это зрелище и Альбе нестерпимо,

И не смириться с ним взволнованному Риму.

Но рассуди же сам, о государь, — страна

Того, что нужно ей, лишаться не должна:

Все то, что он свершил, вторично сделать может

И новую опять угрозу уничтожит.

Не сжалиться прошу над слабым стариком:

Я четырех детей счастливым был отцом;

Во славу родины погибли нынче трое.

Но сохрани же ей четвертого — героя,

Чтоб стены римские еще он мог стеречь.

А я, воззвав к нему, свою закончу речь.

Не у толпы, мой сын, искать опоры надо:

Ее хвалебный гул — непрочная награда.

Мы часто слушаем весь этот шум и

крик,

Но затихает он внезапно, как возник,

И слава громкая, которой столь горды мы,

Пройдет, как легкие, рассеиваясь, дымы.

Лишь верный суд царя,[49] *вождя иль мудреца*

И в мелочах ценить умеет храбреца.

От них мы подлинной украсимся хвалою,

И память вечную они дают герою.

Живи, как должен жить Гораций: никогда

Не отгремит она, блистательна, горда,

Хотя бы жалкого, ничтожного невежды

И были в некий миг обмануты надеж-

---

[49] Примечания: 1.49

Лишь верный суд царя... — Устами старого Горация высказано иное, чем в "Сиде", суждение о народе. Заметим, отец героя отдал все свои помыслы и чувства "славе" Рима и не присоединился к ропоту толпы, возмущенной братоубийственным поединком, а позже осудившей убийство Камиллы. От ее суда старик защищает своего последнего сына.

ды.

Не требуй же конца, но, мужеством горя,

Ты для меня живи, для Рима, для царя.

Прости, о царь, меня, прости за многословье,

Но это Рим вещал отеческой любовью.

Дозволь мне, государь...

Не нужно лишних слов.[50]

Все то, что ты сказал, одобрить я готов.

Их речи пылкие твоих не заглушили,

И доводы твои остались в прежней силе:

Да, преступление, столь мерзостное нам,

Есть вызов и самой природе, и, богам.

---

[50] Примечания: 1.50

Не нужно лишних слов. — Речь Тулла — образец холодного, логически строгого рассуждения, основным постулатом которого является мысль о том, что Гораций послужил короне, сделал своего царя властителем двух государств а такие заслуги ставят подданного выше законов. Облик Тулла Гостилия, запечатлевшийся в этом монологе, не противоречит характеристике данной ему Титом Ливием, писавшим, что то был царь "воинственный", сделавший неизбежной войну с Альбой, хотя его предшественник пытался "смягчить нравы и установить всеобщий мир".

Внезапный, искренний порыв негодованья

Для дела страшного — плохое оправданье.

Убийцу никакой не охранит закон,

И казни — по суду — заслуживает он.

Но если пристальней вглядеться, кто виновный,

Придется нам признать: чудовищный, греховный

Проступок той рукой безумно совершен,

Что сделала меня владыкой двух племен.

Двойной венец на мне, альбанцы — слуги Рима!

Все это за него встает необоримо.

Он утвердил меня в господстве — он один:

Я был бы подданным, где дважды властелин.

Есть много верных слуг — в минуты роковые

Несут они царям лишь помыслы бла-

гие.

Не всем дано свершать высокие дела,

Чтоб ими вся страна опору обрела.

Уменье славное крепить основы трона

Немногим вышние судили благосклонно.

Царей оплот и мощь в решительные дни —

Закону общему подвластны ли они?

Сокроем, римляне, высокой ради цели,

То, что впервые мы при Ромуле узрели.[51]

Тому, кто спас тебя, простишь ты, славный Рим,

Первостроителем свершенное твоим.

Живи, герой, живи. Ты заслужил прощенье.

В лучах твоих побед бледнеет преступленье.

---

[51] Примечания: 1.51

То, что первые мы при Ромуле узрели. — Согласно преданию, повторенном в "Римской истории", братья близнецы Ромул и Рем, выводя стены будущего города, поссорились и Ромул убил Рема. Призыв к сокрытию преступления, сходного с тем, которое совершил основатель Рима, дополняет характеристику Туллия как правителя, не чуждого политического цинизма.

Причины доблестной последствие, оно

Священной ревностью твоей порождено.

Живи, но другом будь Валерию. Вы оба

Забудете, что вас разъединяла злоба.

Любви он верен был иль долгу своему,

Но чувства горького ты не питай к нему.

Сабина, и в своей безмерности страданья

Пускай твой сильный дух поборет испытанья:

Не лей напрасных слез — и истинной сестрой

Ты будешь воинам, оплаканным тобой.

Мы завтра с жертвами предстанем пред богами.

Чтоб не были они немилостивы с нами,

Очистить от греха жрецы его долж-

ны,[52]

Пока на алтарях огни не зажжены.

В священном деле им отец его поможет.

Он душу дочери умилостивить может.[53]

Мне жаль ее. Пускай свершится в этот час

Все то, к чему она, влюбленная, влеклась.

И если властная одна и та же сила

В один и тот же день любовников сгубила, —

Да примет их тела — и в тот же самый день

Кургана одного торжественная сень.

---

[52] Примечания: 1.52

...очистить от греха жрецы, его должны... — этот финал является отступлением от рассказа Тита Ливия, в котором дается понять, что Гораций должен быть казнен. Но старик отец столь красноречиво говорил о заслугах сына и так жалостно описал ожидающую героя казнь, что народ растрогался и простил его, скорее восхищаясь его отвагой, чем признавая его заслуги или посчитав, что на его стороне справедливость.

[53] Примечания: 1.53

Он душу дочери умилостивить может. — Согласно Титу Ливию, старый Гораций воздвиг каменный памятник Камилле на том месте, где она была убита.

Цинна{4}

Трагедия

Перевод *Вс. Рождественского*

{4} Комментарии: 2.4

Точная дата постановки "Цинны" не установлена. Трагедию впервые сыграли в период между 8 декабря 1640 г. и 12 сентября 1642 г. Первыми исполнителями были артисты театра "Марэ". В дальнейшем "Цинну" ставил театр "Бургундский отель", а позже — труппа Мольера. Издана трагедия была в 1643 г. Ее источник — трактат римского писателя и философа Сенеки (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) "О милосердии" (56 г. н. э., гл. IX). Довольно точный перевод текста Сенеки, сделанный Монтенем (1533-1592) для его "Опытов" (1580, кн. I, гл. XXIV), который теперь как правило, сопровождает текст "Цинны", был включен Корнелем только в первое издание пьесы.

Среди персонажей "Цинны" историческим лицом является Гай Октавиан Август (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), внучатый племянник Юлия Цезаря, ставший в результате длительной борьбы за власть единовластным правителем Рима в 44 г. до н. э., а в 27 г. до н. э. объявивший себя императором (под именем Цезарь Август). Цинна, правнук римского полководца Гнея Помпея Великого (106-48 гг. до н. э.), был назначен консулом в 5 г. до н. э. Ливия — третья жена Августа, мать будущего императора Тиберия (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — образ в трагедии идеализированный. Эмилия — персонаж вымышленный, но названный в трагедии ее отцом Тораний — воспитатель Августа, казненный своим воспитанником.

История заговора Цинны против Августа, описанная Сенекой, не упоминается в сочинениях других римских писателей, в частности, об этом не сказано ни слова в "Жизнеописании двенадцати Цезарей" (ок. 120 г. н. э.) Гая Светония Транквилла (ок. 70 — после 122). Существовал, однако, Луций Корнелий Цинна, консул (87-84 гг. до н. э.), боровшийся против диктатуры Суллы (138-78 гг. до н. э.). Сенека мог интерпретировать в своем трактате этот исторический сюжет, перенеся его в более позднюю эпоху.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Октавий Цезарь Август, римский император.

Ливия, императрица.

Цинна, сын дочери Помпея, глава заговора против Августа.

Максим, один из главарей заговора.

Эмилия, дочь К. Торания, воспитателя Августа, казненного им во время триумвирата.

Фульвия, наперсница Эмилии.

Поликлет, вольноотпущенник Августа.

Эвандр, вольноотпущенник Цинны.

Эвфорб, вольноотпущенник Максима.

Действие происходит в Риме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эмилия

Эмилия

Желанье пылкое великого отмщенья,

Что с дней, как пал отец, ведет свое рожденье,

Столь гневное дитя пережитых обид,

Чью боль душа моя ослепшая таит, —

Владеешь сердцем ты со страстью роковою.

Дай мне хоть миг вздохнуть, подумать, что со мною,

Спокойно рассудить в волнении моем,

На что дерзаю я, чего хочу потом.

При виде Августа, увенчанного славой,

Увы, — я не могу не вспомнить день кровавый,

Когда был мой отец им дерзко умерщвлен

И труп переступив, тиран взошел на трон.

Передо мной встают кровавые виденья,

И ненависть моя, дойдя до исступленья,

Мной овладев, зовет час мщения скорей,

Чтобы за смерть одну он принял сто смертей.

Но к Цинне у меня любовь еще сильнее,

Чем ненависть моя к тирану и злодею.

И я страшусь того, что, мщение тая,

Могла бы погубить возлюбленного я.

О Цинна, я себя жестоко осуждаю

За то, что на тебя опасность навлекаю.

Хотя ты и готов во всем мне помогать,

Могу ль опасности тебя я подвергать?

Высокое сейчас ты занял положенье,

А мог бы каждый шаг здесь вызвать подозренье.

Исход сомнителен, а гибель ждет во-

круг,

Способен донести на нас коварный друг.

Приказ не вовремя, неверное решенье

Тебя же самого раздавят, без сомненья,

И тот удар, что ты готовил для врагов,

Сам, Цинна, на тебя обрушиться готов.

Коль, из любви ко мне, свершишь ты дело мести

И сокрушишь врага, ты с ним погибнешь вместе.

Зачем же к гибели свои шаги стремить?

Погибнуть за меня — не значит отомстить.

Жестоки те сердца, что счастливы бывают,

Не видя, что другим мученье доставляют,

И кто б к разряду бед тягчайших не отнес

Ту вражескую смерть, что стоит мно-

гих слез!

Но можно ль слезы лить, идя дорогой верной?

Любую цену тут нельзя считать безмерной.

Убийцу поразив отмстительной рукой,

Пристойно ль рассуждать, какой он пал ценой?

Прочь, страхи ложные, пустое сожаленье,

Прочь, недостойное души моей смущенье!

Любовь, послушная лишь слабостям моим,

Долг не оспаривай, а лишь иди за ним.

Покорность долгу — честь, с ним спор — пятно позора.

Будь благородною и подчинись без спора.

Чем больше долгу дашь, тем больше он вернет,

Служи ему, но так, чтоб ждал тебя почет!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эмилия, Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

Клялась я, Фульвия, и клясться вновь хочу я,
Да, Цинну я люблю и лишь его зову я,
Но если Август жив, не быть ему со мной.
Пусть Цезаря убьет. Лишь этого ценой
Получит он меня. Вот мой закон единый.

Ты Цезаря хулить имеешь все причины,
Сумела ты себя достойною явить

Того, за чью ты кровь хотела б отомстить.

Но я прошу сейчас к речам моим вниманья:

Должна ты охладить столь пылкое желанье.

Ведь Август, что ни день, готов, по мере сил,

Сам искупить то зло, что всем он причинил.

Тебе он оказать готов благоволенье,

Он столь почтителен, столь полон уваженья,

Что многие тебя просили уж не раз

За них похлопотать, коль нужно, в должный час.

Мне эти милости отца не возвращают,

И, как у Августа меня ни почитают,

Как ни богата я, как сан мой ни почтен,

—

Всегда я только дочь того, кто был казнен.

Об этих милостях твое превратно мненье,

От вражеской руки они — лишь оскорбленье;

Чем станет более к нам враг благоволить,

Тем будет в нас сильней желанье отомстить.

Пусть Цезарь добрым стал — не изменюсь душою.

Я та же, что была, и буду впредь такою.

Я те сокровища, что Август мне несет,

Употреблю на то, чтобы поднять народ.

Готова место я занять императрицы,

Чтобы на жизнь его вернее покуситься,

Мстить стану за отца любою я ценой

И ради всех даров долг не забуду свой.

Зачем же хочешь ты прослыть неблагодарной?

Иль, пряча ненависть, нельзя уж быть коварной?

Немало без тебя есть помнящих, что он

Ценой жестокостей взошел на этот трон.

Все помним римлян мы, известных и почтенных,

Что им погублены для замыслов надменных.

Их дети, в чьей душе былых обид не счесть,

Мстя за своих отцов, твою спасают честь.

Найдутся смелые отмстители позора.

Кто ненавистен всем, тот жизнь окончит скоро.

Так предоставь о том заботиться другим

И в тайных замыслах помощницей будь им.

Как? Ненависть таить в душе без проявленья,

Позволить случаю платить за оскорбленье?

Я ль неотложный долг исполненным почту,

Питая тайный гнев и скрытую мечту?

О смерти Цезаря я первой бы жалела,

Когда б он был убит другим за злое дело.

Да, буду я рыдать над гибелью его,

Коль не от мщенья он погибнет моего!

Зачем другим вверять задуманное нами,

Тот долг, который мы должны исполнить сами?

К блаженству мстить хочу прибавить славу я,

Пусть делу общему послужит месть моя,

Пусть будет подвиг мой Италии указан:

"Своей свободой Рим Эмилии обязан,

Она питала страсть, нежна была душой,

Но отдалась любви лишь этою ценой".

Любовь такой ценой — подарок неза-

видный,

В ней для любимого знак смерти очевидной,

Прямой опасностью ему твой план грозит, — ^

Был не один смельчак об этот риф разбит.

А Цинне смерть и так всечасно угрожает.

Ах! Сердце твой ответ безжалостно терзает,

Когда я думаю, что Цинну гибель ждет

И я тому виной, — страх душу мне гнетет.

В смятении мой дух, понять себя стараюсь:

Хочу — и не хочу, стремлюсь — и не решаюсь.

И долг, которому мне надобно служить,

Мятежных чувств моих не в силах усмирить.

Так сильно не играй, о страсть, душой

моею!

Опасность велика, но справишься ты с нею.

Рискуя, Цинна все ж не будет побежден.

Пусть Цезаря хранит надежный легион,

Все ж Цинна победит. Кто доблестью пылает,

Тот, жизнью жертвуя, всегда ее спасает.

Опасность чем грозней, тем сладостнее плод.

Отвага вдохновит, а слава вслед пойдет.

Кто — Цинна, Август ли — погибнет, я не знаю,

Но, чтоб отмстить, я всем пожертвовать желаю.

И эту месть свершить мне Цинна обещал.

Он, обнажив свой меч, меня б достойным стал.

Отказываться мне от этой мысли

поздно.

Сейчас идет совет всех, ждущих мести грозной.

Пора им меч избрать, наметить место, час,

Смерть Цинны разлучить уже не сможет нас.

Но вот он сам идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Цинна, Эмилия, Фульвия

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

О Цинна, как собранье?

Не дрогнуло оно пред страхом наказанья?

Сумел ли ты прочесть в чертах друзей своих,

Что исполненья клятв возможно ждать от них?!

Нет, никогда еще тирана низверженье
Ждать не могло себе столь верного свершенья.
Тирана гибели никто так не желал,
Круг заговорщиков так дружен не бывал.
За дело принялись с таким одушевленьем,
Как будто и они полны любовным рвеньем.
Такой великий гнев все охватил сердца,
Как будто каждый мстил за своего отца.

Не сомневаюсь я, что для такого дела
Взял Цинна только тех, кто поступает смело,
Что слабым он рукам не вверит ничего
В судьбе Эмилии и Рима самого.

Когда б ты видела, с каким волненьем страстным

Влечется заговор к свершениям прекрасным!

Лишь "Цезарь", "Август" кто произнесет — и вмиг

Уже в очах огонь отмщения возник.

И вместе с тем друзья при мысли о злодее

От гнева, ужаса становятся бледнее,

"Друзья! — сказал я им, — вот тот счастливый час,

Который увенчать готов успехом нас.

У нас сейчас в руках грядущий жребий Рима.

Для блага всей страны нам смерть необходима

Того, в ком ничего не назовешь людским,

Кто тигром яростным родной терзает Рим.

Чтоб кровь его пролить, он сеял здесь раздоры

И дерзко нарушал союзы, договоры,

То друг Антонию, то злейший враг

ему[54] —

Лишь самовластью был он предан своему".

Так перечнем обид, искусными словами

О всех жестокостях, свершенных над отцами,

О зле, которого не вправе мы забыть,

Усилил в их сердцах я жажду отомстить.

Я им нарисовал картину битв ужасных,

Где собственную грудь терзает Рим несчастный,

Где бьет орла орел и с каждой стороны

Свободу губим мы в неистовстве войны,

Где лучшие вожди и лучшие солдаты

---

[54] Примечания: 1.54

То друг Антонию, то злейший враг ему... — Цинна вспоминает о том периоде, когда Октавиан Август после смерти Юлия Цезаря боролся за владычество над Римом. Его соперником был римский полководец, народный трибун, а затем консул Марк Антоний (82-30 гг. до н. э.). Их общими противниками были республиканцы; на этой почве они порой сближались и заключали союз. После 36 г. до н. э. Октавиан и Марк Антоний стали явно врагами. Марк Антоний, бежавший в Египет после поражения в морском сражении при мысе Акциум (31 г. до н. э.), кончил жизнь самоубийством, когда войска Октавиана вторглись туда (30 г. до н. э.).

Для рабства жертвуют всем, чем душой богаты,

Где каждый, множа стыд им признанных оков,

Неволей собственной связать весь мир готов,

Народы отягчив ярмом страны великой,

Заставив их назвать предателя — владыкой.

Рим против Рима встал,[55] *и род пошел на род,*

Чтобы тиранов вновь себе избрал народ.

Ужасных этих дел я дал изображенье,

Назвал захватчиков, Достойных поношенья

И ненавистных нам — сказал все про сенат,

Короче говоря — про их триумви-

---

[55] Примечания: 1.55

Рим против Рима встал... — Цинна имеет в виду гражданские войны в Риме (II-I вв. до н. э.) особенно ожесточенные после убийства Юлия Цезаря (44 г. до н. э.). Борьба Октавиана и Марка Антония с республиканцами и друг с другом разжигала братоубийственную войну.

рат.[56]

Я красок не щадил и не смягчал названий

При пересказе всем известных злодеяний.

В стремленье убивать никто их не был злей,

Потоплен был весь Рим в крови своих детей.

Кто был убит в толпе, на площади шумящей,

Кого среди семьи настиг удар разящий.

Убийца поощрен был высшею ценой.

Задушен муж бывал в ночи своей женой,

Сын умертвить отца решался без пощады,

За голову его прося себе награды.

Какая б только кисть изобразить могла

---

[56] Примечания: 1.56

...их триумвират... — имеется в виду так называемый второй триумвират (43 г. до н. э.) — союз Марка Антония и Марка Эмилия Лепида (ок. 89-12 гг. до н. э.) с Октавианом, имевший целью борьбу с республиканцами.

Кровавый этот мир и гнусные дела!

Назвать ли ряд имен, исполненных значенья,

Чью смерть напомнил я, чтоб вызвать возмущенье,

Погубленных, чей дух равенствует богам,

Кто дерзостным клинком сражен у входа в храм?

Могу ль изобразить, к какому исступленью,

К какому трепету, к какому дерзновенью

Картиной мрачных зол, ужасных до конца,

Своих сообщников я обратил сердца?

Не тратя зря минут, я, видя гнев их ярый,

Способность все презреть и наносить удары,

Прибавил в нескольких словах: "Насилья гнет,

Потеря наших благ, имуществ и свобод,

Грабеж родных полей, расправа с городами,

Изгнание отцов и войн гражданских пламя,

Все это — лестница, которой Август сам

Взошел на этот трон, чтоб стать владыкой нам.

Но жребий нам не столь уж тягостный достался:

Из трех тиранов он единственный остался.

Двух соправителей убрав, поддержки он,

Один несущий власть, теперь уже лишен.

Умрет — ни мстителей не будет, ни тирана,

И возродится Рим в свободе долгожданной.

Мы римлян истинных название вернем,

Едва его ярмо отважно разобьем.

Благоприятен час для нашего отмщенья:

На Капитолии ждут жертвоприношенья.

Пусть будет жертвой он — любой из нас готов

Свободу миру дать перед лицом богов.

В охрану Августа введем мы стражу нашу,

Из рук моих возьмет он жертвенную чашу,

И это будет знак, что нам пора начать.

Я в грудь ему всажу кинжал по рукоять.

И докажу, сразив жестокого злодея,

Что в жилах у меня струится кровь Помпея.[57]

А вы, мне следуя, всем показать должны,

Что все от доблестных вы предков рож-

---

[57] Примечания: 1.57

...кровь Помпея... — Цинна, правнук Помпея Великого, называющий себя его внуком, считает Помпея защитником республики, в то время как на деле тот был соперником Юлия Цезаря в борьбе за власть над Римом. Согласно римской исторической традиции, Помпеи — благородный сын Рима и любимый народом талантливый военачальник. Этот образ сохранен и в трагедии Корнеля "Помпей" (1643).

дены".

Едва окончил я, как были все готовы

Решенье подтвердить еще раз клятвой новой,

Которой каждый бы хотел приобрести

Удара честь, что я собрался нанести.

Но разум одержал победу над волненьем.

Одни из них пойдут Максиму в подчиненье,

Других я сам возьму, чтоб были в помощь нам,

Едва лишь я сигнал к восстанию подам.

Вот что, Эмилия, мы порешили вместе.

Жду завтра от людей иль злобы, или чести.

Отцеубийца ли, освободитель я,

Захватчик, Цезарь сам? — решит судьба моя!

Теперь от нашего зависит только рвенья,

Что ожидает нас: позор иль прослав-

ленье.

Народ признателен властителям своим:

Презренье — мертвецам и почести — живым.

И я судьбе своей предоставляю правой

На казнь меня послать или отметить славой.

Поможет ли нам Рим иль встанет против нас —

Готов и жизнью я пожертвовать в тот час!

Бояться гибели теперь уж ты не вправе,

Успех иль смерть равно твоей послужат славе.

В великом замысле, где трудностей не счесть,

Утратить можешь жизнь, но не утратишь честь.

Несчастье Кассия припомни или Бру-

та![58]

Вредит ли славе их падения минута?

Иль умерли они с величием своим?

Последних римлян в них ужели мы не чтим?

Здесь, в Риме, память их столь стала всем священна,

Сколь личность Цезаря позорна и презренна.

Он правит, но лишь им одним сужден почет,

От вас, подобных им, народ спасенья ждет.

Иди им смело вслед, покорен зову чести,

Но жизнь свою храни и в упоенье мести.

И помни, что сердца пылают в нас, любя,

---

[58] Примечания: 1.58

Несчастье Кассия припомни или Брута! — Гай Кассий Лонгин (85-42 гг. до н. э.) и Марк Юний Брут (85-42 гг. до н. э.) в 44 г. до н. э. возглавили заговор, в результате которого был убит Юлий Цезарь. После его гибели бежали в Македонию. В 42 г. до н. э., когда собранная ими армия потерпела поражение в битве при Филиппах, покончили жизнь самоубийством.

Что честь Эмилии — награда для тебя,

Что ты мне дан судьбой, что страстно жду тебя я.

И что, пока ты жив, с тобой сама жива я.

Но для чего Эвандр подходит к нам сейчас?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Цинна, Эмилия, Эвандр, Фульвия

Эвандр

Цинна

Эвандр

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Сам Цезарь требует к себе с Максимом вас.

Максима и меня? Ты слышал это ясно?

В твоем дому тебя ждал Поликлет напрасно.
Он вместе бы со мной пришел тебя искать,
Когда бы не успел его я удержать.
Хочу предупредить тревожные я вести:
Торопит Цезарь вас.

Звать вожаков — и вместе!
Обоих! В тот же час! Теперь открыты вы!

Посмотрим.

Но тебя теряю я, увы!

Нам боги в замыслах перечат беспримерно,

Среди друзей твоих доносчик был, наверно.

Сомнений больше нет. Да, Август все открыл.

Как? Вместе? И когда совет ваш все решил!

Не скрою, Цезаря приказ меня смущает.

Но он меня к себе нередко призывает.

Максим же Цезарю, как я, ближайший друг, —

И вовсе, может быть, напрасен наш испуг.

Себя ты обмануть пытаешься напрасно.

Не мучь меня — и так безмерно я несчастна.

И, если за меня ты уж не в силах мстить,

Умей хоть жизнь свою, о Цинна, сохранить

И, к Цезарю идя, страшись его угрозы.

Довольно над отцом я проливала слезы.

Нет, новою меня не отягчай тоской,

Чтоб не пришлось теперь мне плакать над тобой!

Как! Только потому, что робость одолела,

Забыть и твой завет, и общее нам дело!

Ведь я себя бы стал за низость упрекать!

Покинуть все, когда приходит час дерзать!

Что сделают друзья, узнав, что все забыто?

Что станется с тобой, коль все уже раскрыто?

Чтобы предать меня, душ низких много есть,

Но изменить себе мне не позволит

честь.

Я и над пропастью не подчинюсь боязни,

И дух мой будет тверд как в пытках, так и в казни.

А Цезарь, с завистью узрев мой смелый вид,

В час гибели моей от страха задрожит.

Медлительность моя внушит лишь подозренье.

Прощай же! Поддержать мое должна ты рвенье,

И, коль удар судьбы узнает грудь моя,

Счастливым я умру, умру несчастным я;

Счастливым потому, что верен был я чести,

Несчастным потому, что не свершил я мести.

Иди и голоса не слушай моего,

Тверда я, не боюсь уж больше ничего.

Прости любви моей порывам недостой-

ным.

Не мог бы, все забыв, и сам ты быть спокойным.

Коль заговор раскрыт, то Август все пути

Перегradит тебе, чтоб ты не мог уйти.

Яви же перед ним отважное презренье,

Достойное любви и твоего рожденья.

Умри, коль смерть придет, как Рима гражданин

И в смерти поднимись до мужества вершин!

Но знай, что пред своей я не смирюсь судьбою

И, коль погибнешь ты, уйду вслед за тобою.

Один и тот же рок судил нам смертный час.

Нет, даже смерть сама не разлучила б нас!

Позволь же думать мне, что подвиг этой чести

И друг твой и отец тогда увидят вместе.

Не бойся, ведь никто не знает из друзей

Ни замыслов твоих, ни чувств души моей.

О бедах Рима я им говорил немало,

Но мщенья замысел душа моя скрывала

Из страха, чтобы страсть, живущая в крови,

Не выдала им тайн столь пламенной любви.

Эвандру лишь о ней и Фульвии известно.

Я к Ливии пошла б и ей призналась честно.

Она могла б легко, чтобы тебя спасти,

Своим влиянием на помощь мне прийти.

Но если в этом мне и дружба не поможет,

Не думай, что мой век спокойно будет дожит.

Примером станет мне великий подвиг

твой —

Я иль спасу тебя, иль смерть приму с тобой!

Заботься обо мне, себя не забывая.

Не забывай и ты, друг, что люблю тебя я!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Цинна, Максим, придворные

Август

(Все удаляются, за исключением Цинны и Максима.)

Цинна

Максим

Цинна

Август

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Август

Пусть все покинут нас. Одни погово-

рим.

Останься, Цинна, ты, а также ты, Максим.

Власть повелителя над морем и землею,

Власть обладателя державой мировою,

Величье без границ и мой великий сан,

Который мне трудом, пролитой кровью дан,

Все то, что связано с высоким положеньем,

С докучным для меня придворных восхищеньем, —

Вот благо, издали пленяющее нас

И тяжкое, едва пришел свершений час.

Приятное душе, чего мы так хотели,

Уж нас не радует, коль мы достигнем цели.

И так как разум наш — таков его закон —

Всегда к чему-нибудь стремиться обречен,

Уж к самому себе желанья обращает:

Едва свершив подъем, спуститься он желает.

Стремился к власти я и вот владыкой стал,

Но, думая о ней, я все ж ее не знал.

Нашел я в ней, свершив заветные желанья,

Заботы без конца и вечные терзанья,

Сокрытую вражду и смерть на всех путях,

Отравленный покой и бесконечный страх.

Знал Сулла до меня величье этой власти,[59]

И Цезарь, мой отец, считал ее за счастье.

---

[59] Примечания: 1.59

Знал Сулла до меня величье этой власти... — Август имеет в виду период диктатуры Суллы (82-79 гг. до н. э.), сопровождавшейся жестокими преследованиями противников аристократической олигархии, чьим ставленником он был. За год до смерти, в 79 г. до н. э., Сулла отрекся от власти, но сохранил авторитет и многочисленных сторонников. Древнеримский историк Плутарх (ок. 45-120) в "Сравнительных жизнеописаниях" говорил о завидной судьбе Суллы, ибо он в покое и безмятежности окончил дни свои. Сулла был похоронен на Марсовом поле рядом с гробницами царей.

Но разною они ценили власть ценой:

То, что отверг один, то крепко взял другой.

Злодей окончил жизнь во всем судьбой хранимым,

Как добрый гражданин, превознесенный Римом,

А Цезарь доблестный в сенате ясным днем

В кругу своих друзей пал, поражен клинком.

Примеры эти мне могли бы пригодиться,

Когда чему-нибудь у них я мог учиться.

Один меня влечет, другой внушает страх.

Но зрим себя порой мы в ложных зеркалах.

Те испытания, что нам судьба судила,

Не часто прочитать мы можем в том, что было

Там, где убит один, другой судьбой спасен,

Что губит одного, другой тем возне-

сен.

Вот почему душа сомнением объята.

Вы заменили мне Агриппу, Мецената.[60]

Как мне теперь мои сомненья разрешить,

Могли б, подобно им, меня вы научить.

Забудьте же мой сан, и римлянам постылый,

И мне уж самому давным-давно не милый.

Не повелителем, хочу быть другом вам;

И Рим и власть свою вам отдаю я сам.

Европа, Азия и Африка — пред вами:

Республика иль трон — решите это сами.

---

[60] Примечания: 1.60

Вы заменили мне Агриппу, Мецената. — Марк Випсаний Агриппа (ок. 63-12 гг. до н. э.) — зять и сподвижник Августа, деливший с ними власть; Гай Цильний Меценат (между 74 и 64-8 гг. до н. э.) — друг и приближенный Августа, покровитель поэтов (отсюда меценат). Греческий писатель Дион Кассий (ок. 155-235 гг. н. э. в книге "Римская история" описывает длинные беседы Августа со своими сподвижниками на тему о власти. В трагедии Корнеля Цинна придерживается взглядов, близких тем, которые у Диона Кассия высказывает Меценат; Максим выражает мнение Агриппы.

Вы мне во всем — закон, и только так, друзья,

Монарх иль гражданин, готов вас слушать я.

Хотя великого полны мы удивленья,

Тебе покорным быть хочу без возраженья;

Свою почтительность преодолев, готов

Оспаривать я смысл твоих последних слов.

Позволь тому, кто был к твоей так чуток славе

Почувствовать себя хоть на минуту вправе

На эти доводы свободно возразить,

Коль разрешаешь ты во всем себя судить.

Нет смысла уходить от власти, столь законной,

Не преступлением, а доблестью врученной.

Чем благороднее, приятней сан для

нас,

Тем подозрительней становится отказ.

Оставь же, государь, подобные сомненья;

Ведь честно своего достиг ты возвышенья,

И без насилия, с открытою душой,

Правления страны переменил ты строй.

Рим покорил себе величьем бранной славы,

И вот над всей землей царит он, величавый.

Закон твой был ему по праву силы дан,

А взявший силой власть не есть еще тиран,

Когда объединил он государства части

И, справедлив в делах, по праву стал у власти.

Так Цезарь поступал; и должен ныне сам

Ты осудить его иль Цезарем стать нам.

Когда такая власть достойна осужденья,

То Цезарь — лишь тиран и заслужил паденье.

И пред богами сам ты должен отвечать

За кровь, что принужден был прежде проливать.

Но можешь ты судьбы возмездья не бояться:

Богами ты храним, и дни твои продлятся.

Грозили гибелью уже не раз тебе,

Но обнаживший меч сражен был сам в борьбе.

Все гибли замыслы, столь нужные кому-то.

Убийц немало есть, но среди них нет Брута.

Но если бы пришлось встать перед злом таким,

Все ж лучше умереть владыкой мировым.

Вот что посмел бы я сказать владыке

Рима.

И то же ты бы мог услышать от Максима.

Да, я согласен с тем, что Август возведен

По праву доблести и разума на трон,

Что, щедро кровь пролив, рискуя головою,

Бесспорно, властью он владеет мировою.

И он сложить ее не может без того,

Чтоб не судили все за этот шаг его.

Он Цезаря тогда ославил бы Тираном,

Убийство б оправдал в своем сужденье странном.

Да, Рим по праву твой, и ты хозяин в нем —

Ведь властны мы всегда в наследии своем,

Мы иль храним его, иль жаждем отказаться.

Но всяких низких чувств нам надобно чуждаться.

Ты, покоривший все, свой утвердивший дом,

Величья своего останешься ль рабом?

Так будь же сам собой, страстям не уступая,

Им не сдавайся в плен, душой их побеждая,

И подданным своим старайся доказать,

Что самого Себя ты в силах побеждать.

Ты Риму славному обязан был рожденьем.

Так отплати ему свободы воскрешеньем!

А Цинна хочет счесть великою виной,

Что сделать ты хотел свободным край родной!

Он доброту твою раскаяньем считает

И добродетель тем безмерно унижает.

Подобный замысел должны мы презирать,

На нем бесчестия положена печать.

Долг пред отечеством мог выполнить ты свято,

Дав Риму больше, чем он дал тебе когда-то.

Ужель признательность столь тяжкая вина,

Когда и самый дар превысила она?

Так продолжай же путь, одним богам внимая.

Ты славу обретешь, насилье презирая,

Потомки помянут тебя немало раз,

Но не за эту власть, — за отреченья час.

К верхам могущества вести нас может счастье,

Но доблесть высшая — отказ от этой власти.

Немногие из нас способны презирать

Все то, что может власть достигнутая дать.

Подумай и о том, что ты правитель в Риме,

А здесь, какое бы тебе ни дали имя,

Не любят тираний, к ним злобою горя,

И в императоре все видят лишь царя.[61]

Тираном кажется он Риму непременно.

Кто предан власти — раб, кто любит — в том измена,

Кто терпит иго — слаб, его должны хулить,

И доблесть только в том, чтобы свободным слыть.

А то, что это так, не может быть сомнений —

Уж десять видел ты напрасных покушений.

Что, коль опасность ждет в одиннадцатый раз?

Ведь, может, все, о чем я говорю сейчас,

Есть только верный знак, что небо по-

---

[61] Примечания: 1.61

И в императоре все видят лишь царя. — После установления в Риме республики (VI в. до н. э.) титул царя ассоциировался с тиранией. Римские императоры, начиная с Августа, пытались противопоставить титулу царя титул императора и связать этот последний с традициями республики. В частности, сохранился консулат, хотя консулы при императорском режиме утратили власть и значение, которое они имели при республике.

сылает.

Иных путей тебя спасти оно не знает.

Зачем ты доводам вверяешься пустым?

Прекрасно умереть владыкой мировым,

Но смерть нельзя признать достойною и правой, —

Коль жизнь нас доброю не увенчала славой.

Любовь к отечеству была всегда важна, —

Но благу общему должна служить она;

Свобода, будто бы желаемая Римом,

Была бы для него благодеяньем мнимым,

Несущим только вред, и не равна тому,

Что Цезарь может дать народу своему.

Тому, кто заслужил, он раздает награды,

За злодеяния карает без пощады,

Со справедливостью распределяет он

Гражданские блага, ничем не отвлечен.

В народоправстве же иначе все бывает;

Рассудка голосу народ уж не внимает,

Все честолюбием захвачены права,

Продажны почести, а честность — лишь слова.

Ничтожнейший тиран, чьей власти нет и года,

Сознав, что краткий срок он нужен для народа,

Счастливых замыслов срывает ранний цвет,

Чтоб не отдать плода идущему вослед.

И, коль грядущее его уж не тревожит,

Он с поля общего берет себе, что может,

И верит, что легко простит потерю тот,

Кто так же, как и он, поступит в свой черед.

Всех хуже государств то, где народ —

владыка.[62]

Однако Рим таков, от мала до велика,
И ненависть к царям, что длится пять веков,
Что с молоком всосать младенец здесь готов,
В сердцах, мне кажется, вовек неистребима.

Да, удивительно упорство злое Рима!
Оздоровительных народ не хочет мер,
В обычаях ему, не в разуме — пример;
И заблуждение, отвергнутое, Цинной,
Народу кажется отрадою единой.
Питая эту мысль, стремясь к мечте своей,
Столь часто он ступал по головам царей,

---

[62] Примечания: 1.62

Всех хуже государств то, где народ — владыка. — В XVII в. во Франции республиканский строй ассоциировался с феодальной вольницей. Сирано де Бержерак (1619-1655), писатель, в чьем творчестве ярко выражено демократическое настроение, тем не менее утверждал: "Народное государство — это самый тяжкий бич, который бог обрушивает на государство, если желает наказать его". Но это сказано в памфлете "Письмо против фрондеров", т. е. против бунта крупных феодалов, увлекавших за собой народную толпу.

Их достояние отдав на разграбленье!

Где мог бы он найти приятнее правленье?

Сказать осмелюсь я, что не всегда одно

Правленье на земле народам суждено.

Повсюду с нравами страны оно согласно,

И изменить его пытались бы напрасно.

Таков закон небес; он нам за годом год

Различие меж них разумно бережет.

Так, Македония царю была бы рада;[63]

Свободе с давних пор привержена Эллада;

Парфяне с персами властителей хотят,[64]

И нужен римлянам один лишь консу-

---

[63] Примечания: 1.63

Так, Македония царю была бы рада... — Македония после длительных войн с Римом в 148 г. до н. э. стала одной из римских провинций.

[64] Примечания: 1.64

Парфяне с персами властителей хотят... — В отличие от Македонии Парфянское государство, возникшее в III в. до н. э. на территории Персии, не желало подчиниться Риму и долгое время (до начала III в. н. э.) сохраняло значение сильной, независимой державы.

лат.[65]

По мудрости небес — и в этом нет сомнений —

Народу каждому присущ особый гений,

Но так же верно то, что место или век

Меняют все, что мог замыслить человек.

Рим от царей имел и стены и рожденье,

От консулов своих — и славу и значенье;

А в наши времена ты от своих щедрот

Так сделал, что сейчас счастливым стал народ.

Уже не отданы мы войнам без защиты.

---

[65] Примечания: 1.65

И нужен римлянам один лишь консулат. — Во главе Римской республики всегда стояли два консула, управляющие страной.

Ворота Януса оружию закрыты[66] —

То, что при консулах мы видели лишь раз,

То, чем второй наш царь всех осчастливил нас.

Но волею небес смененное правленье

Не стоит крови нам и не несет мученья.

Народ — и то богов незыблемый закон —

За счастье дорого платить был обречен.

Кровь при Тарквинии[67] *нам землю обагряла,*

---

[66] Примечания: 1.66

Ворота Януса оружию закрыты... — Янус — древнеримское божество, которое представляли как существо двуликое. Это был бог, распоряжающийся вратами. Храм Януса в Риме был закрыт только в мирные времена. Цинна напоминает, что в Период правления Августа врата храма Януса закрывались трижды, в знак наступления мира. В период республики ("при консулах") это случилось лишь раз, после победы в 1-й Пунической войне (264-241 гг. до н. э.), а ранее — при втором легендарном царе Нуме Помпилии (конец VIII — начало VII в. до н. э.), отличавшемся миролюбием.

[67] Примечания: 1.67

Кровь при Тарквинии... — Тарквиний Гордый (седьмой легендарный царь, согласно легенде, царствовал с 616 по 579 г. до н. э.) был жесток и деспотичен. Свергнут народом, установившим затем республику.

При первых консулах сражались мы немало.

Так, значит, небу враг был предок твой, Помпей,

Когда сражался он за вольность прежних дней?

Когда бы небо нам дать рабство не решило,

Оно бы Рим рукой Помпея защитило.

Но смерть его теперь для будущих времен

Всем знак того, что Рим другой избрал закон,

Что славу он найдет в том самом человеке,

Который вольности лишил его навеки.

Он ослепил весь Рим величием своим,

Но, полный славы, сам не насладился им.

С тех пор как город стал владыкою вселенной

И множество богатств его сокрыли стены,

С тех пор как в подвигах, в величье стольких дней

Рождает граждан он, что всех царей сильней, —

Здесь, голоса скупив, патриции все время

Дают почувствовать народу власти бремя,

А тот, в златых цепях, считает, что закон,

Полученный с верхов, им снизу возглашен.

Терзаясь завистью, питая лишь интриги,

Здесь все в кровавые вступать готовы лиги:

Так Сулла — Марию,[68] *а Цезарю — мой дед,*

Тебе — Антоний, все глядели злобно вслед.

Вот почему у нас немыслима свобода

---

[68] Примечания: 1.68

Так Сулла — Марию... — Гай Марий (ок. 157-86 гг. до н. э.) — консул, полководец; стоял во главе Римской республики. Сулла был его противником, но пришел к власти уже после смерти Мария.

—

Гражданских войн она причина для народа.

Средь тяжких смут ее и горестных невзгод

Кто — равенство, а кто — властителя зовет.

Чтоб Рим сейчас спасти, пусть правит тот над нами,

Кто мир восстановить способен меж врагами.

Ты родину свою не можешь не любить,

От распрей должен ты ее освободить.

Власть Суллы захватил и, расставаясь с нею,

К насилию открыл путь Цезарю, Помпею.

Зол столько не могло б на нашу долю пасть,

Когда б семье своей он отдал эту власть.

Убийство Цезаря, потворствуя их видам,

К насилью привело Антония с Лепидом;

И римлянами Рим повержен был бы в прах,

Когда бы крепко власть ты не держал в руках.

Отрекшись от нее, ты Рим, лишенный славы,

Невольно возвратишь к несчастьям войн кровавых,

И в жилах у него оставшаяся кровь

С начавшейся войной польется вновь и вновь.

Ты любишь родину, ты сжалишься над нами!

Моими молит Рим тебя сейчас устами.

Припомни — за тебя немалою ценой

Он должен был платить, в нем кровь лилась рекой;

И, коль покой ему теперь послали боги,

Уже подумать он не может без тревоги,

Что, уходя, его ты хочешь одарить

Добром, какого он не в силах сохранить.

Коль мы такой ценой должны искать другого,

Коль дорога тебе честь края, нам родного,

Коль тот печальный дар возьмет страна моя, —

Не смею высказать все, что предвижу я.

Ты должен сохранить себя, власть оставляя

Тому, кто возродил былое счастье края.

Чтоб смело мы могли довериться судьбе,

Назначь достойного преемника себе!

Нам спорить незачем, и я хочу того же.

Мне дорог мой покой, но Рим еще дороже,

И что бы ни могло со мной произойти —

Пускай погибну я, лишь бы его спасти.

Напрасно жаждет грудь спокойствия

простого.

Прав, Цинна, твой совет, и власть беру я снова.

Но в ней я помощи жду от обоих вас.

Правдивость ваших чувств мне дорога (Сейчас.

В советах, что вы мне давать готовы оба,

Вам родина важна, а с ней моя особа.

Одна любовь могла на спор вас вдохновить,

И оба вы должны награду получить.

Тебя в Сицилию, Максим, я посылаю,

Чтоб плодородному ты дал законы краю.

Ты именем моим в ней должен управлять,

За каждый твой приказ я буду отвечать.

Эмилию даю тебе я, Цинна, в жены.

Как Юлии,[69] *почет ей будет заслужен-*

---

[69] Примечания: 1.69

Как Юлии... — Юлия — дочь Августа; была изгнана за дурное поведение. Ее место Август хочет отдать Эмилии.

ный.

Необходимость нас, тревоги без конца

Заставили давно казнить ее отца,

Но к милостям моим ей все открыты двери,

Что утешением послужит ей в потере.

Скажи, что мною ты сейчас был послан к ней.

Я знаю, многих ты уже ей стал милей,

Тебя обрадует она своим ответом.

Прощай же! Ливии иду сказать об этом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Цинна, Максим

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Что думаешь о том, в чем убеждал ты нас?

Что думал прежде я, то мыслю и сейчас.

Вождь заговорщиков стал другом тирании!

Вождь заговорщиков простил ее впервые.

Свободным видеть Рим хочу.

Освободить

И я его хочу, но вместе с тем — отмстить.

Жестокость Августа не знает утоленья,

Разбиты алтари, разграблены именья,

Средь землепашцев страх, Рим полон мертвецов —

А он раскаяться и отдохнуть готов.

Когда от наших рук он примет наказанье,

Раскаяньем купить он сможет оправданье.

Он был жесток, провел кровавых много мер,

И безнаказанность была б плохой пример.

За римлян мы отмстим. Узнав об этой

доле,

Пусть смеет кто мечтать о цезарском престоле!

Не вверит деспотам народ судьбы своей.

Будь с Суллой строже мы, стал Цезарь бы скромней!

Но гибель Цезаря, столь славного во многом,

Была для Августа жестокостей предлогом.

Свободы жаждал Брут — принес лишь гнет цепей!

Будь Цезарь не убит, стал Август бы скромней.

Поступок Кассия, страх Рима неустанный

Вновь возвращают век, где властвуют тираны.

Но это время к нам уж больше не придет,

Коль выберет себе иных вождей народ.

Хотя мы и вожди, но нам еще неясно,

Как избежать путей, где шествовать опасно.

Есть ли заслуга в том, чтоб счастья не искать,

Когда себя должны мы смерти подвергать.

Однако разве мы правы, воображая,

Что вылечим болезнь, корней не обрезая;

Для излечения здесь мягкость не нужна,

На рану тяжкую прольет лишь яд она.

Кровь ран тебе нужна, мне нужно исцеленье.

Ты хочешь без труда добыть освобожденье.

Все средства хороши, чтоб выйти из цепей,

Мы их должны порвать лишь доблестью своей.

Всегда желанною останется свобода.

В ней — благо высшее для римского на-

рода.

Не может благом быть то, что дается нам

Тираном, кто терзать привык свободу сам.

Рим слишком сердцем чист, чтоб встретить ликованьем

Дар деспота, чьим был он долго достояньем,

И тот, кто сохранил в душе свободы жар,

Не сможет не презреть из рук тирана дар.

Ты и Эмилию готов возненавидеть?

Тирана милостей я не хотел бы видеть.

Когда за Рим родной я отомщу сполна, —

Найду ее, хотя б была в аду она!

Да, смертью Августа куплю себе я право,

Взяв за руку ее своей рукой кровавой,

Над урною его брак совершить, чтоб он

За все свои дары был кровью награжден.

Но ведь Эмилию прельстить едва ли может

Рука в крови того, кто ей отца дороже.

А силою ее ты не захочешь взять.

Довольно, во дворце нас могут услышать.

Мы говорим с тобой весьма неосторожно

В том месте, где легко друзей подслушать можно.

Идем — и в тишине обсудим поскорей,

Как к цели нам прийти спокойней и верней.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Максим, Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Эвфорб

Максим

Все знаю от него: судьбою горд своею,
Влюблен в Эмилию и сам любим он ею.
Но мщенье для нее — любви прямой залог.
Вот почему и нас он в заговор вовлек.

Неудивительно теперь мне это рвенье,
С каким он Августа не принял отреченье.
Распался б заговор — и, гнев свой затая,
Все стали б Августу покорные друзья/

Мы служим все тому, кто столь неутомимо
Радеет о себе, а не о пользе Рима.
Я ж, пожелав во всем полезным Риму быть,
Несчастный, принужден сопернику слу-

жить.

Тебе соперник он?

Эмилию люблю я

И должен ото всех скрывать мечту такую,

Мой сокровенный жар, пред тем как явным стать,

Хотел бы подвигом ее завоевать.

Меж тем из рук моих ее он похищает,

И губит тем меня, и сам того не знает.

Я тороплю успех, что смертью мне грозит,

Сам меч ему даю, что грудь мне поразит.

Повержен дружбой я в ужасное несчастье!

Меж тем помочь в беде в твоей, конечно, власти.

Порви же эту сеть — есть лишь один исход:

Донос. Лишь он тебе Эмилию вернет.

Ты жизни Августа тем принесешь спасенье,

И он Эмилию отдаст в вознагражденье.

Как! Друга мне предать!

Любовь права во всем,

Мы в истинной любви друзей непризнаем.

Предать предателя нельзя считать виною,

Коль ради женщины сам низок он душою.

Забудь о дружбе с тем, кто помнит только зло.

Но подражать ему мне было б тяжело.

Ответить злом на зло — законное решенье.

Ведь преступление разить — не преступленье.

Тем преступлением свободу купит Рим!

Опасно в дружбе быть с изменником таким.

Не к родине его отвага призывает,

Не слава, а любовь его воспламеняет!

Он Цезаря бы чтил, не будь он так влюблен,

В нем благородства нет, неблагодарен он.

Иль, думаешь, всегда правдив он был с тобою?

Нет, не для родины он так пылал душою,

Он страстью, что одним друзьям своим вверял,

Лишь честолюбие искусно прикрывал.

Быть может, он хотел, сразив Октавиана,

Не вольным сделать Рим, а дать ему тирана:

Слепым участником ты был в его судьбе

И гибель, в честь свою, назначил он тебе.

Как обвинить его, других не называя?

Ведь гибелью для них была бы месть такая.

Его разоблачив, мы тем предать должны

Того, кто жизнь отдать готов был для страны.

Такую подлость я сам осуждаю строго.

Виновен он один — падет невинных много,

Готов сгубить его, боюсь губить других.

Не хочет Август сам жестокостей былых

И, казнями врагов давно уж утомленный,

Накажет главарей, щадя их подчиненных,

А если ждешь для них ты страшного конца,

Скажи, что ты к нему пришел от их лица.

Напрасен этот спор; безумие прямое —

Эмилию добыть себе такой ценою.

Едва ли человек приятен будет ей,

Который погубил того, кто всех милей.

Что мне от Августа подобная награда?

Нет, не Эмилию, ее мне сердце надо.

Какой же смысл мне в том, чтоб лишь супругом быть,

Когда она меня не хочет полюбить!

Могу ль ее привлечь тройным я оскорбленьем:

И Цинну предал я, и помешал отмщенью,

И жизнь я спас ее смертельному врагу —

Какую же питать надежду я могу?

Да, в трудном ты сейчас, я вижу, положенье

И только хитростью добиться б мог решенья.

Найди его скорей, чтобы не знать за-

бот,

А время в должный срок и помощь принесет.

Но если Цинна сам Эмилию укажет

И, как сообщницу, ее тиран накажет,

Могу ли я просить, чтоб дал в награду он

Мне ту, которой был на гибель осужден?

Я вижу, для тебя тут, что ни шаг, преграда,

И, чтоб их одолеть, пожалуй, чудо надо.

Но если взвесить все и верно рассудить...

Уйди! Успеем мы о том поговорить.

Вот Цинна. От него могу я, без сомненья,

Узнать полезное для своего решенья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Цинна, Максим

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Цинна

Максим

Ты так задумчив стал...

Причины есть тому.

О них поведаешь ты другу своему?

Эмилия меня и Цезарь так тревожат:

Он слишком добр. Она — быть кроткою не может.

Ах, если б не таким со мной он добрым был

И сделал, чтоб его я менее любил!

Пусть доброта его Эмилию б смирила,

Пусть, как меня, его б она обворожила!

Терзанья совести ношу в груди своей,

Благодеяния терпеть мне все больней,

И милость, сдержанно воспринятая мною,

Сжигает сердце мне мучительной тоскою.

Он в мыслях следует за мною по пятам,

Таким, как власть свою передавал он нам,

И нас выслушивал, и сам держал к нам слово:

"О Цинна, власть свою я принимаю снова,

Затем лишь, чтоб с тобой ее мне разделить!"

И я бы мог кинжал тогда в него вонзить!

Но... Я к Эмилии стремлюсь душой своею,

Я клятвой страшною отныне связан с нею...

Враг, ненавистный ей, мной должен быть сражен.

Честь и богов равно предать я обречен.

Клятвопреступник я, убийца ли — не знаю.

Ее или его измене подвергаю?

Волнений ранее не ведал ты таких,

Казался твердым ты в намереньях своих

И не скрывал в душе упреков и сомненья.

Они пришли, когда стал близок час решенья,

И признаваться в них не хочется, пока

Для совершенья зла не поднята рука.

Душа, что цель свою преследует упорно,

Первоначальному влечению покорна,

Но не бывает ли наш ум порой смущен,

И угнетенности не чувствует ли он?

Я думаю, что Брут, — когда б хотел признаться, —

От замыслов своих готов был отказаться

И, прежде чем разить, испытывал душой

Упреки совести, раскаянье порой.

Он слишком честен был для этих угрызений

И не подозревал возможности сомнений;

Тирану гибели хотел он тем сильней,

Чем, больше милостей дарил ему злодей.

А так как Брут тебе — пример для подражанья,

Ты должен, как и он, не ведать колебанья.

Зачем же Августу ты начал возражать

И тем к свободе путь коварно преграждать?

Ведь этим ты лишил его освобожденья.

И Брут от Цезаря принять мог отреченье,

Но риску б он не стал свободу подвергать,

Когда любовь иль месть ей могут помешать.

Пусть дружеством тебя тиран не обольщает

И тем, что власть свою с тобой делить желает;

Ты должен слушать Рим, внимать его мольбам:

"О, Цинна, возврати то, что ты отнял сам.

И если предпочел ты жить своей любовью,

Не забывай, что я доныне залит кровью".

Не упрекай, Максим, несчастного ты в том,

Что к светлой цели он идет не тем" путем.

Свою ошибку я пред гражданами знаю!
—
И то, что взял у них, вернуть им обещаю.
Прости душе моей волненье чувств былых —
Спокойно не могу я видеть гибель их.
Пока с Эмилией я ожидаю встречи,
Дай мне печальным быть, забудь про эти речи,
Ты мною огорчен, но дай мне одному
Побыть, покорствуя раздумью своему.
Ты дать себе отчет хотел бы, без сомненья,
И в доброте врага, и в собственном смущенье.
Беседе любящих быть тайной надлежит.
Прощай! Я ухожу, как скромность мне велит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Цинна

Цинна

Дай имя лучшее той мысли благородной,

Что добродетелью мне внушена природной;

Она преградою поставить хочет честь

Неблагодарности, давно таящей месть.

Ты мог бы эту мысль звать слабостью моею —

Перед возлюбленной душою я слабею,

И то я чувство чту, что должен погубить.

А победив его, могу ли счастлив быть?

В противоречиях таких я погибаю:

Что выбрать наконец, куда идти — не знаю.

Как тягостно душе в сомнениях блуж-

дать!

И плод, который мне так хочется сорвать, —

Любви блаженный день, и мести завершенье,

И честь — для родины добыть освобожденье, —

Не в состоянии привлечь рассудок мой,

Коль куплены они предательства ценой,

Коль на властителя я направляю мщенье,

Который, знаю, полн ко мне благоговенья,

Чьим словом, добротой обласкан я вполне,

Кто в царственных делах внимает только мне.

О месть! Изменою душа моя язвима.

Нет, лучше длись вовек ты, злое рабство Рима,

Надежда, погибай, оставь меня, любовь,

Коль в низости своей готов пролить я

кровь!

Он предложил мне то, чего я сам желаю, —

Я ж кровью Цезаря блаженство покупаю.

Чтоб взять его дары, зачем мне убивать,

Зачем брать силой то, что сам он хочет дать?

Но я в руках у вас — о клятва страшной мести,

О гнев Эмилии, отец и голос чести!

Душа моя, рука — во власти все у вас;

Мной только вы одни владеете сейчас,

Вы направляете души моей стремленья,

Лишь ты, Эмилия, дать Августу прощенье

Могла бы — жизнь и смерть его в моих руках,

А ты мной властвуешь в желаньях и мечтах.

О боги, сделали ее вы столь прекрасной, —

Пусть не останется мольба моя напрасной.

И так как мне своей неволи не избыть,

Пусть благосклонною она захочет быть!

Но вот она! Ко мне пускай не будет строгой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эмилия, Цинна, Фульвия

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Терзалась, Цинна, я напрасною тревогой.

По-прежнему тебе верны твои друзья,

И за тебя просить уже не стала я.

Ведь Август Ливии при мне о всем поведал,

И к жизни вновь меня вернула их беседа.

И отказалась ты? Дар, что он мне вручил,
Ужели отклонить тебе достало сил?

Но все в твоих руках.

Твое важнее мненье.

Всегда верна себе, не изменю решенья,
Меня тебе вручить — не значит ничего.
Дар этот мог бы ты иметь и без того.

А все же ты, когда б... Как выразить, не знаю.

Чего ж боишься ты?

Смущенно я вздыхаю.
Когда бы поняли друг друга мы вполне,
То это объяснять не нужно было б мне.
Боюсь, что для тебя уже не стану милым.
Мне страшно говорить, молчать же

нету силы.

Мне слушать нелегко.

Обоим трудно нам —
И гнев твой на себя я навлекаю сам.
Эмилия, люблю тебя, клянусь богами,
Лишь ты одна зажгла во мне такое пламя,
А страсть, которою горю я все сильней,
Достойна и меня, и гордости твоей.
Но если получу твою я руку скоро,
То тяжкой лишь ценой блаженства и позора, —
Ведь Август был так добр...

Довольно! Ясно мне,
Что ты колеблешься, раскаялся вполне,
Тирана милости рассудок твой смутили
И обещаний ты сдержать уже не в силе.
Твой ум доверчивый посмел вообра-

зить,

Что Август и меня тебе бы мог вручить,

Ты хочешь, чтобы он владел моей судьбою?

Не думай взять меня подобною ценою!

Пусть землю под собой он может колебать,

Низвергнуть трон, свое правленье навязать,

Ссылать своих врагов, багрянить кровью воды,

Лик изменять земли, порабощать народы, —

Но над Эмилией нет власти у него.

Могу ль отречься я от долга своего?

Нет, верен я себе, чисты мои решенья,

Пойти я не хочу на клятвопреступленье.

Теперь покорен я во всем душе твоей.

Желания твои мне собственных важней.

Я мог бы не идти теперь на преступ-

ленье,

И ты лишилась бы желанного отмщенья.

Ведь Цезарь, становясь на отреченья путь,

Отвел бы сам клинок, разить готовый грудь.

Тогда б пришел конец решеньям благородным,

И мщение твое осталось бы бесплодным.

Я убедил его власть дальше сохранять,

Я увенчал его, чтобы тебе предать.

Ужели хочешь ты, изменник, чтоб сама я

Твой отвела удар, тирану жизнь спасая,

Добычею была, наградою тому,

Кто власть врагу хотел оставить моему!

Зачем клянешь за то, что предан был тебе я?

Я власть тебе вручил над участью зло-

дея.

Что мне все почести? Любовь — вот мой закон!

Хочу, чтоб он погиб иль был тобой спасен.

Но с первым признаком такого подчиненья

Признательности мне простишь ты изъявленья —

Я недостойный гнев стремился победить,

Тобой плененному любовь тебе внушить.

Душа высокая коварной не бывает,

Неблагодарности, измены избегает,

Неправый путь клянет и счастья покупать

Не хочет, коль на нем есть низости печать.

Но правы иногда намеренья такие.

Коварство — все же путь к сверженью тирании,

Коль в пресеченье зла идем мы до кон-

ца,

То нам нужней всего коварные сердца.

Ты доблести полна и в увлеченье местью.

По долгу римлянки считаю это честью.

Но истый римлянин...

Осмелится убить

Тирана, что посмел его поработить.

Смирению раба он смерть предпочитает.

Быть Цезаря рабом он доблестью считает.

Цари у наших ног склонялись без венцов

И ждали помощи лишь от таких рабов.

Он поступается для нас своей короной,

Свое могущество нам дарит благосклонно;

Дань с вывших он берет, чтоб нас обогатить

И наше же ярмо на них переложить.

Напрасно лесть царей тобою столь ценима,

Что ты уже готов забыть свободу Рима!

Найдется ли гордец в любой земной стране,

Кто с римлянином стать посмел бы наравне?

На голову свою навлек наш гнев Антоний[70]

Тем, что с царицею позор делил на троне.

Аттал, пергамский царь,[71] *что в пурпур облачен,*

Мнил, что от Рима он навек освобож-

---

[70] Примечания: 1.70

На голову свою навлек наш гнев Антоний... — В период могущества Римской империи быть римлянином считалось столь высокой честью, что брак с иноземцем, даже царского происхождения, осуждался как позорящий. Марк Антоний, возлюбленный египетской царицы Клеопатры (69-30 гг. до н. э.), сочетался с ней браком вопреки установившемуся обычаю. На непреложности этого закона строится драматический конфликт героической комедии Корнеля "Тит и Береника" (1670) и трагедии Расина "Береника" (1670).

[71] Примечания: 1.71

Аттал, пергамский царь... — Аттал III (правил 138-133 гг. до н. э.), последний царь самого крупного малазийского государства Пергам, был союзником и почитателем Рима. По завещанию его наследники становились римскими гражданами, а Пергам вошел в состав Римского

государства.

ден;

Но, к Азии придя владыкою единым,

Не троном горд, а тем, что стал он Рима сыном.

Гордись же именем, достоинством своим,

Которое тебе принес великий Рим,

И знай, что небу так, наверное, угодно,

Чтоб свергли мы царей и жить могли свободно.

Но небо никогда убийства не простит,

Неблагодарным же оно жестоко мстит.

Какие бы питать ни смели мы стремленья,

Оно, воздвигнув трон, мстит за его паденье;

Оно хранит того, кому послало власть,

И на его убийц удар не медлит пасть;

И если наказать преступников решится,

То тотчас гром над их главою разра-

зится.

Скажи, что и себя к ним причисляешь ты,

Боишься молнии, грозящей с высоты!

Но что мне говорить? Ступай же к тирании,

Служи ей, исполняй ее причуды злые

И, чтоб спокойствие душе своей вернуть,

Свой род и то, что я тебе сулю, забудь.

Я не воспользуюсь теперь рукой твоею,

За Рим и за отца сама отмстить сумею.

Давно тирана я пролить могла бы кровь,

Когда бы не была помехой мне любовь.

Тебе покорной быть она мне приказала,

И потому я жизнь свою оберегала.

Когда б на Цезаря я руку подняла,

То стражею его убита б я была.

Но смертью не могу порвать я чувства сети:

Лишь для тебя любовь велит мне жить

на свете;

И тщетно я хочу, жизнь для тебя храня,

Внушить тебе, чтоб стал достойным ты меня.

Простите, боги, мне. Мечту свою лелея,

Я мнила, что любим был мною внук Помпея,

Но ложный образ мне явила в нем судьба, —

Я сердцем выбрала не мужа, а раба.

Я все ж тебя люблю, и в этом униженье.

И если путь ко мне лежит чрез преступленье,

Кто побоялся бы измен и клеветы,

Чтоб получить меня такой ценой, как ты?

Но знай, не обладать другим рукой моею:

Отдашь тирану жизнь — я все ж, умру твоею,

Падет он — с ним моя порвется жизни

нить

Затем, что не посмел меня ты заслужить.

Тирана кровь с моей смешается, я знаю,

Достоинство хранить и в смерти я желаю,

Чтобы сказать тебе, свой не кляня удел:

"Не упрекай судьбу; ты сам того хотел.

В могилу я схожу, что вырыта тобою,

Взяв славу, что тебе была дана судьбою.

Тирана власть сломив, я смерть себе нашла.

Но, если б ты хотел, я б для тебя жила".

Ну что ж! Раз хочешь ты — тирану нет спасенья.

Свободы жаждет Рим и твой отец — отмщенья,

Да, должен Цезарь пасть, по праву осужден,

Но ты сама тиран, не менее чем он.

Он может взять у нас жизнь и добро — не боле,

Но души до сих пор он не держал в неволе;

А красота твоя могуществом страшна:

Над волей, над умом владычица она.

Ты хочешь, чтобы я ценил позор ужасный

И ненавидел те, что я любил так страстно,

Чтоб кровь пролил того, кому отдать сейчас

Кровь должен бы свою — и много сотен раз.

Тебе покорен я. Сдержать я должен слово,

И, выхватив клинок, рука моя готова

Того, кто мил тебе, безжалостно сразить

И тем возмездие вослед за злом явить,

Чтоб этим действием, с другим соединенным,

Утратив славу, быть любимым и прощенным.

Прощай же!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эмилия, Фульвия

Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

В горе весь он погружен душой.

Забудет пусть меня иль долг исполнит свой!

Готов он слушаться и жизни не жалея.

Ты плачешь, вижу я?

Беги за ним скорее!

Коль хочешь мне, как друг, услугу оказать,
Скажи ему, что он не должен умирать,
Что...

Ради Цинны ты шлешь Августу спасенье?

Ах, ненависть моя иного ждет решенья!

Еще что?

Пусть свершит то, что желаю я, —
А после выберет: смерть иль любовь моя...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Эвфорб, Поликлет, стража

Август

Эвфорб

Август

Эвфорб

Август

(Говорит что-то на ухо Поликлету.)

Поликлет

Август

(Поликлет уходит.)

Все то, что ты сказал, Эвфорб, невероятно...

Столь ужаса полно, столь дико, непонятно...

Подобной ярости нам верится с трудом,

Приводит в ужас нас одна лишь мысль о том.

Как! Цинна! И Максим! Мои друзья, те двое,

Кому оказывал вниманье я большое,

Пред кем открыл я грудь, кого я сам избрал,

Чтобы могуществен и знатен каждый стал,

Меж тем как всю страну я дал им в управленье,

Они на жизнь мою готовят покушенье!

Максим сознал вину, — я извещен о том, —

И он не лжет душой в раскаянье своем,

Но Цинна!..

Он один упорен в гневе яром,

На вашу доброту ответствуя ударом,

Он заговорщикам стремится помешать —

Как сделал то Максим — свою вину признать.

Пытаясь одолеть их робость и сомне-

нье,

В их души прежнее вдохнуть он хочет рвенье.

Он ободряет их, в соблазны вводит их!

О самый дерзкий враг из всех существ земных,

О ярость фурии и гнев неудержимый!

Предательский удар руки, мной столь любимой!

Тобою предан я, о Цинна... Поликлет!

Все будет сделано — вот, Цезарь, мой ответ.

Максима пусть найдет Эраст без промедленья.

Пусть он придет принять вины своей прощенье.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Август, Эвфорб

Эвфорб

Август

Он сам себя винит в своем проступке злом.

Едва лишь из дворца он в свой вернулся дом,

Как, с ужасом в глазах, исполненный страданья,

Не в силах удержать ни вздоха, ни рыданья,

Он проклял жизнь свою и заговор. И сам,

Чтоб все я рассказал, меня отправил к вам.

Несчастье упредить он дал мне порученье:

"Скажи, что гнусное свершил я преступленье —

Не знал еще вины столь тяжкой человек!"

И к Тибру бурному он устремил свой бег.

Он бросился в поток. Но в сумраке неясном

Не мог увидеть я, что сталось с ним, несчастным.

Так преступлением он сам раздавлен был

И милости моей навек себя лишил.

Сознавшему вину дарую я прощенье,

Но так как сам вины нашел он искупленье,

Смотрите за другим. Пусть строго стерегут

Свидетеля, что нам о том поведал тут.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Август

Август

О небо, где же тот, кому теперь открою

Все помыслы души, все, что живет со мною?

Возьми же от меня такую власть скорей,

Коль, подданных мне дав, ты отняло друзей,

Когда лишь в том судьба властителей на троне,

Что их добро других лишь к ненависти клонит,

И если тех любить они осуждены,

Которые порой их погубить должны.

Все шатко на земле. Для власти все опасно.

Октавий, твердым будь! Колеблешься напрасно.

Пощады хочешь ты? Кого ж ты сам щадил?

Подумай, сколько сам ты в мщенье крови лил?

По Македонии она ручьем струилась,[72]

И не хотел врагам оказывать ты милость.

---

[72] Примечания: 1.72

По Македонии она ручьем струилась... — Последним этапом борьбы между триумвирами Марком Антонием и Октавианом и республиканцами Брутом и Кассием было сражение (42 гг. до н. э.) при Филиппах в Македонии.

А сколько пролил Секст![73] Припомни, сколько в ней

Топил Перузии[74] он смелых сыновей,

Припомни всю свою жестокость при отмщенье,

Казненных, изгнанных ужасные виденья,

Когда для близких ты стал злобным палачом,

Грудь воспитателя[75] пронзив своим ножом.

Не смей же обвинять теперь судьбы удары,

Коль все сподвижники тебе готовят кары,

Коль взять они хотят, твой повторив удел,

---

[73] Примечания: 1.73

Секст — Секст Помпей (ок. 75-35 гг. до н. э.), сын Помпея Великого; в 40-36 гг. до н. э. владел Сицилией, вел морскую войну против триумвиров.

[74] Примечания: 1.74

Перузия — город в Этрурии, где был центр восстания против Октавиана. Перузианская война (40 г. до н. э.) окончилась победой Октавиана Августа.

[75] Примечания: 1.75

Грудь воспитателя... — т. е. Торания.

Права, что соблюдать совсем ты не умел.

Они во всем правы, к ним небо благосклонно —

Оставь же, как и взял, свой сан, судьбой врученный.

Позволь неверности неверностью дышать —

Неблагодарность сам ты должен признавать.

Но в этот час меня рассудок покидает,

Мой ум меня винит, тебя же он прощает,

Тебя, чей заговор велит мне сохранить

Ту власть, что вызвала в тебе желанье мстить.

Мне ль мнить себя твоей изменой заклейменным,

Оставить навсегда трон этот незаконный

И, оправдание придав делам твоим,

Пасть от твоей руки, чтоб был счастливым Рим?

Как мог бы я принять подобное реше-

нье?

И ты, ты будешь жить, внушив мне страх, смятенье?

Нет! Самого себя то значило б предать.

Прощающий дает возможность оскорблять.

Смерть — главарю, другим — темница! Без боязни

Тогда смогу я жить. Да, но все время — казни?

От крови я устал, а перестать нет сил.

Хотел я страх внушать, но гнев лишь пробудил.

Рим гидрой на меня восстал многоголовой:

Отрубишь голову — родятся сотни снова,

И, сколько б крови я ни захотел пролить,

Лишь ненависть внушу. В покое мне не жить.

Октавий, новый Брут твои окончит

беды!

Умри, но над собой не дай ему победы.

Умри! Стремленье жить и тщетно и смешно,

Коль гибели твоей ждут лучшие давно,

Коль счастья больше нет для молодежи знатной,

Чем мысль о том, что ты погибнешь безвозвратно

И Римом управлять уже не сможешь впредь.

Умри, коль надо все отдать иль умереть.

Не так уж жизнь важна. Добытое тобою

Не стоило бы брать столь тяжкою ценою.

Умри, но жизнь покинь, исполнен торжеством,

Свой факел погаси в крови, борясь со злом.

Ты можешь отплатить ему и умирая,

Достигнуть цели дай, но порази, карая.

Пусть видом он твоих казнится похорон,

На твой взирая труп, терзается пусть он.

Я наслажусь уж тем, что он не минет казни.

Меня не любит Рим, но полон он боязни.

О римляне, о месть, о данная мне власть!

В борьбе с самим собой душе не дайте пасть

Или отвергнуть все, к чему она влечется;

Совет несчастному пускай у вас найдется.

Какой из двух путей мне следует избрать —

Покорно встретить смерть иль властвовать опять?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕЕТОЕ

Август, Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

Август

Ливия

(Одна.)

Ты знаешь, предан я. Тот, кто злоумышляет,
К несчастью, всю мою уверенность смущает.
Предатель — Цинна.

Да. Эвфорб мне все раскрыл.
Я, слушая его, почти лишилась сил.
Совету женщины внимать ты в состоянье?

Ах, могут ли помочь твои мне указанья?

Без пользы для себя ты часто был жесток
И этим создавал злословия предлог.
Казнь не урок другим, не страх, а лишь обида.

Сальвидий[76] *вдохновил на мятежи*
Лепида,[77]
Мурена встал ему вослед и Цепион,[78]
И то, что каждый был в мучениях казнен,
Игнацию в его не помешало мести[79]
—
И Цинна, не страшась, на их быть хочет месте.
Они желали все у черни быть в чести
И замыслом своим величье обрести...
И вышло так, что их ты покарал напрасно.
Над Цинной испытай, насколько милость властна.

---

[76] Примечания: 1.76

Сальвидий — лейтенант Октавиана; был приговорен к смертной казни за участие в заговоре против Октавиана.

[77] Примечания: 1.77

Лепид (сын трумвира) замышлял убить Октавиана после битвы при Акциуме, но был разоблачен и казнен.

[78] Примечания: 1.78

Мурена встал ему вослед и Цепион... — Мурена и Цепион составили заговор против Августа в 22 г. до н. э. Мурену казнили тогда же. Цепион был казнен при Тиберии, т. е. гораздо позже, чем это следует из текста трагедии.

[79] Примечания: 1.79

Игнацию в его не помешало мести... — Игнаций был инициатором

следующего за цепионовским заговора. Казнен за это.

Пускай смущение теперь его гнетет,

И заговор тебе лишь пользу принесет;

Казнь вызвать в городе способна лишь волненье,

Но славу большую тебе дало б прощенье,

И те, кого та казнь должна б ожесточить,

Великодушие оценят, может быть.

Так завоюем всех — уйдя от этой власти,

Несущей ненависть, питающей лишь страсти!

Я принял твой совет и долго размышлял.

Ни слова более: я взвешивать устал.

Так не томись, о Рим, о вольности тоскуя:

Я в цепи вверг тебя, и сам их разобью я.

Свободу, от тебя отторгнутую злом,

Я возвращу тебе, но добрым лишь путем.

Коль ненавидишь ты, не нужно притво-

ряться,

Коль хочешь полюбить, не бойся в том признаться.

Честь и могущество, что Суллой взращены,[80]

Готов я дать тебе для блага всей страны.

Не слишком ли его пример тебя прельщает?

Иное ведь тебя, быть может, ожидает.

То счастье, что его хранило все года,

И счастьем звать нельзя, коль есть оно всегда.

Что ж! Коль влечет меня к нему лишь заблужденье,

Я дам всю кровь свою пролить без сожаленья.

Корабль, кончая путь, приходит в порт родной.

Зову одно из двух: иль смерть, или по-

---

[80] Примечания: 1.80

Честь и могущество, что Суллой взращены... — Август имеет в виду отречение Суллы от власти после трех лет его диктатуры.

кой.

Как! Хочешь ты презреть то, что судьба послала?

Как! Сохранить все то, что ненавистным стало?

Кто подчинить себя способен так страстям,
Пример отчаянья — не силы явит нам.

Царить и миловать предателя — конечно,
Не признак доблести, а слабости беспечной.

Но быть властителем и над душой своей —
Вот доблесть, истинно достойная царей.

Ты обещала мне помочь своим советом,
И слово держишь ты — я убедился в этом.
Поправ своих врагов властительной пятой,

Я правлю двадцать лет и долг в том вижу свой

Я новый создал строй — разумное правленье —

Вот долг властителя в подобном положенье,

А тайный заговор осудит весь народ,

Одна лишь мысль о нем — и то нам вред несет.

В нем вся страна себе признала оскорбленье.

Мне нужно или мстить, или сложить правленье.

Обманчивым страстям не должен ты служить.

Честолюбива ты, а нужно сильной быть!

Зачем пренебрегать спасительным советом?

Подскажет небо мне решенье в деле этом.

Прощай, я ухожу.

Тебя не брошу я,
Должна бы убедить тебя любовь моя.

То честолюбие. Ты в явном заблужденье.

Тебя, а не твое люблю я положенье!

Ушел. Спешу за ним. Хочу, чтоб понял он,
Что милосердием он укрепит свой трон,
Что милости к врагу есть признак несомненный
Величия царей перед лицом вселенной.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Эмилия, Фульвия

Эмилия

Фульвия

Эмилия

Сейчас я счастлива... Откуда же пришло,

Что мой покой смутить не в силах это зло?

За Цинной Цезарь шлет — а я не жду угрозы!

Тревоги нет в душе, я осушила слезы,

Как будто тайный я услышала намек,

Что огорчения не принесет мне рок,

Я не ошиблась, нет? Ты это мне сказала?

Да, жизнь он предпочтет, мне это ясно стало.

Добилась я того, что Цинна, присмирев,

Хотел прийти сюда, чтоб вновь смягчить твой гнев.

Спокойна я была... Как вдруг я Поликлета

Увидела в дверях, дворцового клеврета;

Тот, к Цинне подойдя, шепнул ему, что он

Немедля к Августу явиться приглашен.

А Цезарь, говорят, сейчас в большом смущенье,

И разные о том высказывают мненья:

Решили, что ему стал чем-то горек свет,

Что Цинну пригласил к себе он на совет.

Одно неясно мне, — о том сейчас сказали, —

Что двое воинов Эвандра задержали,

Что схвачен и Эвфорб без видимых причин,

Что в чем-то обвинен его был господин,

Что страшное над ним нависло подозренье,

О Тибре говорят и о каком-то мщенье.

О, сколько поводов для страха, для тоски!

Но от меня сейчас волненья далеки,

И мне спокойствие в тот миг внушают боги,

Когда терзаться я должна была б в тревоге,

И, хоть недавно страх пришлось мне

испытать,

Бесстрастна я, когда должна бы трепетать.

О боги! Вижу я, вы волею благою

Хотите, чтобы я была чиста душою.

Лишили вы меня рыданий, вздохов, слез,

Чтоб стала смелой я перед лицом угроз,

Вам нужно, чтоб я смерть с тем мужеством встречала,

Которое меня на подвиг вдохновляло.

Так пусть погибну я, услышав ваш приказ,

Такой, какой меня вы видите сейчас!

О мой свободный Рим, о дух отца, мне милый!

Я совершила все, что только в силах было!

На вашего врага я подняла друзей

С отвагой, чуждою досель душе моей.

Успеха не стяжав, я все ж стяжала славу,

Не в силах отомстить, я к вам иду по

праву.

Великий, грозный гнев во мне неукротим.

Я гибелью своей тебя достойна, Рим;

И ты во мне признать захочешь, без сомненья,

Героев кровь, во мне текущую с рожденья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Максим, Эмилия, Фульвия

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Максим

Эмилия

Как, это ты, Максим? Ты жив и невредим?

Эвфорб не так донес. Обманут Август им.

Задержанный Эвфорб, боясь разоблаченья,

Так Цезарю сказал, чтоб мне купить спасенье.

А Цинна?

Говорят, безмерно потрясен,

Узнав, что Цезарь был о тайне извещен,

Но тщетно спорил он, виновность отрицая, —

Эвандр все рассказал, хозяина спасая.

Сам Цезарь приказал тебя схватить сейчас.

Что ж медлит тот, кому был отдан сей приказ?

Идти готова я, мне тяжко ожиданье.

Он в доме ждет моем.

Как?

Все скажу заране,

Чтоб не дивилась ты. Тебя судьба хранит.

Он заговорщик наш, и с нами он бежит.

Воспользуемся тем, что нам судьба послала,

Спешим же на корабль, он ждет нас у причала.

Как смеешь мне, Максим, ты бегство предлагать?

Для Цинны я готов всего себя отдать.

Хотел бы я спасти от высшего несчастья

И ту, в ком для него заключено все счастье.

Бежим! Настанет день — и скоро, может быть, —

Когда, спасенные, мы сможем отомстить.

Но Цинна и в беде достоин восхищенья.

Нам пережить его нельзя и для отмщенья.

Кто остается жить, когда погублен он,

Тот низостью души навеки заклеймен.

Впадать в отчаянье с такою слепотою,

О боги! Слабой, быть тебе, с твоей душою!

А ты, не чувствуя желания борьбы,

Готова тотчас пасть под натиском судьбы!

Нет, доблесть высшая в душе моей хранима,

Раскрой глаза, вглядись внимательно в Максима,

Ведь Цинну нового должна ты в нем открыть,

Любимого тебе он может заменить,

А так как дружба нас в одно соединила,

То, полюбив меня, его б ты полюбила.

Ведь тем же пламенем способен я пылать!

Я...

Смеешь ты любить, не смея жизнь отдать!

Ты хочешь многого. Но, высказав признанье,

По крайней мере будь достойным и желанья:

Иль славной гибели не думай убегать,

Иль сердце низкое не смей мне предла-

гать.

Исполнив твердо долг, достойный восхищенья,

Ты, если не любовь, внушишь мне уваженье.

Будь истый римлянин с отвагою в крови, —

И мил мне станешь ты, хотя и без любви.

Нет! Если с Цинной ты воистину был дружен,

Не думай, что его возлюбленной ты нужен.

Пора о долге здесь договориться нам;

Дай в этом мне пример или внимай мне сам.

Ты горю предалась безмерно, слишком страстно!

Ты хитрость скрыть свою стараешься напрасно,

И возвращенье мне счастливое сулишь,

И в горестях таких о страсти говоришь!

Едва начав любить, томлюсь я, пламенея,

Ведь друга своего люблю сейчас в тебе я,

И если б так же ты, как некогда пред ним...

Не думай, что совсем уж я проста, Максим!

Полна утратой я, но разум сохранила,

Мое отчаянье меня не ослепило.

Высокой доблести полна душа моя,

И знаю то, что знать так не хотела б я.

Меня в предательстве подозревать ты стала?

Да, если хочешь, ты, чтоб правду я сказала,

Настолько хорошо продуман бегства план,

Что вправе я считать, что это все — обман.

И много б милости нам оказали боги,

Когда бы без тебя рассеяли тревоги.

Беги один! Любовь мне тягостна твоя.

Ах! Ты безжалостна!

Сказала б больше я.
Не бойся, что тебя теперь хулить я стану,
Но и не жди, чтоб я поверила обману.
Коль думаешь — с тобой несправедлива я,
Иди со мной на смерть, чтоб оправдать себя.

О нет. Ты жить должна, и знай, что я повсюду...

Лишь пред Октавием тебе внимать я буду.
Идем же, Фульвия!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Максим

Максим

О, горечь свыше сил!

По справедливости отказ я получил.

На что ж решиться мне? Я казни столь ужасной

Сам этой хитростью обрек себя напрасной.

Надежды нет, Максим, теперь душе твоей.

Она расскажет все пред гибелью своей,

И тот же эшафот всем явит в смерти близкой

Ее величие и твой поступок низкий.

Навек останется в потомстве с этих пор

Твое предательство, заслуженный позор.

В один и тот же день ты погубил, несчастный,

Владыку, друга, ту, кого ты любишь страстно,

И оттого, что сам ты в низости своей

Тирану в руки мог отдать своих друзей,

В награду получил ты стыд и раздраженье,

Да гнев, который жжет тебя без сожаленья.

Эвфорб, причиною всему был твой совет,

Но доблести в рабах еще не видел свет.

Вольноотпущенник всегда рабом бывает:

Жизнь изменяя, он души не изменяет.

Хотя свободою и был отмечен ты,

Но благородства в ней не мог явить черты.

Неправой власти ты принес мне обольщенье,

Заставил запятнать честь моего рожденья.

Боролся я с тобой, но ты меня сломил,

И сердце ты мое обманом очернил.

И жизнь теряю я, и доблестное имя,

Так слепо обольщен советами твоими,

Но, видя зло твое, позволят боги мне

За любящих, Эвфорб, тебе отмстить вдвойне.

Пусть тягостно мое пред ними пре-

ступленье,

Я кровь готов свою пролить для искупленья,

И в состоянии отмстить рука моя

За то, что некогда тебя мог слушать я!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Август, Цинна

Август

Цинна

Август

Цинна

Август

Цинна

Август

Сюда, о Цинна, сядь и трезвою душою
Взвесь то, что выскажу сейчас я пред тобою;
Не возражая мне, словам моим внимай
И речь мою ничем пока не прерывай.
Будь нем; но коль тебя внимание такое
Лишит хотя б на миг душевного покоя,
Когда окончу я, ты можешь возразить.
Хочу лишь этого я у тебя просить.

Я повинуюсь.

Но условия такого

Держись — тогда и сам свое сдержу я слово.

Воспитан, Цинна, был ты средь врагов моих,

И мой отец, и я зло видели от них.

Средь чуждых мне людей ты получил рожденье,

Ты, перейдя ко мне позднее в подчиненье,

Их ненависть посмел в душе своей сберечь,

И на меня теперь свой обращаешь меч.

Еще с рождения врагом ты мне считался,

Потом, узнав меня, ты все же им остался.

И злоба у тебя в крови; в душе своей

Ты держишь сторону враждебных мне людей

И с ними ненависть ко мне питаешь злую.

Но я, любя тебя, мщу, жизнь тебе даруя.

Я сделал пленником тебя, дружа с тобой,

И в милостях моих стал двор тебе тюрьмой.

Сперва я возвратил тебе твои именья,

Потом Антония дал земли во владенье.

Ты знаешь, я всегда с тобою ласков был,

Благоволение и почести дарил.

Блага, которые тебе так милы были,

Ты тотчас получал, не ведая усилий.

Ты стал знатнее тех, кто при дворе моем

Заслугами бы мог гордиться и родством,

Кто мне могущество купил своею кровью,

Кто охранял меня столь преданной любовью.

Я так был добр к тебе, что победитель мог

Завидовать тому, кто побежденным лег.

Когда же небом был лишен я Мецената

И горе пережил, томившее когда-то,

Его высокий сан тебе я передал,

Чтоб ты советником моим первейшим стал.

Еще не так давно, душой изнемогая,

От власти Цезаря уйти навек желая,

С Максимом и с тобой советовался я,

И только за тобой пошла душа моя.

На брак с Эмилией я дал тебе согласье,

Чтоб все здесь твоему завидовали счастью.

Я так тебя взыскал, что, отличен во всем,

Ты б меньше счастлив был, когда бы стал царем.

Ты знаешь это сам; такую честь и славу

Столь скоро позабыть ты не имел бы права.

Так как же можешь ты, все в памяти

храня,

Стать заговорщиком, чтобы убить меня?

Как, государь! Чтоб я бесчестное желанье

Таил в душе...

Но ты не держишь обещанья.

Молчи; ведь я не все успел тебе сказать.

Я кончу — и тогда пытайся отрицать.

Теперь же мне внимай, не прерывая боле:

Ты смерть готовил мне у входа в Капитолий,

При приношенье жертв хотел своей рукой

Над чашей нанести удар мне роковой.

И часть твоих друзей мне б выход заслонила,

Другая же тебе б помочь успела силой.

Как видишь, обо всем я извещен сполна.

Ты хочешь, чтоб убийц назвал я имена?

То Прокул, Глабирьон, Виргиниан, Ру-

тилий,

Помпоний, Плавт, Ленас, Альбин, Марцелл, Ицилий,

Максим — которого я другом мог считать, —

А остальных из них не стоит называть.

Вот кучка тех людей, погрязших в преступленье,

Которым тяжело законов проявленье,

Которые, тая бесчестность дел своих,

Законов не любя, стремились свергнуть их.

Вот ты теперь молчишь, но вызвано молчанье

Смущеньем у тебя, в нем нету послушанья.

Чего же ты хотел, о чем же ты мечтал,

Когда б поверженный у ног твоих я пал?

Свободу дать стране от слишком тяжкой власти?

Коль мысли я твои понять мог хоть

отчасти,

Спасение ее зависит от того,

Кто крепко держит жезл правленья своего.

А если замышлял ты родины спасенье,

Зачем мешал ты мне дать ей освобожденье!

Из рук моих ты б мог свободу эту взять —

И было б незачем к убийству прибегать.

Так в чем же цель твоя? Сменить меня? Народу

Опасную тогда приносишь ты свободу.

И странно, что, в душе стремленье к ней храня,

Одно препятствие находишь ты — меня!

Коль тяжкой родину я награждал судьбою,

То легче ль будет ей, забыв меня, с тобою?

Когда я буду мертв, ужель, чтоб Рим спасти,

Власть к одному тебе достойна перейти?

Подумай, вправе ль ты довериться расчетам.

Ты в Риме так любим, ты окружен почетом,

Тебя боятся все, готовы угождать,

И у тебя есть все, что мог бы ты желать,

Но и врагам своим внушал бы ты лишь жалость,

Когда бы власть тебе, ничтожному, досталась.

Осмелься возразить, скажи, чем славен ты,

Какой в достоинствах достиг ты высоты,

Чем похвалиться бы ты мог передо мною

И чем возвыситься по праву над толпою?

Тебе могущество, тебе дал славу я,

Тебе опорою была лишь власть моя.

Всеобщее не сам стяжал ты поклоне-

нье,

В тебе моих щедрот все видят отраженье,

И, если б я хотел, чтобы ты пал скорей,

Поддержки стоило б лишить тебя моей.

Но уступить хочу я твоему желанью.

Бери отныне власть, предав меня закланью.

Ужель Сервилия, Метелла славный род,[81]

Потомки Фабия, которых чтит народ,

Потомки тех мужей, какими Рим гордится,

В чьих жилах пламенных героев кровь струится,

Забудут хоть на миг о прадедах своих

И примирятся с тем, что ты стал выше их?

Ну, говори теперь!

---

[81] Примечания: 1.81

Ужель Сервилия, Метелла славный род... — Август называет влиятельные семьи римских патрициев, из которых вышли военачальники, консулы и другие крупные государственные деятели.

Я чувствую смущенье.

Не гнев твой страшен мне, не смерти приближенье,

Я в думы погружен. Я кем-то предан был,

И не могу понять, кто делу изменил.

Но мысль о том хочу я отогнать скорее.

Я все же римлянин, потомок я Помпея.

Что деда моего осмелились убить,

И гибель Цезаря не может искупить.

Я предан цели был высокой, благородной.

Коль низостью тебе считать ее угодно,

Не жди, что я себя готовлюсь упрекать,

Бесплодно сожалеть и слезы проливать!

Тебя судьба спасла, меня же погубила.

Мы оба сделали, что сделать нужно было.

Ты славу приобрел для будущих времен

И гибелью моей в опасностях спасен.

Опять упорствуешь ты в дерзости признаний,

Не каешься в вине, не ищешь оправданий.

Посмотрим, до конца ль отважен ты душой,

Ты свой исполнил долг, и я исполню свой.

Суди же сам себя, возмездье избирая.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ливия, Август, Цинна, Эмилия, Фульвия

Ливия

Цинна

Август

Эмилия

Август

Эмилия

Август

Эмилия

Август

Эмилия

Ливия

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Цинна

Эмилия

Август

О заговорщиках все рассказать пришла я.

Эмилия средь них — сейчас узнала я.

О боги, то она!

Ты тоже, дочь моя?[82]

---

[82] Примечания: 1.82

Ты тоже, дочь моя? — реминисценция знаменитого обращения Юлия Цезаря к своему убийце Бруту: "И ты, Брут!"

В том, что он совершил, себя винить мне надо:

Ведь я всех дел его причина и награда.

Как! Лишь сегодня ты успела полюбить —

И жизни для него порвать готова нить?

С какой поспешностью ты жертвуешь собою

Тому, кто только что тебе вручен был мною!

Любовь, с которой я пришла сюда сейчас,

Не долг покорности, не отклик на приказ.

И ты не властен в том, чтобы сердца пылали.

Четыре года мы любовь от всех скрывали.

Любила Цинну я, и мне был предан он,

Но ненавистью был союз наш вдохновлен.

Надежду светлую ему я подавала,

За моего отца пусть отомстит сначала.

И он поклялся мне, собрал своих друзей...

Все ж сбыться не было дано мечте моей.

Нет, не с покорностью стою я пред тобою,

Я Цинну не спасу своею головою.

Он за вину свою достойно осужден,

И справедлива казнь презревшего закон.

Но смерть с ним разделить, с отцом соединиться —

Вот то, чего хочу я от тебя добиться.

Так вот какую мысль тая в душе своей,

Ты мне желала зла под крышею моей!

Я Юлию изгнал, хоть мне и тяжко было,

Эмилия ее мне в сердце заменила,

Но недостойная не ценит свой почет!

Та честь мою взяла, а эта смерть несет.

В обеих страсть горит и горе мне го-

товит:

Одной был мил разврат, другая жаждет крови.

Так платишь ты за то, что я тебя любил?

За доброту отца так сам ты заплатил.

Усердно я твоим был занят воспитаньем...

С таким же он тебя воспитывал стараньем,

Но воспитателя убил ты своего

И путь тем указал для мщенья моего.

Виновны оба мы, в одном лишь расхожденье:

Тобой был мой отец казнен без преступленья, —

Мой справедливый гнев не уставал пылать,

Чтоб за невинного тебе сполна воздать.

Постой, Эмилия! Исполненный вниманья,

Тебе он оплатил отца благодеянья.

Смерть, за которую ты хочешь мстить сполна,

Вина Октавия — не Цезаря вина.

Пойми, в борьбе за власть губительные страсти

Прощаются тому, кто достигает власти.

Тот, кто высокою удачей вознесен,

Перед грядущим прав, перед былым прощен,

Достигший своего не отягчен виною:

Он сделал только то, что суждено судьбою.

Имеет все права над нашей жизнью он;

Предписывать ему нельзя нам свой закон.

В том, что вы слышали, — души моей признанье.

Не о защите речь — о грозном воздаянье.

Карай же, Цезарь, тех, чей полный злобы пыл

За милости твои коварством отплатил.

И жизнь мою прерви, чтобы не быть в тревоге.

Мной Цинна соблазнен, вновь соблазню я многих.

Тебе опасной быть должна я до конца.

Мстя за любовь свою, я мщу и за отца!

Я соблазнен тобой, и горько я страдаю,

Тебя, принесшую бесчестье, обожаю.

Но, Цезарь, истину открыть я должен здесь:

Я, не любив еще, задумал эту месть.

Эмилия моим моленьям не внимала, —

И я решил иным занять ее сначала, —

Твердил, что за отца ей надо отомстить,

Хоть этим я хотел ее к себе склонить.

Для сердца женщины всегда приятно мщенье!

Мне сердце отдала она в вознагражденье.

Коль по достоинствам своим я не был

мил,

Как мститель я ее вниманье заслужил.

И в заговор она вошла тогда за мною,

Но лишь сообщницей — там, где я был главою.

Как смеешь, Цинна, ты! Иль в том любовь твоя,

Что опозоренной должна погибнуть я?

Умри, но тем вредить моей не думай славе!

Пред Цезарем меня позорить ты не вправе!

И мне — позор, когда лишаешь ты себя

Величья подвига, наш замысел губя.

Будь славен им, но я имею тоже право

На подвиг, и с твоей моя померкнет слава.

Ведь слава, радости мученья, гнет вины

Для любящих всегда быть общими должны.

Мы, Цезарь, римляне, и мы отныне вме-

сте

Должны соединить любовь и чувство мести.

Ведь каждый потерял любимого отца,

И вместе доведем мы мщенье до конца;

Друг с другом рядом шли мы к цели благородной,

Мы оба приняли ее душой свободной,

Дана нам вместе честь свой встретить смертный час.

Ты нас соединил, не разлучай же нас!

Я вас соединю — хоть мне горька обида,

Хоть вы враждебней мне Антония, Лепида, —

Я вас соединю, свое согласье дам.

Есть уважение во мне к таким страстям.

Пускай узнает мир души моей волненье,

Пусть удивит его и казнь и преступленье.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Август, Ливия, Цинна, Максим, Эмилия, Фульвия

Август

Максим

Август

Максим

Август

Эмилия

Цинна

Август

(Максиму.)

(Максиму.)

Максим

Цинна

Ливия

Август

Любим богами я. Мне рок удачу шлет.
Спасенный из пучин, Максим еще живет.
Приблизься, друг, скорей. Ты мне остался верным.

Не нужно доверять друзьям, столь лицемерным.

Не будем говорить мы о вине сейчас —
Раскаявшийся, ты меня от смерти спас.
Тебе обязан я своею жизнью, властью.

Я из твоих врагов — опаснейший, к несчастью,
И, коль тебе судьба продлила радость дней,
Обязан этому ты зависти моей.
Нет, не раскаянье душой моей владело,
Губя соперника, раскрыл я злое дело.
Солгал Эвфорб, сказав, что был я взят волной.
Боялся он, что ты скорей пошлешь за мной.

Найти к Эмилии хотел я путь обманный:

Внушить ей тайный страх, увлечь в чужие страны;

О бегстве говоря, не уставал твердить,

Что, возвратясь, она сумеет отомстить.

Но, отклонив душой все эти обольщенья,

Удвоила она своей отваги рвенье.

Она все поняла. И все ты знаешь сам.

Зачем бы прибегать я к лишним стал словам.

Так хитрость низкая успеха не добилась.

Но если ты и мне явить хотел бы милость,

Пусть кончит жизнь Эвфорб среди мучений злых

И пусть умру я сам, но на глазах у них.

Честь, друга, родину, тебя пред целым светом

Я предал. Мне Эвфорб помог своим советом,

И был бы счастьем я безмерным награжден,

Когда б пред смертью знал, что он уже казнен.

О небо, неужель мне суждено судьбою

Еще изменников увидеть пред собою?

Пусть злобный рок зовет сам ад в громах, в огне,

Собой владею я, и мир покорен мне.

Я крепко власть держу. В грядущем сохранится

Моей победы день. Я вправе им гордиться.

Свой справедливый гнев я превозмог сейчас,[83]

Пусть весть о том дойдет, потомки, и до вас.

Дай руку, Цинна, мне. Останемся друзьями!

---

[83] Примечания: 1.83

Свой справедливый гнев я превозмог сейчас... — этот перелом в настроении Августа, а затем Эмилии и Цинны соответствен пафосу корнелевского творчества. Ромен Роллан писал о том, что подобный душевный переворот "необъяснимый с точки зрения медлительного рассудительного обывателя-тяжелодума, естественен для душ страстных, не знающих полутонов".

Врагу я жизнь дарю. Нет злобы между нами.

Пусть низким замыслом чернишь ты мысль свою,

Убийце своему я снова жизнь даю.

Начнем мы спор иной. Пусть каждый в нем узнает,

Кто лучше: кто дает иль тот, кто получает.

Ты милости презрел — я их удвою сам,

Ты много их имел — тебе их больше дам.

С прекрасной девушкой, тебе врученной мною,

Прими власть консула над целою страною.

Отдай же, дочь моя, ты Цинне всю любовь,

Пусть пурпур консула тебе заменит кровь.

Как я, смири свой гнев. Даря тебе супруга,

Дарю я большее, чем жизнь отца иль друга.

О Цезарь, предаюсь твоей я доброте,

Она как свет в моей душевной темноте.

Быть больше не хочу в преступном ослепленье.

Что казнь мне? Совести ужасны мне мученья.

Одно раскаянье живет в душе моей,

В своей неправоте признаться надо ей,

Богами одарен ты высшей добротою.

Как я хотела бы склониться пред тобою.

И смею думать я — ты будешь добр ко мне,

Ты жизнь мне возвратил, дал счастье всей стране.

Пусть ненависть свою бессмертной я считала —

Она уже мертва, тебе я верной стала.

О мести мысль теперь душе моей страшна,

Желанием тебе служить душа полна.

Что я могу сказать, когда всем пре-

ступленьям

Ответить захотел ты благостным прощеньем!

О величайший дух! О милость без границ!

Как стал ты вознесен! Как я повержен ниц!

Не стоит повторять то, что забыть решили.

Хочу я, чтоб со мной Максима вы простили,

Он предал нас троих, но дерзостью своей

Невинность вам вернул, мне сохранил друзей.

Со мною рядом встань и будь на прежнем месте,

Вновь славой облечен, достоин прежней чести.

Эвфорба же пора простить вам всем троим.

Мы браком любящих теперь соединим.

Их счастью суждено стать казнию

твоею.

Ты слишком справедлив; и я роптать не смею.

Смущен тем более я милостью такой,

Что честолюбию теперь я чужд душой.

Дай добродетели, отныне возрожденной,

Служить тебе, забудь, что я попрал законы.

Пусть небо рушится — она теперь тверда

И колебаться уж не станет никогда.

Пусть тот, чьей волею все на земле вершится,

Отнимет жизнь у нас, чтоб дням твоим продлиться,

Пусть я, которому завидуют сейчас,

Стократ тебе верну все, чем ты даришь нас!

О Цезарь! Твоего величия светило

Пророческим лучом мне душу озарило.

И боги говорят сейчас через меня,

Что счастьем с этого ты насладишься дня.

Теперь уж нечего тебе врагов бояться —

Народ готов тебе без спора покориться,

И тот, кто больше всех был властью отягчен,

От всей души теперь признает твой закон.

Бесчестный замысел иль заговор ужасный

Уж жизни омрачать не будут столь прекрасно

Нет более убийц и злобы без конца —

Постиг искусство ты, как привлекать сердца.

Рим, что не чувствует себя отныне сирым,

Тебе готов отдать владычество над миром.

И доброта твоя свидетельство ему, —

Что должен быть тебе он верен одно-

му.

От долгих смут ему дано освобожденье —

К единовластию имеет он влеченье,

Он ставит алтари тебе, готовит храм,

К бессмертным хочет он причесть тебя богам,

А твой благой пример в потомстве отдаленном

Пребудет как завет властителям и тронам.

Пророческим словам поверить я готов.

Внимайте же всегда велению богов.

Пускай умножатся им жертвоприношенья

В дни, полные для нас особого значенья,

И заговорщикам желал бы я внушить,

Что Август все узнал и хочет все забыть.

Никомед{5}

Трагедия

Перевод *М. Кудинова*

{5} Комментарии: 2.5

Трагедия "Никомед" была поставлена в конце 1650 г. или в начале 1651 г. в театре "Бургундский отель". Сюжет ее почерпнут, как свидетельствует сам Корнель, из книги римского историка II в. н. э. Юстина "Всеобщая история". В предисловии к первому изданию "Никомеда" (1651) драматург цитирует соответствующий фрагмент из книги Юстина, подчеркивая затем, что, взяв за основу несправедливое отношение царя Прусия к Никомеду, своему старшему сыну от первого брака, отошел от древнего текста, исключив убийство Никомедом отца, введя в пьесу армянскую царицу Лаодику, сместив во времени гибель знаменитого карфагенского полководца Ганнибала (247-183 гг. до н. э.), введея в пьесу версию, якобы Никомед был его учеником. В результате всех этих отступлений от истории стало возможно завершить пьесу торжеством благородства.

Среди персонажей трагедии историческими лицами являются Прусий — Прусий II (192-149 гг. до н. э.), царь небольшого малазийского государства Вифиния (образовалось в 297 г. до н. э. В 74 г. до н. э. по завещанию последнего царя Никомеда III стала римской провинцией); Фламиний (Тит Квиакций Фламиний, ок. 226-174 гг. до н. э.) — римский посланник на Востоке; Никомед — Никомед II, сын Прусия от первого брака, правивший Вифинией в 149-90 гг. до н. э. Остальные персонажи вымышленные, хотя имена их заимствованы из истории Востока.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Прусий, царь Вифинии.

Фламиний, римский посол.

Арсиноя, вторая жена Прусия.

Лаодика, царица Армении.

Никомед, старший сын Прусия от первого брака.

Аттал, сын Прусия и Арсинои.

Арасп, начальник телохранителей Прусия.

Клеона, наперсница Арсинои.

Телохранители.

Действие происходит в Никомедии.[84]

---

[84] Примечания: 1.84

Действие происходит в Никомедии. — Никомедия — столица Вифинии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Никомед, Лаодика

Лаодика

Никомед

Лаодика

Никомед

Лаодика

Никомед

Лаодика

Никомед

Лаодика

Никомед

Отрадно видеть мне, что блеск великих дел

Царить у вас в душе мне помешать не смел;

Отрадно сознавать, что войска пред-

водитель,

Увенчанный венком лавровым победитель,

Как прежде, побежден любовью и готов

Величьем озарить мой недостойный кров.

Но, сколько б всяких благ нам небо ни сулило,

Объята страхом я, теперь мне все немило:

В смущении на вас я устремляю взор,

Всем сердцем чувствуя, как вам опасен двор.

Здесь ваша мачеха главенствует над нами,

Царь, ваш отец, на все глядит ее глазами,

Ее желания законом высшим чтит,

И можете судить, чем это вам грозит.

Питать к вам ненависть, ревнуя к вашей славе,

Из-за меня вдвойне она считает вправе:

Ваш брат и сын ее недавно возвращен...

За вами, слышал я, ухаживает он.

Заложником он был у римлян, чье решенье

Теперь ему сулит достойней применение;

Он возвращен домой — дар этот означал,

Что должен римлянам быть выдан Ганнибал.[85]

И царь исполнил бы желанье их, поверьте,

Когда бы Ганнибал не принял яд и в смерти

Приюта не обрел, Рим зрелища лишив,

Которым тешили бы римлян, будь он жив.

А я, победами и славой окрыленный,

---

[85] Примечания: 1.85

Что должен римлянам быть выдан Ганнибал. — Ганнибал, одержавший блестящие победы во время 2-й Пунической войны, был ненавистен Риму. Когда в 195 г, до н. э. Рим потребовал выдачи Ганнибала, тот бежал, первоначально найдя убежище у сирийского царя Антиоха III, затем скитался по малазийским странам. Во время его пребывания в Вифинии Рим через своего посла потребовал от Прусия II его выдачи, обещая за это царю милость сената. Ганнибал, не желая попасть в руки врагов, предпочел принять яд.

Всю Каппадокию[86] *уж видел покоренной,*

Когда услышал весть, что мертв учитель мой

И тучи собрались над вашей головой.

На верных мне людей я армию оставил

И, гневом распален, сюда свой путь направил;

Серьезно отнестись прошу к моим словам:

Фламиний здесь не зря, грозит опасность вам.

Вначале Ганнибал причиной был визита,

Но мертв он, и теперь другое тут сокрыто:

Посол, скорей всего, остался потому,

Что хочет он отдать вас брату моему.

Не сомневаюсь я, что, обещанью верен,

На совесть помогать царице он наме-

---

[86] Примечания: 1.86

Каппадокия — малоазийское государство, завоевание которого Никомедом II произошло уже после смерти Прусия.

рен:

Коль ею принесен был в жертву Ганнибал,

Фламиний связан с ней и мне опасен стал.[87]

Но я не жалуюсь: Фламиний и царица

Не властны надо мной, вам нечего страшиться.

Моя любовь и честь неужто слабы так,

Что обойтись без вас я не смогу никак?

Или, сойдя с ума, я предпочту Аттала

Тому, кого венком победа увенчала,

В то время как Аттал, покинув отчий дом,

В руках у римлян стал их преданным рабом,

Чью душу робкую их слава приучила

Дрожать перед орлом и почитать эди-

---

[87] Примечания: 1.87

Фламиний связан с ней и мне опасен стал. — Корнель приписывает жене Прусия Арсиное решающую роль не только в семейном кругу, но и в политических вопросах. Древние историки пишут о том, что Прусий раболепствовал перед Римом настолько, что однажды принял посланников Рима в одежде раба, только что выпущенного на волю.

ла?[88]

Мне лучше умереть, чем, ревностью горя,

В столь низких чувствах вас подозревать, но я

Не вашей слабости страшусь, а принужденья:

Рим не отступится от своего решенья.

Царица я! Ни Рим, ни ваш отец о том

Не смеют забывать! Вошла я в этот дом,

Где юности моей царь Прусий покровитель

Лишь потому, что так мой повелел родитель.

Меня он отдал вам, и только мне одной

Дано, коль захочу, избрать удел иной.

С наследником царя могла лишь согласиться

---

[88] Примечания: 1.88

Дрожать перед орлом и почитать эдила? — Орлица — символ Римского государства. Эдилы — члены римской магистратуры, чьими обязанностями могли быть охрана порядка, снабжение провиантом, общественные игры.

Соединить судьбу Армении царица,

И знайте: не к лицу унизиться ей так,

Чтоб с подданным его согласье дать на брак.

Волнуетесь вы зря.

Волнуюсь не напрасно.

Как уберечь мне вас от женщины опасной?

Она здесь может все и, веря в произвол,

Захочет возвести Аттала на престол.

Для мачехи моей нет ничего святого:

Был предан Ганнибал — предать и вас готова,

Забыла, что закон гостеприимства свят,[89] —

Начнет и вас терзать, не ведая преград.

Но, раз подобное она свершить посмела,

Что ей закон родства? Коварству нет предела.

---

[89] Примечания: 1.89

Забыла, что закон гостеприимства свят... — Гостеприимство у древних считалось священным, находящимся под покровительством Зевса.

Удара ваш приезд, увы, не отвратит:

Сперва падет на вас, потом меня сразит;

Преступным будет он, и станете вы скоро

Здесь первой жертвою, ведь вы — моя опора!

Коль скоро не смогли меня поколебать,

Сын с матерью решат вас у меня отнять;

Но чтоб их происков могла я не страшиться,

Пусть вас боится царь и вместе с ним царица;

Вернитесь в армию, чтоб знали все вокруг:

Готовы защитить меня сто тысяч рук;

Держитесь вдалеке и обладайте силой!

А здесь вы пленник их и пасынок постылый,

Для вашей доблести здесь примененья нет,

Вам не поможет блеск одержанных

побед

И то, что славою покрыто ваше имя:

У вас лишь две руки, здесь вы равны с другими.

Пусть раньше целый мир испытывал к вам страх, —

Вступая во дворец, вы у царя в руках.

Я повторяю вновь: к войскам своим вернитесь,

И сразу вспомнит двор, какой вы грозный витязь;

Пусть он боится вас! Поверьте, что тогда

Я буду твердо знать: мне не грозит беда.

Вернуться в армию? Так знайте: мать Аттала,

Чтоб устранить меня, туда убийц заслала;

Двух, в том признавшихся, велел я взять с собой,

Мне уличить ее назначено судьбой.

А царь, хоть ей он муж, отцом мне

остается,

И если от меня он все же отвернется,

Три скипетра, что я сложил к его ногам,[90]

Ему напомнят то, о чем забыл он сам.

Коль скоро стережет меня погибель всюду,

Коль скоро в армии и при дворе я буду

Равно опасности подвержен, то к чему

Мне уезжать от вас? Я смерть и здесь приму.

Нет! Больше докучать не буду вам словами!

Коль надо погибать, погибну вместе с вами.

Но доблестью своей вооружимся мы,

И будет страх томить их души и умы.

Народ здесь любит вас, к ним ненависть питает,

А кто царит в сердцах, тот силой об-

---

[90] Примечания: 1.90

Три скипетра, что я сложил к его ногам... — Никомед имеет в виду расположенные к юго-востоку от Вифинии государства Галакия, Понт и Каппадокию.

ладает...

Сюда ваш брат идет.

Со мной он не знаком,

И, кто я, пусть Аттал не ведает о том.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Аттал

Аттал (Лаодике)

Лаодика

Аттал

Лаодика

Аттал

Лаодика

Аттал

Лаодика

Аттал

Никомед

Аттал

Лаодика

Аттал

Лаодика

Аттал

Лаодика

Аттал

Никомед

Аттал

Никомед

Аттал (Лаодике)

Никомед

Аттал (Лаодике)

Лаодика

Аттал

Лаодика

Аттал

Никомед

Аттал

Никомед

Аттал

Никомед

Аттал

Лаодика

(Уходит.)

Зачем у вас всегда вид этот непреклонный?

Смогу ль перехватить я взгляд ваш благосклонный,

Тот взгляд, что строгости лишен и без конца

Способен волновать и покорять сердца?

Коль вид неподходящ, чтоб ваше покорилось,

Другому сердцу мне явить придется милость.

Не покоряйте то, что вам принадлежит.

Тогда вам ни к чему приветливый мой вид.

Приняв его хоть раз, ему не измените.

К чему приветливость? Ее себе возьмите.

Не уважают то, что не хотят хранить.

Я уважаю вас и не хочу хитрить:

Нельзя пускаться нам на хитрость и измену.

Мне ваше сердце взять? Куда его я дену!

Ведь место занято, и я уж столько раз

Об этом речь вела, что снова слушать вас

Мне не хотелось бы: все это утомляет.

Как повезло тому, кто место занимает!

И счастлив тот, кто в спор посмеет с ним вступить,

Чтоб вытеснить его и место захватить.

Но это стоило бы крови и страданья:

Умеет он хранить свои завоеванья;

Среди его врагов такого не сыскать,

Кто, крепость сдав ему, ее бы взял опять.

Возможно, это так. Одну из них, однако,
Ему придется сдать, хоть храбрый он вояка.

Вы заблуждаетесь.

Желает царь того.

Должны быть здравыми желания его.

А кто посмеет здесь с царем не согласиться?

Ну что ж, отвечу вам: он царь, а я царица,
И, на каком бы мы ни встретились пути,
Ко мне лишь с просьбою он может подойти.

Особам царственным, живущим в царстве этом,
Ни просьбою его, ни дружеским советом
Нельзя пренебрегать... Но коль вы глухи

к ним,

О том же скажет вам меня вскормивший Рим.

Рим, говорите?

Да! Вас это удивляет?

Мне боязно за вас: а если Рим узнает,

Каким желаньем вы объяты, что тогда?

Не помощь от него придет к вам, а беда.

Он оскорбится тем, что рук его творенье

Пятнает честь его без всякого смущенья,

И званья громкого лишит вас в миг один,

Вам объявив, что вы не римский гражданин;

Он не позволит вам бесчестить званье это,

Царицу полюбив, хотя и без ответа.

Или забыли вы, что римлянин любой

Превыше всех царей? Иль, возвратясь домой,

Вы все заветы их забвению предали,

О коих столько лет вам в Риме толковали?

Нет, к прежней гордости вернуться надо вам!

Достойны будьте тех, кто страх внушает нам;

Вы, право, не могли так низко опуститься,

Чтоб вам внушила страсть армянская царица,

Когда могли бы вы, гоня сомненья прочь,

Дочь претора любить[91] *или трибуна дочь.*

Рим разрешает вам такое увлеченье,

Не помешает вам теперь происхожденье

Из рода царского: усыновил вас Рим,

---

[91] Примечания: 1.91

Дочь претора любить... — Претор — в Древнем Риме высшее должностное лицо, заместитель консула главным образом в деле охраны внутреннего порядка.

И можно волю дать желаниям своим.

Разбейте же в куски, порвите эти цепи!

Царицу полюбить? Что может быть нелепей!

Царицы для царей, а вас другое ждет:

Куда достойнее вам уготован плод!

Коль ваш он человек, молчать ему велите:

Столь дерзким на язык не место в вашей свите!

Я сдерживал свой гнев, чтоб увидать предел

Той дерзости, с какой здесь говорить он смел.

Но если продолжать он в том же духе станет,

Гнев пышно расцветет, а сдержанность увянет.

Коль правду говорю, неважно, — кто я сам,

Одна лишь истина вес придает словам;

Я призываю вас быть этому судьею.

Вы римский гражданин. Столь дорогой

ценою

Оплачен титул сей царицей и царем,

Что было бы грешно вам забывать о нем.

Они, сочтя его достойней всех и краше,

Лишились радости лелеять детство ваше:

Четырехлетним вас они послали в Рим.

Так рассудите же, приятно ль будет им

Узнать, что сам теперь готов их сын лишиться

Почета высшего; что некая царица

Величья римского ему куда милей...

Прошу, ответьте мне: из ваших он людей?

И если это так, отдайте приказанье,

Чтоб удалился он или хранил молчанье!

Как с римлянином вел он с вами речь, а я

Хочу поговорить как с отпрыском ца-

ря.

Сын государя вы, и потому над вами

Главенствует ваш брат он старше вас годами,

Питайте же к нему почтение и страх:

Единокровны вы, но не равны в правах.

В его отсутствие, хоть это вам по нраву,

Не похищайте то, что лишь ему по праву

Должно принадлежать.

Коль речь идет о вас,

Скажите слово — все изменится тотчас.

Хоть из-за возраста я в худшем положенье,

Вы вмиг исправите слепой судьбы решенье.

Ему, как сын царя, я должен уступить?

Как римлянину мне позвольте говорить.

Да! Я один из них, и призван небесами

Без господина жить, повелевать царя-

ми,

И цель моей любви — над братом торжество,

Затем, что это стыд — быть подданным его.

Я поняла: влечет вас царская корона,

С такой же силою, как и моя персона.

Но и короною моей и мной самой

Дано владеть тому, кто избран был судьбой

Царем над вами стать... Будь здесь он, вы, возможно,

Не говорили б так о нем неосторожно.

Увидеть бы его! Ведь мой любовный пыл...

В его присутствии наверняка б остыл.

Обуревает вас опасное желанье:

Будь здесь он — может вас постигнуть наказанье.

Какая дерзость! В нем почтительности нет.

Для вас она нужней.

Неслыханный ответ!

Или не знаешь ты, кто я?

Скажу вам честно:

В том преимущество мое, что мне известно,

С кем говорю, а вам меня откуда знать?

И если кто кого обязан почитать...

Как в ярость не прийти? Да кто же он, скажите!

У вашей матери об этом вы спросите.

Она сюда идет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Никомед, Аттал, Арсиноя, Клеона

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Аттал

Никомед

Аттал

Никомед

(Уходит.)

Осмелюсь вас просить
Сказать, кто я такой, чтоб сына просветить.
Из-за неведенья он сердится и злится,
А это ни к чему: злость искажает ли-

ца
И портит кровь.

Выздесь? Вернулись вы домой?

Да; не ошиблись вы. И Метробат со мной.

Предатель Метробат?

Но ничего худого
Он не сказал о вас, не проронил ни слова.

Но что заставило вас возвратиться вдруг?
А ваша армия?

Помощник мой и друг
С делами справится. А путь сюда направил
Я потому, что здесь учителя оставил
И ту, кого люблю. Учитель мой угас,
Спасу хотя б ее от Рима... и от вас,

Вот почему вы здесь?

Да! И, по всем приметам,
Вы не откажетесь мне услужить при

этом.

Я постараюсь вам услугу оказать.

И волю добрую проявите опять.

Лишь пожелал бы царь, мы все дела устроим.

Вы милость оказать хотите нам обоим?

Могу заверить вас: я помню обо всем.

Ваш ум известен мне, не сомневаюсь в нем.

Так, значит, пред собой я вижу Никомеда?

Да, это надо мной вам грезилась победа.

Простите! Видя вас впервые, я не знал...

Принц! Я достойного соперника искал.

Решили крепость, взять — так честно и умело

Вам надобно вести задуманное дело;

Коль скоро не ищу поддержки я ни в

ком,

Не угрожайте мне ни Римом, ни царем;

Вести со мной борьбу должны вы по закону;

Смотря с почтением на царскую корону,

Должны вы действовать! А я готов забыть,

Что старше вас, что мне царем над вами быть,

И мы тогда сравним, как уж не раз бывало,

Науку римскую с наукой Ганнибала.

Прощайте! О словах подумайте моих.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Аттал, Арсиноя, Клеона

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Как? Извинился ты? Чтоб гнев его утих?

Он с толку сбил меня! Приездом столь нежданным
Наносит он удар моим и вашим планам.

Нет, он в моих руках: не причинит нам зла.
Скорее приведи мне римского посла.
Без свиты пусть придет. А я твоей судьбою
Сама распоряжусь, коль я чего-то стою.

Но если должен я...

Иди, не возражай.
Кто сеет вовремя, тому и урожай.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Арсиноя, Клеона

Клеона

Арсиноя

Клеона

Арсиноя

Клеона

Арсиноя

Клеона

Арсиноя

Клеона

Что вы затеяли, не знает он, царица!

А если будет знать, то может устрашиться:

Судя о чести так, как судит гордый Рим,[92]

Он может помешать усилиям моим

И не поймет, что зло оправдано зако-

---

[92] Примечания: 1.92

Судя о чести так, как судит гордый Рим... — Корнель последовательно проводит грань между Римом "идеальным" и его реальной политикой.

ном,

Когда, его свершив, овладевают троном.

Я думала, что Рим не так уж справедлив,

Иначе Ганнибал, пожалуй, был бы жив.

В несправедливости винишь ты Рим напрасно:

Один лишь римлянин замешан здесь; причастна

Была и я к тому, что умер Ганнибал;

А Рим ему дожить свой век спокойно б дал.

Когда б у их врага от римлян он укрылся,

Рим с этим никогда легко б не примирился;

Но если, прошлого страшась, он настоял,

Чтоб Антиох ему от крова отказал,

То у союзного царя на попеченье

Был связан Ганнибал, и Рим забыл о мщенье.

Но не забыл о том Фламиний:[93] *смерть отца*

Он оскорблением считал и без конца

О мести помышлял: в бою при Тразимене,

Где Рим ужасное постигло пораженье,

Отца Фламиния, что полководцем был,

В пылу сражения сам Ганнибал убил.

Так оскорбленный сын, пылая жаждой мести,

Решил, что действовать со мною надо вместе,

И, чтобы выдали ему врага его,

Из Рима он вернул мне сына моего.

Тогда со слов моих известно стало в Риме:

Опасен Никомед победами своими;

Захваты в Азии, что велики и так,

---

[93] Примечания: 1.93

Но не забыл о том Фламиний... — Корнель, смещая исторические факты, приписывает Ганнибалу убийство отца Фламиния. Действительно, консул Фламиний был убит в битве при Тразимене (217 г. до н. э.), в которой Ганнибал одержал блестящую победу над римлянами. Но этот Фламиний не был родственником римского посла при Прусии II, и нет никаких сведений о том, что именно Ганнибал убил консула.

Он приумножит вновь, вступив с царицей в брак.

Сенат, почувствовав опасность появленья

И царства, мощного, и сильного правленья,

Фламиния послал, чтоб этот брак сорвать

И дерзким замыслам тем самым помешать.

У Рима нет иных намерений и цели.

И вот влюбленным стать Атталу повелели.

Но у него, увы, теперь надежды нет:

К своей возлюбленной вернулся Никомед.

Злить победителя, что войско возглавляет,

Опасно было бы: куда ни пожелает,

Он поведет солдат; решила я тогда,

От войска оторвав, завлечь его сюда.

Мне Метробат помог: являя страх притворный,

Притворно выдал вдруг он замысел мой черный,

Что, мол, убить его он получил приказ.

И что же? Никомед не с войском, а у нас.

Он с жалобой к царю является, взывая

О справедливости, но жалоба такая

Лишь повредит ему, на пользу мне идя,

Хоть и не думаю оправдываться я.

Когда мы встретились, губу я закусила,

Я, изменясь в лице, испуг изобразила.

Решил он, что меня изобличить он смог,

Не зная, кто и как сюда его завлек.

Все сделает Аттал, что хочет Рим великий.

Но сможет покорить он сердце Лаодики?

И пусть не покорит! Он действует не зря:

Все это ослепит и римлян и царя.

Но трон Армении не нужен мне, Клео-

на,

Лишь здесь, в Вифинии, я домогаюсь трона.

Когда он будет наш, пусть Лаодика в брак

С тем, кто ей по душе, вступает, я никак

Не стану ей мешать, зато теперь упорно

Мешаю ей во всем: пусть будет непокорной!

Царь, от которого Фламиний дела ждет,

Из страха Рим задеть ей угрожать начнет,

А старший сын его, всем этим возмущенный,

С отцом затеет спор, как истинный влюбленный.

Горяч и резок он, таков же и отец,

Чью злобу распалив, смогу я наконец

Увидеть, как удар падет на Никомеда:

Ему спасенья нет, близка моя победа.

Но мне пора идти, Фламиний ждет меня.

Не говори ни с кем, в душе своей храня

То, что доверила тебе твоя царица.

На преданность мою вам можно положиться.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Арасп

Прусий

Арасп

Прусий

Арасп

Прусий

Арасп

Прусий

Арасп

Прусий

Арасп

Как смел явиться он, нарушив мой приказ!

Пусть это, государь, не беспокоит вас,
Коль скоро честь его является залогом
Тому, что он не даст вам повода к тре-

вогам.

Не будь он Никомед, приезд его сюда

Счесть подозрительным могли бы вы тогда,

В такой внезапности узреть неуваженье,

Заметить тайного расчета отраженье.

Я замечаю все: стал дерзок Никомед,

Он покушается на мой авторитет,

Считая, что должны его завоеванья

Дать больше прав ему, чем все чины и званья,

Что больше для него нет никаких препон,

Коль скоро он герой и сам себе закон.

Ему подобные так действуют обычно,

Приказам следовать им как бы неприлично:

Своею славою они опьянены,

И, так как в армии им все подчинены,

Повелевать они настолько привыкают,

Что власть верховную почти не замечают.

Скажи уж все, Арасп, или добавлю сам,

Что подданными быть для них великий срам,

Что если царский трон назначен им с рожденья,

То ждут они его, дрожа от нетерпенья,

Считая, что отец расстаться не спешит

С добром, которое отдать им надлежит.

Еще добавлю я, что порождает это

В народе гул глухой, а при дворе наветы;

Что если не порвут чреду печальных дней

Того, кто царствует, то в дерзости своей,

Надевшей на себя личину послушанья,

Всю власть себе возьмут, ему оставив званье.

Когда б о ком другом сейчас вели мы речь,

То надо было бы все это вам пресечь,

Но здесь такой совет, пожалуй, неуместен:

Хороший вы отец, а принц отменно честен.

Будь я другим отцом, он был бы обвинен!

Любви родительской обязан многим он.

Ему она одна находит оправданье

И, может быть, несет мне горе и страданье.

Боюсь, что честь его, столь твердая на вид,

Пред честолюбием его не устоит,

И память о былом он в сторону отложит.

Кому наскучил царь, отец наскучить может!

Кровавых тысячи тому примеров есть:

Смолкал природы глас и умолкала

честь,

Когда желание достигнуть высшей власти,

Неодолимым став, все подавляло страсти.

Не слишком много ли побед он одержал?

Мощь укрепив мою, сам всемогущим стал;

Теперь он подданный, когда того желает;

Я только царствую, а он повелевает.

Хоть в доблести ему не отказать никак,

Не хочешь видеть тех, кому обязан так

И чьи деяния не могут быть забыты;

Его присутствие как бы упрек мне скрытый,

Напоминание безмолвное о том,

Что я не просто царь, а трижды стал царем

Благодаря ему и что, наследник трона,

Он втрое больше дал, чем даст ему корона.

Все это тяготит меня, и тайный гнет,

Чья тяжесть от побед одержанных растет,

Меня докучными виденьями тревожит:

Кто столько мог мне дать, отнять все это может,

Коль может совершить все, что захочет он.

Так посуди, Арасп, надежен ли мой трон.

Будь это кто другой, то стоило бы, право,

Прибегнуть к тактике проверенной и здравой,

Как только подданный большую власть забрал,

Уж не безвинен он, хоть зла не совершал;

А кто опасен стал для нашего правленья,

Тот государственный преступник, без сомненья

И надобно его разумно отвратить

От зла, которое он мог бы совершить,

Тем самым дав ему избегнуть худшей кары.

Предотвратить удар — прием довольно старый.

Но слишком честен принц, чтобы прельститься злом.

Он не погубит вас...

А где порука в том?

И где гарантия, что гнев свой на Аттала

Вдруг не обрушит он? Что в смерти Ганнибала

Не станет нас винить и не захочет мстить?

Нет, не дадим себя надежде обольстить:

Он жаждет мщения, есть у него и сила,

Он восходящее и яркое светило,

Которое в моей стране боготворят.

Бог для народа он, бог для своих солдат;

Одни ему верны, в других дурные страсти

Он станет разжигать, чтобы остаток власти

Похитить у меня... И все же помню я;

Не так еще она бессильна, власть моя!

Мне надо действовать хитро и осторожно.

Суровость применить, но с мягкостью возможной,

В изгнание его отправить, но притом

С почетом должен он покинуть отчий дом.

А если будет он судьбою недоволен

И вздумает роптать, то поступать я волен,

Как совесть мне велит, когда грозит беда...

Идет он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Вот и вы! Что привело сюда?

Желанье самому к родительскому трону
С почтеньем положить еще одну корону,
Желанье вас обнять и видеть, как в ответ

Вы мне даруете и ласку и привет.

Вся Каппадокия, все царства Понта стали

Отныне вашими и как бы право дали

Мне поспешить сюда, чтоб вас благодарить

За вашу доброту, за то, что вам служить

Вы мне позволили и царственной рукою

Своею славою вы делитесь со мною.

Объятья ни к чему, и вы могли б вполне

В посланье выразить всю благодарность мне;

И было ни к чему проступками своими,

Победу одержав, свое позорить имя;

Но если армию покинул генерал,

То преступлением я это бы назвал,

И если бы не вы предстали предо мною,

Он заплатил бы мне своею головою.

Виновен, признаюсь: порыв так пылок был,

Что разум мой не мог умерить этот пыл;

Сыновняя любовь была тому виною,

Что воинский мой долг сегодня попран мною.

Но если б тот порыв, вняв разуму, угас,

Лишился бы тогда я счастья видеть вас;

И вот я предпочел за столь большое счастье

Виною заплатить, простительной отчасти,

В надежде, что судьей над нею будет вновь

Такая ж пылкая отцовская любовь.

Отцу достаточно малейшего предлога,

Чтобы виновного судить не слишком строго.

Вы были лучшею опорой мне, и ждет

Вас ныне при дворе особенный почет;

Я римского посла сегодня принимаю,

И пусть увидит он, как вам я доверяю:

Принц! Выслушав его, ответьте за меня —

Ведь настоящий царь теперь уже не я.

Я только тень царя; одну лишь эту малость —

Почетный титул мой — оставила мне старость,

Теперь не мне, а вам у мира на глазах

О государственных заботиться делах.

Окажут почести сегодня вам, но знайте:

На вас лежит вина, о ней не забывайте,

Верховной власти вред был ею причинен;

Вернитесь же к войскам — вред будет устранен.

Придайте прежний блеск самодержавной власти;

Она утратит смысл, разъятая на части;

Но как нетронутой была мне вручена,

Такой же пусть и вам достанется она.

Народ глядит на вас, готов на вас мо-

литься,

Но, с вас беря пример, он вам не подчинится.

Пример ему другой вам надлежит подать:

Пока вы подданный, покорность мне являть.

Я повинуюсь вам, но пусть повиновенье

Получит, государь, от вас вознаграждение:

В Армении давно царицу ждут свою,

Всех, преграждавших путь, разбили мы в бою;

Коль скоро наш эскорт отправят с нею вместе,

Ее сопровождать я домогаюсь чести.

Что ж, домогаетесь вы этого не зря:

В эскорте должен быть сам царь иль сын царя.

Но, отправляя в путь царицу, мы при этом

Решили действовать в согласье с этикетом

И подготовить все как следует, а вам
Покуда предстоит отправиться к войскам.

Она хотела бы без лишних церемоний...

Нет! Это причинит ущерб ее короне,
Но вот идет посол, готовьтесь к встрече с ним,
А об отъезде мы потом поговорим.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Фламиний

Фламиний

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Фламиний

Никомед

Фламиний

Никомед

Прусий

Никомед

Фламиний

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий (Фламинию)

Никомед

Фламиний

Никомед

Фламиний

(Прусию)

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

(Уходит.)

Рим, перед тем как мне в обратный путь пуститься,

Велел еще с одной к вам просьбой обратиться.

Ваш сын воспитывался в Риме двадцать лет[94]

И так воспитан был, что ныне просто нет

Другого, кто бы мог с ним выдержать сравненье:

Он царства вашего оплот и украшенье.

Но был особенно обучен он тому,

Как управлять людьми, как царствовать ему;

---

[94] Примечания: 1.94

Ваш сын воспитывался в Риме двадцать лет... — Согласно римскому историку Аппиану, именно Никомед был послан Прусием в Рим.

И если цените вы воспитанье это,

То кто ж наследник ваш? Рим ждет от вас ответа.

Ему вручите власть! Рим будет оскорблен,

Коль чьим-то подданным до гроба будет он.

Все сделайте, чтоб мог я доложить сенату,

Что трон ваш перейдет к Атталу, а не к брату.

Неблагодарностью я Риму б отплатил,

Когда б его забот о сыне не ценил;

В ответ на вашу речь скажу, что, без сомненья,

Достоин он держать в руках бразды правленья.

Но у него есть брат, его перед собой

Сейчас вы видите, он доблестной рукой

Мне трижды добывал в сражениях корону,

И, дабы честь его не понесла урону,

Ответить за меня ему я приказал.

Зависит лишь от вас, чтоб стал царем Аттал.

Вас только одного касается все это.

Нет, более всего здесь ваша честь задета.

Во что вмешался Рим? Кому права даны

При вас, живом царе, решать судьбу страны?

Живите, царствуйте до гробового свода,

А после пусть решит иль Рим, или природа?

Чтоб угодить друзьям, усилия не в счет.

Кто делит с вами власть, тот вашей смерти ждет.

Подобные друзья, коль их желаньям вторить...

Не вздумайте меня с Республикой поссорить!

Должны с почтением вы говорить о ней.

Смотря как чтит она союзных ей царей?

Я сына вашего, что в дар вам прислан Римом,

Назад отправил бы, к учителям любимым:

Коль овладел он так наукой управлять,

Свое сокровище не должен Рим терять,

Пусть для себя хранит столь редкую натуру,

Чтоб консулом он стал иль получил квестуру.[95]

Скажу вам, государь: он хорошо им внял —

Урокам, что ему преподал Ганнибал,

Коварный этот враг, хуля величье Рима,

Посеял ненависть в душе его незримо.

---

[95] Примечания: 1.95

...иль получил квестуру. — Квесторы — должностные лица в Древнем Риме, основной функцией которых было заведование государственной казной.

Учил другому он. И помню я всегда:

Рим надо уважать, бояться ж — никогда.

Учеником его считаюсь я по праву

И если вздумали его порочить славу,

То в скором будущем и я могу спросить:

Кто вынудил его смертельный яд испить?

И чей отец, вступив в сраженье с ним когда-то,

Разбит был, к ужасу народа и сената?

Он оскорбил меня!

А мертвых оскорблять?

Что говорил я вам, забыли вы опять!

Он просьбу высказал, ответьте же на это.

Ну что ж! Как видно, ждут другого здесь ответа.

Царем Атталу быть — так Римом решено;

Повсюду и за всех решать ему дано,

И следовать должны цари его приказам.

Велик Аттала дух, велик Аттала разум,

И должен царствовать поэтому Аттал.

Но Риму на слово я верить бы не стал:

Аттала по делам судить бы мы хотели,

На что способен он, велик ли в самом деле.

Ему дать армию вам надо, чтоб узнать,

Сумеет ли, как я, он столько царств вам дать.

На поле битвы пусть царит он для начала,

Чтобы победа там его короновала.

Готов я помогать ему без лишних слов

И под командою его служить готов;

Пример мне подал Рим: ведь Сципион

когда-то,[96]

Уже прославившись, был под началом брата;

Хоть старший по годам, командовал не он

В бою, где потерял царь Антиох свой трон...[97]

К эгейским берегам мы можем устремиться,

И ждет нас Гелеспонт[98] *и Азии граница —*

Вот где докажет брат, что он непобедим.

Все, что назвали вы, взял под защиту Рим.

Туда вам нет пути, не ждите там по-

---

[96] Примечания: 1.96

...ведь Сципион когда-то... — Публий Корнелий Сципион Старший по прозванию Африканский (235-133 гг. до н. э.), знаменитый полководец, во время сирийской войны (190 г. до н. э.) был при своем брате Сципионе Азиатском легатом.

[97] Примечания: 1.97

В бою, где потерял царь Антиох свой трон... — Сирийский царь Антиох III (223-187 гг. до н. э.) потерпел поражение в бою с римлянами при Магнесии (190 г. до н. э.).

[98] Примечания: 1.98

Гелеспонт — древнее название Дарданелл.

беды,

Иначе страшные вам угрожают беды.

Решать не мне — царю. Но если день придет,

Когда приказывать настанет мой черед,

Посмотрим мы, чего угрозы эти стоят.

Пусть римляне тогда там укрепленья строят

И плану моему препятствия чинят,

Пусть предусмотрят все, пусть наберут солдат,

И пусть Фламиний сам возглавит их, но все же

Мы озеро найдем, что с Тразименским схоже.

Вы доброй волею моей пренебрегли!

Здесь оскорблен посол, с которым бы могли

Вы быть почтительны. Но если вы хотите...

Позвольте говорить или молчать ве-

лите.

Иначе я не мог ответить за царя,

Чью попирают власть, о дружбе говоря.

Я тоже оскорблен подобными словами.

Умерьте этот пыл, столь овладевший вами.

Смотреть, как мне во всем препятствия чинят,

Как государство вам расширить не велят,

Как угрожают вам, и на угрозу эту

Спокойно промолчать и не призвать к ответу?

Так что ж, благодарить того, кто вам во вред

Не разрешает мне одерживать побед?

Простите молодость за резкость выражений —

Лишь разум и года исправят положенье.

Давно мой разум снял повязку с глаз

моих,

А времени дано лишь сделать зорче их.

Когда б я жил, как брат, приехавший из Рима

И чьи достоинства столь призрачны и мнимы

(Коль скоро их плодов не видим мы совсем,

А восхищение, питаемое к тем,

Чья слава велика, чью доблесть уважают,

Не стоит многого, коль им не подражают), —

Так вот когда бы я спокойно жил, как он,

Когда он в Риме жил и чтил его закон,

Оставил бы мне Рим Вифинию такою,

Какой была она, пока своей рукою

Не стал ее границ я силой расширять.

Теперь сенат решил иное предпринять:

Поскольку видит он, что наше государство

Объединить смогло три побежденных

царства,

Разъединить их вновь решает втайне Рим.[99]

И вот поэтому стать подданным моим

Не может младший брат: достоинств в нем так много!

Он с Александром схож! На трон ему дорога!

Я должен уступить ему свои права,

Коль дороги еще мне жизнь и голова.

Да! Блеск моих побед и войск моих геройство

У римлян вызвали и гнев и беспокойство;

Вам, государь, легко вернуть им их покой,

Вернуть немедленно... Но не моей рукой.

Наставник мой и друг, с кем памятна мне близость,

---

[99] Примечания: 1.99

Разъединить их вновь решает втайне Рим. — Девиз политики Рима: "Разделяй и властвуй".

Мне не преподал то, чему названье — низость.

Я вижу, что для вас имеет больший вес —

Не государства честь, а личный интерес.

Дела, которые отважно вы вершили,

Для вашего отца не так уж нужны были,

Затем что, подвиги и славу возлюбя,

Искали вы побед для одного себя;

Величье, коим трон отныне обладает,

На одного лишь вас свой блеск распространяет.

У римлян все не так: хоть слава им мила,

Не для себя они вершат свои дела;

И если повели вы речь о Сципионе,

То он не помышлял о карфагенском

троне[100]

И был за подвиг свой, за все, что сделал он,

Лишь звучным прозвищем и славой награжден.

Таких, как он людей мы видим только в Риме,

Они в других краях рождаются другими.

А ваша мысль о том, что нам внушает страх

Наличье нескольких корон у вас в руках,

Хотя и кажется глубокою, но, право,

Ее отвергнут те, кто рассуждает здраво.

В присутствии царя о прочем умолчу.

Подумайте о том, что я сказать хочу.

Пусть ваш военный пыл дает поменьше дыма,

---

[100] Примечания: 1.100

То он не помышлял о карфагенском троне... — Сципион, одержав ряд побед над Карфагеном во время 2-й Пунической войны и нанеся решительное поражение республике в битве при Заме (202 г. до н. э.), не претендовал на то, чтобы стать ее правителем, а заключил унизительный для нее мир, нанесший удар ее военной мощи.

Чтоб истина была яснее вами зрима.

Я думаю, не вы, а время даст ответ,

Верна ли мысль моя, иль это просто бред.

Но если...

Если вы охвачены желаньем

Дать пищу новую своим завоеваньям,

Не ставим мы преград. Но можно ведь и нам

Ждать от друзей услуг и помогать друзьям,

О чем приходится в известность вас поставить,

Коль не туда свой путь решили вы направить.

Но знайте: отнимать у вас мы не хотим

Все то, что вы в душе считаете своим.

Понт с Каппадокией, галатские владенья.

Как и Вифиния, — все это, без сомненья,

Лишь вам достанется, и вам теперь судить,

Хотим ли мы на трон Аттала посадить.

И так как царств раздел для вас подобен смерти,

То Рим и этого не сделает, поверьте

Но, вас не потеснив, царем наш станет друг.

Одной царице здесь необходим супруг,

И только стоит вам всерьез распорядиться,

С Атталом вступит в брак армянская царица.

Как я могу судить, все клонится к тому,

Чтоб, не задев меня, дать царство и ему.

Столь деликатное задумали вы дело,

Что действовать должны и ловко и умело.

Но вот вам мой совет: уловки приберечь

Старайтесь для других; забыли вы, что речь

Здесь не о подданной идет, а о царице,

И на ее права не дам я покуситься.

На царственных особ мы испокон веков

Не предъявляли прав, им предоставив кров,

И Лаодику вы оставите в покое.

Не скажете ль послу вы что-нибудь другое?

Нет! Но одно понять могла б Аттала мать:

Не надо ей меня на крайности толкать.

Что, дерзкий, можете вы сделать ей дурного?

Иль что-нибудь сказать, иль не сказать ни слова.

И больше ничего. Но вас прошу опять:

Царицу подданной своею не считать.[101]

Я очень вас прошу.

---

[101] Примечания: 1.101

Царицу подданной своею не считать. — Армения входила в состав государства Селевкидов до 190 г. до н. э.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Прусий, Арасп, Фламиний

Фламиний

Прусий

Фламиний

Прусий

Ну вот, опять преграда!

А от влюбленного иного ждать не надо.

Гордец успехами своими опьянен

И думает, что нам здесь помешает он.

Любовь двух царственных особ не означает,

Что вступят в брак они: судьба не так решает.

И государственных соображений груз

Потушит пламя их, разрушит их союз.

Неуправляемы бывают чувства эти.

Нет, за армянскую царицу я в ответе!

Однако сан ее потребует от нас

Блюсти приличия: хотя она сейчас

Во власти у меня, но будет приказанье

Как просьба выглядеть. Как наше пожеланье.

Вы, будучи послом, должны ей предложить

Незамедлительно с Атталом в брак вступить;

Я проведу вас к ней, все сложится прекрасно,

Она у нас в руках, любовь нам не опасна.

Пойдем, чтоб выслушать, что скажут нам в ответ,

И переменим тон, услышав слово "нет".

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Фламиний, Лаодика

Прусий

Лаодика

Прусий

Лаодика

Прусий

Лаодика

Прусий

Лаодика

Прусий

Лаодика

Прусий

(Уходит.)

Коль царский титул вас настолько привлекает,
Потеря оного вас, видимо, пугает:

Недолго царствует, кто лишь по виду царь.

Я с вашим мнением согласна, государь.

Когда взойду на трон, то постараюсь, право,

Всегда политики придерживаться, здравой.

Но плохо начат путь, что к трону вас ведет.

Совет ваш выслушав, исправлю свой просчет.

Не отвергайте Рим, не презирайте власти

Царя, что вам отца здесь заменил отчасти.

Двойной упрек в лицо не бросили б вы мне,

Когда бы царский долг вам ясен был вполне.

Ну можно ли посла принять мне как царице?

Я не в своей стране и не в своей столи-

це,

И это значило б, что, вам желая зла,

Престижу вашему ущерб я нанесла.

Нет, государь, посла вы привели напрасно:

Я лишь в Армении принять его согласна,

Где, сев на царский трон, по праву бы могла

Я Риму честь воздать в лице его посла.

Коль так нам встретиться когда-нибудь случится,

Тогда и дать ответ смогу я как царица;

Не вижу смысла в том, чтоб тут принять его:

Я вне Армении не значу ничего.

Но мой высокий сан мне все же позволяет

Быть неподвластной тем, кто здесь повелевает,

Жить независимо, не ведая оков,

И только разум чтить и волю чтить

богов.

Но волею богов вручил мне ваш родитель

Свои права на вас: я этих прав хранитель;

И, может быть, потом вы станете верней

Судить о помыслах и разуме царей.

Ну что ж, в Армению отправьтесь, как хотели,

Я с вами армию пошлю, чтоб вы на деле

Увидели, к чему все это приведет.

Готовьтесь же узреть свой край в плену невзгод,

Готовьтесь ужасы войны узреть воочью,

Опустошение, пожары днем и ночью,

И умирающих, и смерть, и кровь из ран...

Утрачу царство я, но сохраню свой сан.

Прибегните ли вы к насилью иль к обману,

Рабыней вашей став, я подданной не стану:

Вам только жизнь моя достанется — не честь.

Мы укротим ваш нрав — ведь средств немало есть

Когда увидите однажды вы Аттала

На троне той страны, что вам принадлежала,

То станете его напрасно умолять,

Чтоб он вам руку дал, возвысил вас опять.

Да, если буду я раздавлена войною,

То станет от невзгод душа моя иною.

Но, может быть, не все свершить удастся вам:

Небезразлична же судьба моя богам!

Они удержат вас или найдут героя,

Что ваших римских войск сильнее будет втрое.

Гордец, от коего защиты ждете вы,

Погубит вас и сам лишится головы.

Решайте, как уйти вам от беды великой,

Царицею ли быть иль просто Лаодикой.

И вот вам мой совет, подумайте о нем:

Хотите царствовать, так сделайте царем

Аттала... Вот и все. Я ухожу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Фламиний, Лаодика

Фламиний

Лаодика

Фламиний

Лаодика

Фламиний

Лаодика

Фламиний

Лаодика

Фламиний

Позвольте...

Позвольте речь держать? От этого увольте!

Для вашей миссии еще не пробил час:

Я здесь, в чужой стране, не буду слушать вас.

Позвольте мне сказать, что вам грозит несчастье.

Не как посол, как друг; принявший в вас участье,

Я с вами говорю, пытаясь преградить

Вам путь к потоку бед, чью мощь не победить.

Как друг ваш искренний, вам говорю: коль скоро

Благоразумие для доблести опора,

То надобно понять, особенно в беде,

В какие времена живете вы и где.

Когда в душе царей слаба опора эта,

Их доблесть отличить не может тьмы от света;

Ослепшая, она бросается туда,

Где наихудшая случится с ней беда;

И так настойчиво от счастья убегает,

Что пожалеть себя невольно заставляет,

А после говорит, свой прерывая стон:

"Имея все права, я потеряла трон".

Гневите вы царя, чья армия отлично

Умеет воевать: ей побеждать привычно,

А здесь, в его дворце, вы у него в руках.

Не знаю, может ли служить опорой страх,

Но если вы — мой друг, скажу вам для начала:

Не так уж у меня благоразумья мало,

И, не стремясь узнать, в какой печальный час

Судить о доблести судьба учила вас,

Заверить вас могу, что добродетель эта

Не так во мне слепа: тьму отличит от света,

Права мои на трон сумеет отстоять

И оттолкнет того, кто станет ей

мешать.

Да, вижу армию я в зоне пограничной,

И, как сказали вы, ей побеждать привычно,

Но во главе ее кого поставит царь?

Такая армия, как уж случалось встарь,

Не сможет победить — царю нужна другая,

Чтоб вторгнуться в мой край, все на пути сметая.

Да, я в его дворце, и я могу вполне

Отдать себе отчет, что угрожает мне;

Но даже при дворе с его непостоянством

Найдет опору честь, вступая в спор с тиранством.

К тому же и народ не слеп, и видит он,

Как попирают здесь и право и закон.

Он Никомеда чтит, он превосходно видит,

Что мачеха его всем сердцем ненавидит,

Что царь игрушкою стал у нее в руках
И что его друзья пекутся о врагах.
А я, которой вы пророчите паденье, —
Хочу избавить я Аттала от презренья,
Затем что на него он был бы обречен,
Когда бы брак со мной возвел его на трон.
Его таким, как все, тогда бы я считала,
Обычным юношей, каких у нас немало,
Не мужем — подданным считала бы своим,
С кем брачный мой союз почти невыносим.
И, взяв с меня пример, народ мой без почтенья
Взирал бы на него: какие ж огорченья
Пришлось бы испытать Атталу! Мой отказ
Его достоинство от униженья спас.

Коль это правда все, вы здесь и впрямь царица,
Должны и армия и двор на вас молить-

ся.

Царь — только видимость, не более того,

Вы лишь из жалости здесь терпите его.

О, даже ваш отказ — почти благодеянье!

Как дерзости моей найти тут оправданье?

Считайте, что не я — Рим с вами говорит,

И, коль принять посла ваш долг вам не велит, —

Считайте, что в другой я выступаю роли,

Как римлянин простой я говорю, не боле.

Я говорю: в наш век, чтоб трон свой сохранить,

Одна возможность есть — в союзе с Римом быть;

Тогда на мирный край не нападут соседи,

Не покусится враг, мечтая о победе;

И власть свою никто не потеряет вдруг,

Когда союзник он, когда он Риму друг;

Аттал не царствует, но другом назван нами,

И больше царь, чем те, кого зовут царями.

Итак...

Достаточно! Я вижу, что царям

Тогда лишь власть дана, когда угодна вам.

Но если вся земля владеньем Рима стала,

То мало сделал он для своего Аттала,

И если может Рим ему так много дать,

Зачем же за него просить и хлопотать?

Совсем не щедры вы к нему, скажу по чести:

Могли б мне предложить его с короной вместе

И с подданным простым не докучать

мне зря,

Забыв о том, что я отвергла б и царя,

Когда б явился он по вашему веленью

И, как союзник ваш, был только б вашей тенью.

Надеюсь, вы теперь могли понять вполне,

Что царь, послушный вам, совсем не нужен мне,

И, говоря со мной, могли увидеть ясно;

Угрозы ни к чему, все доводы напрасны.

Как вас не пожалеть? Ведь вы ослеплены!

Я повторяю вам: подумать вы должны,

Подумать и понять всю мощь и силу Рима;

Коль вы порвете с ним, беда непоправима!

Пред нашей волею ничто не устоит,

Разрушен Карфаген[102] *и Антиох разбит,*

Дрожит земная твердь, трепещет тьмы обитель, —

В наш век всесилен Рим: он мира повелитель!

О, в страхе перед ним могла б я ждать всего,

Не будь Армении и сердца моего,

Не будь того, кто стал по смерти Ганнибала

Его наследником, чья доблесть доказала,

Что именно ему завещан был секрет,

Как римлян побеждать и не страшиться бед.

Подобный ученик сумеет в час урочный

Им доказать, что он урок усвоил прочно;

Тому свидетельство три в Азии страны,

---

[102] Примечания: 1.102

Разрушен Карфаген... — Карфаген был полностью разрушен лишь в 146 г. до н. э., однако после 2-й Пунической войны он был ослаблен, утратил былое значение.

Три царских скипетра, что им покорены.

То пробный был удар, однако поневоле

Удара главного страшится Капитолий.[103]

И если день придет...

Тот день еще далек.

Но ежели еще вам это невдомек,

Вас люди просветят: во всех известно странах,

Что даже, победив при Требии и Каннах,

Великий Ганнибал был Римом устрашен...[104]

А вот и ученик: сюда явился он.

---

[103] Примечания: 1.103

Удара главного страшится Капитолий. — В Капитолийском храме происходили заседания римского сената и народные собрания. Здесь Капитолий отождествлен с правителями Рима.

[104] Примечания: 1.104

Великий Ганнибал был Римом устрашен... — Ганнибал, одержав блистательные победы над римскими войсками при Требии (218 г. до н. э.) и Каннах (216 г. до н. э.), не решился все же наступать на Рим.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Никомед

Никомед

Фламиний

Никомед

Фламиний

Никомед

Фламиний

Никомед

Фламиний

Никомед

Лаодика

Никомед

Фламиний

Никомед

Фламиний

(Уходит.)

Иль Рим своим послам дал слишком много власти,

Иль поручил вам то, что не по вашей части.

Что мне поручено, о том судить не вам,

А что исполнено, другим отчет я дам.

Уйдите! Смилуйтесь! И дайте речи страстной

Излиться в свой черед пред дамою, прекрасной.

Вы в сердце у нее так потеснили всех,

Имела ваша речь такой большой успех,

Что будет стоить мне весьма больших усилий

Изгнать из сердца то, чем вы его пленили.

Толкают лжедрузья ее в пучину бед.

А я из жалости решил ей дать совет.

Я вижу, что посол, исполненный усердья,

Страдает, кажется, избытком мило-

сердья.

Вам не советовал он на колени пасть?

Вы забываетесь! Вы над собою власть

Утратили!

Ничуть!

Нет, это не забава!

Достоинство посла, его святое право...

Вам званием своим не стоит нас пугать:

Тот не посол, кто стал советы подавать

И кто от своего отрекся назначенья.

Принцесса, ваш ответ он слышал?

Без сомненья.

Имейте же в виду: теперь вы для меня

Аттала адвокат, но если буду я

Сердиться, то скажу, что вы и отравитель,

И вашей жертвой стал великий мой учитель.

Коль не по вкусу то, о чем я говорю,

Без промедления пожалуйтесь царю.

И царь осудит вас, хоть он отец хороший,
Иначе Рима гнев тяжелой будет ношей.

Пред тем или другим вам на колени пасть.

Заботьтесь о себе. Посмотрим, чья тут власть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лаодика, Никомед

Никомед

Лаодика

Никомед

Лаодика

Ответ на это дать могла б ему царица.
Пришлось мне наконец молчаньем поступиться:

Довольно я щадил ее, чтоб не открыть,
Как мачеха меня задумала убить.
Теперь известно то, что я таил вначале:
Зенон и Метробат перед царем предстали,
И так как их рассказ необычаен был,
То разобраться в нем теперь он сам решил.

Не знаю, каково тут будет продолженье,
Но непонятно мне все это поведенье:
Здесь не царица ли замешана сейчас?
Чем больше следует ей опасаться вас,
Тем меньше страх ее; чем хуже обвиненье
Ей могут предъявить, тем меньше в ней смятенья.

Пытается она предупредить мой шаг,
Все приписать тому, что я ей просто враг,
И маску храбрости лишь потому надела,

Что страх ее томит и слабость одолела.

Дворцовых тайн концы так спрятаны подчас,

Что не увидит их и самый острый глаз.

Пока спасать меня сюда вы не примчались,

Был в стороне Аттал, жила я не печалясь,

А Рим не помышлял союз наш разорвать.

Едва явились вы — назад вас шлют опять,

И на глазах у вас, хоть в этом смысла мало,

Мне начинает Рим навязывать Аттала.

Я поведение такое не пойму.

Куда ни брошу взгляд, я вижу только тьму;

Мне странно, что, решив за это дело взяться,

Отъезда вашего не стали дожидаться.

Боится Рима царь, в жену свою влюблен,

И если не всегда питает зависть он

К тем ратным подвигам, что сын его свершает,

Хорошим быть отцом ему любовь мешает.

Взгляните, вот Аттал. Что надо здесь ему?

Чем озабочен он? Я, право, не пойму

Ни замыслов его, ни тайных побуждений,

Но отразить удар смогу при нападенье.

Я ухожу.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Аттал

Аттал

Лаодика

(Уходит.)

Увы, приятный разговор

Стал неприятен вам, и это мне в укор.

Приход ваш я назвать навязчивостью смею.
Мое второе "я" здесь оставляя с нею,
Могу заверить вас: ответит за меня
Достойным образом мое второе "я".

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Никомед, Аттал

Аттал

Никомед

Аттал

Никомед

Коль гонят прочь меня, то надо удалиться.

Постойте! Надо нам сперва договориться.
Принц! Отказался я от права старшинства,
Отбросил в сторону на трон мои пра-

ва,

И то, что я люблю, сам защитить желая,

Просил вас об одном: быть честным, нападая;

Особенно просил не вмешивать в наш спор

Ни римлян, ни царя. Но этот уговор

Или из памяти вы выбросить успели,

Или его совсем принять не захотели.

Не очень-то легко мне вспоминать о нем.

Коль речь о равенстве, равны мы не во всем:

С правами старшинства сейчас вы распрощались,

Но разве от любви принцессы отказались?

Заставили забыть о доблести своей,

О славе, что влечет к себе сердца людей,

О завоеванных трех царствах, о сраженьях,

Где побеждали вы, о взятых укрепленьях?

Нет! Сделайте вы так, чтобы принцессы взгляд

Равно нас оценил, в один поставив ряд;

Заставьте не смотреть ее на эту славу,

Которой вы теперь увенчаны по праву;

Заставьте позабыть о всех делах своих,

Забыть о доблести, что осеняла их;

Или не гневайтесь, коль на другую чашу

Весов, которые судьбу решают нашу,

Поддержку я кладу и Рима и царя,

Хоть мал противовес, по правде говоря.

Вы в Риме, видимо, не зря теряли время:

Изящно можете нести защиты бремя;

Порой остер ваш ум, хоть сердца нет подчас.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Арсиноя и Арасп

Арасп

Никомед

Арасп

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арасп

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Никомед

(Уходит.)

Вас призывает царь.

Меня зовет?

Да, вас.

Принц, клевету легко развеять.

Это мненье
Я разделял всегда, и ваше утвержденье
Не может ничего мне нового открыть.

Но, видимо, его сумели вы забыть,

Когда, упорствуя в решении предвзятом,

Везли издалека Зенона с Метробатом.

Все утаить хотел, но ваша в том вина,

Что их заставил я все выложить сполна.

Хотели щедростью купить вы их признанье,

Но, право, им легко нарушить обещанье ~

И больше выложить, чем было решено.

Мне жаль, но к этому стремились вы давно.

И до сих пор стремлюсь, но все-таки горюю,

Что вскоре вашу честь запятнанной узрю я,

Что будет числиться средь ваших славных дел

И дело подкупа: прекрасен ваш удел!

Мои свидетели подкупленными были?

Вы вред мне причинив, себя стыдом

покрыли.

Хотите их слова доверия лишить?

Что говорят они, готова подтвердить.

Какие ж их слова вам так пришлись по нраву?

Два слова истины! Они-то вашу славу
Возвысят до небес.

Нельзя ли их узнать?

Поторопитесь, принц, наш царь не любит ждать.

Узнать их от царя вы можете.

Все ясно!

Я, кажется, постиг ваш замысел прекрасный:

Любовь к жене сильней, чем к сыну, и она

Сумеет доказать, на ком лежит вина.

Но...

Продолжайте, принц. Что в этом "но" таится?

Два слова истины, всего лишь два, царица.

Нельзя ли их узнать, коль так важны для вас?

Да, можно: от царя. А я спешу сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Арсиноя, Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Вот наш триумф, Аттал! Вся хитрость Никомеда

Ему не помогла: чем это не победа?

Двум обвинителям велел он говорить,

Что мной подучены они его убить;

Однако клевета позорно провалилась:

Как стали говорить вся правда вдруг открылась,

И стало ясно всем, какую плел он сеть,

Чтоб обвинить меня и троном завладеть.

В присутствии царей как истина всесильна!

Как льется из сердец открыто и обильно!

Два лжесвидетеля, державшие ответ,

Пришли сгубить меня — погублен Никомед!

Рад видеть, что обман, окончившись провалом,

Ущерба не нанес вам ни в большом, ни в малом;

Но если взвесить все и если б вы на миг

Себя поставили чуть выше всех интриг,

То не смогли б тогда, как мы порой умеем,

Питать, доверие к подкупленным злодеям.

Сегодня их ответ был ясности лишен:

Их подкупили вы и подкупил их он;

На стороне его победы, доблесть, слава;

Но как поверить тем, чья речь звучит лукаво?

Кто стал предателем, тому и веры нет.

Как благородны вы, не то что Никомед!

Вам честь соперника своих забот дороже.

Его соперник я, но брат его я тоже:

Одной мы крови с ним; ни сердцем, ни умом

Я не могу считать его клеветником.

И можете считать, что я убить способна

Того, кто на меня теперь клевещет злобно?

Тем, кто винит его, поверить трудно мне.

Но если вас винят, не верю я втройне.

Честь не позволит вам пойти на преступленье,

Позвольте ж сохранить мне к брату уваженье.

Имеет при дворе завистников он тьму.

И кто-нибудь из них, чтоб навредить ему,

Оговорил его в недобрый час пред вами,

Достойные дела смог очернить словами.

Но если по себе другого я сужу,

Дурного ничего я в нем не нахожу;

С таким соперником я действую открыто,

Его не трону честь: она — его защита;

Прибегнув к помощи, ее не утаю.

Я думаю, что честь он бережет свою,

Что будет поступать он так же бла-

городно

И что от низости душа его свободна.

Не довелось вам двор как следует узнать.

А разве может принц иначе поступать?

Не повредите мне поступками своими.

Я только доблесть мог и честность видеть в Риме.

Научит время вас, какая доблесть нам

Нужна, когда близки бываем мы к царям.

Однако если брат еще вам дорог, все же,

О матери своей не забывайте тоже

И, чтоб сомнения отбросить наконец,

Узнайте, что о нем ваш думает отец.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Прусий, Арсиноя, Арасп

Прусий

(Арасп уходит.)

Арсиноя

Прусий

Арасп, я принца жду.

А вас прошу: умерьте
Мои страдания: я, право, близок к смерти,
Вас видя плачущей: зачем меня терзать?
Без плача можете вы мной повелевать.
Чтоб защитить себя, зачем нужны вам слезы?
Без них я отличить могу шипы от розы.
Без них могу понять, хотя и потрясен,

Что невиновны вы и что преступен он.

Ах, можно ль залечить в невинном сердце рану,

Которую нанес прибегнувший к обману? —

И можно ль вовремя разрушить клевету,

Чтоб добродетели вернуть всю чистоту?

В недоброй памяти всегда застрянет что-то,

И честь уж лишена защиты и оплота.

Злословью нет преград, и что сказать в ответ?

Слепых сторонников имеет Никомед,

Которые, узнав о гнусном обвиненье,

Найдут, что только вы в любовном ослепленье

Не видите улик. И если лишь одно

На имени моем останется пятно —

Я недостойна вас, и от такой угрозы

Как мне не трепетать, как удержать мне слезы?

Как щепетильны вы! Но позабыли вдруг,

На что способен я, ваш любящий супруг.

Честь укрепляется, наветы побеждая,

И, одолев их мрак, возносится сверкая.

Но вот и Никомед, и я хочу сейчас...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Никомед, Арасп и телохранители

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Прусий

Никомед

Арсиноя

Прусий

Никомед

Арсиноя

Никомед

Арсиноя

Прусий

Арсиноя

(Уходит.)

О, смилуйтесь над тем, кто так прославил нас,

Над тем, кого всегда победа озаряет,

Кто города берет и страны покоряет!

Пощады, государь...

За что меня щадить?

За те три скипетра, что смог я покорить?

За то, что в Азии продвинулся далеко

И зависть возбудил у римлян раньше срока?

За то, — что поддержал величие царей?

Заставил говорить о доблести своей?

Великого бойца усвоил наставленья?

Коль милость мне нужна, то вот вам преступленья,

Что мной совершены. Прибавьте так-

же к ним

Доверье к тем, кто был подкуплен кем-то злым,

Простосердечие прибавьте, что немало

Коварство их постичь рассудку помешало;

Еще достоинство прибавьте, что зовет

Быть вместе с армией, когда война идет,

И, честь в союзники призвав, повелевает

Жить с чистой совестью, что ближним доверяет.

Я, государь, назад беру свои слова:

Нет, невиновен он, была я не права.

Коль опозорить он хотел меня навеки,

Виновна ненависть, что может в человеке

При слове "мачеха" все чувства подавить.

Вот он и стал меня во всех грехах ви-

нить.

Учителя его, героя Ганнибала,

Вдруг подозрительность слепая обуяла,

Он ненадежным счел гостеприимства долг

И впал в отчаянье; коль разум в нем умолк,

То в старца только я вселила страх великий.

Принц красоту и ум находит в Лаодике —

Виновна я, что их заметил и Аттал;

Я упросила Рим, чтоб сына поддержал;

Исходит от меня все, что ему мешает;

За одного он мстит, другую он спасает;

Вас, государь, со мной поссорить был бы рад...

Но все простительно: он ревностью объят.

Мне в душу не вселить смятенья и испуга,

Моя вина лишь в том, что ваша, я супруга.

Вот почему он так преследует меня.

В чем кроме этого пред ним виновна я?

Все десять лет, что он командует войсками,

Не расточала ль я хвалы ему пред вами?

И если в помощи была ему нужда,

Без коей худшая ждала его беда,

Не я ли первая помочь ему просила,

Не я ли выручить всегда его спешила?

Где мог он лучшего ходатая сыскать,

Чтоб денег и людей не приходилось ждать?

Об этом знаете вы лучше всех на свете!

И в благодарность мне за все заботы эти

Меня оклеветать пред вами хочет он.

Но все простительно: ревнив он и влюблен.

Что скажет принц в ответ?

Могу лишь восхититься

Тем, как добра ко мне всегда была царица.

Не буду говорить, что, помогая мне —

Жизнь сохранить и честь, сражаясь на войне,

Она моей рукой тем самым укрепляла

То царство, что должно под властью быть Аттала;

Моей рукой она готовила тогда

Все то, чем завладеть он мог бы без труда.

Какие помыслы она в себе таила,

Пусть судят небеса: им все известно было;

Известно и теперь, что хочет предпринять,

И по заслугам ей должны они воздать.

Но если видимость так выглядит прекрасно,

То поддержать ее мой долг велит мне властно

И ради выгоды царицы вам сказать:

Спешите, государь, злодеев покарать,

Велите их казнить — Зенона, Метробата;

Задета честь ее, а честь царицы свята.

Коль, обвинив ее, они потом назад

Слова свои берут и пасынка винят,

То смерти через казнь заслуживают оба

За издевательство над царственной особой.

Кто оскорбляет тех, в чьих жилах кровь царей,

За это платит им своею кровью всей;

И, взяв слова назад, себя он не спасает:

В мученьях и тоске пусть дух он испускает;

Иначе царскую подвергнете вы кровь

Тому, что оскорбить ее посмеют вновь.

Пример опасный дан, рискуем жизнью все мы,

Коль смеет клевета коснуться диадемы.

Как! Можно ль, государь, за искренность карать?

Она внушила им всю правду вам сказать,

Она открыла вам, какие плел он сети,

Вернула вам жену и худшего на свете

Избегнуть мне дала. О, я ценю вполне,

Что принц интриги плел, заботясь обо мне,

Но слишком уж хитро задумано все это!

Не о Зеноне речь: жду твоего ответа.

Как оправдаешься в том, что свершить посмел?

Оправдывать себя? О нет, не мой удел!

Когда такой, как я, закон переступает,

То метит высоко: он низость отвергает

И в преступлении по-прежнему велик

Иль, силу обретя, являет грозный лик.

Народ ваш взбунтовать и бросить легионы,

Чтоб отстоять права принцессы

оскорбленной;

Из ваших вырвав рук, в свой край ее вернуть,

Хотя могучий Рим ей преграждает путь;

Поднять Армению, чтоб с вашим войском вместе

Войной на римский гнет пойти в защиту чести, —

Вот что свершить бы мог, кто скроен так, как я,

Когда б он жить решил, вам верность не храня.

Лишь мелкая душа на хитрости способна,

К ним склонны женщины, когда их сердце злобно.

Так покарайте же злодеев этих двух,

Что клеветой своей наш оскорбили слух;

Пред смертью совесть их заговорит, быть может,

Земная выгода пред смертью не тревожит,

У роковой черты Зенон и Метробат
Вторично могут взять слова свои назад.

О государь...

Прошу, скажите без боязни,
Что может помешать их справедливой казни?
Иль будем думать мы, что в их последний час
Они раскаются и это мучит вас?

Какою ненавистью он ко мне пылает!
Его щадила я — меня он обвиняет!
Вы сами видите, исчезнуть я должна,
Мое присутствие и есть моя вина,
Один лишь мой уход, мое исчезновенье
Его избавили б от новых преступлений.
Поверьте, государь, просить не стану я
Отдать свой трон тому, кто защитит меня,
Иль чтобы приняли в Аттале вы участье,
Державу поделив на две неравных ча-

сти;

А если римляне заботятся о нем,

Могу заверить вас, что я тут ни при чем.

Угаснет ваша жизнь, но не угаснет пламя

Любви супружеской: уйду я вслед за вами,

Над вашей царственной могилою пролью

Я слезы горькие, и с ними кровь мою.

Молчите!

Государь, ваш будет вздох последний

Концом судьбы моей! Откуда ж эти бредни,

Что страх меня гнетет? Не станет никогда

Ваш сын моим царем, мне не грозит беда.

Одно лишь я прошу для нашего Аттала,

Чье появленье здесь так брата взволновало:

Пошлите в Рим его — пусть там, где был взращен,

Существование свое закончит он;

Пусть в Риме он живет, не ведая печали,

И помнит о любви, что вы ко мне питали.

Служить еще верней вам станет Никомед,

Когда ему ничто не будет застить свет.

И мести Рима вам не надо опасаться,

Ведь с мощью римскою не станет он считаться:

Ему открыл секрет победы Ганнибал,

Герой, пред коим Рим так сильно трепетал

И преклонялся мир, взирая, как отменно

Пошли из-за него дела у Карфагена.

Итак, я ухожу, чтоб голос крови мог

Свободно преподать вам доброты урок;

Я видеть не хочу, как принц, столь чти-

мый мною,

Забыл, что говорит он с вашею женою,

И не хочу, чтоб гнев взирал из ваших глаз

На сына, что так храбр и так достоин вас.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Прусий, Никомед, Арасп

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Прусий

Довольно, Никомед, мне споры надоели!

Не думаю, чтоб ты был низок в самом деле.

Но в чем-то римлянам должны мы уступить

И страх перед тобой в царице, погасить.

К тебе привязан я, ее люблю я страстно,

И ваша ненависть взаимная ужасна:

Те чувства, что во мне живут к обоим вам,

Способны разорвать мне сердце пополам;

Хочу я примирить в себе два этих званья —

Супруга и отца, — чтоб кончились терзанья.

Хотите мой совет? Супругом и отцом

Не будьте.

Кем же мне прикажешь быть?

Царем!

Пусть видят все, что вы — народов повелитель.

Царь истинный — не муж и даже не родитель:

Лишь о величии все помыслы его,

Царь должен царствовать... Не бойтесь же того,

Что скажет Рим о вас: он будет вас страшиться.

Хотя могуществу его и нет границы,

Я страх ему внушил, и дело только в том,

Что знает он, каким могу я быть царем.

Что ж, буду царствовать! А ты, в решеньях смелый,

Меж Лаодикою и троном выбор сделай:

Я произвел раздел меж братом, и тобой

И больше не отец, а повелитель твой.

Когда бы вы царем и Лаодики были
И этот выбор мне, как ныне, предложили,
Просил бы я мне дать на размышленье срок;
Но, чтоб не заслужить еще один упрек
И ей не нанести при этом оскорбленья,
Я подчиняюсь вам, отбросив все сомненья:
Отдайте брату трон, а право выбирать
За Лаодикою оставьте... Мне сказать
Вам больше нечего.

О низость! О паденье!
Как! Из-за женщины такое ослепленье?
Был выбор дан тебе — ее ты предпочел,
Отдав и предков трон, и то, что приобрел...
Да после этого и жить ты недостоин!
—

Я с вас беру пример и потому спокоен:

Не сами ль женщину вы сыну предпочли,

Чей меч опорой был подвластной вам земли?

От трона моего я не отрекся все же.

От самого себя не отрекусь я тоже.

Чего лишаюсь я, Атталу трон отдав?

На власть верховную не предъявлю я прав

До вашего конца, простите это слово

(Ведь смерть монарха ждет, как всякого другого);

А после ваш народ, оставшись без царя,

Быть может, предпочтет не брата, а меня.

Не так уж схожи мы: различье между нами

Нетрудно разглядеть и слабыми глазами;

А право старшинства столь чтимо с давних пор,

Что и за изгнанных вести способно спор.

Коль все покорны вам, то потому отчасти,

Что новых подданных вручил я вашей власти;

Как ни гневился б Рим, но я смогу в свой час

То сделать для себя, что делал и для вас.

Приказ мой будет строг.

Да! Если Рим лукавый

Вас мной пожертвовать заставит, чтоб со славой

Мог властвовать Аттал. Иначе будет он

У власти пребывать... до ваших похорон.

И я из этих слов не делаю секрета:

Атталу самому хочу сказать все это.

Вот он идет сюда.

Не вздумай мне грозить

И знай, что власть его смогу я укрепить.

А завтра...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Аттал, Фламиний и телохранители

Фламиний

Прусий

Никомед

Прусий

Никомед

Фламиний

Никомед

Прусий (Араспу)

(Атталу.)

(Все, кроме Аттала и Фламиния, уходят.)

Если, вы из-за меня в волненье,

То успокойтесь: я забуду оскорбленье;

Возможно, что сенат рассердится, но там

Есть у меня друзья, они помогут вам.

Доволен будет Рим, дурные смолкнут страсти:

Я завтра же вручу Атталу знаки власти,

Наследник царств моих получит в Понте трон;

А мой мятежный, сын, кем был я оскорблен,

Пусть в Рим отправится, вас с ним сенат рассудит,

И не Аттал, а он заложником там будет,

Вам под охраною передадут его,

Едва окончится в честь брата торжество.

Меня отправить в Рим?

Да, в этот град великий,

Вот там и хлопочи о счастье Лаодики.

Согласен, государь, коль так угодно вам,

И больше, чем вы здесь, царем я буду там.

Вы восхищали Рим деяньями своими,
И все там любят вас.

Но мы еще не в Риме.
Дорога тяжела, и, может быть, с пути
Собьется тот, кто в Рим нас должен отвезти.

Пусть уведут его! Удвоить стражу надо.

Ты Рим благодари. Какая бы преграда
Ни встала на пути, тебя поддержит он,
А без него в ничто ты будешь превращен.
Посол меня простит, я должен удалиться:
Весьма расстроенная ждет меня царица.
Утешу бедную, а вас оставлю с ним.
Так помни же, Аттал: твой благодетель — Рим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аттал, Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

Аттал

Фламиний

(Уходит.)

Какая милость мне оказана! Наверно,

И для великих дел была б она чрезмерна.

Для вас возможно все, куда б вы ни пришли:

Все обещания свои вы превзошли.

Но я признаюсь вам: не вижу в царской власти

Я все, что принесет мне истинное счастье.

Да! Предначертано самой судьбою мне

Лишь с Лаодикою счастливым быть вполне.

И если, став царем, приблизился я к цели...

То сердцем женщины отнюдь не завладели.

С теченьем времени меняются сердца.

К тому ж предсмертный был наказ ее отца,

Согласно коему армянская царица
Должна с наследником вифинским обручиться.

Однако в выборе своем она вольна,
Коль скоро рождена царицею она.
И по душе ли ей, что принц, любимый ею,
Расстался из-за вас с короною своею?
Что из-за вас она защиты лишена?
В его падении на вас лежит вина.

Его не будет здесь, судьба неотвратима;
Где ей тогда найти опору против Рима?
На вашей помощи мой зиждется расчет.

Порой события свой изменяют ход,
И тут уж не могу я быть за них в ответе.

Меня в смущение слова приводят эти.
Достоин жалости я буду, если вдруг
Узнаю, став царем, что больше вам не

друг.

Нет! Постоянен Рим, тревожусь я напрасно;

Наказ, как действовать, вам дали...

В коем ясно

Речь об Аттале шла, что вскормлен был у нас.

А ныне, для царя, я новый жду наказ.

Возможно ли, чтоб Рим, где рос я и учился,

К тому, кто создан им вдруг так переменился?

Коль ревность родилась не по моей вине...

Вы думаете, принц, что говорите мне?

Скажите лучше вы, как объяснить я должен

Подобный поворот и как он стал возможен?

Ну что же, я скажу, и пусть поможет речь

От заблуждений вас опасных уберечь.

Рим, помогая вам добиться Лаодики

И трон ее занять, свершил бы грех великий

Несправедливости: он дружбой был влеком.

Но найден путь другой, чтоб стали вы царем,

Благодаря чему, как нас бы ни просили,

Мы, честь свою блюдя, уж не прибегнем к силе.

Свободу полную царице надо дать,

А вам другой предмет для страсти подыскать.

Жену найдет вам Рим.

А если так случится,

Что мне свою любовь сама отдаст царица?

Сказали б все тогда, что это не любовь,

Что Рим к насилию решил прибегнуть вновь,

И будет этот брак пятном на римской славе.

Нет, принц, мечтать о нем теперь уж вы не вправе.

А будете мечтать, то я за вас не рад:

Подумайте о том, что скажет вам сенат.

Сомненьем и тоской душа моя объята.

Меня не любит Рим: он ненавидит брата;

И если для меня престол хотел добыть,

То помогал не мне — его хотел сгубить.

Воздерживаюсь я от резкого ответа.

На вашей совести неблагодарность эта.

Капризам следовать, чернить своих друзей —

Вам все позволено, вошли вы в круг царей.

Но все же вспомните, хотя бы в час печали,

Что Рим вас сделал тем, кем вы сегодня стали,

Что будете ничем, с ним дружбу потеряв.

Так ваш отец сказал, и был он трижды прав.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аттал *(один)*

Аттал

Так предки правили твои? Ответь мне только:

Ты хочешь быть царем, господ имея столько?

Уж лучше одного иметь, когда никак

Без них не обойтись и ты, себе не враг!

Да! Есть у нас такой, он смел и благороден,

Ниспослан небом нам, но Риму неугоден.

Докажем римлянам, что есть глаза у нас,

Что сбросить иго их настал желанный час.

Коль скоро выгоду во всем они искали
И дружбы ни к кому на свете не питали,
То их примеру мы последовать должны,
—
Стараясь для себя, мы будем им равны.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арсиноя, Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Не может этот бунт в нас вызвать опасенье;[105]

Вмиг вспыхнул — и в одно погаснет он мгновенье.

И если этот шум растет во тьме ночной,

То порожденья тьмы развеет свет дневной.

Не так огорчена я тем, что чернь бун-

---

[105] Примечания: 1.105

Не может этот бунт в нас вызвать опасенье... — Все пятое действие проходит под знаком народного восстания, о чем и возвещает первая строка 1 монолога Арсинои.

тует,

Как тем, что страсть твоя победу торжествует,

Что ты не смог презреть, о прошлом не скорбя,

Ту, что с презрением смотрела на тебя.

Покинь коварную и отомсти жестокой!

Благодаря судьбе вознесся ты высоко:

Ты смог и без нее, корону получить,

Наш план осуществлен, зачем ее любить?

Но если брачных уз душа твоя взалкала,

Ты — царь, а в Азии других цариц немало;

Им не взбредет на ум тебя заставить ждать

Или страданьями удел твой омрачать.

Но все же...

Хорошо! Пусть будет как желаешь.

А что потом нас ждет, скажи, ты это знаешь?

Дав трон Армении тебе, она тотчас

Сумеет сделать все, чтобы поссорить нас.

Но ограничится ль на этом месть царицы?

Не станет ли дворец подобием темницы?

От яда и ножа откажется ль она,

Чтоб за любимого воздать тебе сполна?

Что ярость женщины удержит? Мы жестоки.

Как эти доводы от истины далеки!

Не нужно римлянам могучего царя,

Страшил их Никомед, страшу теперь и я,

И больше мне нельзя царицы домогаться:

Наш повелитель Рим стал друга опасаться.

Чтоб он меня терпел, не более того,

Покорным надо быть и слушаться его.

О нем я знаю все, он был моим кумиром:

В своем стремлении к владычеству над миром,

Едва заметит он, что кто-то сильным стал,

Рим добивается, чтоб этот сильный пал.

Ему не по душе других завоеванья, —

И если кто другой диктует приказанья,

Его величие становится виной,

И вправе, римляне грозить ему войной.

Они хотят, чтоб мы, послушные их власти,

Остались тем, что есть, лишь в этом наше счастье,

Хотят, чтоб все цари покорны были им,

А независимым остался б только Рим.

Их недоверие к величью неизменно.

Где ныне Антиох, где слава Карфагена?

Из страха разделить их участь я решил

Смириться, уступить, коль не хватает сил;

К благоразумию рассудок мой взывает.

Коль скоро Никомед в руках их пребывает,

Я буду верен им: ведь Никомед велик,

Он лев, что разорвать меня способен вмиг.

Хотела вам сама и я сказать об этом.

Вы восхищаете меня своим ответом.

Случиться может все, внушайте же всегда

Доверье римлянам, чтоб не стряслась беда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Фламиний

Арсиноя

Фламиний

Арсиноя

Фламиний! Одержать победу я сумела:

Влюбленный юноша мне верит! Можно смело

Сказать, что разуму внимает он опять

И то, что долг, велит, намерен выполнять.

Сумеете ли вы средь общего безумья

Вернуть и ваш народ на путь благоразумья?

Зло разрастается, и действовать сейчас

Должны вы... или все потеряно для вас.

Не думайте, что чернь сама смирится скоро,

Коль не окажете ей должного отпора.

Рим в прошлом пережил подобное, но он

Не поступал, как вы, теряющие трон:

Чтоб успокоить чернь, сенат без промедленья

К угрозам прибегал, суля и послабленья,

—

И Авентинский холм, а также Квиринал[106]

Свой непокорный плебс покинуть заставлял,

Откуда грозною скатился б он лавиной,

Когда бы гнев его сочли игрой невинной

И дали бы ему в мятеж перерасти...

О нет, мы не пошли по вашему пути!

Вы правы! Если чернь волнением объята,

Мы будем действовать, беря пример с сената,

И царь... Но вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Прусий

Прусий

---

[106] Примечания: 1.106

И авентинский холм, а также Квиринал... — На Авентинском и Квиринальских холмах собирался римский плебс, готовясь выступить против патрициев.

Фламиний

Прусий

Фламиний

Аттал

Фламиний

Сомнений больше нет,
Откуда это зло: я разгадал секрет.
Возглавили мятеж...

Кто?

Люди Лаодики.

Догадывался я... Все громче, громче крики.

За ласку и добро как отплатили вам!

Но надо действовать, и вам совет я дам...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Клеона

Клеона (Арсиное)

Арсиноя

Фламиний

Конец, конец всему, коль не придумать что-то.
Народ беснуется и ломится в ворота:
Им нужен Никомед, они его хотят.
Уже растерзаны Зенон и Метробат.

Тогда нам нечего бояться: эта малость,
Кровь этих двух людей, насытила их ярость,
Чернь станет ликовать, что подвиг совершен,
И будет полагать, что Никомед отмщен.

Когда бы главарей чернь эта не имела,
Я счел бы, как и вы, не столь серьезным дело:
Толпа, убив двоих, не ищет, кто ей враг.
Но тайный умысел не поступает так:
Он, цель преследуя, мостов не оставляет,

И пролитая кровь его лишь распаляет,
Он отвращение и ужас топит в ней,
Не зная жалости и не щадя людей.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Арасп

Арасп

Прусий

Аттал

Прусий

Аттал

Прусий

Фламиний

Арсиноя

Прусий

Арсиноя

Прусий

Фламиний

Прусий

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

(Прусий, Аттал, Фламиний уходят.)

О государь! Толпа стекается, и страже
Ее не удержать, и я не знаю даже,
Верна ли вам она: я слышал разговор,
Что под запором принц, да только слаб запор.
Я больше за него быть не могу в ответе.

Отдать его, отдать! Он лучше всех на свете!
Мы подчиняемся: бесчестный наш народ
Назвал его царем, теперь его черед!
Утихомирим их без лишнего урона
И голову его толпе швырнем с балкона.

Ах, государь...

Да, так его мы отдадим

Тем, кто хотел узреть его царем своим.

Но это значило б, что больше нет исхода:

Не остановите вы ярости народа,

И смею вам сказать, что на таком пути

Едва ли сможете вы жизнь свою спасти.

Смириться должен я, их опасаясь мести,

И принца им отдать с моей короной вместе;

Нет выбора теперь: они сильней меня!

Лишусь я скипетра или погибну я.

Нет, государь, ваш план не так уж мудр, поверьте,

И кто решает здесь, предать ли принца смерти?

Теперь ваш суд над ним всех прав своих лишен:

Он больше вам не сын, заложник Рима

он.

Когда б свой приговор оставили вы в силе,

Как оскорбление мы б это расценили;

За принца должен я сенату дать отчет.

А между тем в порту меня галера ждет,

Туда легко попасть по тайному проходу!

Устройте мой отъезд и выйдете к народу:

Я принца увезу, и скажут все, что Рим

Гуманность проявил решением своим.

Но оскорблением сочтем мы, если будет

Казнен заложник наш: Рим это не забудет.

Могу ли, государь, и я вам дать совет?

Слова из ваших уст мне как во мраке свет.

Так говорите же!

Мне подсказали боги,

Как лучше вас и Рим избавить от тревоги.

Посол немедленно пуститься должен в путь

И взять заложника, а чтобы кто-нибудь

Не поспешил сорвать задуманное дело,

Перед народом вы должны явиться смело,

Вступить с ним в разговор и так построить речь,

Чтобы вниманье всех смогла она привлечь:

Теряют время пусть, не зная, что с галерой

Исчез и тот, кто был надеждой их и верой.

Коль во дворец войдут и принца не найдут,

Расстройство чувств своих вы явите им тут,

Вы обвините Рим и скажете, что мщенье

Ждет всякого, кто был замешан в похищенье;

Затем погоню вы пошлете, дав понять,

Что в скором времени принц будет здесь опять,

А тысячи преград, что сами ж создадите,

К намеченной черте направят ход событий.

Народ сейчас бурлит, но в страхе за, него

Он завтра предпринять не сможет ничего:

Он бесполезными сочтет свои усилья.

Будь во дворце их принц, его б освободили,

И мы бежали бы отсюда, а потом

Провозгласит народ его своим царем.

Вы сами видите, что ждет нас.

Только боги,

Могли вас просветить в разгар такой тревоги!

Фламиний! Подан мне разумнейший совет.

Бесспорно! Он вернет вам жизнь, свободу, свет.

Заложницей у вас — армянская царица.

Но времени терять нам все же не годится.

Иду немедленно и не страшась преград.

Араспа взять с собой и только трех солдат

Вам надо, государь: они не все надежны

И могут изменить; так будем осторожны.

Аттал, а вы куда?

К народу, чтоб отвлечь

Его внимание: я заведу с ним речь

О горестях его и помогу вам тоже.

Но помните, Аттал: вы мне всего дороже.

Я только ради вас рискую головой.

А я пойду на смерть — лишь были б вы живой.

Прощайте! К нам идет армянская царица.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Арсиноя, Клеона, Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Арсиноя

Лаодика

Виновнице всех бед от кары уклониться
Возможно ль?

Нет, нельзя. От кары не уйдет,
Коль самолюбие в ее душе живет.

Осталось вам самой назначить наказанье.

Достаточно того, что ей царицы званье
Не помогло свершить задуманного зла.

За то, что дерзко так она себя вела,
Корону царскую с нее сорвать велите.

Великодушнее на дело посмотрите.
Кто прав и победил, тот зло забыть

готов:

Лишь хочет видеть он смущение врагов.

И сами верите вы в это непреклонно?

По милости небес к насилью я не склонна.

Всех подданых царя к восстанию призвать,

Снабдить оружием смутьянов, этих рать,

Под окнами дворца собрать их в изобилье

И говорить о том, что чуждо вам насилье?

Не понимаем мы друг друга: вы сейчас

Речь обо мне вели, а речь идет о вас.

Страшиться нечего мне за себя и свиту,

И я пришла сюда, чтобы взять вас под защиту,

От унижения спасти ваш царский род,

Когда ворвется к вам разгневанный

народ.

Супруга вашего и сына позовите,

Их званье царское нуждается в защите:

Не свято уж оно для ярости людской.

Что повод вам дало к чванливости такой?

Вы, из-за коей здесь покрылось небо тьмою,

Вы, для кого дворец отныне стал тюрьмою,

Вы, что заплатите ценою крови мне

За то, что титул мой сегодня не в цене,

Вы говорите так, как если б власть имели

И милость даровать могли б мне в самом деле.

Иль не хотите вы, или мешает спесь

Увидеть вам, что я повелеваю здесь,

Что вы в моих руках и нет для вас спасенья.

Не ставьте мне в вину народное смя-

тенье:

Виновен ваш народ; ваш подданный любой,

Восстав на вас, идет преступною стезей;

А я царица. Мне, чтоб одолеть вас в споре,

Был нужен их мятеж, и вот он, вам на горе!

Всегда позволено — закон войны таков —

Раздоры разжигать среди своих врагов.

Вы — враг мой, из-за вас супруга я лишилась.

Да, это так, все так! Но что бы ни случилось,

Едва мятежники ворвутся во дворец,

Я обещаю вам, что это ваш конец.

Не надо обещать, иль на моей могиле

Закланью предадут тех, что царями были.

Но и средь ваших слуг или среди солдат

Найдется ли теперь такой, как Мет-

робат?

И не страшит ли вас, что среди вашей свиты

Одни, подкуплены, другие с толку сбиты?

И есть ли хоть один, кто ныне ради вас,

Пожертвовав собой, ваш выполнит приказ?

Я не хочу здесь быть царицею: откройте

Мне путь в Армению и на пути не стойте,

Супруга моего верните — и тогда

Увидите, что вам уж не грозит беда.

Сейчас он едет в Рим, его в пути ищите

И у Фламиния вернуть его просите,

Но надо вам спешить, отбросив все дела,

Поскольку уж давно галера отплыла.

Как мне поверить вам!

Отбросьте все сомненья.

Бегите прочь: мой гнев не знает снисхожденья.

Предательский удар мне нанесен сейчас,

И смолк в моей душе великодушья глас.

Нет! Вы останетесь заложницей моею,

Пока освободить его я не сумею;

Дойду до Рима я, чтоб цепь с него сорвать,

Создам из поданных — моих и ваших — рать;

Сказал же Ганнибал, что, как это ни сложно,

Но лишь в Италии Рим победить возможно.

Хочу, чтоб он меня у стен своих узрел,

И миллион мечей, и миллионы стрел,

Которыми мой гнев сумел вооружиться...

Хотите, значит, стать вифинскою царицей?

Но согласиться ль царь вам уступить свой трон,

Чтоб царствовали вы, а подданным был он?

Да! Будет власть моей! Но что он потеряет?

Лишь по названью царь, он здесь не управляет.

Не все ль ему равно, кто правит за него:

Я или римляне? А сам он для чего?..

Но вот еще один заложник мой явился.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Лаодика

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Арсиноя

Аттал

Аттал, что слышно там? Отъезд их не открылся?

О небо!

Говори!

Все боги против нас.

Непоправимое произошло сейчас:

Смог Никомед бежать!

Он на свободе снова?

Вновь милосердной быть душа моя готова.

Аттал! Зачем меня в тревогу погружать?

Я все вам объясню, должны вы все узнать.

Арасп с охраною своей вооруженной

Уже привел его к той двери потаенной,

Через которую Фламиний уж прошел,

Когда удар ножа Араспа грудь нашел.

И он на землю пал. Была смертельной рана,

И, смерти устрашась, бежала прочь охрана.

Но кто на них напал, скажите мне скорей?

Те десять часовых, что были у дверей.

О сын мой, сколько же предателей на свете!

Как неверны царям все подданные эти!

Но кто вам рассказал, коль нет уж никого?

Сам умирающий и спутники его.

Но дальше слушайте. Я с помутневшим взглядом

Помчался к берегу, чтобы с царем быть рядом,

И что увидел я? Охваченный тоской

И страхом обуян, хотел родитель мой

В челне догнать посла: тот был уж на

галере

И, видно, трепетал за жизнь в не меньшей мере.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Прусий и Фламиний

Прусий

Арсиноя

Лаодика

Нет-нет, вернулись мы и будем здесь вдвоем

Честь нашу защищать иль смерть свою найдем.

Умрем же, государь, чтобы не быть во власти

Врагов, сулящих нам великое несчастье,

Лишим их радости вершить над нами суд,

Освободим себя от их позорных пут.

Своим отчаяньем вы принца оскорбили

Сильнее, чем тогда, когда послать решили

Его заложником в непобедимый Рим.

Но принц ведь не такой, коль мною он любим,

И был бы навсегда союз мой с ним разрушен,

Когда бы не был он всегда великодушен.

Вот он идет сюда, и ни к чему слова:

Сейчас увидите, была ли я права.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Никомед

Никомед

Прусий

Никомед

Арсиноя

Прусий

Никомед

Аттал

Никомед

Аттал

Арсиноя

(Никомеду.)

Никомед (Фламинию)

Фламиний (Никомеду)

Прусий

Все тихо, государь. Едва я появился,

Бунтующий народ тотчас угомонился.

Как? Осквернить дворец присутствием своим?

Мятежник!

Никогда я не был таковым.

Пришел я не затем, — чтоб дерзко перед вами

Бряцать разбитыми железными цепями;

Как добрый подданный пришел, чтоб наконец

Со мной спокойствие вернулось во дворец.

И Рим не думаю винить я в преступленье:

Он верен правилам искусства управленья,

Как и не думаю посла его винить

За то, что власть хотел меж нами разделить;

Но только пусть они оставят принужденье.

Верните мне любовь — вернут вам уваженье.

Простите свой народ за тот излишний пыл,

Что из сочувствия ко мне он проявил.

Простите, если был он власти непокорен:

Конечный результат тех действий благотворен.

Не гневайтесь и вы, царица, на народ,

И ваша доброта на пользу вам пойдет.

Я знаю, что к вражде со мною вас толкало:

Вы любящая мать и возвести Аттала

На трон хотите... Что ж! Позвольте мне, чтоб он

Моим старанием был возведен на трон.

Есть место в Азии для подвигов, и вскоре

Добуду царство я для брата в ратном споре;

Лишь укажите — где, отдайте лишь приказ —

И я короною смогу утешить вас.

Принц! Может ли еще быть большею победа?

И жизнь моя и честь в руках у Никомеда,

А победителю все мало: хочет он

И сердцу моему свой диктовать закон.

Мне сердце защитить от вас не удается,

И ныне радостно оно вам в плен сдается.

Три царства покорив, вы победитель вновь,

Отдайте ж мне взамен сыновнюю любовь!

Все ныне предстает и мне в ином обличье:

Да! Столь великий сын и есть мое величье.

Но, принц, откройте нам, кого должны сейчас

Мы все благодарить за то, что вы средь нас?

Он скрыл свое лицо, когда возник нежданно,

Но попросил в залог кольцо, что постоянно

При мне, и обещал прийти сюда опять.

Вам не угодно ли кольцо обратно взять?

О, вижу я теперь, что в ваших жилах тоже

Кровь царская течет, что мы друг с другом схожи;

Что не тщеславный раб сената предо мной,

А брат мой истинный, освободитель мой!

Цепь разорвав мою, вы также разорвали

Те цепи, что и вас и всех обременяли.

Но почему, таясь, все царство вы спасли?

Чтоб доблесть высшую вы проявить смог ли; —

Чтоб видеть, как ее невидимая сила

С несправедливостью одна в борьбу вступила;

И чтобы наконец, спасая иль губя,

Отдать отмщенью дань за вас иль за себя.

Царица, я молю...

Довольно! Вот решенье,

Что, план мой погубив, мне принесло спасенье.

Я рада, что мой сын, не кто-нибудь иной,

Прервал теченье зла, задуманного мной.

Счастливым почитать я всякого посмею,

Коль одарил его Рим дружбою своею;

Но нам не по душе, когда вы вместе с ней

Несете свой закон, связующий царей.

Без рабского ярма хотим мы дружбы вашей,[107]

В противном случае вражда милей и краше.

Сенату есть о чем подумать,[108] *но сейчас*

От имени его могу заверить вас,

Что если дружбы нет, то есть расположенье,

Готовность проявить свое к вам уваженье,

И что он славного врага приобретет,

---

[107] Примечания: 1.107

Без рабского ярма хотим мы дружбы вашей... — Обозначенная еще в "Горации" концепция взаимоотношений между народами здесь выражена совершенно определенно.

[108] Примечания: 1.108

Сенату есть о чем подумать... — Ответ Фламиния свидетельствует, что Корнель хорошо представлял себе реальность, отнюдь не совпадающую с его политическим идеалом.

Коль друга верного в вас все же не найдет.

А мы, кому судьба дарует утешенье,

Здесь приготовим все для жертвоприношенья

И, обратясь к богам, заступникам своим,

Попросим их о том, чтоб стал нам другом Рим.

Рассуждения о полезности и частях драматического произведения{6}

Хотя, согласно Аристотелю, единственная цель драматической поэзии заключается в том, чтобы нравиться[109] зрителям, и большинство драматических произведений будто бы им нравилось, я все же хочу сказать, что многие из них не достигли целей, которые стоят перед искусством. Не следует претендовать, говорит Аристотель, на то, чтобы этот вид поэзии доставлял удовольствие любого рода. Ведь от него *нужно ожидать не всякого удовольствия, а лишь свойственного*

{6} Комментарии: 2.6

"Рассуждения о полезности и частях драматического произведения" было опубликовано в 1660 г. в качестве вступительной теоретической части первого тома собрания пьес Корнеля, созданных им в 30-50-х гг. Второй том начинался "Рассуждениями о трагедии и способах трактовать ее согласно законам правдоподобия или необходимости", третий — "Рассуждениями о трех единствах — действия, времени и места".

Все три "Рассуждения" в целом опираются на "Поэтику" Аристотеля. Ее основные положения организуют ход размышлений Корнеля-теоретика, становятся своеобразным импульсом для выводов, вырастающих уже на почве искусства нового времени. Принимая как истинный классицист систему древнего философа, он подходит к ней творчески, вдумываясь в текст, открывая в нем ресурсы для движения вперед, не боясь порой оспаривать отдельные тезисы "Поэтики" или переосмыслять их в свете собственных эстетических взглядов. Таким образом, реализуется высказанная в самом начале первого "Рассуждения"

мысль: "Неизменно остается то, что есть законы, поскольку существует искусство, но не являются неизменными сами законы".

В нашем сборнике опубликованы два первых "Рассуждения" (с небольшими сокращениями). Вторая часть "Рассуждения о трагедии и способах трактовать ее согласно законам правдоподобия или необходимости" на русский язык переводится впервые.

[109] Примечания: 1.109

...согласно Аристотелю, единственная цель драматической поэзии [...] нравиться... — У Аристотеля нет соответствующей четкой формулировки, однако подобное толкование целей искусства в его "Поэтике" не вызывает сомнений.

ему.[110] И дабы добиться этого присущего ему удовольствия и доставить его зрителям, надо следовать законам искусства и нравиться им в соответствии с его правилами. Неизменно остается то, что есть законы, поскольку существует искусство, но не являются неизменными сами законы. Люди соглашаются относительно названия вещи, не приходя к единому мнению относительно самой вещи, и принимают слова, чтобы, оспаривать их значение. Никто не сомневается в том, что надо соблюдать единство действия, места и времени; но трудно понять, что такое единство действия и до каких пределов можно расширять понятия единства времени и места. Нужно, чтобы поэт развивал сюжет в соответствии с правдоподобием и необходимо-

[110] Примечания: 1.110

...нужно ожидать не всякого удовольствия, а лишь свойственного ему (Аристотель. Поэтика, 1453 в.). В "Рассуждении о полезности и частях драматического произведения" цитаты даются в переводах М. Л. Гаспарова (см.: Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1973).

стью.[111] Так говорит Аристотель, и за ним то же повторяют все его комментаторы. Эти слова кажутся им всем столь ясными и внятными, что ни один из них, как и сам Аристотель, не удосужился сказать нам, что такое правдоподобие и необходимость. Более того, многие комментаторы придавали столь малое значение понятию *необходимость*, которое у Аристотеля всегда сопутствует понятию *правдоподобие* (за одним исключением, когда речь шла о комедии), что в результате пришли к весьма ошибочному суждению, якобы *сюжет трагедии всегда должен быть правдоподобным*. Таким образом, требования к сюжету были обоснованы усеченным наполовину суждением Аристотеля. Не то чтобы нельзя было написать трагедию на сюжет, отвечающий только лишь требованиям правдоподобия. Аристотель приводит в качестве примера *Цветок*

[111] Примечания: 1.111

Нужно, чтобы поэт развивал сюжет в соответствии с правдоподобием и необходимостью: — Корнель подробно обоснует мысль о том, что "правдоподобие" и "необходимость" — взаимосвязанные законы искусства, в своем "Рассуждении о трагедии". Но в целом эта идея с самого начала является исходной для эстетики Корнеля. Формулируя эту идею, драматург имеет в виду следующий текст Аристотеля: в характерах, как и в складе событий, всегда следует искать или необходимого или вероятного так, чтобы такой-то говорил или делал такое-то по необходимости или вероятности и чтобы что-то происходило вслед за тем-то по необходимости или вероятности (Поэтика, 1454 а).

Агафона,[112] где имена и события были целиком вымышленными, как в комедии. Однако значительные сюжеты, поднимающие бурю страстей и противопоставляющие их пыл законам долга и велению крови, должны всегда выходить за пределы правдоподобия. И зрители никогда не поверили бы таким сюжетам, не будь они освящены властным авторитетом автора истории или общераспространенным мнением, благодаря чему эти зрители заранее убеждены в истинности того, что происходит на сцене. Неправдоподобно, что Медея убивает своих детей, Клитемнестра становится мужеубийцей, а Орест закалывает кинжалом собственную мать.[113] Но тому свидетельство история, а посему изображение, на сцене этих ужасных преступлений не вызывает

---

[112] Примечания: 1.112

Цветок Агафона — "Цветок" (или, в другом прочтении, "Анфей") — не сохранившаяся трагедия драматурга V в. до н. э. Агафона, который, согласно Аристотелю (Поэтика, 1456 а), был новатором в области трагической поэзии.

[113] Примечания: 1.113

Неправдоподобно, что Медея убивает своих детей... — Корнель называет описанные в древнегреческих эпических сказаниях чудовищные преступления. Жестокая месть волшебницы Медеи своим обидчикам — Ясону, царю Коринфа Креонту и его дочери Креузе — является заключительным эпизодом сказания об Аргонавтах. История Медеи стала сюжетом трагедий древних авторов и драматургов нового времени, Корнель обратился к нему в своей ранней трагедии "Медея" (1635). Убийство героя Троянской войны Агамемнона его женой Клитемнестрой и его братом Эгисфом, затем месть за смерть отца,

осуществленная его сыном Орестом, лежат в основе сюжета драматической трилогии "Орестея", созданной древнегреческим трагическим поэтом Эсхилом (525-456 гг. до н. э).

недоверия зрителей. Не соответствует ни истине, ни правдоподобию то, что, отданная морскому чудовищу Андромеда была спасена летающим рыцарем с крылатыми ногами,[114] но древние поверили этой выдумке, она дошла до нашего времени, и никто не возмущается, когда историю Андромеды показывают на сцене.[115] Но все же было бы недопустимым сочинять опираясь на такой образец. Ибо недостаточным основанием для доверия является простое сходство с некоей уже принятой истиной или с каким-то общепринятым мнением. Наш философ говорит, что *сюжеты создает не искусство, а счастливый случай*,[116] благодаря которому что-то происходит. Фортуна распоряжается событиями, и выбор, который она делает среди многих ею нам

---

[114] Примечания: 1.114

...спасена летающим рыцарем с крылатыми ногами... — Имеется в виду один из героев древнегреческой мифологии, Персей, сын Зевса и Данаи, получивший в дар от нимф сандалии с крыльями. Этот волшебный дар помог ему спасти прекрасную Андромеду, отданную было во власть морского чудовища.

[115] Примечания: 1.115

...историю Андромеды показывают на сцене. — В конце 40-х гг. Корнель написал пьесу на этот сюжет. В 1650 г. "Андромеду" играли на сцене "Пти Бурбон".

[116] Примечания: 1.116

...сюжеты создает [...] счастливый случай... — У Аристотеля читаем: "Поэты в своих поисках, руководимые не столько искусством, сколько случаем..." (Поэтика, 1454 а). Корнель, интерпретируя мысль Аристоте-

ля, усиливает значение действительного события или общеизвестной легенды как первоосновы трагедийного сюжета.

представленных фактов, содержит в себе тайный запрет идти против ее воли и создавать для театра то, что ей неугодно. *Итак, древние трагедии останавливались на судьбе немногих семей, ибо немногим семьям выпало на долю пережить нечто достойное трагедии.* Последующие века дали нам основание выйти за эти границы и не идти след в след по пути, проложенному греками. Но я не думаю, чтобы нам была предоставлена свобода отступать от их правил. Надо, если возможно, сообразовываться с ними и приближать их к нам. Отсечение хора, осуществленное нами,[117] обязывает нас наполнить драматические поэмы большим, чем у древних, количеством эпизодов, пусть это будет дополнение, которое хотя и переступает границы их практики, но не выходит за пределы их правил.

Надо, следовательно, знать, каковы эти правила. На нашу беду, Аристотель и Гораций писали столь туманно, что нуждаются в толкователях. Те же, кто до сих пор брал на себя этот труд, выступали как грамматики и как философы. И поскольку они были более склонны к научным занятиям и философским рассуждениям, чем к

[117] Примечания: 1.117

Отсечение хора, осуществленное нами... — После 1630 г. хор сохранялся только в школьном театре.

овладению опытом театра, то и знакомство с их произведениями может скорее сделать нас более образованными, но не наставленными в том, как преуспеть в качестве драматических авторов.

Я осмелюсь кое-что сказать, опираясь на многие десятилетия работы для сцены, и выражу мои мысли просто, не вступая в прямой спор с теми, кто меня в него вовлекает, и не претендуя на то, чтобы кто-либо отказался в мою пользу от своих идей. Так, например, выдвинутое в начале этого рассуждения положение, что драматическая поэзия имеет единственной целью удовольствие зрителей, не означает стремления во что бы то ни стало одержать верх над теми, кто полагает облагородить искусство, усматривая его назначение столько же в пользе, сколь и в удовольствии. Спор этот, по-видимому, весьма бесполезен, поскольку невозможно доставлять удовольствие по правилам, не принося при этом и пользы. Правда, Аристотель в своей *Поэтике* ни разу не употребляет этого слова; он возводит происхождение поэзии к удовольствию, получаемому нами при виде подражания действиям людей. Из частей поэмы философ ставит выше других сюжет, а характеры он считает следующей по значению частью, поскольку сюжет содержит

узнавания и перипетии, которые более всего нравятся зрителям. Он вводит также в определение трагедии выражение *услащенная речь*, указывая на ее составляющие и отмечая, что ценит трагедию больше, чем эпическую поэму, понеже она снабжена сверх всего властно чарующими декорациями и музыкой и, будучи более краткой и менее многословной, доставляет более совершенное удовольствие. Но не менее верно и то, чему учит нас Гораций, именно, что мы не сумеем понравиться всем, ежели не подмешаем к удовольствию пользу,[118] и что серьезные и важные люди, старики, любители добродетели, будут недовольны, если не найдут в искусстве ничего, что может ей послужить:

Centuriee seniorum agitant expertia

---

[118] Примечания: 1.118

...мы не сумеем понравиться всем, ежели не подмешаем к удовольствию пользу... — Корнель обращается к стихам известного поэта Горация (65-8 гг. до н. э.):

...или стремится поэт к услаждению или к пользе
или надеется сразу достичь и того и другого...

(Квинт Гораций Флакк. Наука поэзии / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1968, ст. 333-334. В дальнейшем цитаты из "Науки поэзии ("Послание к Пизонам") в нашем комментарии даются по этому изданию.

frugis[119].

Таким образом, хотя полезное входит в поэзию только в форме наслаждения, оно не перестает быть необходимым. И лучше обдумать это, чем заниматься бесполезным, как я уже отмечал, вопросом о полезности этого рода поэм вообще. Со своей стороны, я полагаю, что поучительное может быть введено в поэму четырьмя способами.

Первый сводится к сентенциям и советам морального порядка, которые допустимы почти во всех местах трагедии. Но ими следует пользоваться осторожно, изредка включая их в рассуждения на общие темы и не делая их многословными, особенно если это речь взволнованного человека или когда кто-то другой отвечает этому человеку: у него не должно достать ни терпения, чтобы выслушивать их, ни душевного спокойствия, чтобы замыслить и выразить. Наиболее пространными подобные речи могут быть в устах важного государственного мужа, степенно рассуждающего о делах страны в ответ на вопрос короля. Но в целом всегда уместно заменять общие утверждения конкретными предположениями; я предпочи-

[119] Примечания: 1.119

Строгих полки стариков в стихах лишь полезное ценят (Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова).

таю, чтобы, актер сказал: "Любовь причиняет вам много беспокойства", а не "Любовь приносит беспокойство разуму тех, кем она, овладевает".

Не то чтобы я полностью хотел изгнать этот способ преподнесения принципов морали и политики: все мои произведения были бы изуродованы, если исключить из них сентенции и рассуждения. Но повторяю еще раз, не следует увлекаться общими принципами без приложения их к частным случаям. Иначе говоря, именно общие места не преминут наскучить аудитории, ибо они замедляют ход событий. Сколь ни удачна будет сама по себе эта выставка моральных предписаний, следует опасаться, чтобы она не оказалась тем родом претенциозных украшений, которые Гораций приказывает нам убирать.[120]

Признаюсь все же, что рассуждения общего порядка бывают привлекательны, если тот, кто их произносит, и тот, кто их выслушивает, находятся в достаточно спокойном состоянии духа, чтобы запастись разумным терпением. В четвертом акте *Мелиты* радость героини, узнавшей, что она любима Тирсисом, помогает ей спокойно

---

[120] Примечания: 1.120

...которые Гораций приказывает нам убирать. — Ссылка на стихи Горация: "Знаком перо повернув, излишнюю пышность урежет" (Наука поэзии, ст. 447).

выслушивать наставления кормилицы удовлетворяющей, со своей стороны, непреодолимую, как замечал Гораций, потребность старости поучать молодых людей.[121] Но она не захотела бы выслушать и четырех стихов, если бы знала (а она узнает об этом вскорости), что Тирсис почел ее неверной и впал в отчаянье. Иногда эти общие рассуждения даже не необходимы, чтобы обосновать чувства, которые нельзя связать какими-то определенными поступками тех, о ком идет речь. Так Родогуна[122] в первом акте не могла бы оправдать свое недоверие к Клеопатре иначе, как рассуждением о неискренности, обычной для сильных мира сего, когда они после нанесения им явного оскорбления идут на примирение с врагом. Ведь Клеопатра после заключения мира ни разу не дала повода для подозрений в великой ненависти, сохраняемой ею в тайнике сердца. [...]

---

[121] Примечания: 1.121

...потребность старости поучать молодых людей. — Ср.: Гораций (Наука поэзии, ст. 174-175):

...Вечно ворчит и брюзжит, выхваляя минувшие годы,
Ранние годы свои, а юных бранит и порочит...

[122] Примечания: 1.122

Родогуна — парфянская царевна, предмет ненависти царицы Сирии Клеопатры; обе они являются главными персонажами трагедии Корнеля "Родогуна" (1644).

Единственное правило, которое для этого вида поучения можно установить, заключается в том, что рассуждения и сентенции нужно распределять со вниманием и прежде всего вкладывать их в уста людей, чей дух не пребывает в смятении и кто не находится в пылу действия.

Второй способ сделать драматическую поэму, полезной — непредвзятое изображение пороков и добродетелей, которое всегда достигает цели, если оно хорошо выполнено и если черты порока и добродетели легко распознаваемы и их нельзя смешать одну с другой или принять порок за добродетель. Добродетель, пусть даже попранная, всегда вызывает сочувствие и любовь, а порок рождает ненависть, даже если он торжествует. Древние очень часто удовлетворялись такого рода изображением, не давая себе труда вознаградить за добрые дела и наказать за злые. Клитемнестра и ее полюбовник убивают Агамемнона безнаказанно. Медея точно так же поступает со своими детьми, а Атрей — с детьми Фиеста,[123] которых он скармливает отцу. Прав-

[123] Примечания: 1.123

Атрей — с детьми Фиеста... — Корнель вспоминает миф о двух представителях преданного проклятью рода. Атрей, мстя своему брату Фиесту за попытку отнять у него трон, убил детей Фиеста и накормил его кушаньем, изготовленным из их мяса. Аристотель почитает сюжет о Фиесте достойным жанра трагедии (Поэтика, 1453 а).

да, если внимательно присмотреться к событиям, которые древние выбирали в своих трагедиях для катастрофы, мы увидим, что наказание постигало преступников. Только обращенные против них злодейства были много страшнее тех, кои они содеяли. Фиест овладел женой своего брата, но возмездие несет в себе нечто гораздо более ужасное, чем его собственное преступление. Язон, покинув Медею, которой был всем обязан, — негодяй. Однако убиение детей на глазах отца во много раз превышает его вину. [...]

Наш театр с трудом выдерживает подобные сюжеты: Фиесту Сенеки[124] не слишком у нас повезло, Медея была принята более благосклонно,[125] чему способствовало то, что вероломство Язона и свирепость короля Коринфа делали героиню трагедии в глазах зрителей несправедливо

---

[124] Примечания: 1.124

Фиест Сенеки — миф о Фиесте послужил основой для одноименной трагедии знаменитого римского философа и драматурга Сенеки (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.). Эта трагедия вдохновила современника Корнеля Монлеона на создание трагедии "Фиест" (1638).

[125] Примечания: 1.125

...Медея была принята более благосклонно... — сюжет "Медеи" пользовался большим вниманием французских драматургов. "Медея" Еврипида была трижды переведена на латинский язык в XVI в. Но все это были школьные спектакли. Корнель, по-видимому, намекает на успех его собственной трагедии "Медея", на создание которой он был вдохновлен не трагедией Еврипида, а "Медеей" Сенеки. "Медея" Корнеля имела успех у зрителей, о чем свидетельствовали современники.

обиженной, склоняя их сочувствие на ее сторону и заставляя относиться к, ее мести как к расправе над притеснителями.

Именно участие к судьбе людей добродетельных стало причиной появления другого типа развязки драматической поэмы, то есть такой, в которой дурные поступки наказаны, а добродетель вознаграждена, что не является обязательным законом искусства, но соответствует обычаю, почитаемому — нами за способ избавления каждого из нас от угрожающих нам опасностей. Этот обычай существовал и во времена Аристотеля и, возможно, не слишком нравился философу, поскольку он писал, что он *был в моде только благодаря глупости зрителей и что те, кто его придерживается, приспосабливаются ко вкусам народа и пишут на потребу зрителям*. И действительно, увидев достойного человека на сцене нашего театра, мы, не можем не желать ему благополучия и не можем не огорчаться по поводу его несчастий. Отсюда, когда на него обрушиваются беды, мы выходим из театра в горе и испытываем в некотором роде возмущение по отношению к автору и к актерам, но, когда в ходе событий наши желания исполняются и добродетель увенчана, мы покидаем театр в состоянии

совершенной радости, и вполне удовлетворены как произведением, так и исполнителями. Успехи добродетели, счастливо побеждающей вопреки крутым поворотам судьбы и опасностям, вызывают у нас желание следовать ей, а лицезрение триумфа преступлений и несправедливостей способно усилить естественный наш ужас перед лицом подобных несчастий.

В этом состоит третье положение о полезности театра. Четвертое положение — это очищение страстей посредством сострадания и страха. Но поскольку это четвертое положение относится лишь к трагедии, я разъясню его в следующем томе, где буду говорить специально о трагедии. Перехожу теперь к рассмотрению частей драматической поэмы, на которые указывает Аристотель. Я говорю о драматической поэме вообще, хотя Аристотель, касаясь частей, имеет в виду только трагедию. Это я делаю потому, — что все, сказанное им, относится также и к комедии, поскольку различие между этими двумя видами поэм зависит лишь от сана персонажей и от характера действия, которому они подражают, а не от способа или средств подражания.

Драматическая поэма состоит из частей двух типов. Первые называются частями количества

или частями, протяженности. Аристотель называет четыре таких: пролог, эпизодий, эксод, хор. Прочие могут быть названы составными частями, встречающимися в каждой из четырех и составляющими с ними целое. Аристотель насчитывает шесть таких частей: сюжет, характеры, мысль, словесное выражение, музыка, театральные декорации. Из этих шести только сюжет (и, в частности, его хорошее построение) зависит в собственном смысле слова от поэтического искусства. Остальные части нуждаются в воспомоществовании других наук и искусств. Для характеров таковым является мораль, для мысли — риторика, для словесного выражения — грамматика. Две последние части подчиняются принципам собственных искусств, в которых поэту необязательно быть сведущим, ибо они могут быть внесены в трагедию не им самим, а другими людьми, почему Аристотель их и не касается. Но поскольку поэт сам лично должен создать первые четыре части, ему совершенно необходимо быть знакомым с искусствами, на которых они основываются, разве что от природы он обладает достаточно сильным и глубоким здравым смыслом, восполняющим недостаток подобных познаний.

Условия, предъявляемые к сюжету, неодинаковы для трагедии и комедии. Я сейчас коснусь только тех, которые относятся к последней, каковую Аристотель определяет попросту *как подражание лицам плутоватым и низкого происхождения*.[126] Я не могу удержаться, чтобы не сказать, что меня это определение вовсе не удовлетворяет. И поскольку многие ученые люди считают, что трактат о поэтике не дошел до нас в полном виде, я хочу верить, что среди тех его частей, которые утрачены в ходе времен, было и более завершенное определение комедии.

Согласно Аристотелю, драматическая поэзия есть подражание действиям. Но философ обращает внимание на общественное положение персонажей, не уточняя вопрос о характере действия. Как бы то ни было, это определение обусловлено обычаями времени, когда в комедии слово предоставлялось лишь лицам весьма скромного происхождения. Но в наши дни дело обстоит иначе. В комедии могут участвовать, даже короли, если их поступки не возвышаются

---

[126] Примечания: 1.126

...подражание лицам плутоватым и низкого происхождения... — перевод Корнеля приблизителен. У Аристотеля говорится: "Комедия, как сказано, есть подражание [людям] худшим, хотя и не во всей их подлости. Ведь смешное есть лишь часть безобразного" (Поэтика, 1443 a).

над требованиями, предъявляемыми к характеру ее действия. Когда на сцене показывают просто любовную интригу между королевскими особами, а их жизни или судьбе государства не грозит опасность, я не думаю, что поступки персонажей, сколь ни блистательны они сами, поднимаются до высоты, потребной для трагедии. Значительность трагедии требует большого государственного интереса или страстей более высоких и мужественных, чем любовь, например честолюбия или мести. Она вызывает боязнь несчастья еще более великого, чем несчастье потери возлюбленной. Вполне возможно ввести в сюжет трагедии любовь, ибо в ней много привлекательного и она способна стать причиной упомянутых мною интересов и страстей. Но пусть она удовольствуется второстепенным местом, уступая им первое.

Это положение поначалу может показаться новым. Тем не менее оно восходит к практике древних, у которых нет ни одной трагедии только с любовным сюжетом. И более того, они нередко совсем изгоняют любовь из пьесы. А если же кто-нибудь пожелает взглянуть на мои трагедии, то признает, что по примеру древних я не давал любви первого места и что даже в *Сиде*, среди моих

пьес более других наполненной изображением любви, семейный долг и долг чести у персонажей, которых я заставляю говорить, одерживают верх над внушаемыми ею нежными чувствами.

Скажу более. Пусть даже в драматической поэме есть большой государственный интерес, пусть королевская особа, в высшей степени озабоченная своим высоким положением, заставляет замолчать свою страсть, как в *Доне Санчо*,[127] но ежели в пьесе не встречается совсем угроза для жизни, возможность гибели государства или опасность изгнания, я не думаю, что можно дать ей наименование более высокое, чем комедия. Но, стремясь в какой-то мере отметить значительность персонажей, чьи действия изображены в *Доне Санчо* я осмелюсь добавить здесь эпитет *героическая* и тем самым выделить пьесу среди обычных комедий. Подобных примеров у древних нет. Но у них также не найдешь примера, когда бы король, появившись на сцене, не подвергался бы большой опасности. Мы не должны столь рабски подражать античности, чтобы

[127] Примечания: 1.127

...как в Доне Санчо... — Корнель называет свою пьесу "Дон Санчо Арагонский" (1649-1650), жанр которой определен писателем как героическая комедия. Подобное жанровое определение он дает двум своим более поздним пьесам — "Тит и Береника" (1670) и "Пульхерия" (1672).

не осмеливаться попробовать сделать что-то самостоятельно, если это не нарушает правил искусства, хотя бы для того, чтобы заслужить хвалу, подобную той, какой Гораций почтил поэтов своего времени:

> *Nes minimum meruere decus? vestigia groeca*
> *Ausi deserere,*[128]

и не иметь касательства к такой постыдной похвале:

O imitatores, servum pecus![129]

То, что теперь служит нам примером, говорит Тацит,[130] *не имело раньше примеров, а то, что мы сами создаем, не опираясь на примеры, может однажды послужить таковым.*

Итак, комедия отличается от трагедии в том, что последняя требует в качестве сюжета действия значительного, не необычайного, серьезного, а первая ограничивается действием обыденным и

---

[128] Примечания: 1.128

[Наши поэты брались за драмы обоего рода] и заслужили по праву почет — особенно там, где смело они решались оставить прописи греков (Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова).

[129] Примечания: 1.129

О подражатели, скот раболепный! (Гораций. Послания, I, XIX).

[130] Примечания: 1.130

...говорит Тацит... — Тацит — римский историк (55-117 гг. н. э.).

веселым. Одна нуждается в великих опасностях для своих героев, другая удовлетворяется беспокойством и огорчениями главных действующих лиц. Общее для комедии и трагедии состоит в том, что их действия должны быть полными и законченными, то есть зритель должен столь хорошо понимать помыслы персонажей, имеющих какое-либо отношение к завершающему пьесу событию, что мог бы уйти из театра в спокойном состоянии духа, не испытывая никаких сомнений. Цинна плетет заговор против Августа, и заговор его раскрыт. Август приказывает его арестовать. Если бы пьеса на этом событии закончилась, действие не было бы завершенным, ибо зритель вышел бы из театра, не ведая, как поступит император с этим неблагодарным фаворитом. Птоломей боится, что Цезарь, который прибывает в Египет, окажет покровительство предмету своей любви — Клеопатре и заставит его отдать сестре причитающуюся ей по отцовскому завещанию долю царства. Дабы заручиться благосклонностью Цезаря, оказав ему большую услугу, Птоломей приносит в жертву Помпея. Но этого недостаточно. Надо видеть, как Цезарь воспринимает это высокое жертвоприношение. Он прибывает, он недоволен происшедшим, он

угрожает Птолемею, он хочет, чтобы тот казнил зачинщиков покушения на знаменитого усопшего. Царь, удивленный подобным неожиданным для него отношением, решает упредить Цезаря, замышляет заговор с целью погубить его, надеясь таким образом избежать грозящей беды. Цезаря предупреждают об этом. Птоломей погибает в бою со сторонниками Цезаря, благодаря чему самому римскому полководцу уже не грозит опасность, а Клеопатра преспокойно овладевает всем царством, только на часть которого первоначально претендовала. Зрителю не о чем вопрошать себя, он выходит из театра удовлетворенным, ибо действие завершено.

Я знаю умных людей, весьма сведущих в искусстве поэзии, которые упрекают меня за незавершенность *Сида* и некоторых других моих драматических поэм, так как в них вопрос о женитьбе главных героев не решен и по окончании спектакля я не отправляю их прямехонько под венец. Легко возразить на это, что брак совсем не обязательное завершение для трагедии со счастливым концом и даже для комедии. Относительно первой скажу, что ее основой является опасность, угрожающая герою. Когда она минует, трагедия завершена. Пусть герой влюблен — со-

всем не обязательно, чтобы он говорил о свадьбе, если благоприличие этого не дозволяет. Достаточно намекнуть на возможность брака, когда будут устранены все препятствия, и не указывать на точные сроки. Было бы невыносимо, чтобы Химена вступила в брак с Родриго на следующий день после убийства ее отца. И Родриго выглядел бы нелепо, если бы обнаружил малейшее к тому побуждение. То же скажу и об Антиохе.[131] [...]

Говоря о концовке комедии, Аристотель предписывает ей *сделать друзьями бывших врагов* — определение, которое следует истолковать несколько шире, чем это кажется на первый взгляд, включая в него примирение всякого рода. [...] Мы должны, однако, принять во внимание, что это примирение должно произойти не просто из-за перемены желаний, аблагодаря событию, подготавливающему возможность такой перемены. Малоискусной будет развязка пьесы, в которой на протяжении четырех актов отец не одобряет любовной склонности своего

[131] Примечания: 1.131

То же скажу и об Антиохе. — Антиох, один из героев трагедии Корнеля "Родогуна", в финале пьесы становится царем и получает возможность сочетаться браком с любимой им парфянской царевной Родогуной, после того как мать его не сумев дать ему испить чашу с отравленным вином, отравилась сама и умерла, проклиная сына и его будущее потомство. Антиох приказывает сменить приготовления к свадьбе траурной церемонией.

сына или дочери и приемлет ее в пятом только лишь потому, что автор не решился ввести еще и шестое действие. Необходима важная причина, вынуждающая его к тому. Например, спасение его жизни возлюбленным дочери когда, окруженный врагами, он едва не был ими убит, или же чтобы благодаря неожиданному случаю стало известно, что этот влюбленный обладает более высоким положением в обществе, более значительным состоянием, чем казалось.

Поскольку необходимо, чтобы действие было законченным, не следует к нему ничего добавлять, ибо, когда все завершилось, зритель более ничего не желает, ему невыносимы всякие дополнения. [...] Я не знаю, с каким благоволением отнеслись афиняне к спору Менелая и Тевкра по поводу похорон Аякса,[132] который у Софокла умирает в четвертом действии. Но я знаю, что в наше время прения Аякса и Улисса из-за доспехов

[132] Примечания: 1.132

к спору Менелая и Тевкра по поводу похорон Аякса. — В ранней трагедии Софокла "Аякс" изображены гибель и погребение героя Троянской войны Аякса. В финале трагедии идет спор между братом Аякса Тевкром и Менелаем, желающим лишить покойного честного погребения из-за того, что тот пожелал зла своим соплеменникам.

погибшего Ахилла сильно утомили слух,[133] хотя написаны они были умелой рукой. Не могу также скрыть, что мне теперь трудно понять, как можно было вытерпеть пятый акт комедий *Мелита* и *Вдова*. Там главные действующие лица собираются все вместе только лишь для того, чтобы узнать, кто был виновником плутней или насилия, разлучавших их. Они об этом могли бы узнать еще раньше, если бы я этого захотел. Кажется, что они находятся на сцене лишь для того, чтобы быть свидетелями брака второстепенных персонажей, что затягивает финал. Я не осмеливаюсь объяснять успех этой комедии почти повсеместным незнанием правил в те времена. Тем более, что эти же правила, хорошо или плохо соблюденные, должны оказывать хорошее или плохое влияние на тех самых людей, которые, не зная их, отдаются потоку естественных чувств. [...]

Комедия и трагедия походят друг на друга еще и потому, что действие, которому они подражают, должно иметь *надлежащий объем*, то есть он не должен быть *ни столь малым, подобно*

---

[133] Примечания: 1.133

...в наше время прения Аякса и Улисса из-за доспехов погибшего Ахилла сильно утомили слух... — Намек на трагедию современника Корнеля Исаака Бенсерада "Смерть Ахилла и спор из-за его доспехов" (1636), сюжет которой восходит к трагедии Софокла "Аякс".

атому, так что глаз не может рассмотреть его, ни столь обширным, чтобы память зрителя пришла в смятение и воображение его блуждало, — так разъясняет Аристотель это условие поэмы, добавляя, что *условием правильного объема поэмы является наличие начала, середины и конца ее*. Эти термины столь общи, что может показаться, будто они лишены всякого смысла. Но если их правильно понять, станет очевидным, что они исключают внезапные действия, где этих трех частей вовсе нет. Таковым, быть может, является смерть сестры Горация, случившаяся внезапно, без всякой подготовки в трех предыдущих действиях.

К тому, что я только что сказал о надлежащем объеме действия, добавлю несколько слов о длительности представления, которую мы обычно ограничиваем двумя часами. Кое-кто сводит количество стихов пьесы до тысячи пятисот и утверждает, что превышение их числа за тысячу восемьсот неизбежно рассердит зрителя, тем самым заставив его забыть о самых прекрасных вещах. Я был счастливее, чем дозволяет их правило, ибо обычно мои комедии содержат две тысячи стихов, а трагедии немного более тысячи восьмисот, и я притом не имел повода жаловаться на

недовольство аудитории по поводу этих длиннот. Здесь уже достаточно говорилось о сюжете комедии и об условиях, которым он с необходимостью должен удовлетворять. Одним из таковых является правдоподобие, но о правдоподобии я скажу в другом месте. Сверх того, события в комедии всегда должны завершаться счастливо, что не является обязательным для трагедии, где мы можем по своему желанию изображать либо переход от счастья к несчастью, либо от несчастья к счастью. Это не требует комментария. Перехожу ко второй части драматической поэмы — характерам.

По Аристотелю, характеры должны удовлетворять четырем условиям: они должны быть *хорошими, сообразными, похожими, последовательными*. Все эти понятия столь скупо раскрыты, что возникает богатая почва для сомнений и предположений относительно их смысла.

Не могу понять, почему слово *хорошие* пожелали истолковать как добродетельные.[134] Большинство драматических поэм, как древних, так и современных, оказалось бы в жалком состо-

---

[134] Примечания: 1.134

Не могу понять, почему слово "хорошие" пожелали истолковать как добродетельные. — Оспаривая истолкование первого условия, предъявляемого Аристотелем к характеру, Корнель прежде всего имеет в виду требование доктрины изображать по преимуществу добродетельных людей.

янии, если вычеркнуть из них все, что касается персонажей либо злых и порочных, либо запятнанных какими-нибудь недостатками, плохо согласующимися с добродетелью. Гораций взял на себя труд описать в общем виде нравы каждого возраста и указывает больше на недостатки, чем на достоинства. Он не побуждает нас к изображению великих добродетелей, когда советует нам рисовать Медею гордой и непокорной, Иксиона — вероломным,[135] Ахилла — столь необузданным в гневе, вплоть до уверенности, что все законы не для него и свое право он может отстаивать только с помощью оружия. Надо, следовательно, найти форму привлекательности, соответствующую этому роду характеров, и ежели мне дозволено будет высказать мои предположения насчет требования Аристотеля к подобным характерам, то я скажу, что *оно* означает необходимость яркого и приподнятого изображения свойств, присущих и подобающих выведенному на сцену персонажу, независимо от того, являются ли они добродетелями или пороками, Клеопатра в *Родогуне* очень жестока: она не останавлива-

[135] Примечания: 1.135

...Иксиона — вероломным... — Согласно греческой мифологии, Иксион, вознамерившийся обмануть даже своего благодетеля Зевса, в наказание был привязан к вращающемуся вечно колесу.

ется перед убийством близких по крови, лишь бы удержать превыше всего ценимый ею трон — столь неукротима она в своем властолюбии. Но все ее преступления сочетаются с грандиозностью духа, в котором есть такое величие, что, ненавидя поступки царицы, восхищаешься источником, их породившим. Осмелюсь сказать то же самое о *Лжеце*.[136] Несомненно, привычка лгать — отвратительная черта. Но герой пьесы преподносит свои выдумки так умно и живо, что в его лице этот недостаток предстает как приятность, заставляя зрителей признать талант лжи за порок, недоступный глупцам.

Мне приходит в голову еще одно предположение касательно истолкования Аристотелем понятия *хорошие характеры*, называемого им в качестве первого из условий для их изображения на сцене. Согласно этому предположению, характеры должны быть по возможности добродетельны, в силу чего злодеи и порочные люди появляются на сцене лишь тогда, когда это необходимо для избранного нами сюжета. Аристотель сам дал основание для подобной мысли, когда в качестве примера отступления от этого правила

---

[136] Примечания: 1.136

Осмелюсь сказать то же самое о "Лжеце". — "Лжец" (1643) — комедия Корнеля.

приводит образ Менелая из *Ореста* Еврипида, говоря, что недостатком этого персонажа является не просто его несправедливость, а несправедливость, не вызванная необходимостью.

Я нахожу у Кастельветро третье объяснение, которое по-видимому, может понравиться. Согласно Кастельветро, требование *хороших характеров* относится только к главному персонажу, который должен вызывать приязнь, быть добродетельным, в отличие от тех, кто его преследует или способствуя его гибели. Но поскольку такое объяснение означает сведение общего положения Аристотеля к единичному, я предпочел бы закрепить в качестве толкования этого первого условия упомянутую мною выше приподнятость характера или доведение его до своей высшей степени, подобающей для всех, кто появляется на сцене. Я не мог бы последовать этой последней интерпретации, не осудив главного из действующих лиц *Лжеца*, чья суть порочна, хотя оно занимает Первое место в комедии, носящей это название.

Во-вторых, характеры должны быть *сообразными*. Это условие легче понять, чем первое: Поэт должен принимать во внимание возраст, сан, рождение, занятия и родину действующих лиц.

Нужно, чтобы он знал обязанности людей перед своей родиной, своими родителями, своими друзьями, своими королями, понимал суть службы чиновного лица и полководца, дабы привести в соответствие со всем этим поведение персонажей, которых он хочет сделать любезными зрителям или, напротив, показать, как далеки от подобных требований те, кого он хочет сделать ненавистными аудитории. Ибо непреложным является правило, согласно которому успех зависит от интереса зрителя к главным персонажам. Уместно отметить также, что сказанное Горацием по поводу нравов, соответствующих каждому возрасту, является правилом, коим нельзя без зазрения совести пренебрегать. В соответствии с ним молодые люди расточительны, а старики скупы. Противоположное случается каждый день, и в этом нет ничего необычного. Но не следует, чтобы старик вел себя, как юноша, хотя у него могут быть привычки или страсти, больше подходящие для иного возраста. Поистине влюбляться свойственно молодым людям, а не старикам; это не мешает последним подпадать под власть страсти. Мы видим подобные примеры достаточно часто. Но старик выглядел бы глупо, пытаясь в любви вести себя, как молодой, и претендуя, чтобы его

любили за привлекательность. Он может надеяться на благосклонность, но должен основывать свои надежды не на своих личных качествах, а на том, что обладает состоянием, знатностью. И его притязания не будут обоснованными, если он не поймет, что имеет дело с существом достаточно корыстным, чтобы поступиться всем ради блеска богатствами честолюбивого стремления занять высокое положение.

Требование *похожести*, выдвигаемое Аристотелем применительно к характерам, особо касается персонажей, известных из истории или из сказаний и которых всегда следует рисовать такими, какими мы их находим там. Именно это хотел сказать Гораций, когда писал:

Sit Medea ferox invicta que...[137]

Тот выставит себя на посмешище, кто изобразит Улисса великим воином, Ахилла — искуснейшим собеседником, а Медею — весьма покорной женой. Таким образом, эти два качества, разницу между которыми многие из комментаторов устанавливают с большим трудом, но на существовании которой Аристотель, не уточняя ее

[137] Примечания: 1.137

Будет Медея мятежна и зла... (Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова).

смысла, настаивает, легко согласуются между собой, как только их разделят и отнесут требование сообразности характеров к персонажам вымышленным, существующим только в воображении поэта, закрепляя требование похожести за характерами персонажей, известных из истории или из сказаний, как я только что говорил.

Остается сказать о требовании *последовательности*, обязывающем нас до самого конца сохранять характеры, которыми мы наделили персонажей в начале пьесы.

> *Servetur ad imum*
>
> *Qualis ad incepto processit; et sibi constet*[138].

Непоследовательность может, однако, присутствовать, не будучи отступлением от правила. И не только тогда, когда мы выводим лиц легкомысленных, непостоянных, но также и в том случае, когда нами сохраняется внутренняя последовательность; такова непоследовательность Химены в ее любви. Она всегда в глубине души сильно любит Родриго, но эта любовь проявляет-

---

[138] Примечания: 1.138
...да будет он выдержан строго,
Верным себе оставаясь от первой строки до последней
(Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова).

ся по-разному в присутствии короля, инфанты и Родриго. Это то, что Аристотель называет характерами *непоследовательно-последовательными*.

В связи с характерами возникают сложности для комментирования, когда появляется необходимость разъяснять высказанные Аристотелем мнения: *трагедия без характеров возможна и трагедии очень многих новейших поэтов — без характеров*. Смысл этих высказываний весьма трудно понять, учитывая, что, согласно Поэтике, именно в зависимости от характера человек является дурным или достойным, умным или глупым, робким или отважным, твердым или нерешительным, плохим или хорошим политиком и что невозможно представлять кого-либо на театре, кто не является либо добрым, либо злым и кто не имеет каких-нибудь перечисленных выше качеств. Дабы согласовать эти два положения, кажущиеся противоречащими одно другому, я обратил внимание на высказанное философом позже мнение, что поэт, *написавший великолепное назидательное повествование или наполненное сентенциями рассуждение, еще ничего не сделал в качестве автора трагедии*. Это навело меня на мысль, что характеры являются не только основой поступков, но также и осно-

ванием рассуждений персонажей. Достойный человек поступает и рассуждает как достойный человек, злой поступает и рассуждает как злой. Тот и другой произносят различные моральные сентенции, соответствующие их обычному поведению. Именно без моральных сентенций, проистекающих из присущего персонажам образа мыслей и поступков, может обойтись трагедия. Но она не может обойтись без самих этих свойств, поскольку они лежат в основе действия, которое является душой трагедии, где должно говорить, только действуя и во имя действия. Таким образом, объясняя этот отрывок из Аристотеля с помощью другого, мы можем сказать, что, когда философ говорит о трагедии без характеров, он под этим понимает трагедию, в которой персонажи попросту выражают свои помыслы или суждения на основании внешних обстоятельств, а не на основании моральных или политических постулатов. Таково поведение Клеопатры во втором акте *Родогуны*, отличающееся от поведения Родогуны в первом акте той же трагедии. Ибо, повторяю еще раз, совершенно невозможно создать театральную пьесу, где никто из персонажей не был бы добрым или злым, осмотрительным или неосторожным.

После *характеров* идут *мысли*,[139] выражая которые персонаж дает понять, что он хочет и чего не хочет, будучи вправе, как я уже говорил, ограничиться просто изложением своих намерений или подкреплять их моральными рассуждениями. Эта часть требует овладения искусством риторики, чтобы изображать страсти и смятение разума, чтобы взывать к доводам рассудка, чтобы рассуждать, возвеличивать или затушевывать. Но между автором драматической поэмы и оратором существует то различие, что второй может полно представить свое искусство, выставить его напоказ совершенно свободно, а первый должен его тщательно скрывать, ибо в пьесе он никогда не говорит сам, а те, кому дано слово, не являются ораторами.

Словесное выражение зависит от грамматики. Аристотель включает в словесное выражение фигуры, которые мы обычно называем риторическими. Мне по этому поводу нечего сказать, разве только, что язык должен быть ясным, фигуры разнообразными и уместными, стихи легкими,

---

[139] Примечания: 1.139

После характеров идут мысли... — Аристотель называет "мыслью суждение]" (Поэтика, 1459 а). См. также: "...мысль, то есть умение говорить существенное и уместное [...] в речах; это составляет задачу политики и риторики — у древних поэтов лица говорят, как политики, у новых — как риторы" (Поэтика, 1450 в).

приподнятыми над прозой, но чуждыми велеречивости, присущей эпической поэме, ибо те, кого поэт заставляет говорить, не являются поэтами.

Устранение нами хора исключило музыку из наших драматических поэм. Авторы порой милостиво относятся к песне, а в пьесах с машинами музыка стала обязательным украшением, занимающим зрителя, пока машины спускаются на сцену.

Для создания театральных декораций требуются три рода искусств — живопись, архитектура и перспектива. Аристотель полагает, что эта часть драматической поэмы, как и музыка, не относится к ведению поэта. И поскольку он о ней не рассуждает более пространно, я воздержусь высказываться на этот счет подробнее, чем он сам.

В заключение этого рассуждения мне остается сказать об объеме и о частях трагедии, каковыми являются пролог, эписодий, эксод и хоровая часть. *Пролог — это то, что рассказывается перед первой песней хора, эписодий — то, что рассказывается между песнями хора, эксод — то, что рассказывается вслед за последней песней хора*. Вот все, что нам на этот счет сказал Аристотель, отметив скорее расположение частей по отношению друг к другу и их последовательность

во время представления, а не приходящийся на каждую из них отрезок действия. Таким образом, если применить к ним наши театральные обычаи, то пролог — наш первый акт, эписодий — три следующих, эксод — последний.

Я назвал прологом то, что предшествует первой песне хора, хотя обычно его определяют как часть, предпосланную первому выходу хора. Я сделал это, дабы устранить неизбежные затруднения, связанные с тем, что многие греческие трагедии начинаются выступлением хора и, таким образом, в них словно бы отсутствует пролог — обстоятельство, которое не преминул бы отметить Аристотель. Я осмелился изменить общепринятое толкование во имя устранения упомянутых трудностей, приняв также во внимание, что греческое слово parodos, употребляемое философом и обычно означающее выход актеров на дорогу или на площадь, которые в древности служили местом для представлений, в данном случае может истолковываться только как первая песня хора. Это то, что он сообщает сам, говоря чуть ниже, что parodos хора — это первое общее выступление всего хора. Но когда весь состав хора что-либо произносил, он пел. Пение заменялось обычной речью, если один из участников хора

выступал от имени всех. Причиной тому является роль хора у древних. Хор в те времена заменял актера, а то, что им говорилось, способствовало развитию действия и, следовательно, должно быть понятным. Это было бы неосуществимо, если бы весь состав хора иногда доходивший до пятидесяти человек, одновременно говорил или пел. Итак, следует отодвинуть этот первый parodos хора, являющийся пограничным знаком пролога, до того момента, когда, оставшись один на сцене, хор запевал. Ранее он мог быть введен в качестве собеседника актера и мог высказываться устами одного из своих членов, выступавшего в качестве глашатая. В тех же случаях, когда хор пребывал на сцене, но не пел, его делили на два полухория, каждое из которых имело глашатая, дабы аудитории было бы слышно сказанное и было бы усвоено все, что необходимо для понимания хода действия.

Следуя направлению мыслей Аристотеля и стремясь в какой-то мере восполнить то, чего он не сказал нам, или то, что время похитило из его книги, я приравниваю наш первый акт к прологу и утверждаю, что в первом действии должна быть завязка всех последующих событий, как главных, так и второстепенных. Таким образом, в

остальных актах не появится ни один персонаж, который не был бы либо выведен на сцену, либо, в крайнем случае, упомянут в первом акте. Я сам не всегда соблюдал это совершенно новое и достаточно строгое правило. Но полагаю, что оно является крепким основанием для единства действия, ибо может объединить между собой все другие способствующие этому единству принципы. Древние от этого правила сильно отступали. В частности, когда они изображали жертвоприношения, что случалось почти всегда в пятом акте (а если бы пьеса состояла из десяти актов, то в десятом), внезапно появлялся человек вроде коринфского старца в *Эдипе* Софокла и Сенеки, который словно с неба свалился как раз в тот момент, когда персонажи не знали, что предпринять и как вести себя. Я лично вывел его на сцену в пятом акте, но готовил его появление, начиная с первого, ибо в первом акте моей пьесы Эдип говорит,[140] что со дня на день ждет сообщений относительно обстоятельств смерти своего отца.[...]

Итак, я хотел бы, чтобы первый акт содержал обоснование последующих действий пьесы и

[140] Примечания: 1.140

...в первом акте моей пьесы Эдип говорит... — Корнель ведет речь о собственной трагедии "Эдип", поставленной и опубликованной в 1659 г.

чтобы исключались попытки ввести что-либо дополнительное в остальные ее части. И пусть этот акт не содержит всех сведений, необходимых для исчерпывающего представления о сюжете, пусть не все персонажи пьесы являются его участниками — достаточно простого упоминания о некоторых или чтобы действующие лица первого акта вознамерились послать за кем-либо, дабы достичь исполнения своих намерений. Сказанное относится только к персонажам, движимым существенным личным интересом, или же к тем, кто сообщает нечто важное, имеющее серьезные последствия. Нет необходимости упоминать в первом акте о слуге, действующем только по велению своего господина, о наперснике, коему доверяют тайны и кто скорбит о горе друга, об отце, чья роль сводится к тому, чтобы дать согласие на брак детей или воспрепятствовать их союзу, о жене, дающей мужу совет и утешение, короче говоря, о всех лицах, не действующих в пьесе самостоятельно. И если бы я не упомянул в первом действии *Цинны* о Ливии, я все равно имел бы право ввести ее в четвертом акте, не греша против установленного правила. Но я хотел бы, чтобы его соблюдали неукоснительно, когда в пьесу вводят, два разных сюжета, пусть даже

они между собой переплетены. [...]

Во времена Аристотеля этот первый акт назывался прологом и обычно в прологе сообщалось о том, что предшествовало началу действия, которое будут показывать, и говорилось все, что почиталось необходимым для понимания зрителями последующего представления. Способ, коим это понимание достигалось, со временем менялся. Еврипид действовал достаточно прямолинейно, то вводя на сцену с помощью машины бога, который давал зрителям пояснения, то наделяя этой обязанностью одного из главных персонажей. Так, в его *Ифигении* и в его *Елене* обе героини рассказывают свою историю, обращаясь к зрителям и не имея возле себя никого в качестве собеседника, к кому эти речи могли бы быть обращены.

Нельзя сказать, что я полагаю, будто речь действующего лица, остающегося наедине с собой, не может быть поучительной для зрителя. Нет. Но она не должна быть простым повествованием, а изъявлением страстных чувств. В монологе Эмилии, — которым начинается трагедия *Цинна*, достаточно подробно сказать об убийстве Августом отца девушки, о задуманном ею мщении, ради чего она побудила любимого человека к

организации заговора против императора. Но мы все это узнаем, услышав от нее о том волнении и страхе, которые она испытывает при мысли, что Цинна подвергается опасности по ее вине. Кроме того, подразумевается, что находящийся на сцене персонаж говорит как бы про себя, открывая, таким образом, свои сокровенные мысли зрителю. Поэтому было бы непростительной ошибкой допустить, чтобы подобная речь могла открыть кому-либо из персонажей тайны другого. Извинением мог бы служить лишь такой накал страстей, когда они непроизвольно исторгаются в речи, хотя бы собеседник и отсутствовал. Я не намерен осуждать подобное у кого-либо, но с трудом потерпел бы это у себя лично. [...]

То, что здесь Аристотель называет эписодием, в нашем театре составляет три следующих за первым акта. Но поскольку он дает то же название второстепенным действиям, являющимся для главного необязательным украшением, я полагаю, что, хотя эти три акта называются эписодием, недостаточно будет сказать, что они просто состоят из эпизодов. [...] Эти эпизоды бывают двоякого рода. Они могут складываться из действий, хотя и совершаемых главными персонажами, но не имеющих решающего влияния

на основной ход событий. Эпизоды могут быть также обусловлены интересами второй пары влюбленных, обычно называемых эпизодическими персонажами. Но те и другие должны иметь свое начало в первом акте и быть увязанными с основным действием, то есть в некотором роде ему подчиняться. И особо важно, чтобы эпизодические персонажи столь тесно были связаны с главными, что одна и та же интрига вызывала бы ссору той и другой пары. Аристотель резко осуждает эпизоды, не связанные с главным действием, и говорит, что они встречаются *у дурных поэтов благодаря их невежеству, а у хороших — ради актеров, чтобы дать им возможность сыграть*. Эпизод с инфантой в Сиде относится к их числу. Его можно осудить или помиловать, опираясь на этот текст Аристотеля. Все зависит от того, к какому рангу современных писателей захотят причислить меня самого.

Я не скажу ничего об эксоде, соответствующем попросту нашему пятому акту. По-моему, я объяснил его главный смысл, сказав, что действие поэмы должно быть законченным. Я добавлю только одно: необходимо, по возможности, именно здесь сосредоточить изображение катастрофы и даже отодвинуть ее как можно ближе к концу.

Чем дальше ее отодвигают, тем напряженнее внимание зрителей и нетерпеливее их желание узнать, как повернутся события. Развязка, — таким образом, приносит больше удовольствия, Нежели в том случае, когда она намечается уже в начале акта. Зритель, слишком рано узнавший о ней, не испытывает более любопытства. Его внимание ослабевает, так как он не узнает ничего нового. Нечто противоположное произошло при постановке *Марианны*.[141] Хотя смерть героини произошла между четвертым и пятым актами, стенания Ирода, заполняющие весь пятый акт, тем не менее вызвали чрезвычайный восторг. Но я не посоветовал бы никому опираться на подобный пример. Чудеса не происходят ежедневно. И хотя столь большой успех был вполне заслужен автором пьесы, напрягшим все силы своего разумения, дабы изобразить отчаянье Монарха, возможно предположить, что во многом тут споспешествовал и великолепный исполнитель

[141] Примечания: 1.141

Нечто противоположное произошло при постановке Марианны. — Имеется в виду пользовавшаяся большим успехом у зрителя трагедия современника Корнеля Тристана Л'Эрмита "Марианна" (1637). Упомянутый Корнелем царь Ирод, охваченный ревностью и досадой, приказывает казнить свою жену Марианну, но тотчас же после ее гибели раскаивается в содеянном.

роли Ирода.[142]

Вот что пришло мне на ум по поводу цели, полезности и частей драматической поэмы. Некоторые высокие особы, кои властны надо мной, хотели бы, чтобы я изложил публике свое отношение к правилам искусства, которым столь давно и достаточно успешно занимаюсь. Поскольку данный сборник состоит из трех томов, я разделил материал на три рассуждения, сделав каждое из них предисловием к тому. Во втором томе я говорю о требованиях, предъявляемых к трагедии, о качествах персонажей, о событиях, которые могут стать ее сюжетом, и о способе его раскрытия в соответствии с правилами правдоподобия и необходимости. В третьем томе я высказываю свои суждения относительно трех единств — действия, времени и места. Подобное начинание потребовало бы длительного и очень скрупулезного изучения всех дошедших до нас драматических поэм античных авторов, всех сочинений, комментирующих трактаты Аристотеля и Горация о поэтическом искусстве,

[142] Примечания: 1.142

...великолепный исполнитель роли Ирода. — Речь идет о — знаменитом актере Мондори. Современники свидетельствовали, что из-за напряжения во время исполнения роли Ирода Мондори в 1640 г. умер от кровоизлияния.

а также произведений, специально этому предмету посвященных. Но я не решился уделить этому большую часть моего досуга, и уверен, что мои читатели простят мне мою леность и не рассердятся, что я посвятил произведениям нового времени страницы, которые должен был бы отдать заметкам о писателях прошлых веков: я обращаюсь к их примерам только тогда, когда они мне приходят на память. Среди современных я выбираю собственные произведения, ибо знаю их лучше, чем творения других авторов, и, кроме того, являюсь их хозяинном, а посему не рискую, делая замечания, рассердить кого-либо и не заслужу упрека, если не отдам должное тем произведениям, которые выполнены великолепно. Как я уже отмечал, я пишу не честолюбия ради и не из желания поспорить. Я стремлюсь следовать духу Аристотеля, обращаясь к затронутым им темам; и поскольку, может быть, я понимаю его по-своему, я не возревную, если кто-либо истолкует его на свой лад. Чаще всего я в качестве комментария использую опыт работы в театре и размышления относительно того, что зрителю нравится и что не нравится. Для изложения своих мыслей я избрал стиль простой и удовлетворяюсь безыскусным выражением

своих мнений, хороши ли они или плохи, не украшая их фигурами красноречия. Мне достаточно того, чтобы меня поняли. Я не претендую здесь на восхищение моей манерой как писателя и не испытываю угрызений совести, когда часто повторяю термины, дабы не тратить время на поиски каких-нибудь иных: разнообразие могло бы не способствовать точности выражения моей мысли. Я добавлю к этим трем рассуждениям разбор каждой из моих пьес, дабы увидели, в чем они отступают и в чем соответствуют установленным мною правилам. Я не буду скрывать их недостатки, но зато вправе буду отметить то, что полагаю наименее несовершенным. Бальзак[143] дает эту привилегию людям определенного рода и утверждает, что они могут высказать с откровенностью то, что другие говорили бы тщеславия ради. Не знаю, принадлежу ли я к их числу, но мне хочется быть достаточно хорошего мнения о себе, чтобы не потерять надежду стать одним из них.

---

[143] Примечания: 1.143

Бальзак — Корнель называет имя выдающегося прозаика-классициста Жана-Луи Геза де Бальзака, чей авторитет как критика был единодушно признан в XVII в.

Рассуждения о трагедии и о способах трактовки ее согласно законам правдоподобия или необходимости

Помимо трех способов введения полезного в драматическую поэму, о которых я говорил в рассуждении, послужившем предисловием к первому тому этого сборника моих пьес, у трагедии есть особый, свойственный ей аспект полезного, заключающийся в том, что она *посредством страха и сострадания очищает страсти*. Положение это принадлежит Аристотелю, и мы узнаем из него, во-первых, что трагедия возбуждает сострадание и страсти, во-вторых, что посредством сострадания и страха она очищает страсти. Первое он объясняет довольно подробно, но ни слова не говорит о последнем, так что из всех составных частей, которые он употребляет в своем определении, это — единственное, остающееся, без разъяснения. В последней главе *Политики* он высказывает вместе с тем, намерение поговорить об очищении страстей весьма подробно в *Поэтике*, что дало повод большин-

ству комментаторов думать, что этот трактат не дошел до нас в целости, так как в имеющемся тексте мы не видим ровно ничего, относящегося к этому предмету. Как бы там ни было, я считаю более уместным разобрать то, что он сказал, чем пытаться отгадать то, что он хотел сказать. Правила, которые он установил, могут привести нас к некоторым соображениям относительно тех, которые он хотел установить и, уверенно опираясь на то, что у нас от негр осталось, мы можем основать предположения и о том, что не дошло до нас.

Мы чувствуем сострадание, говорит Аристотель, *к тем, которых видим под бременем незаслуженного ими несчастья, и страшимся, чтобы нас не постигло подобное же несчастье, когда видим, что его испытывают нам подобные*.[144] Следовательно, сострадание относится к лицу, которое мы видим в несчастье; следующий же за состраданием страх относится к нам. И вот одно уже это суждение открывает широкую возможность для заключений о том, каким способом

[144] Примечания: 1.144

...его испытывают нам подобные. — У Аристотеля: "...сострадание возникает к безвинно несчастному, а страх — перед несчастьем нам подобного (Поэтика, 1453 а. Цитаты в "Рассуждениях о трагедии" даются в переводе В. Г. Аппельрота).

трагедия добивается очищения страстей. Сострадание к несчастью, в котором мы видим себе подобных, приводит нас к страху перед таким же несчастьем для нас самих; страх — к желанию избежать этого несчастья; желание — к очищению, к обузданию, исправлению и даже искоренению в нас страсти, повергающей, на наших глазах, в это несчастье лиц, возбуждающих наше сожаление, и все это по тому простому, но естественному и несомненному соображению, что для избежания следствия нужно устранить причину. Такое объяснение не понравится тем, кто строго следует за комментаторами этого философа; но это место, не поддается их объяснениям и вызывает такие разногласия, что Паоло Бени[145] приводит двенадцать или пятнадцать различных мнений, которые и опровергает, выдвигая собственное свое толкование.

Ход его рассуждений совпадает с вышеприведенным, но действие сострадания и страха он распространяет лишь на королей и принцев, вероятно, потому, что трагедия может поселить в нас страх только перед таким бедствием, которое

[145] Примечания: 1.145

Паоло Бени (1552-1625) — итальянский ученый, автор ряда работ по эстетике. Опубликовал в 1613 г. (а затем в 1623 г.) комментарий к "Поэтике" Аристотеля.

постигает нам подобных, а так как она обрушивает его только на королей и принцев, то и действие страха должно распространяться лишь на лиц этого звания. Но, без сомнения, Бени слишком буквально понял выражение "нам подобные"[146] и упустил из виду, что в Афинах, где представлялись пьесы, из которых Аристотель черпает свои примеры и на основании которых строит свои правила, не было королей. Аристотель был достаточно осторожен, чтобы придерживаться той мысли; которую приписывают ему комментаторы, и он не включил бы в определение трагедии положение, влияние которого может сказываться лишь в очень редких случаях, а полезность ограничена слишком тесным кругом людей. Правда, главными действующими лицами в трагедии обыкновенно являются короли, а у зрителей нет скипетров и, по-видимому, нет повода страшиться несчастий, грозящих лицам, находящимся на вершине власти; о ведь эти короли — люди, как и зритель, и подвергаются бедствиям из-за неукротимости страстей, от которых не свобод-

[146] Примечания: 1.146

...Бени слишком буквально понял выражение "нам подобные"... — Вступая в спор с итальянским филологом, Корнель, безусловно, имеет в виду закрепленное в ряде теоретических выступлений резкое деление жанров по сословно-иерархическому принципу.

ны и зрители. Они дают возможность делать умозаключения, идя от большего к меньшему, почему зрителю легко вообразить, что если король, предаваясь без меры честолюбию, любви, ненависти, мщению, впадает в такое великое несчастье, что возбуждает в нас сострадание, тем более он, человек простой, должен держать в узде подобные страсти из страха, чтобы они не повергли его в такое же несчастье. Да, сверх того, нет и необходимости выставлять на театре бедствия одних только королей. Бедствия других людей могут также найти свое место на сцене, если они достаточно возвышенны и достаточно необычайны, если они сохранены и переданы нам историей. Скидас был всего лишь левктрийский крестьянин,[147] но я не счел бы его историю недостойной показа в театре, если бы рассказу о грубом насилии над дочерьми Скидаса не препятствовало требование чистоты нравов,

---

[147] Примечания: 1.147

Скидас был всего лишь левктрийский крестьянин... — Корнель имеет в виду рассказанную Плутархом в "Жизнеописаниях" историю жителя Левктры Скидаса, дочери которого подверглись насилию со стороны чужеземцев из Спарты. Отец, не добившись возмездия обидчикам, проклял спартанцев и лишил себя жизни на могиле дочерей. Этот рассказ использовал в качестве сюжета для трагедии "Скидас" (ок. 1604) знаменитый французский драматург начала XVII в. Александр Арди (1570-1632), под влиянием которого, по признанию самого Корнеля, написана его первая пьеса "Мелита".

на основании которого не потерпели даже упоминания о намерении обесчестить святую,[148] хотя сама ее святость уже была гарантией от его осуществления.

Дабы легче было добиться возбуждения сострадания и страха, чему нас как будто обязывает Аристотель, он помогает нам в выборе лиц и событий, которые по преимуществу способны вызывать и то и другое. По этому поводу я делаю предположение — на самом же деле оно и действительно так, — что публика в театре состоит не из злодеев и не из святых, а из людей обычных, не стоящих в такой степени под защитою строгой добродетели, чтобы к ним не было доступа страстям, а вместе с тем и бедствиям, в которые вовлекают эти страсти людей, слишком им поддающихся. Сделав такое предположение, рассмотрим, какого рода людей исключает этот философ из трагедии, а потом вернемся вместе с ним к тем, которые, по его мнению, как раз составляют ее совершенство.

Во-первых, он не хочет, *чтобы человек вполне добродетельный из благополучия впадал в несча-*

---

[148] Примечания: 1.148

...не потерпели даже упоминания о намерении обесчестить святую... — Корнель намекает на критику его трагедии "Феодора" (1645), где есть подобный сюжетный мотив.

стье, и утверждает, что это не вызывает ни сострадания, ни страха, потому что такое событие совершенно несправедливо. Некоторые комментаторы усиливают значение греческого слова miaros, являющегося эпитетом к слову "событие", и переводят его как "отвратительное". К этому я прибавлю, что подобный исход вызывает скорее негодование л ненависть к тому, кто заставляет страдать, чем сострадание к страждущему, и что чувство это, свойственное трагедии только в крайне умеренной степени, скорее может заглушить то, которое она должна возбуждать, и вызовет недовольство зрителей, ибо досада, примешавшись к состраданию, уменьшит доставленное трагедией удовольствие.

Он не хочет также, чтобы *злой человек от несчастья переходил к благополучию, потому что такой исход не только не может породить ни сострадания, ни страха, но не может даже тронуть тем естественным чувством радости, которым наполняет нас благополучие главного действующего лица, привлекающего к себе нашу благосклонность*. Когда беда обрушивается на злодея — это нас удовлетворяет вследствие отвращения, которое мы к нему питаем; но так как это только справедливое наказание, оно

нисколько не возбуждает в нас сострадания и не поселяет в нас никакого страха, тем более, что мы не такие злодеи, как он, неспособны к подобным преступлениям и не можем страшиться такого пагубного исхода.

Остается, таким образом, найти середину между этими двумя крайностями, избрав человека, который не был бы ни совершенно добродетельным, ни совершенно дурным и который по своему заблуждению или по человеческой слабости впадает в несчастье, которого он не заслуживает. Для примера Аристотель указывает на Эдипа[149] и Фиеста; но тут я решительно не понимаю его мысли. На первом, по моему мнению, не лежит вина в отцеубийстве, потому что он не знает своего отца, он только с горячностью оспаривает путь у незнакомца, готового одолеть его. Но хотя греческое слово hamartema может означать простую ошибку, происходящую от неведения, какова и была ошибка Эдипа, Допустим, что Эдип был виновен; и в этом случае я все-таки не вижу, какую страсть являет он нам для очищения и как мы можем исправиться благодаря этому примеру. Что же касается Фиеста, то я не могу найти в

[149] Примечания: 1.149

Эдип — Корнель дает здесь аналитический пересказ сюжета трагедии Софокла "Эдип".

нем ни обыденной честности, ни той вины без преступления, которая повергает его в несчастье. Если мы станем рассматривать его до начала трагедии, носящей его имя, то это — кровосмеситель, обольщающий жену своего брата; если же мы будем рассматривать его в самой трагедии, то это — человек прямодушный, примирившийся со своим братом и положившийся на его слова. В первом случае он настоящий преступник, в последнем — он очень добродетельный человек. Если мы припишем его несчастья совершенному им кровосмешению, то это такое преступление, на которое зрители не способны, и их сострадание к нему не вызовет у них очищающего страха, так как в Фиесте они не будут видеть себе подобного. Если же мы сочтем причиной его бедствия прямодушие, известный страх может последовать за нашим состраданием, но он будет способствовать очищению разве только от наивной доверчивости к слову примирившегося врага, которая является скорее качеством честного человека чем дурным свойством; но подобное очищение приведет только к изгнанию искренности из всякого примирения. Итак, говоря откровенно, я вовсе не понимаю, как приложить этот пример к идее катарсиса.

Скажу больше: если в трагедии происходит очищение страстей, то оно должно осуществляться только тем путем, на который я указываю; но я сомневаюсь, чтобы оно совершилось даже в таких трагедиях, которые удовлетворяют всем выставленным Аристотелем условиям. Последние налицо в *Сиде*, и это вызвало большой успех пьесы. Родриго и Химена обладают требуемой честностью, они доступны страстям, и именно эти страсти являются причиной их несчастий, так как они несчастны лишь в той мере, в какой питают страсть друг к другу. Их вовлекает в бедствие такая человеческая слабость, которой мы можем быть подвержены так же, как и они. Их несчастье, бесспорно, возбуждает сострадание; оно вызвало достаточно слез у зрителей, чтобы не оставить в том никакого сомнения. Это сострадание, должно было бы вызвать у нас страх перед возможностью подобного же бедствия и очистить нас от того избытка любви, который причиняет им несчастье и заставляет нас сожалеть о них, но я не знаю вызывает ли сострадание этот страх и сострадание этот страх и очищает ли оно нашу страсть; боюсь даже, не представляет ли рассуждение Аристотеля по этому предмету лишь прекрасную идею, которая на самом деле

нищ когда не осуществляется. Ссылаюсь на тех, которые видели представления *Сида*, пусть они заглянут в тайники своего сердца, проверят, что их растрогало в театре, и скажут, ощутили ли они этот сознательный страх и исправил ли он в них страсть, причинившую бедствие, которому они сострадали. Один из комментаторов Аристотеля полагает, что философ говорил об этом очищении страстей в трагедии только потому, что он писал после Платона, изгнавшего трагических поэтов из своей республики[150] по причине вызываемого ими сильного волнения. Поскольку Аристотель хотел возразить на это и показать неуместность изгнания поэтов из хорошо устроенного государства, он и пожелал найти полезность как раз в волнениях души, дабы показать, что трагедии нужны именно в силу того, что подвергаются гонениям. Ему недоставало результатов, рожденных под впечатлением от силы примера, ибо наказание за дурные поступки и вознаграждение за хорошие не были тогда в обы-

---

[150] Примечания: 1.150

...после Платона, изгнавшего трагических поэтов из своей республики... — Знаменитый древнегреческий мыслитель, философ-идеалист Платона (ок. 427 — ок. 347 гг. до н. э.) в своем сочинении "Государство" (кн. III) приходит к мысли о том, что поэты не достойны жить в идеальном государстве, ибо они создают лишь образы вещей, являющихся, со своей стороны, тенями вечных идей. Это положение находится в противоречии с его же концепцией поэзии, как божественного дара.

чае, как в наш век. И, не будучи в состоянии найти какой-либо надежный способ для поучения помимо сентенций и дидактических рассуждений, необязательных, по его мнению; для трагедии, он заменил его другим, который, быть может, является лишь плодом воображения. По крайней мере, для создания подобного эффекта необходимо соблюдение условий, встречающихся столь редко; что Робортелло[151] находит их только в *Эдипе*; по его мнению; Аристотель предписывал их не как необходимые, без коих произведение искусства становится ущербным, а только лишь как идеальные, потребные для совершенной трагедии. Наш век усмотрел эти качества в *Сиде*, но я не знаю, увидел ли он их во многих других произведениях; и если мы соблаговолим взглянуть с этой точки зрения на многие пьесы, где это правило не соблюдено, то увидим, что его нарушение оправдано их успехом у публики.

Исключение из пьес людей совершенной добродетели, поверженных в беду, изгоняет из нашего театра мучеников. Полиевкт удался вопреки

[151] Примечания: 1.151

Робортелло — Франческо Робортелло (1516-1567), итальянский ученый-гуманист; издал в 1548 г. "Поэтику" Аристотеля с обширным комментарием к ней.

этому правилу,[152] а Ираклий[153] и Никомед понравились, хотя они внушают лишь сострадание и не дают повода для страха и оснований для очищения какой-либо страсти, поскольку мы видим их в положении, угнетенных и близких к гибели людей, без малейшей с их стороны вины, на примере которой мы сами могли бы исправиться.

Несчастье человека очень дурного не возбуждает ни сострадания, ни страха, ибо он недостоин первого, а зрители не являются людьми столь плохими, чтобы испытать страх при виде наказания, постигшего злодея. Но было бы уместно установить некоторые различия между преступлениями. Имеются такие, на которые под влиянием страсти способен даже порядочный человек. Это может оказать дурное воздействие на душу

---

[152] Примечания: 1.152

Полиевкт удался вопреки этому правилу... — В трагедии Корнеля "Полиевкт" (1643) главный герой, новообращенный христианин, в подтверждение своей преданности новой вере разбивает статуи языческих богов, за что казнен по приказу римского императора Деция, объявившего преследование христианства. Пьеса понравилась публике, но вызвала недовольство партии святош, почитавших ее слишком "светской" и, с другой стороны, чрезмерно экзальтированной.

[153] Примечания: 1.153

Ираклий — имя главного героя трагедии Корнеля "Ираклий" (1647). Фока — один из главных персонажей трагедии "Ираклий", император Восточной Римской империи, завладевший троном законного наследника престола Ираклия. Убит заговорщиками с одобрения народа, восставшего против тирана; Корнель здесь очень сильно отходит от подлинной истории императора Фоки (602-610) и Ираклия (610-641).

зрителей. Достойный человек не совершит кражу в лесу, не пойдет на хладнокровное убийство. Но если он очень влюблен, он может обмануть своего соперника, честолюбие может толкнуть его на преступление или на предосудительный поступок. Мало найдется матерей, которые бы, подобно Клеопатре в *Родогуне*, захотели умертвить своих детей из опасения, что придется отдать им их достояние; но многие с удовольствием пользуются добром детей и с сожалением расстаются с ним всячески оттягивая момент его возвращения. Хотя они и неспособны на поступки столь черные и противоестественные, как злодеяния упомянутой сирийской царицы, они все же слегка ее напоминают в принципах поведения. И зрелище справедливо понесенного ею наказания может заставить бояться не подобного же несчастья, но возмездия, соответствующего вине на которую они способны. Так же обстоит дело с некоторыми другими преступлениями, которые нашим зрителям не по плечу. Читатель может их обдумать и найти применение этим примерам.

И все же, как ни трудно признать действительность и значение этого очищения страстей при посредстве сострадания и страха, мы можем найти общую точку зрения с Аристотелем Мы

должны только сказать, что, говоря о сострадании и страхе, он не имел в виду требование, чтобы оба эти момента присутствовали в каждой трагедии, и что, по его мнению, достаточно одного из них, чтобы вызвать это очищение, с тем условием, однако, что сострадание не может его произвести без страха, страх не может его произвести без сострадания. Смерть графа в *Сиде* не вызывает у нас никакого сострадания и все же может освободить нас от гордости, завистливой к славе ближнего, которую мы видим в графе, тогда как все сострадание нашего Родриго к Химене не предохранит нас от порывов пылкой любви, делавшей их предметом жалости. Зритель может иметь сострадание к Антиоху, к Никомеду, к Ираклию, но, пока он остается при одном сострадании и не боится впасть в подобное же несчастье, он не излечится ни от какой страсти. Напротив, Клеопатра, Прусий, Фока не вызывают сострадания; но страх несчастья подобного или близкого тому, какое их постигло может излечить какую-нибудь мать от упорного желания владеть тем, что принадлежит ее детям, а какого-нибудь мужа от слишком большой уступчивости второй жене в ущерб детям от первого брака и всех — от жадного стремления насильно завла-

деть состоянием или саном другого; и все это — в соответствии с положением каждого и с тем, что он в состоянии предпринять. Огорчение, испытываемое Августом в *Цинне* и его нерешительность могут произвести то же действие при посредстве сострадания и страха, взятых вместе; но, как я уже сказал, не всегда бывает, что те, которым мы сострадаем, несчастны по своей вине. Когда они невинны, наше сострадание не вызывает никакого страха, и если мы иногда чувствуем в таком случае страх, очищающий наши страсти, то он обыкновенно исходит от лицезрения другого действующего лица, а не того, которому мы сострадаем.

Такое объяснение мог бы подтвердить и сам Аристотель, если бы мы хорошенько взвесили причины, по которым он исключает события из трагедии. Он не говорит: *такое-то событие не свойственно трагедии, потому что возбуждает только сострадание и вовсе не порождает страха, другое потому, что вызывает только страх и не возбуждает никакого сострадания*, но он отвергает их потому, как он выражается, *что они не возбуждают ни сострадания, ни страха*, и этим дает нам понять, что они не удовлетворяют его вследствие отсутствия и того и другого, и что

если бы они порождали одно из этих чувств, он не отказал бы им в своем одобрении. Ссылки его на *Эдипа* утверждают меня в этой мысли. Он говорит, что в этой трагедии, если он прав, соединены все необходимые условия; однако же бедствия Эдипа возбуждают только сострадание, так как я не думаю, чтобы у кого-нибудь из зрителей вместе с сожалением зародился страх, будто он может убить своего отца и жениться на матери. Если представление этой трагедии может вызвать у нас некоторый страх и если этот страх способен очистить в нас какую-нибудь порочную или достойную порицания наклонность, то он очистит скорее стремление предугадывать будущее, помешает нам прибегать к предсказаниям, которые обыкновенно только нас повергают в предсказанное несчастье благодаря тем стараниям, которые мы прилагаем, чтобы избежать его. В самом деле, несомненно, что Эдип никогда не убил бы своего отца и не женился бы на матери, если бы его отец и мать, которым оракул предсказал, что это случится, не навлекли на него этого несчастья из опасения, чтобы оно не совершилось. Таким образом, не только Лай и Иокаста будут виновниками ощущаемого зрителем страха, но страх этот может родиться лишь

при мысли о преступлении, совершенном ими за сорок лет до начала представляемого действия, и запечатлевается в нас не главным действующим лицом, а другими лицами и действием, стоящим вне трагедии.

В заключение этой части нашего рассуждения, прежде чем перейти к следующей, установим за правило, что совершенство трагедии состоит именно в возбуждении сострадания и страха при посредстве главного действующего лица. [...] Установив это правило, попробуем найти способ несколько умерить строгость правил философа или хотя бы благоприятно их истолковать, дабы нам не пришлось осудить множество драматических поэм, с успехом поставленных на нашей сцене, чему мы были свидетелями.

Аристотель не хочет, чтобы несчастье постигало человека совершенно невинного, ибо это, будучи нестерпимым, вызывает больше негодования против его преследователя, нежели сострадания к его несчастью; он не хочет также, чтобы беда обрушивалась на человека очень дурного, ибо заслуженное им несчастье не может ни вызвать сострадания, ни породить в зрителях, кои на него не похожи, страх испытать нечто подобное, однако если эти две причины

отсутствуют, то есть ежели человек достойный вызывает в нас больше жалости, нежели его мучитель — возмущения, или ежели наказание великого злодейства может исправить в нас какой-либо имеющий к нему отношение недостаток, тогда, как я полагаю, не следует чинить препятствий изображению на сцене всецело добродетельных или очень дурных людей, коих постигло несчастье.

Вот два-три способа делать это, каковые Аристотель, быть может, не мог предусмотреть, так как театр его времени не предоставлял подобных примеров.

Первый состоит в том, что человек всецело добродетельный, преследуемый человеком очень дурным, избегает уготованной ему гибели, которая, напротив, настигает злодея, как в *Рогодуне* и в *Ираклии*, кои вызвали бы отвращение, если бы в первой погибли Антиох и Родогуна, а во второй — Ираклий, Пульхерия и Марциан[154] и если бы Клеопатра и Фока остались в них победителями. Несчастья страждущих вызывают сострадание, отнюдь не подавляемое чувством отвращения к их мучителям, ибо зритель всегда надеется,

---

[154] Примечания: 1.154
Пульхерия, Марциан — положительные герои трагедии "Ираклий".

что какой-нибудь счастливый поборот событий воспрепятствует гибели первых; и хотя злодейства Фоки и Клеопатры слишком велики, чтобы зритель боялся совершить им подобные, роковые последствия этих злодейств могут произвести на него то впечатление о коем я говорил.

Впрочем, может случиться и так, что человек весьма добродетельный преследуется другим человеком и даже гибнет по его повелению, но этот другой не является таким уж злодеем, способным вызвать величайшее возмущение, и действует скорее по слабости, нежели по злобе. Если Феликс губит своего зятя Полиевкта, то не вследствие той яростной ненависти к христианам, которая сделала бы его для нас отвратительным, но лишь вследствие своего малодушия, не позволяющего ему спасти Полиевкта в присутствии Севера,[155] ненависти и мести коего Феликс боится после того, как в течение своего недолгого благоденствия пренебрегал ими. Конечно, Феликс вызывает неприязнь, мы осуждаем его доведение, но эта неприязнь не перевешивает нашего сострадания

[155] Примечания: 1.155

Север — персонаж трагедии "Полиевкт", знатный римлянин, любимец императора. Феликс — персонаж трагедии "Полиевкт", римский сенатор, наместник Рима в Армении; отдал приказ казнить Полиевкта, но тут же раскаялся и сам обратился в христианство.

к Полиевкту и не препятствует тому, чтобы чудесное обращение Феликса в конце пьесы полностью не примирило бы его с нами. То же относится к *Пруссию* в Никомеде и к Валенсу в *Феодоре*.

Дабы облегчить нам способы возбуждать это сострадание, которое делает наш театр столь прекрасным, Аристотель дает следующее пояснение. *Всякое действие*, говорит он, *совершается или друзьями между собой, или врагами, или людьми, относящимися друг к другу безразлично. Если враг убивает или желает убить врага, но это не вызывает в нас никакого сострадания, разве что волнение, каковое мы испытываем при известии или виде смерти любого человека, каким бы он ни был. Если человек, безразлично относящийся к другому, столь же безразличному к нему, убивает его, то и это производит не большее впечатление, тем паче что в душе совершающего действие не происходит никакой борьбы; но когда такие события случаются с людьми, кои связаны друг с другом кровными узами или чувством привязанности, например, если муж убивает или намеревается убить жену, мать — детей, брат — сестру, вот что наилучшим образом подходит для трагедии.*

Причина этого ясна: столкновение естествен-

ных чувств с пылом страсти или с требованиями долга глубоко волнует зрителя, доставляя ему этим удовольствие, и он легко поддается чувству жалости по отношению к несчастному, коего притесняет или преследует лицо, каковое должно было бы заботиться о его благополучии, и порой добивается его погибели, испытывая страдание или по меньшей мере неприязнь. Не могли бы вызвать жалость ни Гораций с Куриацием, если бы не были друзьями и родственниками, ни Родриго, если бы его преследовал кто-либо иной, а не его возлюбленная, а страдание Антиоха трогало бы гораздо меньше, если бы не мать требовала у него смерти его возлюбленной и не возлюбленная требовала бы смерти его матери или если бы после гибели брата, которая заставляет Антиоха страшиться подобного покушения и на свою жизнь, ему нужно было бы остерегаться кого-либо иного, кроме матери и возлюбленной.

Таким образом, кровное родство и узы любви или дружбы, связующие преследователя и преследуемого, гонителями гонимого, мучителя и страждущего, предоставляют большое преимущество поэту, желающему вызвать сочувствие зрителей; однако мне кажется, что это условие не является абсолютно необходимым. Как то, о

чем я только что сказал, так и указанное выше, касается лишь совершенных трагедий. [...] Когда я говорю, что оба эти условия относятся лишь к совершенным трагедиям, я не хочу сказать, что те трагедии, где они не соблюдены, являются несовершенными: это значило бы приписывать этим условиям абсолютную необходимость, то есть противоречить самому себе. Но под совершенными трагедиями я разумею те, которые принадлежат к роду наиболее величественных и глубоко волнующих, посему те трагедии, где отсутствует одно из этих условий или оба, не перестают быть совершенными в своем роде, если в остальном отличаются правильностью, хотя и не поднимаются на такую высоту и могут приблизиться к первым, сравнявшись с ними в красоте и блеске, если только заимствуют у них великолепие стихов, пышность постановки или какие-нибудь другие прикрасы, не связанные с самим сюжетом.

Когда трагические события разворачиваются между близкими людьми, следует рассмотреть, знает ли тот или иной герой, кого он хочет погубить, или не знает, а также довершает он начатое или нет. Исходя из различных действий, героев можно выделить четыре вида трагедии, коим

Аристотель приписывав разную степень совершенства. [...]

Он полностью осуждает четвертый вид трагедии, где те, кто знают, кого они хотят погубить, начинают, но не довершавши начатого, и говорит, что в этом виде *есть что-то отвратительное и нет ничего трагического*, и в качестве примера приводим *Антигону*, в коей Гемон обнажает меч[156] с намерением убить отца, но направляет его против себя самого. Но если не ограничить этот приговор, он окажется чересчур широким и распространится не только на *Сида*, но и на *Цинну*, *Родогуну*, *Ираклия* и *Никомеда*. Поэтому скажем, что он относится лишь к тем трагедиям, герои которых знают, кого они хотят погубить, и отступаются от своего намерения просто в каком-то порыве, притом что никакое значительное событие их к этому не понуждает и они нисколько не утрачивают возможность осуществить свой замысел. Я уже отмечал, что такого рода развязки негодны. Но когда герои прилагают со своей стороны все усилия для осу-

---

[156] Примечания: 1.156

...в качестве примера приводит "Антигону", в коей Гемон обнажает меч. — В трагедии Софокла "Антигона" Гемон намеревается отомстить за свою невесту Антигону и убить отца, но Креонт убегает. Согласно мифу, Гемон кончает жизнь самоубийством после гибели Антигоны. Трагедия Еврипида "Антигона" не сохранилась.

ществления своего намерения и когда их успеху препятствует какая-то сила, которая выше них, или неудача, так что в исходе они гибнут сами или оказываются во власти тех, кого они хотели погубить, тогда не может быть сомнений, что такая трагедия относится к более высокому виду, чем все три, кои Аристотель одобряет, и что если он совсем не говорил о такого рода трагедиях, так потому, что не мог почерпнуть примеры в театральных пьесах своего времени, где не было принято спасать хороших людей ценой гибели дурных, разве что пятная их самих каким-нибудь злодеянием, как, например, Электру,[157] которая избавляется от притеснений ценой убийства своей матери, на каковое она подстрекает брата и облегчает его действия.

Таким образом, поведение Химены не является неправильным из-за того, что, решив погубить Родриго, она не делает этого, поскольку она предпринимает все возможное, а удается ей добиться от правосудия короля только поединка, победа в

[157] Примечания: 1.157

...пятная их самих каким-нибудь злодеянием, как, например. Электру... — Имеются в виду трагедии Эсхила "Хозфон" и Софокла "Электра". Дочь Клитемнестры и Агамемнона Электра, обращенная в рабство своей матерью-убийцей, призывает богов сокрушить возмездие на главу преступницы. В трагедии Софокла именно Электре принадлежит инициатива убийства.

котором ее достойного сочувствия возлюбленного заставляет Химену умолкнуть. Цинна и Эмилия не погрешают против правил, так и не погубив Августа, ибо раскрытие заговора отнимает у них эту возможность, а также потому, что их нужно было бы совершенно лишить человеческого облика, если бы столь неожиданное милосердие императора не уничтожило всю их ненависть к нему. Упускает ли что-нибудь Клеопатра, стремясь погубить Родогуну? Не все ли продумывает Фока, желая избавиться от Ираклия? А если бы Прусий остался хозяином положения, разве он не отправил бы Никомеда в Рим заложником, что для того было бы хуже смерти? Первым двум персонажам воздается кара за их собственные злодеяния: их же злодейские намерения, в которых они не раскаиваются, служат их погибели; последний же принужден признать свое коварство после того, как восстание народа и великодушие его второго сына, которого он хотел возвысить в ущерб Никомеду, расстраивают его планы.

Такое благоприятное истолкование мнения Аристотеля означает желание не опровергнуть его, но увидеть в четвертом виде трагедий, который он отвергает, новый вид, более прекрасный,

чем три, рекомендуемые им, и который он без сомнения предпочел бы, будь тот ему известен. Так мы воздаем хвалу нашему веку, нисколько не умаляя авторитет философа.[...]

По всей видимости, то, что говорил Аристотель о разной степени совершенства трагедий, было полностью справедливым в его эпоху и для его соотечественников, — я в этом нисколько не сомневаюсь, но я не могу не заявить, что вкус нашего века отличен от вкуса его эпохи в том, что касается предпочтения одного вида трагедий другому, и, во всяком случае, утверждаю, что весьма нравившееся афинянам не нравится до такой же степени нашим французам. Я не нахожу другого способа оправдать мои сомнения и одновременно сохранить почтение, коего заслуживает все то, что Аристотель написал о поэтике.

Прежде чем перейти к следующей теме, остановимся на его мнении относительно двух вопросов, касающихся сюжетов трагедий, где участвуют близкие люди: во-первых, может ли поэт их измышлять, во-вторых, может ли он что-либо менять в тех, которые черпает из истории или из предания.

Что касается первого вопроса, то несомненно, что древние весьма сковывали себя, ограничивая

все свои трагедии кругом немногих семейств, ибо в немногих семействах имели место трагические события; это заставило Аристотеля сказать, что сюжеты они находили случайно, а не путем искусства. Мне кажется, я уже говорил об этом в другом рассуждении. Между тем возникает впечатление, что он предоставляет поэтам всю власть следующими словами: *они должны как следует пользоваться преданием или изобретать сами*. Эти слова разрешили бы вопрос, если бы не были слишком общими...

...предание и история так переплетены в древности, что мы из опасения неверно разделить их, предоставляем им равное право на нашей сцене. Достаточно того, что мы не вымышляем ничего такого, что само по себе совершенно неправдоподобно, но изображаем то, что, будучи вымышлено уже давно, хорошо знакомо зрителю и не может его неприятно поразить на сцене.

Все "Метаморфозы" Овидия[158] явно вымышлены; в них можно черпать сюжеты трагедий, но нельзя измышлять по их образцу, разве что

---

[158] Примечания: 1.158

Все "Метаморфозы" Овидия... — "Метаморфозы" — поэма знаменитого римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.), состоящая из пятнадцати книг, в которых собрано свыше двухсот сказаний, имеющих своим финалом превращение.

эпизоды такого же качества: основание этому находим в том, что хотя мы и не должны изобретать ничего неправдоподобного, а мифологические сюжеты вроде историй Андромеды и Фаэтона[159] как раз таковы, однако придумывать эпизоды — значит не столько вымышлять, сколько добавлять к тому, что уже вымышлено; и эти эпизоды обретают некоторое правдоподобие в связи с основным действием, позволяя сказать, что коль скоро это могло случиться, стало быть, могло случиться именно так, как описал поэт.

Такие эпизоды, однако, не годятся в трагедиях на исторический или полностью вымышленный сюжет, ибо им не хватало бы связи с основным действием и они были бы менее правдоподобны, чем оно. Появление Венеры и Эола было благо-

[159] Примечания: 1.159

Фаэтон — согласно преданию, Фаэтон, сын солнца (Гелиоса) и Климены (дочери морской богини Фетиды), испросил у отца разрешение проехать по небу в" его золотой колеснице. Не будучи в силах справиться с конями, несшими колесницу, Фаэтон стал причиной великих бедствий на земле, и Зевс, вняв мольбам богини земли Геи, разбил колесницу, а виновника низринул в волны реки Эридан.

склонно принято в Андромеде,[160] но если бы я заставил Юпитера спуститься с небес, чтобы примирить Никомеда с отцом, или Меркурия,[161] чтобы раскрыть Августу заговор Цинны, я вызвал бы возмущение всей публики и эти чудеса уничтожили бы все то доверие, которое им внушили остальные события. Развязки при посредстве богов, появляющихся на машине, весьма часты у греков в их трагедиях, которые кажутся историческими и за этим исключением — правдоподобными: поэтому Аристотель не осуждает полностью такие развязки, но лишь предпочитает им те, что вытекают из сюжета. Не знаю, что думали по поводу чудесных развязок афиняне, их судьи, но два только что приведенных мной примера достаточно определенно доказывают, что нам следовало бы остерегаться подражать им в этой вольности. Мне скажут, что подобные

---

[160] Примечания: 1.160

Появление Венеры и Эола было благосклонно принято в "Андромеде"... — Корнель пишет о своей трагедии "с богами на машинах" "Андромеде" (1647). Основой сюжета, по свидетельству самого автора, послужили измененные сказания из четвертой и пятой книг "Метаморфоз" Овидия. В качестве действующих лиц пьесы Корнель ввел богов Олимпа, в том числе богиню любви Венеру и повелителя ветров Эола.

[161] Примечания: 1.161

Меркурий — римский аналог бога греческой мифологии Гермеса; среди многочисленных функций, приписываемых ему, выделяется способность устанавливать связи между людьми, быть посредником между смертными и богами.

чудесные явления не могут нам понравиться, ибо нам заведомо известна их искусственность, а также потому, что они противны нашей религии, тогда как греки воспринимали их по-другому. Я согласен, что следует сообразовываться с нравами зрителей, а в еще большей степени с их верованиями; но согласитесь, что мы не меньше верим в явления ангелов и святых, нежели древние верили в явления их Аполлона и Меркурия: и тем не менее, что сказали бы зрители, если бы с целью разрешить соперничество Ираклия и Марциана после смерти Фоки я воспользовался бы ангелом? Действующие лица этой драматической поэмы — христиане, и появление в ней ангела было бы столь же оправдано, как появление языческих богов в трагедиях древних греков, однако оно неминуемо сделало бы ее смешной, и достаточно крупицы здравого смысла, чтобы согласиться с этим.[...]

Следующий вопрос — позволительно ли изменять что-либо в сюжетах, взятых из истории или предания, — кажется решенным Аристотелем, который высказывается в достаточно определенных выражениях, что *"не следует ни в чем изменять полученные сюжеты, и Клитемнестра должна быть убита не кем иным, как Орестом,*

а Эрифила не кем иным, как Алкмеоном".[162] Это положение, однако, можно несколько видоизменить и смягчить. Не подлежит сомнению, что обстоятельства того или иного события или, если угодно, способы его изображения находятся в нашей власти. История часто не описывает эти обстоятельства или сообщает о них так мало, что возникает необходимость дополнить ее, чтобы насытить драматическую поэму, и, видимо, можно даже предположить, что память зрителей, когда-то читавших обо всех этих событиях, не сохранила их так крепко, чтобы они заметили все допущенные нами изменения и обвинили нас в обмане, что они не преминули бы сделать, если бы увидели, что мы изменили основное событие. Такая подмена послужила бы причиной их полного недоверия ко всем остальным событиям, тогда как зрители, напротив, легко верят в последние, когда видят, что они ведут к той подлинной развязке, которая им известна и когда-то со страниц книги произвела на них более сильное впечатление. [...]

[...] Итак, основное событие необходимо сохра-

---

[162] Примечания: 1.162

Эрифила, Алкмеон — согласие мифу, Эрифила, жена Амфиона склонила его пойти в поход, стоивший ему жизни. Выполняя последнюю волю отца, их сын Алкмеон убил мать.

нять, как это делали Софокл и Еврипид, однако, вместе с тем, следует рассмотреть, не отличается ли оно чрезмерной жестокостью и нет ли помех для его показа на сцене, то есть не может ли оно хоть в чем-то поколебать доверие зрителей, которое они питают к истории и желают питать к преданию, ставя себя на место тех, кои когда-то принимали его за правду. Если подобное затруднение существует, лучше скрыть такое событие от взора зрителей и сообщить о нем в рассказе какого-нибудь персонажа, ибо рассказ поражает меньше, чем зрелище, и легче принимается нами за правду. [...]

Скажу больше, а именно: дабы ослабить или истребить страх зрителей перед каким-либо историческим событием, предпочтительнее, чтобы оно произошло в трагедии без участия главного действующего лица, ибо мы должны всегда поддерживать расположение к нему публики. [...] Я позволил себе многое в *Никомеде*: в действительности Прусий, отец Никомеда, хотел убить его, когда тот находился во главе войска; узнав об этом от самих убийц, Никомед вторгся в царство, Прусия, захватил его владения и вынудил злополучного отца спрятаться в пещере, где сам приказал его убить. Я же не дал событиям зайти

так далеко и после того, как изобразил Никомед в столь добродетельным, что он не мог стать отцеубийцей, я почел себя вправе ограничиться тем, что представил героям вольным распоряжаться жизнями своих преследователей, не вынуждая его на большее. [...]

...Тот же Аристотель дозволяет нам поступать таким образом, когда говорит, что *"поэт не обязан представлять событиям так, как они произошли, но так, как они могли произойти согласно законам правдоподобия и необходимости"*. Он часто; повторяет последние слова, но никогда их не объясняется постараюсь восполнить этот пробел, насколько смогу, и надеюсь, меня простят, если я впаду в заблуждение.

Прежде всего, хочу сказать, что его дозволение украшать исторические события правдоподобным вымыслом, вовсе не означает запрет отступать от правдоподобия в случае необходимости. Он дарует нам привилегию, а не возлагает на нас оковы: это следует из самих его слов. Если мы можем излагать события согласно законам правдоподобия или необходимости, стало быть, мы можем отступить от правдоподобия ради необходимости и вообще выбирать из двух то, что нам представляется наиболее уместным. [...]

Чтобы разъяснить, почему в одних случаях правдоподобие предпочитается необходимости, а в других необходимость правдоподобию, следует рассмотреть события, составляющие трагедию, во-первых, с точки зрения их самих и нераздельных с ними обстоятельств, связанных с местом и временем, и, во-вторых, с точки зрения связи этих событий между собой, каковая заставляет их вытекать одно из другого. В первом случае следует предпочитать правдоподобие необходимости, во втором — необходимость правдоподобию.

Надобно изображать события происходящими там, где им легче и уместнее произойти, в течение должного для этого времени, не слишком уплотняя, ежели необходимость не понуждает нас представить их происходящими в одном месте и в течение одного дня. В другом рассуждении я уже показывал, что часто ради, сохранения единства места мы заставляем персонажей высказываться на площади, тогда как правдоподобнее было бы им беседовать в помещении, и я уверен, что, если бы все изображенное мною в *Сиде*, *Полиевкте*, *Помпее* и *Лжеце* рассказать в романе, время его действия не ограничилось бы одним днем. Необходимость подчиняться правилам единства места и времени освобождает

нас в таком случае от правдоподобия, хотя и не позволяет нам изображать невозможное; но мы не всегда сталкиваемся с такой неизбежностью, и в *Субретке,*[163] *Цинне, Феодоре* и *Никомеде* вовсе не возникла необходимость отступить, как в названных выше трагедиях, от правдоподобия при изображении длительности их действия.

Мысленное превращение трагедии в роман — это пробный камень, позволяющий отличить необходимые события от правдоподобных. В театре мы стеснены пространством, временем и неудобствами постановки, препятствующими нам представить на сцене сразу множество персонажей из опасения, что одни окажутся бездействующими или будут мешать действиям других. Роман лишен всех этих стеснений: он предоставляет описываемым событиям все необходимое для их развития время: помещает персонажей, беседующих, действующих или мечтающих, в комнату, в рощу или на площадь в зависимости от того, где их уместнее изобразить; ему есть куда их направить: в его распоряжении — весь дворец, весь город, все королевство, вся земля; а если что-либо происходит и рассказыва-

---

[163] Примечания: 1.163

"Субретка" — ранняя комедия Корнеля, поставленная в сезон 1633/34 г.

ется в нем в присутствии тридцати персонажей, он может по порядку описать различные чувства каждого. Поэтому в романе нисколько не позволительна отходить от правдоподобия, ибо для этого у романиста нет никаких законных причин или оправданий. Поскольку театр не представляет нам столько же свободы для правдоподобного изложения событий, ибо на сцене обо всем сообщается при посредстве персонажей, предстающих перед зрителем на короткий срок, постольку театр легче освобождает нас от правдоподобия. Можно было бы утверждать, что он нас не столько освобождает, сколько позволяет нам правдоподобие в более широком смысле, но поскольку Аристотель дает нам право излагать события согласно законам необходимости, я предпочитаю сказать, что все, происходящее в трагедии иначе, чем оно происходило бы в романе, лишено, если разобраться, всякого правдоподобия и должно быть отнесено к необходимому.[164]

---

[164] Примечания: 1.164

...все, происходящее в трагедии иначе, чем оно происходило бы в романе, лишено [...] правдоподобия и должно быть отнесено к необходимому. — Корнель обосновывает театральную условность как важнейший закон драматургии, противопоставляя, по сути дела, свою эстетическую Концепция шапленовскому требованию иллюзии жизнеподобия. Отсюда и последующий разбор принципа единства места в "Горации".

Несколько примеров этого можно найти в Горации: единство места здесь в точности соблюдено, все происходит в одном покое. Но если превратить эту трагедию в роман, соблюдая особенности всех сцен, включенных мною в пьесу, разве все в нем происходило бы в этом покое? В конце первого действия Куриаций и его невеста Камилла собираются присоединиться к остальным членам семьи, кои пребывают в другом покое; в промежутке между двумя действиями они получают: в этом же покое известие об избрании трех Горациев; в начале второго действия Куриаций, чтобы поздравить Горация, появляется в том же помещении, в каком он появлялся в первом действии: В романе он выразил бы свои поздравление там же, где было получено известие, в присутствии всей семьи, и отнюдь не правдоподобно, что он и Гораций уединяются, дабы сорадоваться, но в театре это необходимо, иначе нужно было бы одновременно изобразить проявления чувств трех Горациев, их отца, сестры Камиллы, Куриация и Сабины. Роман, который ничего не изображает наглядно, легко справился бы с этой задачей, но на сцене пришлось показать их чувства по отдельности, дабы внести в них некоторый порядок и присмотреться к ним поочередно, начав с

переживаний этих двоих, коих я вынужден был привести в тот же покой против; правил правдоподобия. За исключением этой сцены, остальная часть действия совершенно правдоподобна и в ней нет ничего, что в романе было бы изображено иначе. В конце второго действия Сабина и Камилла, терзаемые мукой, удаляются из этого покоя в порыве отчаянья, каковое согласно правилам правдоподобия должно заставить их, рыдающих, скрыться в своих комнатах, где они и пребывали бы в романе и получили бы известие об исходе битвы. Однако из-за необходимости показать их зрителям Сабина покидает свои комнаты в начале третьего действия и возвращается, чтобы высказать свое мучительное беспокойство все в тот же покой, где к ней присоединяется Камилла. За этим исключением, остальное действие так же правдоподобно, как и второе; а если вы пожелаете столь же строго разобрать первые сцены двух последних действий то наверняка увидите то же самое, а именно то, что в роман персонажи оказались бы в этих сценах в другом месте, а я в этом покое, раз они в конце каждого действия из него вы ходят.

Этих примеров довольно, чтобы разъяснить, как можно представить действие согласно

законам необходимости, когда невозможно представить его согласно законам правдоподобия каковое всегда следует предпочитать необходимости, когда рассматриваются события сами по себе.

Другое дело, когда рассматривается связь событий между собой, которая заставляет их вытекать одно из другого: в этом случае необходимое предпочтительнее правдоподобного; не потому, что эта связь не должна быть всегда правдоподобной, но потому, что гораздо лучше, когда она одновременно правда подобна и необходима. Причину этого легко понять. Когда связь между событиями правдоподобна, но не необходима, она не имеет большого значения в драматической поэме и та может без нее обойтись, но когда эта связь правдоподобна и необходима, она становится сущностью поэмы, каковая без нее не могла бы существовать. В *Цинне* вы найдете примеры обоих видов связей между событиями: я имею в виду то, каким образом одно событие вытекает из другого. Заговор Цинны против Августа с необходимостью обусловлен его любовью к Эмилии, ибо он хочет на ней жениться, а она ставит ему условием их союза заговор. Из двух этих событий одно подлинно, другое правдоподобно, и их связь

необходима. Доброта Августа вызывает в душе Цинны угрызения совести и нерешительность: эти угрызения и эта нерешительность имеют лишь правдоподобной причиной эту доброту и связаны с ней лишь правдоподобным образом, так как Цинна мог сохранить решимость и достичь цели, то есть жениться на Эмилии. Колеблясь, Цинна советуется с Эмилией: это всего лишь правдоподобно, но является необходимым следствием его любви, так как, если бы он отрекся от своих заговорщицких планов без ее согласия, он никогда не добился бы поставленной цели, и вот, следовательно, необходимая связь между двумя правдоподобными поступками, или, если угодно, необходимая обусловленность одного правдоподобного действия другим, столь же правдоподобным.

Прежде чем дать определения правдоподобия и необходимости и провести между ними различие, я еще раз обращаюсь к событиям, составляющим трагедию, и нахожу, что мы можем вводить в нее три вида их в зависимости от того, какие именно считаем нужными в том или ином случае: одни следуют истории, другие дополняют историю, третьи искажают историю. Первые являются подлинными, вторые иногда правдо-

подобными и иногда необходимыми, третьи же всегда должны быть необходимыми.

Когда мы изображаем подлинные события, нам ни к чему радеть о правдоподобии, они не нуждаются в его опоре. *"То, что очевидно произошло,* — говорит Аристотель, — *то могло произойти, так как если бы не могло произойти, то и не произошло бы"*. То, что мы добавляем к истории, не поддержано ее авторитетом и потому не имеет таких преимуществ. *"Мы от природы склонны полагать,* — добавляет философ, — *что то, что не случилось, не могло случиться"*,[165] и вот почему то, что мы вымышляем, нуждается в правдоподобии, как можно большем, дабы в наш вымысел поверили.

Хорошо взвесив приведенные выше суждения Аристотеля, я полагаю, что нисколько не отступлю от него, если решусь, определяя правдоподобие, утверждать, что это *нечто явно возможное, соответственное благоприличию, и ни очевидно истинное, ни очевидно ложное*. Правдоподобие может быть подразделено, во-первых, на общее и единичное, во-вторых, на обычное и необычное.

---

[165] Примечания: 1.165

...то, что не случилось, не могло случиться... — У Аристотеля читаем: "В возможность того, что не случилось, мы еще не верим" (Поэтика 1451 в).

Общее правдоподобие — это то, как возможно и уместно поступать королю, полководцу, влюбленному, честолюбцу и т. д. Единичное правдоподобие — это то, как мог или должен был поступать Александр, Цезарь, Алкивиад[166] в согласии с тем, что нам сообщает об их действиях история. Таким образом, все противоречащее истории, не относится к правдоподобному, ибо является очевидно ложным, как, например, было бы неправдоподобно, если бы Цезарь после Фарсальской битвы[167] вступил в дружеское общение с Помпеем или Август с Антонием послед битвы при Акциуме, хотя, если говорить вообще, правдоподобно, что во время гражданской войны после большого сражения главы враждующих сторон примиряются, особенно если оба они великодушны.

Это очевидное искажение, разрушающее правдоподобие, может встречаться и в драмах целиком вымышленных. В них невозможно нарушить правду истории, ибо последняя не имеет

---

[166] Примечания: 1.166

Алкивиад — афинский государственный деятель и полководец (451-404 гг. до н. э.).

[167] Примечания: 1.167

...если бы Цезарь после Фарсальской битвы... — В битве при Фарсала (48 г. до н. э.) Юлий Цезарь одержал решающую победу над Помпеем.

к ним никакого отношения, но в них бывают введены различные обстоятельства, связанные с местом и временем, кои могут уличить автора в отступлении от истины, если он допускает просчет. Если бы я вывел в какой-нибудь трагедии королей Франции или Испании под вымышленными именами и временем действия выбрал бы век, история которого отмечает имена подлинных королей этих двух стран, искажение было бы видным и стало бы еще ощутимей, если бы я расположил Рим на расстоянии двух лье от Парижа, затем чтобы и туда и обратно мог бы быть совершен в течение одного и же дня. Есть вещи, на которые поэт ни в коем случае не имеет какого права. Он может позволить себе некоторую свободу в ращении с историей постольку, поскольку эта свобода относится к изображению действий отдельных лиц, таких, как Цезарь или Август, и приписать им поступки, коих они не совершали или изобразить их иначе, чем они были совершены, но он не может нарушить хронологическую последовательность, дабы заставить Александра жить во времена Цезаря, и еще меньше он может изменять расположение различных местностей названия известных царств, областей, городов, гор и рек. Причина заключается в том, что эти

области, горы, реки являются чем-то постоянным. Известное нам их местоположение было таковым с сотворения мира; мы должны предположить, что оно нисколько не менялось, если только об этом не говорит история, а география сообщает нам все их старые и новые названия. Таким образом, тот выставил бы себя на посмешище, кто вообразил бы, что во времена Авраама[168] Париж располагался у подножья Альп или что Сена пересекала Испанию, и ввел бы подобные нелепицы в вымышленную драму. Но история трактует о вещах преходящих, сменяющих друг друга и длящихся лишь мгновение: многое из них ускользает от взора описывающего их. Потому невозможно указать на какую-либо историю, которая бы включала все происшедшее в тех местах, о каких она рассказывает, или все деяния тех, жизнь коих она описывает. Я не делаю исключения даже для Записок Цезаря[169] который

[168] Примечания: 1.168

...во времена Авраама... — т. е. около XIX в. до н. э. (так определяют эпоху, когда жил библейский патриарх Авраам, родоначальник израильтян и арабов).

[169] Примечания: 1.169

...даже для Записок Цезаря... — имеются в виду Записки о галльской войне Гая Юлия Цезаря. В тех же Записках повествуется об экспедициях Цезаря в Германию и Британию. Кроме того, в последние годы жизни Цезарь писал Записки о гражданской войне, им не законченные и продолженные его соратниками.

писал свою собственную историю и должен был всю ее знать. Мы знаем, какие области орошали Рона и Сена до его прихода в Галлию, но мы знаем очень мало и, быть может, вообще ничего не знаем о том, что там до его прихода происходило. Таким образом, мы вполне можем отнести в ту эпоху события, воображаемые нами и якобы там происходившие, но мы не можем под предлогом поэтического вымысла и удаленности во времени менять подлинное расстояние от одного места до другого. [...]

Аристотель кажется в этом отношении более снисходительным, поскольку считает, что поэта можно простить, *если он погрешает против другого искусства, а не своего, как против медицины или астрологии*. На это я отвечу, что *он оправдывает поэта лишь при условии, если тот таким образом достигает цели своего искусства, коей не мог бы достичь иначе*; к тому же Аристотель признает, что *поэт в этом случае погрешает и что лучше, если бы он не погрешал вообще*. Что до меня, так если уж принимать это оправдание, я бы провел различие между искусствами, которые поэт может не знать без стыда, так как ему редко случается говорить о них в своих драмах, такими, как медицина и астрология, уже

названные мною, и искусствами, без полного или частичного знания коих он не сможет придать пьесе достоверность, — такими, как география и хронология. Поскольку он не сможет изобразить никакое событие, не выбрав ему места и времени действия, постольку непростительно, ежели он проявит невежество в выборе этого места или этой эпохи.

Перехожу к другому делению правдоподобия — на обычное и необычное. Обычным правдоподобием характеризуется событие, которое случается чаще, чем противоположное ему, или, во всяком случае, столь же часто, необычным правдоподобием — событие, которое происходит, правда, реже, чем противоположное ему, но не перестает быть вполне возможным и не относится ни к чудесам, ни к тем необыкновенным событиям, кои служат темой кровавых трагедий благодаря опоре, которую дает им история или общепринятые представления, и могут быть взяты за основание лишь для эпизодов пьес, в состав которых входят, ибо внушают веру лишь при условии этой опоры. Аристотель дает два понятия или общих примера этого выходящего из обычного ряда правдоподобия: во-первых, он приводит пример хитрого и ловкого человека,

который оказывается обманутым человеком менее ловким, во-вторых, пример слабого человека, который борется с более сильным и одерживает победу, что всегда особенно благосклонно воспринимается зрителем, когда дело менее ловкого и менее сильного более справедливо. В таком случае кажется, что само небо предрешает их успех, который тем легче внушает зрителям веру, что отвечает их пожеланиям, так как зрители всегда принимают большое участие в судьбе тех, чье поведение более достойно. Так, победа Сида над графом была бы отнесена к выходящему из обычного ряда правдоподобию, если бы не была подлинной. "*Правдоподобно*, — говорит наш философ, — *чтобы многие вещи происходили вопреки правдоподобию*", и, поскольку этими словами он признает, что необычные события происходят вопреки правдоподобию, я бы предпочел называть их просто вероятными и отнес бы в разряд необходимых, так как их никогда не следует изображать без необходимости.

Мне могут возразить, что, по мнению того же Аристотеля, *с точки зрения поэзии следует предпочитать невозможное вероятное невероятному, хотя и возможному*, и сделать отсюда вывод, что я не совсем прав, когда согласно моему

определению требую от правдоподобного быть очевидно возможным, дабы оно было вероятным, ибо, согласно Аристотелю, существуют вещи невозможные, но вероятные.

Чтобы разрешить эту трудность и определить, какого свойства это невозможное вероятное, никаких примеров коего он не дает, я отвечу, что существуют вещи сами по себе невозможные, но представляющиеся вполне возможными и, следовательно, вероятными, когда их рассматриваешь с иной точки зрения. Таковы все те события, изображая которые мы искажаем историю. Невозможно, чтобы они произошли так, как мы их изображаем, ибо они произошли по-другому, и даже сам Господь Бог не властен изменить что-либо в прошлом, но они кажутся очевидно возможными, когда соответствуют общему правдоподобию, только бы зритель взирал на них, отделив их от истории, и соизволил на некоторое время забыть то, что в ней противоположно нашему вымыслу. Все, что происходит в *Никомеде*, невозможно, ибо, согласно истории, он приказал убить отца, так и не встретившись с ним, а его сводные братья находились в Риме в качестве заложников в то время, как он захватил царство Прусия. Все, что происходит в

Ираклии, столь же невозможно, ибо он не был сыном Маврикия, вовсе не считался сыном Фоки и не воспитывался как сын во дворце тирана, но с войском обрушился на него с берегов Африки, которой правил, и, возможно, никогда Фоки не видел. Тем не менее события этих двух трагедий вовсе не воспринимаются как невероятные, и те, кому из истории известно противоположное, легко откладывают свои познания в сторону, дабы наслаждаться спектаклем, потому что эти события согласны с общим правдоподобием, хотя им и не хватает частного.

Все, что говорят нам мифы о богах и превращениях, тоже невозможно, но не перестает быть вероятным по причине общераспространенных представлений и переходившего из уст в уста предания, приучившего нас не удивляться этим рассказам. Мы даже вправе вымышлять по их образцу и добавлять столь же невозможные происшествия к тем, что мы заимствуем из древних небылиц. Зритель не обманывается в своих ожиданиях, когда название драматической поэмы приуготовляет его к тому, что он действительно увидит в ней одно только невозможное: он считает все в ней вероятным, и ему достаточно предположить (а он к этому готов), что в ней

выведены боги, вмешивающиеся в дела людей и вступающие с ними в общение, чтобы для него уже не составило никакого труда убедить себя в вероятности всего остального.

После того как я попытался разъяснить, что такое правдоподобие, настало время отважиться мне на определение необходимости, о коей так много говорит Аристотель и каковая только и может позволить нам изменять историю и отступать от правдоподобия. Итак, скажу, что необходимость в поэзии есть не что иное, как *потребность поэта достичь цели или заставить своих персонажей достичь ее*. Это определение основывается на различных значениях греческого слова αναγκατον, которое не всегда означает совершенно необходимое, но иногда лишь полезное для достижения какой-либо цели.

Цели персонажей различны, как различны их намерения в зависимости от того или иного сюжета. Влюбленный хочет соединиться с возлюбленной, честолюбец — захватить корону, человек оскорбленный — отомстить обидчику, и так далее. То, что им потребно совершить для достижения своих целей, и составляет необходимое, каковое следует предпочитать правдоподобному, или, вернее, добавлять к правдоподобному в

том, что касается связи между поступками и их зависимости друг от друга. Полагаю, что я уже достаточно разъяснил этот вопрос, и более ничего к сказанному не добавлю.

Цель поэта — нравиться согласно законам своего искусства. Чтобы нравиться, он иногда вынужден усилить блеск прекрасных деяний и уменьшить ужас, который внушают злодейства. Именно из-за необходимости приукрашивать события он может погрешить против единичного правдоподобия, как-то исказив историю, но он не освобождается от общего правдоподобия, разве что в редких случаях ради вещей, обладающих высшей красотой и таким блеском, который ослепляет. В особенности он не должен допускать, чтобы вымышленные им прикрасы переходили за грань выходящего из обычного ряда правдоподобия, ибо они не являются совершенно необходимыми, и он поступил бы лучше, если бы обошелся без них, чем если бы украсил ими свою поэму против всякого правдоподобия. Чтобы нравиться согласно законам своего искусства, поэту необходимо подчинить действие правилам единства места и времени, и поскольку это совершенно необходимо и обязательно, ему здесь дозволяется гораздо больше, чем в случае с

украшениями.

Поэту так трудно найти в истории или в вымыслах людей достопримечательные, достойные трагедии события, перипетии и развязка которых могли бы произойти в одном и том же месте и в течение одного дня без некоторого нарушения их естественного порядка, что я не считаю такое нарушение слишком уж предосудительным, коль скоро оно не приводит к невозможному. Есть прекрасные сюжеты, где этого отступления нельзя избежать, и щепетильный автор лишит себя явной возможности стяжать славу, а публику — удовольствия, если не решится представить их на сцене из опасения, что ему придется вопреки правдоподобию ускорить течение событий. Я дам ему в этом случае совет, который он, быть может, найдет спасительным, а именно: не вводить в поэму никаких определенных указаний ни на время, ни на место действия. Воображению зрителя будет предоставлено больше свободы следовать за ходом действия, ежели последнее не будет размечено подобными вехами, и зритель сможет не заметить его ускорения, ежели они ему об этом не напомнят и помимо воли не заставят о том задуматься. Я всегда раскаивался в том, что в Сиде заставил короля сказать, что он желает, что-

бы Родриго после разгрома мавров отдохнул часа два перед поединком с доном Санчо: я сделал это с целью показать, что продолжительность пьесы не превышает двадцати четырех часов, а в результате лишь уведомил зрителей о том, с какой принужденностью она ограничена этим временем. Если бы я сказал о поединке, не указывая на время, быть может, натянутость не заметили бы.

Я не думаю, что в комедии поэт волен ускорять действие по причине необходимости ограничить его одним днем. Аристотель требует, чтобы все изображаемые в комедии события были правдоподобными, но не добавляет: или необходимыми, как в случае с трагедией. Таким образом, разница между событиями в той и другой довольно велика. В событиях комедии участвуют обыкновенные люди, и эти события составляют лишь любовные интриги и разные плутни, кои так легко укладываются в один день, что часто у Плавта и Теренция[170] их продолжительность едва превышает время представления; а в трагедии дела общественного значения обычно переплетены с интересами прославленных лиц, кои в ней и выводятся; в трагедии говорится о битвах, взятии

[170] Примечания: 1.170
Теренций — великий римский комедиограф (185-159 гг. до н. э.).

городов, великих опасностях, государственных переворотах, и все это трудно совмещается с той стремительностью, которую правило заставляет нас придавать происходящему на сцене.

Если вы спросите меня, как далеко простирается эта потребная поэту свобода идти против правды и правдоподобия, я затруднюсь дать вам точный ответ. Я показал, что есть вещи, на которые мы не имеем никакого права, в том случае же, если мы его имеем, оно должно быть ограниченным более или менее в зависимости от большей или меньшей известности наших сюжетов. Мне было позволено гораздо меньше в *Горации* и *Помпее*, чьи истории известны всем, нежели в *Родогуне* и *Никомеде*, так как имена героев этих трагедий были мало кому ведомы, пока я не вывел их на сцену. Единственный предел этой свободы, который мы можем указать, состоит в том, что все наши дополнения к истории и все ее изменения никогда не должны внушать меньше доверия, чем то, что мы из нее сохраняем в данной драматической поэме. Именно так следует понимать стих Горация касательно вымышленных украшений:

Ficta voluptatis causa sint proxima veris[171]

—

и не распространять его смысл на те вымышленные украшения, некоторый образец коих можно найти в истории или в преданиях, выходящих за пределы нашего сюжета. Тот же Гораций разрешает этот вопрос, насколько его вообще можно разрешить, в другом стихе, коим я и завершу это рассуждение:

...Dabiturque licentia sumpta pudenter[172].

Итак, будем пользоваться данным нам позволением со сдержанностью, но без опасений, а если возможно, не будем пользоваться им вообще; лучше вовсе не нуждаться в прощении, нежели получать его.

---

[171] Примечания: 1.171

Выдумкой теша народ, выдумывай с истиной сходно (Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова).

[172] Примечания: 1.172

...Будет и здесь позволенье дано и принято с толком (Гораций. Наука поэзии / Пер. М. Гаспарова).

Н.П.Козлова. Классицизм Пьера Корнеля

Пьер Корнель (1606-1684) принадлежит к плеяде величайших драматургов мира, к "истинным гениям трагедии", как называл его наш Пушкин.

Корнеля часто сравнивают с Шекспиром, сближая их и одновременно противопоставляя друг другу, ибо, будучи почти современниками, смело обращаясь к острым проблемам эпохи и гениально решая их под общечеловеческим углом зрения, они воплощали своим творчеством очень разные художественные системы. О несходных линиях развития драматургии будущего, намеченных ими, хорошо сказал Ромен Роллан: "Открываются два пути — "Via trionfale"[173], прямая, мощеная и обрамленная мраморными зданиями, ведущая через арки героев — к храмам, а там imperator[174] на колеснице держит речь, впереди ликторы, а за ними легионеры, — дорога Логики, красноречивой и вооруженной, и другая — "Dichtung und

---

[173] Примечания: 1.173
Дорога победителей (итал.).

[174] Примечания: 1.174
Император (лат.).

Wahrheit", "Dichtung in Wahrheit"[175] — поэзия правды, извилистая проселочная дорога, которая умеет приспосабливаться к грунту, применяется к его прихотям, точно воспроизводит его изгибы, следует течению ручьев, а не пересекает их пышными виадуками и больше старается слиться с природой, чем подчинить ее себе, как это гордо провозглашает знаменитая надпись корнелевской дороги: "Non rebus me sed mini res submittere conor"[176].

Надо оговорить, что приведенное сравнение метафорично. Оно обобщает прежде всего различие подхода двух драматургов к изображению мира и человека: естественность сопряжения сферы материально осязаемого бытия с ренессансной универсальностью у Шекспира и тяготение к высветлению сущностей жизни и их художественное пересоздание в свете идеала, характерное для классициста Корнеля.

Корнель — один из гениальных писателей,

---

[175] Примечания: 1.175

"Поэзия и правда", "Поэзия в правде" (нем.).

[176] Примечания: 1.176

"Пытаюсь подчинить вещи себе, а не себя им" (лат.) — слегка измененный стих Горация (Послания, I, I, 26), которым Корнель завершил предисловие к "Никомеду", где излагалась новая концепция трагедийного жанра. — В кн.; Ромен Роллан. Собр. соч.: В 14-ти т. М., 1958, т. 14, с. 319.

утвердивших своим творчеством классицистическую художественную систему, — не является ее первооткрывателем.

Как тип творчества и прежде всего как эстетическая теория классицизм возник в XVI веке на позднем этапе развития ренессансной культуры в Италии. Итальянские ученые-гуманисты изучали античные памятники, переводили их, комментировали. Те из них, кто стоял у истоков классицизма, стремились через осмысление произведений древности постичь законы художественности и выработать эстетические принципы для различных видов словесного искусства. Важнейшей задачей почитали они выяснение путей формирования единого для Италии литературного языка. По сути дела, их взоры были обращены к современности. Но особенностью их критического анализа, отчасти и художественного творчества, было выдвижение на первый план древнего текста, который своим авторитетом санкционировал оригинальную авторскую мысль, до известной степени затмевая ее и как бы низводя до роли скромного комментария или варианта идей древнего мыслителя. Ориентация классицизма на "образец" послужила основанием для его наименования (от латинско-

го classicus — образцовый), полученного, правда, не в XVI веке, а в XIX столетии, когда романтики объявили войну эпигонам этого направления.

Наиболее последовательно стремление классицистов соотносить новую художественную систему с античной проявилось в драматургии, и в частности в теории драмы. Здесь решающую роль сыграла открытая как бы вновь "Поэтика" древнегреческого философа Аристотеля (384-322 гг. до н. э.) — эстетический трактат, известный ранее европейскому читателю во фрагментах, парафразах и лишь в 1498 году переведенный на латинский язык. В середине XVI века появляются итальянские переводы "Поэтики", причем истолкование трудного для расшифровки древнего текста неоднозначно и в конечном счете отражает разногласия в решении кардинальных проблем теории драмы. Это еще нагляднее проявилось в комментариях к "Поэтике", уже свободных по отношению к ее композиции, хотя и развивающих отдельные ее тезисы.

Среди итальянских теоретиков драмы встречались сторонники формального истолкования основных положений "Поэтики" и использования их для иллюстрации церковной догмы или для утверждения комплекса идей, угодных свет-

ским феодалам. Некоторые ученые-гуманисты склонялись к "чистой науке", иные стремились погрузиться в область исследований "вечной" красоты. Но самые сильные из них не желали отринуть действительность. Подумать только, крупнейший из теоретиков раннего итальянского классицизма Лодовико Кастельветро объявил, что театральная пьеса пишется для "услаждения невежественной толпы", а поэзии следует идти "за общим мнением народа". И развивал он эти положения в ученом труде с многозначительным названием "Поэтика" Аристотеля, изложенная на народном языке и истолкованная". (1570). Уже заглавие демонстрировало стремление автора обращаться к публике, выходящей за рамки образованной элиты, а вера в возможности живой разговорной речи как основы литературного языка подтверждалась им практически.

Это ли не пример высокой гражданственности, отнюдь не утраченной итальянскими гуманистами XVI века?

Итальянские теоретики классицизма брали на вооружение могущество разума, чтобы построить эстетическую систему, способную служить идеалам гуманизма. Отсюда их требовательность к художнику, к его знаниям, трудолюбию, ма-

стерству. Искусству как системе художественных приемов в итальянских трактатах уделяется много внимания. Уточнялась ими и сущность поэтического творчества, в частности такая важная его сторона, как отношение искусства к действительности. Итальянские классицисты приняли тезис Аристотеля о том, что художественное произведение "подражает" природе. Вместе с тем они не соглашались с древним философом, полагавшим, что бездумная имитация может стать почвой для поэзии. Они опирались на анализирующее сознание, способное проникать в суть явлений и воспроизводить ее по законам мастерства. Этот вывод в целом является родовым для классицизма, хотя и принимает разные формы в разных видах искусства. Для театра, привлекавшего особое внимание теоретиков, важнейшей проблемой стало правдоподобие — система условий, благодаря которым у зрителя создалась бы иллюзия реальности происходящего на сцене. И притом в соответствии с рационалистическим подходом классицистов к произведению искусства фантазия зрителя, его эмоциональное сопереживание в расчет не принимались и рассматривались только чувственное восприятие и его рассудочное осмысление. Таким образом,

начал кристаллизоваться пресловутый принцип трех единств — времени, места, действия, почитаемый иногда за решающий в эстетической системе классицизма. Считалось, что зритель не сможет поверить в истинность сценического действия, если оно охватывает время более суток, ибо представление длится всего несколько часов. Предполагали, что доверие аудитории поколеблется благодаря смене мест на одной и той же сценической площадке, а сложная интрига перегрузит ее внимание и воспрепятствует восприятию. В итоге длительных споров теоретики сошлись на том, что время действия должно быть ограничено двадцатью четырьмя часами, и наметилась тенденция к утверждению необходимости сохранить неизменным место действия.

Как закон эти положения были сформулированы, однако, не итальянцами, а французским драматургом Жаном де Ла Таем. Его предисловие к трагедии "Неистовый Саул" (1572) было попыткой закрепить в четких постулатах итоги и задачи деятельности французских драматургов второй половины XVI века, противопоставивших устойчивой театральной традиции средневековья "правильные" пьесы по античному образцу. Предисловие де Ла Тая, получившее название

"Об искусстве трагедии", претендовало на роль манифеста театра нового времени.

Но на деле этот примечательный эстетический документ остался лишь декларацией: слишком сильна была приверженность французского зрителя средневековым театральным традициям, а кроме того, в конце века возобладала барочность с характерной для этого метода концепцией жизни как хаоса, жертвой и носителем которого является человек. Идея всеобщей дисгармонии стимулировала формирование театра динамичного, насыщенного неожиданностями поворотов сюжета, столкновениями пылких, нередко темных страстей. Программа "правильного" театра надолго была дискредитирована.

А между тем уже в самом начале XVII века классицистическое направление во Франции завоевало авторитет. Только плацдармом оказались не подмостки сцены, а Парнас лирической поэзии. Историки литературы называют даже дату, отмечающую начало победного шествия классицизма, — 17 ноября 1600 года, когда в ознаменование прибытия в Прованс новобрачной — новой жены короля Генриха IV, Марии Медичи, поэт Франсуа Малерб (1555-1628) прочел оду "Королеве по поводу ее благополучного прибытия

во Францию". Кратко и образно охарактеризовал значение Малерба его младший современник, Никола Буало:

И вот пришел Малерб и первый дал французам

Стихи, подвластные размера строгим узам;

Он силу правильно стоящих слов открыл

И Музу правилам и долгу подчинил.

(Поэтическое искусство. Песнь I. Перевод под редакцией Г. А. Шенгели)

Малерба считают автором реформы литературного языка и стихосложения, основанной на их соотнесении с речевыми навыками жителей Парижа. Есть сходство этого направления его деятельности с лингвистическими устремлениями итальянцев. Но французский поэт убеждал не теоретическими построениями, а собственной творческой практикой. Он не раз повторял тезис о необходимости для поэта делать выбор в сфере прекрасного и подчинять этому принципу процесс его воплощения. Идея эта преподносилась им не в виде наставления, а, скорее, как констатация избранного для себя творческого пути и

как условие успеха на поэтическом поприще. Это, собственно, единственный рецепт мастерства, который сформулирован в стихотворениях Малерба, но он один из основополагающих для классицистического искусства: еще итальянские теоретики предполагали, что художник-классицист осмысляет материал для "подражания", отбирает существенное в нем и строго контролирует выбор средств для его воплощения. Подобный подход означает не только стремление к соответствию художественного воплощения замыслу, но и известный приоритет последнего, что в свою очередь создает возможность для пересоздания реальности в свете идеала. В стихотворениях Малерба это типологическое свойство классицизма запечатлелось весьма наглядно. Однако нельзя сказать, что для поэта исходными были теоретические выкладки итальянцев. Он опирался прежде всего на творческий опыт своей страны и всеми помыслами был устремлен к интересам отечества. Тому свидетельство его лирика, в которой особо выделяют политическую, проникнутую патриотическим пафосом, преисполненную ненависти к врагам единства Франции. Лирика Малерба потому так властно овладела поэтическим Парнасом, что выражала

надежды прогрессивной Франции, пусть даже в ней сказались преувеличение возможностей монархии, идеализация действительности. Эта идейная тенденция, характерная для французского классицизма начала века, сохранится и в дальнейшем, хотя с годами ее проявление не будет столь категоричным и станет, скорее, основанием для критики сущего, чем прямой защитой идеала.

У Малерба тоже в конце творчества к политическому оптимизму примешивается горечь и сарказм, и все же он мог бы поставить эпиграфом к своим стихотворениям слова: "Доброе дело всегда самое сильное", прозвучавшие некогда в его "Молитве за короля, отправляющегося в поход на Лимузин". Мужество жить, стремление до конца быть верным долгу, неизменно сохраняемое чувство собственного достоинства — таковы отличительные черты лирического героя стихотворений Малерба.

Нет сомнения, реформа Малерба, нацеленная на общедоступность поэзии, имела прочный фундамент близости к читателю. Но и сама по себе она была наглядным доказательством наступления новой культурной эпохи. Показательно, что ее приняло огромное большинство французских

лириков XVII века, вне зависимости от того, к какому жанру они обращались, какого метода придерживались.

От поэзии Малерба ведет начало великая традиция. Она закреплялась лишь отчасти трудами его учеников: их поэзия не достигала столь же высокого уровня гражданственности и философского проникновения в жизнь, как и не обладала равной способностью сочетать современность с универсальностью. Подлинным наследником Малерба оказался Пьер Корнель.

Случайные стечения событий в перспективе истории нередко предстают как подтверждение ее закономерностей. В этом смысле примечательно, что не прошло и года после кончины Малерба, как на подмостках нового парижского театра "Марэ" была поставлена первая пьеса молодого руанского адвоката Пьера Корнеля — "Мелита" (1629).

Конец 20-х годов был отмечен новыми веяниями во французской драматургии. Возродилась концепция "правильного" театра.

Новые теоретики театра опирались на итальянские трактаты, хотя интерпретировали их весьма вольно. Так, в письме будущего метра Французской академии Жана Шаплена "О пра-

виле двадцати четырех часов" (1630) есть тезис о "совершенном подражании", развитый ранее Кастельветро. Однако в отличие от итальянского предшественника Шаплен ориентируется на публику, "рожденную для вежливости и учтивости", подражание подчиняет правдоподобию, толкуемому как логическая категория, и вообще превыше всего ценит не эстетическое наслаждение, а пользу, "полезные истины". В письме нет уточнений относительно их содержания. Но существен уже сам факт столь решительного включения принципа "полезности" в эстетическую систему, предлагаемую теоретиком. Практическое его значение обозначилось очень скоро, так как уже в начале 30-х годов, всесильный кардинал Ришелье стал проявлять активный интерес к искусству, а особенно к театру, стремясь и эту область духовной жизни подчинить нормативности, которая повсеместно насаждалась абсолютистским государством.

С Шапленом и его сторонниками соглашались отнюдь не все литераторы. Это отразилось в письмах тех лет и в некоторых печатных выступлениях. Все же главной была живая практика театра. Классицизм на французской сцене утверждался не столько волею "ученых мужей", сколько

усилиями целой когорты молодых драматургов, среди которых первое место занял Корнель.

Корнель писал, что в пору работы над "Мелитой" не знал о "правилах", но здравый смысл подсказал ему соблюсти единство действия и места. Оглядываясь много лет спустя на свой дебют, драматург отметил, что создал комедию совсем нового типа, "какой еще не было написано ни на одном языке", и аргументировал это прежде всего тем, что персонажи "Мелиты" — не комические маски, а молодые люди из "порядочного общества", речи которых живо и непосредственно воссоздают их реальную манеру беседовать между собой. Приближенность пьесы к жизни проявилась в том, что в ней показано, насколько велика роль денег и места на сословной лестнице для изображенной писателем среды горожан и дворянства средней руки. Но картина нравов не самоцель. Корнеля занимает борьба добра и зла в душе человека. Он верит, что благородство, любовь, дружба могут одержать победу над алчностью, честолюбием, холодным расчетом. Писатель пересоздает действительность в свете идеала, не совершая, однако, над ней насилия. Столь же искусна и обрисовка характеров. Они односторонни, повернуты к основному кон-

фликту, не даны во всей возможной полноте их материально осязаемого бытия. Но в пределах выбранной жизненной ситуации внутренний мир героев тонко нюансирован, естествен и убедителен.

Подобно Малербу, Корнель утверждал классицизм прежде всего как художник. Но он не сторонился и литературных споров 30-х годов, сопровождая рассуждениями о законах драматического искусства предисловия к своим пьесам, а порой включаясь в литературные дебаты через сам художественный текст.

Уже в первом из опубликованных Корнелем выступлений на теоретическую тему — в предисловии к трагикомедии "Клитандр" (1632) наметились разногласия с формирующейся доктриной классицизма. В предисловии было сказано, что действие "Клитандра" намеренно ограничено одним днем, но автор отнюдь не обещает следовать этому правилу. Явно полемизируя с Шапленом, драматург сообщал о замене рассказов-вестников показом самих событий, благодаря чему удалось, "не утомляя слух, усладить взор". Таким образом, Корнель утверждал концепцию театра динамичного, зрелищного, занимательного. Молодой драматург вовсе не

отрицает необходимости театральной системы, ибо "не может быть написано по наитию произведение, большое по объему, требующее изобретательности ума для изображения множества противоречивых движений и стольких реприз". В этой связи высказывается одобрение современным авторам, творящим, "руководствуясь наукой или следуя предписанным ими же самими правилам". Ничто, однако, не свидетельствует о солидарности Корнеля с. современными по существу. Да и древние не названы им в качестве авторитетов. Он говорит о них как о своеобразных первопроходцах, "поднявших целину и предоставивших нам обрабатывать ее".

В предисловии к "Клитандру" нет попытки сформулировать собственную концепцию театра — она, по-видимому, еще не сложилась. Но активное восприятие литературной борьбы молодому драматургу, несомненно, было свойственно. Любопытное свидетельство тому есть в комедии сезона 1633/34 года "Галерея суда", где герои пьесы, собравшись возле книжного прилавка, обсуждают новости литературного Парнаса. Корнель, предвосхищая комедии-манифесты Мольера, использует подмостки театра, чтобы во всеуслышание, провозгласить свои

взгляды на искусство. Его персонажи в непринужденной, скачущей от предмета к предмету беседе касаются самых разных проблем — от прибылей, получаемых книготорговцами, до моды на изощренные по форме, рассудочно-холодные сонеты, которыми развлекаются и развлекают в светских гостиных.

Здесь есть важная эстетическая декларация, как и все прочие замечания, преподнесенная в форме беглых суждений двух книголюбов: они приходят к единому мнению, что стихи о любви может писать лишь тот, кто сам ее изведал, ибо никакие усилия ума не помогут восполнить опыт чувств. Суждения о любовной лирике, безусловно, можно понимать шире — как возражение против недооценки эмоциональной стороны поэтического творчества. Это важно иметь в виду, поскольку во многих последующих высказываниях Корнеля рационалистическая тенденция выступает все очевиднее.

Можно считать кратким, но энергичным литературным манифестом предисловие к напечатанной в 1634 году комедии "Вдова". Здесь, четко определено отношение писателя к доктрине. "Я не хотел ни строго следовать правилам, ни быть свободным от них", — пишет он. И да-

лее предлагает увеличить сценическое время до пяти дней — по одному на каждый акт, а единство места толковать как пространство, не превышающее площадь города. Что же касается единства действия, то, по утверждению автора, оно всегда им соблюдалось, хотя и "на мой лад". Сохраняя в целом верность наметившемуся ранее направлению творчества, писатель вырабатывает систему, сопоставимую с доктриной, но отнюдь не тождественную ей. Важно, что даже слово "правдоподобие" им не употребляется. Зато в первых строках заявлено о первенстве жизни перед искусством: "Комедия является всего лишь изображением наших действий и наших речей, и совершенство изображения заключается в их сходстве". Несомненна тяга молодого Корнеля к естественности, хотя естественность не исключает заведомо обдуманной постановки философско-этических проблем и тяги к театральной условности. В предисловии к пьесе сказано, что во "Вдове" изображены три типа любви, комизм большинства сцен драматург видит в том, что речи персонажей имеют двойной смысл, а диалоги, будь они поняты, "понравятся самой своей искусственностью". Нет слов, рационалистическая тенденция эстетического кредо

Корнеля здесь прокламирована вполне внятно.

И вместе с тем драматург не сбрасывает со счетов эмоции и воображение.

В 1636 году в театре "Марэ" была поставлена "Иллюзия" — пьеса в защиту актерской профессии, прославляющая силу искусства, способного поразить и увлечь, заставив аудиторию поверить в подлинность изображения. Пьеса первоначально называлась "Комическая ("театральная") Иллюзия". Зрителю показывали "пьесу в пьесе", где есть основная сцена — пещера волшебника — и вторая, вызванная к жизни колдовством, на которой разыгрывается ряд спектаклей, представляющих собой эпизоды из жизни главного героя комедии Клиндора. Старик Придаман, отец убежавшего некогда из дому Клиндора почитает увиденное за действительность. Зритель, по-видимому, должен разделить это чувство. Позиция драматурга сложнее. Иллюзия полного совпадения театра и жизни им оспаривается в прямой форме репликами волшебника Алькандра, автора "видений", который называет действующих лиц "тенями", а по ходу пьесы дает понять, что властен над их судьбами и может менять события по своему усмотрению. К тезису о "подражании" добавлена идея свободы твор-

ческого воображения, которая демонстрируется также сменой эпизодов, где герой является то персонажем комедии с главенствующей в ней традиционной маской хвастливого воина Матамора, то участвует в трагикомедии, полной по законам жанра неожиданных поворотов судьбы, то наконец, становится главным действующим лицом финала кровавой трагедии. Корнель словно бы демонстрирует зрителю богатство своей фантазии и многогранность таланта.

Бьющая через край полнота творческих возможностей не отвлекает, однако, драматурга от вдохновившей его цели: в начале пьесы показаны пышные наряды, в которых затем предстанут Придаману разные лица, участники приключений сына. А под конец он увидит Клиндора и его товарищей по ремеслу — актеров, делящих выручку после спектакля. Такова реальность бытия тех, чей труд "народу в радость" и "утеха для господ". Им, живым людям, а не "теням", вознесена хвала в заключительных монологах пьесы.

Таково эстетическое кредо, с которым Корнель подошел к созданию своего величайшего шедевра — трагедии "Сид". На этот раз писатель избрал исторический сюжет — эпизод из жизни героя испанской реконкисты Руя (Родриго) Диаса

де Бивар (XI в.), названного Сидом, что значит по-арабски "господин" Уже сам принцип подхода к материалу характеризует автора трагедии как классициста. Он тщательно изучает исторические труды, легенды, поэтические произведения, повествующие о жизни и подвигах Родриго. Затем делает выбор, подчас меняет события, их связь и смысл, неизменно стремясь исходить из характеров героев пьесы, стягивая конфликт к столкновению их сущностных качеств, в которых подчеркнуто общечеловеческое начало.

Главным источником для Корнеля послужила пьеса испанского писателя Гильена де Кастро "Юность Сида" (1618). Драматургом сохранены основные сюжетные вехи первоисточника, связанные с историей женитьбы испанского рыцаря на Химене — дочери убитого им в поединке графа Гормаса. Оригинальность шедевра Корнеля не оставляет сомнений, хотя помимо сюжетной близости испанской и французской пьес есть и соприкосновения идейно-художественного порядка, объясняемые тем, что оба писателя осуждали феодальное своеволие, сочувствовали судьбе влюбленных, а главное, стремились создать образ героя, опираясь на факты жизни реального исторического лица — Руя Диаса. Но

Корнель несравненно энергичнее соотносит изображаемое с французской жизнью 30-х годов XVII столетия. "Отцы" — граф Гормас и дон Дьего — уже не просто вельможи былых времен, а также и придворные, чей престиж меряется прежде всего близостью к особе короля и воинскими подвигами на благо короны. Именно престиж стал причиной их распри, имевшей трагические последствия. Корнель углубляет и психологическую характеристику этих персонажей. У Гильена де Кастро старики не ведали о любви детей. В "Сиде" разговор о близкой свадьбе возникает в первой же сцене, чтобы повториться еще раз в самом начале ссоры, причем мысль о счастье дочери не посещает графа и не охлаждает его ярость; он даже пуще распаляется, когда дон Дьего напоминает ему о былых матримониальных планах. Что же до дона Дьего, то и он мало сочувствует любви сына, почитая ее сердечной слабостью, легко заменимой и конечно же несопоставимой с законом чести. Так раскрывается суть характеров Гормаса и Дьего — себялюбивая гордость одного и хладность души другого. А ведь "Сид" — гимн любви, пламенной и чистой, Основанной на восхищении любящих друг другом, на их уверенности в человеческой ценности дорого-

го существа. Ссора отцов вынуждает Родриго и Химену выбирать между любовью и нравственными принципами того мира, к которому они принадлежат по рождению и воспитанию. И как ни тяжело молодым людям, ответ определенен: верность священным для обоих обычаям предков означает для них верность себе, является условием взаимного уважения, а значит, и взаимной любви. Об этом проникновенно сказано в знаменитых стансах Родриго, завершающих первый акт трагедии:

Отмстив, я гнев ее стяжаю негасимый;

Ее презрение стяжаю, не отмстив.

Конфликт, в своих внешних очертаниях предстающий как необходимость осуществления обычая кровной мести, осложняется остротой душевной коллизии, с особой силой потрясающей сердце Химены. Она верит, должна верить в справедливость своей миссии мстительницы. В этом утверждает ее не только веками существовавший закон, но и чувство дочерней любви; ведь убит родной ее отец. Химена красноречиво, настойчиво требует казни Родриго. И... дважды отказывается от искупительной жертвы с его

стороны, ибо любит своего невольного врага и словно бы воплощает своей непоследовательностью неистребимость жизни и силу любви, побеждающих злобу и смерть. Герои корнелевской трагедии — истинные дети своей среды, своего века. Они не бунтуют против общепринятого. Но как человечна тоска о счастье, с каким сочувствием относится к ним автор, увлекая за собой зрителей и читателей. "Весь Париж смотрел на Химену глазами Родриго", — скажет несколько десятилетий спустя Буало.

Шедевр Корнеля воссоздает не только трагическую коллизию, возникающую при столкновении личности с обычаями и нравственными представлениями феодального мира. В "Сиде" восславлены иные основы человеческого общежития, более широкие, чем кодекс чести и радение об интересах семьи.

Как и многие его современники, Корнель был сторонником превращения Франции в единое могущественное государство, видя в служении его интересам высшую миссию сынов отчизны. Драматург показывает, что, пройдя через горнило войны, благородный юноша Родриго становится первым рыцарем Севильи. Отныне его могучая длань будет защищать Кастилию от захватчиков

— мавров. Он уже не просто Родриго, он — Сид, господин, признанный таковым даже врагами. Но примечательно, в длинном монологе четвертого акта победитель рассказывает о бое с маврами как о подвиге многих безвестных бойцов, чей ратный труд он только лишь направлял "и сам вплоть до зари не знал, каков исход". Витязь без страха и упрека, герой, заслуги которого король считает бесценными, ощущает свою близость к другим людям и свою способность противопоставить силе обстоятельств разум, хладнокровие, готовность к борьбе и веру в победу. Человек, "как все", сильный солидарностью с себе подобными, — таков герой трагедии "Сид". Сколь мало сходен Родриго с заносчивым Гормасом, уверенным, что, погибни он — "погибнет вся держава". Заметим, что это противопоставление, пронизывающее пьесу в целом, является совершенно независимым от первоисточника творческим изобретением Корнеля. Поэтически воплощая в поведении Родриго — защитника Севильи — концепцию "государственного интереса", драматург наделяет своего героя высокими добродетелями: доблестью, самоотверженностью, великодушием, исполненной внутреннего достоинства простотой. Он поистине новый

человек, способный и активным действием, и душевными свойствами воплотить миропорядок, который представляется Корнелю гораздо более человечным, чем уходящее в прошлое средневековье. Родриго человек большого сердца, когда во исполнение сыновнего долга готовится вступить в бой с первым рыцарем Севильи, могучим Гормасом, и тогда, когда щадит своего дерзкого противника в суде-поединке — Дона Санчо. Патетично проявляется суть его души в двух почитаемых французскими исследователями за ключевые сценах-объяснениях с Хименой, которой он предлагает свою жизнь как искупление за гибель ее отца.

Поистине даже простое перечисление эпизодов наталкивает на мысль о продуманности, логической нацеленности композиции — две дуэли, два объяснения. К тому же герои постоянно анализируют собственные поступки и чувства. Стендаль, большой почитатель гения Корнеля, тонко определил особенность поэтики "Сида", назвав финальный монолог первого акта "судом разума человека над движениями его сердца". Но ведь этот ставший хрестоматийным монолог глубоко поэтичен, передает смятение чувств, с трудом преодолеваемое не простым логическим

рассуждением, а страстным желанием понять себя и сделать правильный выбор. Такова в целом поэтика шедевра Корнеля. Аналитический пафос "Сида" сочетается с патетикой высоких чувств и сам по себе патетичен.

В "Сиде" творчески претворилась мысль о свободе художника, провозглашенная в пьесе-манифесте "Иллюзия", Это относится, в частности, к трактовке образов королевских особ. В трагедии не раз повторено, что подданные обязаны повиноваться королю, уважать его, служить ему. Таковы были искренние убеждения драматурга. Однако его понимание "государственного интереса" отличалось от истолкования этого важного политического постулата в официальных кругах. В "Сиде" дон Фернандо, скорее, под стать доброму королю из народной сказки, мало озабоченному неограниченностью своей власти. Примечателен его разговор с Родриго в четвертом действии (явление III). Рыцарь называет свою победу всего лишь исполнением обязанностей подданного, а государь заверяет героя, что не обладает могуществом, необходимым, чтобы вознаградить его за подобный подвиг. Перед нами характерная для классицизма трансформация реальности в свете идеала. Верноподданнические чувства предстоят

здесь как одна из ипостасей присущей Родриго скромности и сопряжены с хвалой его личной заслуге. В общечеловеческом смысле король и воин в этой сцене равны. Удивительно ли, что враги Корнеля, обрушившиеся на "Сида" с несправедливой критикой, упрекали драматурга, что он "снял с головы дона Фернандо корону и надел на нее шутовской колпак". Видимо, та же подоплека лежала в основе утверждений относительно того, что в пьесе "лишним" персонажем является инфанта Уррака. Действительно, королевская дочь не имеет влияния на развитие событий. Ее роль можно определить как лирический комментарий к происходящему. Но ее чувства и речи глубоко содержательны. Любя Родриго, она скрывает и подавляет свою страсть, помня о своем высоком сане и одновременно сочувствуя влюбленным. Ее образ, как и образ дона Фернандо, позволяет думать, что автор "Сида" уверен в необходимости для царских особ следовать законам разума и справедливости. Эта чисто классицистическая концепция пройдет красной нитью через все последующее творчество драматурга.

В "Сиде" политическая проблематика не выразилась в риторических пассажах и даже не являлась сюжетообразующим началом пьесы.

Вмешательство короля лишь фиксирует узловые моменты судьбы героев, но, чем дальше, тем настойчивей его решения становятся высшей санкцией пафоса трагедии, с ее устремленностью к новому миропорядку, ломающему прежние мерила ценностей. В этом мощном потоке невозможное становится возможным, в том числе и намеченная доном Фернандо перспектива брака влюбленных.

Драматург тщательно следит, чтобы образы его главных героев были соответственны величию трагического конфликта и эпохальной значимости его решения. Он исключает из действия все бытовое, обыденное, ставит героев в экстремальные ситуации, требующие предельного напряжения душевных сил, выявляющие значительность их натур. В "Сиде", по сути дела, уже соблюдены основные требования к драматическому искусству, которое Корнель четко сформулирует много позже. Рисунок образов в "Сиде" вполне соответствует принципу "яркого и приподнятого изображения свойств", присущих и подобающих выведенному на сцену персонажу, независимо от того, являются ли они добродетелями или пороками" (см.: Рассуждения о полезности и частях драматического произве-

дения, 1660). Подобная гиперболизация образа характерна для классицистического искусства и отвечает присущей ему нацеленности на выявление сути явления через осмысление и строго подчиненное выбору художественное воплощение. Но Корнель, как мы знаем, следуя канону, сохранял свободу его истолкования. Он изначально стремился сочетать принцип доминанты с изображением сложности человеческой натуры. Химена — гениальное подтверждение такого подхода — приводится в упомянутых "Рассуждениях" в качестве примера того, как понимает драматург Аристотелево положение о характерах "непоследовательно последовательных". Точно так же и требования к фабуле, почитавшейся Аристотелем важнейшим критерием для определения жанра, уточняются драматургом в тесной связи с "Сидом", чей сюжет, как показано в первом "Рассуждении", удовлетворяет требованию "значительности", "необычайности" и "серьезности" трагического действия.

В "Сиде" блистательно воплотились родовые черты корнелевской драматургии, начиная с пафоса пьесы, основанного на вере в возможность победы "доброго дела", и кончая лингвистической и стихотворной концепциями, согласно которым

в трагедии "язык должен быть ясным, фигуры разнообразными и уместными, стихи легкими, приподнятыми над прозой, но чуждыми велеречивости, присущей эпической поэме, ибо те, кого поэт заставляет говорить, не являются поэтами".

В "Сиде" классицистические художественные принципы предстают столь естественно, столь нераздельно с содержанием, что его рационалистические основы трудно различимы. Трагедия написана как бы на одном дыхании. В ней свобода творческого воображения, эмоциональная насыщенность превалируют, обволакивая жесткий классицистический каркас композиции, санкционируя логическое начало вдохновением. Корнель, по-видимому, поднялся здесь на вершину творческих возможностей, причину чего некоторые французские литературоведы видели в потрясении, которым стал для Франции 1636 год, когда страна, — недавно активно ввязавшаяся в Тридцатилетнюю войну, терпела поражение за поражением и отбилась от врага с огромным трудом, опираясь на патриотический подъем широких масс населения. Об этой ситуации и о ее влиянии на Корнеля убедитель-

но пишет советский ученый Ю. Б. Виппер[177], особо выделяя значение народного мнения как важной идейной тенденции трагедии. Добавим, со своей стороны, что и в дальнейшем народ в пьесах Корнеля играет существенную роль, хотя и не выходит на сцену, как у Шекспира или Лопе де Вега. В драматургии Корнеля народная масса иной раз чрезмерно эмоциональна, пристрастна, переменчива, но в целом она враждебна всякой несправедливости, жестокости, обману, тирании. Надо, конечно, оговорить, что народное мнение отдвинуто порой у Корнеля на периферию, иной раз оспаривается действующими лицами. Драматург, безусловно, относился к народу неоднозначно, разделяя многие предрассудки близкой ему парламентской среды, отдавая дань, пусть не официозным, монархическим своим взглядам. И все же тему народа в трагедиях Корнеля невозможно игнорировать, невозможно не видеть в ней одно из свидетельств сложно и противоречиво проявляющейся народности великого писателя. В "Сиде" она воплотилась непосредственнее, чем во многих других его произведениях.

---

[177] Примечания: 1.177

Виппер Ю. Б., Самарин Р. М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954, с. 305-306.

Удивительно ли, что "Сид" привлек особое внимание, стал событием не только художественного значения?

Почти тотчас после блистательной премьеры начался знаменитый в истории литературы "спор о "Сиде". Шедевр Корнеля подвергли строгой критике. Осуждали язык, стих, композицию, образную систему, а главное, нравственное содержание и политическую тенденцию. Очень скоро стала очевидна причастность к этой кампании всесильного Ришелье. В спор ввязалась зависимая от кардинала Французская академия. Использовав неосторожное замечание Корнеля в частном письме, сделали вид, что он согласен на обсуждение его детища, и уже в ноябре 1637 года было опубликовано "Мнение Французской академии о трагикомедии "Сид". Авторы "Мнения" признали "впечатляющее изображение страстей в пьесе", но заявили одновременно, что "не должно доверять суждениям народа", а следует прислушаться к мнению "ученых мужей" — единственно компетентных судей искусства. А для них решающим критерием оценки является правдоподобие. На этот раз принцип правдоподобия открыто сопрягли с этикетной нормой и моральными представлениями, соответственны-

ми той роли, которая предназначена личности идеологами абсолютизма, а именно — она может быть достойной и добродетельной лишь при условии беспрекословного подчинения должному. С этой точки зрения Химена объявлена была "безнравственной", а поведение ее лишенным логики. Вообще авторы "Мнения" не считали нужным принимать во внимание сложность и противоречивость человеческой природы. В первых строках ими постулировано "постоянство" характеров как условие "правильной" пьесы.

На примере критики "Сида" драматургам преподносился урок и указывался путь, по которому они должны следовать. "Мнение" было, несомненно, этапным документом доктрины.

Корнель болезненно пережил "спор о "Сиде". В теоретических выступлениях разных лет он возражал своим оппонентам. И все же, работая над новой трагедией "Гораций" (1640), драматург, видимо, задумывался о предъявленных ему обвинениях, он отказался от свободных стансов, тщательно поработал над александрийским стихом, шлифовал язык, добиваясь яркости, сентенциозности ключевых фраз, не забыв и о соблюдении правил времени и места, разместив события так, что сюжет трагедии можно переска-

зать в нескольких словах. Здесь все — чувства, поступки, судьба героев — стянуто к основному конфликту — войне между городами-братьями Римом и Альбой. Решение конфликта на первый взгляд не вызывает сомнений: во имя общего дела можно преступить даже законы общечеловеческие — естественные чувства любви и привязанности, кровные и родственные связи. Это доказывается со страстью, со "страшной внутренней силой пафоса", свойственной, по мысли В. Г. Белинского, искусству Корнеля[178]. И все же, заметим, драматурга занимает не только проблема служения отчизне. Он выбрал на этот раз конфликт — соперничество двух городов за первенство. И в соответствии с этим подчеркнул, что противные стороны — члены двух родственных друг другу семей, — готовясь к поединку, который должен решить исход войны, одержимы идеей личной "славы", а не только интересами родного города. Как далеки мы здесь от рассказа Родриго о свершенном им подвиге! И конечно, не случайно автор, который подчеркивал в предисловии к "Сиду", что убрал малейшее упоминание о близких похоронах Гормаса, дабы не бросить тень

[178] Примечания: 1.178
Белинский В. Г. Соч.: В 3-х т. М., 1948, т. 3, с. 56.

на доблесть героя, в пятом действии "Горация", когда идет суд над Горацием за убийство сестры, оговаривает в первой же реплике, что на сцене стоит гроб убиенной! Нет, Корнель не подвергает сомнению героический порыв защитника Рима. Драматург здесь, как и в "Сиде", полон уважения к солдату, идущему на смерть ради общего дела. Не сомневается он и в том, что борьба означает альтернативу — гибель или победа, не оставляя места колебаниям и жалобам. Но проблема долг — чувство, смерть — жажда жизни по-прежнему не оставляет Корнеля, более того, ставится им резче, прямее входит в конфликт трагедии. Критики "Сида" упрекали Химену в непоследовательности и даже преступности,, так как она, обещав "послать на казнь" убийцу отца, недостаточно рачительна в исполнении своего намерения. А Гораций — рыцарь долга — убивает сестру лишь за то, что она пожелала зла Риму. Душевная коллизия Химены в новой пьесе Корнеля как бы расчленяется, становится ведущей чертой характера двух героев и материализуется в жестоком столкновении. Суд в пятом акте дает лишь один из аспектов решения трагической ситуации. Недаром Гораций говорит, что ему бы впору умереть, так трудно будет жить, перевалив

вершину человеческих возможностей.

В "Горации" Корнель впервые обратился к "римскому характеру", воспетому поэтами и летописцами древности за стойкость в испытаниях, преданность отчизне и готовность бестрепетно принять любые муки и смерть. Но к традиции он подошел как драматург нового времени, для которого, если воспользоваться определением Пушкина, важны "истина страстей и правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах"[179]. Гораций прежде всего человек, отдавший себя целиком служению отчизне. Для него преданность Риму — высшая страсть, не терпящая даже словесного возражения. Еще одержимый яростью боя, он встречает сестру, чьи чувства идут вразрез с его торжеством. Психологически объясним ужасный его поступок... Подобная интерпретация античного, и прежде всего римского, сюжета присуща и в дальнейшем творчеству Корнеля, хотя он не повторяет себя ни в проблематике, ни в жанровых формах.

В художественном отношении весьма отлична от "Горация" трагедия "Цинна" (1642). Выбрав в качестве сюжета заговор против римского импе-

---

[179] Примечания: 1.179

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти т. М., 1961, т. 7, с. 213.

ратора Октавиана Августа, Корнель сосредоточил внимание на небольшой группе персонажей — людей смелых дерзаний и широкого взгляда на судьбы Рима. Это тоже "римские характеры", выписанные в соответствии со сложившейся уже у писателя манерой. Они "приподняты" над реальностью, чужды интересам повседневного бытия. Все их помыслы, чувства завязаны в тугой узел заговора. Внезапное решение Августа отказаться от власти становится поводом для политических дискуссий, общие положения которых позволяют провести аналогию между коллизиями далеких времен и борьбой сторонников феодальной вольницы с абсолютистским режимом. Французские литературоведы заходят в своих сопоставлениях столь далеко, что указывают на отдельных представителей фрондирующей аристократии как на прототипов героев Цинны".

Дело обстоит, однако, сложнее. Корнель не стремился создать трагедию с аллюзиями (намеками) — жанр, который стал весьма популярным много позже, в XVIII веке. Он опирался на древних авторов, по возможности сохраняя верность старинному тексту, хотя и трактуя его в соответствии с собственными представлениями о мире и человеке. Его, как всегда, увлекала духовная

жизнь личности. Философские, политические, нравственные проблемы преломлялись в его трагедиях через психологию героев — римлян, а не французов, одетых в античные одежды. Когда он писал свои римские трагедии, он воображал себе именно Рим; реконструируя его по книгам знаменитых историков древности и их французских переводчиков, трансформируя извлеченные из их трудов сведения в свете своих идеалов, нравственных, политических, эстетических. Современник Корнеля, знаток античности и выдающийся литературный критик Гез де Бальзак весьма тонко оценил художественный эффект подобного взаимодействия: "Вы показываете нам Рим, каким его можно увидеть в Париже. Вам удалось не разрушить его, перемещая <...> Вы реформатор старых времен, в том случае, когда они нуждаются в украшении или в поддержке. В тех местах, где Рим построен из кирпичей, Вы воссоздаете его в мраморе" (письмо от 17 января 1643 г.).

Письмо Бальзака написано после того, как увидели свет "Гораций" и "Цинна" — трагедий, рисующие Рим на вершине славы. Позже будут написаны трагедии о борьбе Рима за гегемонию и о последствиях политики порабощения соседних

государств, гибельные не только для противника, но и чреватые нравственными потерями для победителей. Корнель писал в "Обращении к читателю" трагедии "Никомед" (1650): "Моей главной целью было нарисовать внешнюю политику римлян, их властность по отношению к царям-союзникам, их принципы, руководствуясь которыми они препятствовали возвышению этих царей <...>. В самой трагедии показано, как унижен послом Рима Фламинием царь небольшого малоазийского государства Вифинии Прусий. А нравственные уроки, полученные в Риме, продемонстрированы поведением царевича Аттала, готового по приезде домой посягнуть на законные права старшего брата — Никомеда. Аттал в финале прозрел и поспособствовал победе справедливости. А вот египетский царь Птоломей, желая угодить Юлию Цезарю, санкционировал подлое убийство выдающегося полководца Помпея ("Помпей", 1643-1644). Подобные же преступления свершаются в трагедиях "Серторий" (1662-1663) и "Софонисба" (1662-1663).

В 60-70-х годах Корнель пишет трагедии о Риме тех времен, когда империя вынуждена пускать в ход силу и дипломатию, чтобы сохранить свою целостность или хотя бы вернуть былое величие.

Правда, в трагедиях этого периода эпохальные проблемы сохраняются, скорее, как грандиозный, подвижный фон для личных драм, осложненных взаимоотношениями в узкой (придворной среде, где идет жестокая борьба за власть, процветает фаворитизм и создается благоприятная почва для тирании. В этой душной атмосфере все подлинно человеческое связано с сугубо личными, противостоящими политике устремлениями. Всякое вмешательство в дела государственные оказывается согласно логике развития событий враждебным любви, дружбе и просто самоуважению. "Доброе дело" нередко торжествует и в поздних трагедиях Корнеля, но благополучный исход либо зависит от случая, либо является итогом волевого усилия со стороны разумного монарха, сумевшего во благо государства похоронить свою потребность в счастье.

Можно, конечно, и в данном случае искать прототипы и проводить аналогии между отдельными эпизодами пьес Корнеля и событиями придворной жизни. Это делалось. Но безусловно, перспективнее взглянуть на римские трагедии в совокупности, как на широкую историческую панораму, торжественная трагедийность которой легко ассоциируется с судьбами Европы XVII

века — эпохи формирования национальных государств, порой искусственно задержанного, порой уродливого, сопровождаемого войнами, замирениями и непрестанной борьбой за первенство.

Характерной особенностью поэтики римских трагедий начиная с "Цинны" являются дискуссии и монологи на политические темы. Искусство риторики Признано самим драматургом важным, хотя, конечно, отнюдь не доминирующим слагающим драматической поэмы. Корнель и в поздних трагедиях умеет показать движение души, силу чувства, словом, создать характеры и построить конфликт на их столкновении.

Есть, однако, эволюция драматургической техники Корнеля, тесно связанная с тем, что в трагедиях 60-70-х годов "большая" государственная тема отрывается от личной и даже противопоставляется ей, а отсюда происходит изменение масштабов изображения: положительный герой утрачивает "приподнятость", а отрицательный то низко-низко стелется по земле, источая лесть и плетя козни, то, подобно Аттиле из одноименной трагедии, претендует на роль "бича божьего", наказующего без объяснения причин и словно бы играющего человеческими судьбами.

Корнель идет в русле французской литературы,

когда обращает взор на пороки власть предержащих и их окружения. Вместе с тем, будучи верным себе, он вновь и вновь обращает взор к событиям и людям, подтверждающим его веру в величие человеческого духа. Пожалуй, прямее всего и ярче художественное претворение этого идеала осуществилось в "Никомеде" — трагедии, созданной в пору народной Фронды (1648-1650).

Необходимо напомнить, что как раз в эти годы писатель подтвердил свою верность короне, оказавшись одним из немногих преданных ей членов руанского парламента. В "Никомеде" есть соответственный верноподданническим настроениям писателя эпизод: в финале герой трагедии, не помня зла, намеревается по-прежнему служить царю, дабы укрепить мощь государства и расширить его территорию. Однако основной текст трагедии мало что говорит о монархических убеждениях автора. Все силы его таланта сосредоточены на создании образа Никомеда — отважного воина, красивого душой и телом, мудрого и благородного человека. Он — царский сын, но чужак в родной семье, мелочной, расчетливой, раболепствующей перед всесильным Римом. Мотивируя характер Никомеда, Корнель называет его учеником великого карфагенско-

го полководца Ганнибала и дает понять, что за плечами царевича — армия. Можно считать его облик своеобразным художественным обобщением солдатской массы, дающей герою Силу, обеспечивающей его значительность. Но не только... Ромен Роллан глубоко проник в суть образа Никомеда, сказав о нем: "...герой, принадлежащий к типу, который близок всякому народу, — добродушный, веселый гигант, галльский Зигфрид, один среди толпы врагов разрушающий коварные их замыслы, смеющийся над их ничтожеством, полный веселого задора и в конце концов остающийся победителем"[180]. К этой энергичной характеристике надо сделать одну поправку: в пятом акте народ узнав о происках против Никомеда, устремляется ко дворцу, грозя его хозяевам, требуя свободы царевичу. Народ не вышел на сцену, о его восстании только сообщают, и тем не менее грозный и мощный глас народного негодования ощутим. Недаром прижизненное издание "Никомеда" украшено изображением толпы, подступающей к стенам царских покоев. Вот, оказывается, где источник уверенности героя, высоко поднятого над цар-

---

[180] Примечания: 1.180
Ромен Роллан. Собр. соч.: В 14-ти т., т. 14, с. 184.

ствующими пигмеями, над гордым посланником Рима.

В "Никомеде" явственно проявилась плебейская гордость Корнеля в целом присущая его творчеству, но отнюдь не всегда столь определенно дающая о себе знать. И примечательно, в 1660 году, совсем в иной политической атмосфере, писатель в "Рассмотрении" к "Никомеду" вновь повторил, что эта трагедия "мне самая близкая", а герой ее — "герой на мой лад".

Повторена также высказанная в 1650 году в "Обращении к читателю" концепция нового трагического пафоса, заключающегося не в сострадании, а в восхищении, рожденном в душе зрителя "стойкостью людей высокого мужества". Автор "Никомеда", конечно, высказал эту мысль, опираясь на свою длительную работу для театра. Буало отмечал, что большинство произведений Корнеля основано именно на "восхищении, вызванном возвышенными мыслями и прекрасными чувствами".

И все же нельзя забыть, что формулировка этой совершенно оригинальной концепции трагедии приурочена писателем к пьесе, где народ активно вмешивается в конфликт, а главное действующее лицо воплощает в своем облике народные пред-

ставления о героической личности.

Стойкость, мужество, достоинство, уважение к старшим, преданность в любви, великодушие даже по отношению к врагам — эти и многие другие высокие этические принципы, прославленные драматургом, по сути дела, являются законами простой нравственности, рожденной многовековым жизненным опытом народа. Корнель-классицист преподносит свои уроки, приподнимая идеальное. В корнелевских образах всегда присутствует четкость нравственных критериев. Сохраняется эта четкость и в изображении поступков героев. Отсюда в финале важнее всего моральная победа, обнадеживающая уже величием "доброго дела", даже если герой гибнет.

Пьер Корнель — один из выдающихся строителей великого здания французской словесности — принадлежит не только своему народу. Созданная им театральная система имела существенное значение для формирования мировой драматургии, в том числе и для драматургии русской. Нет сомнения, что А. П. Сумароков внимательно читал Корнеля. Есть даже сюжетное сходство между его первой трагедией "Хорев" (1747) и "Сидом", и в дальнейшем ему близок корнелевский пафос

служения благородному делу, его ненависть к тирании, его вера в монарха разумного и справедливого. Известно, что русская литература сравнительно быстро миновала этап классицизма. В театре он утвердился на более долгий срок. Еще в 1830 году Пушкин в наброске к статье "О народной драме и драме "Марфа Посадница" писал, что свободе, которая потребна драматическому писателю, мешают "правила", имея в виду, несомненно догмы, установленные доктриной классицизма. Пример Корнеля служит нашему великому поэту подтверждением права писателя быть свободным: "Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в "Сиде": "А вам угодно соблюдать правило о двадцати четырех часах? Извольте". И тут же нагромождает событий на четыре месяца". Пушкин писал об этом в наброске предисловия к "Борису Годунову". Трудно представить себе, что автор "Бориса Годунова" пренебрег опытом драматургии Корнеля, изображая внутренний мир человека, который "достиг высшей власти" ценой кровавых преступлений. Достаточно перечитать монолог Августа, открывающий второе действие "Цинны".

Обличение тирании — один из лейтмотивов французской классицистической трагедии — привлекало поэтов-декабристов, взволновало Герцена, когда он, оказавшись в Париже за несколько месяцев до февральской революции 1848 года, посетил театр "Комеди Франсез". Эта способность выражать историческую необходимость, быть моральным стимулом к достижению великих целей не раз подтверждалась в далеком и близком прошлом, ибо драматургия великих классицистов жива не только уравновешенностью форм, гармоничностью идеала, но и борением страстей, взыскательностью моральных принципов, прославлением высоких чувств, благородных деяний.

Нельзя забыть исполнения великим французским актером Жераром Филипом роли Сида, сыгранной в конце 40-х — начале 50-х годов. Трагедия давних времен несла зрителю образ сражающейся Франции, той, что сопротивлялась фашизму в годы второй мировой войны и готова была дать отпор поднимающей голову реакции. Это только один из блистательных примеров, подтверждающих непреходящую актуальность великого французского драматурга.

Надо сделать усилие, чтобы войти в созданный

гением Корнеля мир, но, проникнув в него, мы найдем там кладезь красоты, уроки мудрости и необходимое каждому из нас прославление идеального, доброго начала в человеке.